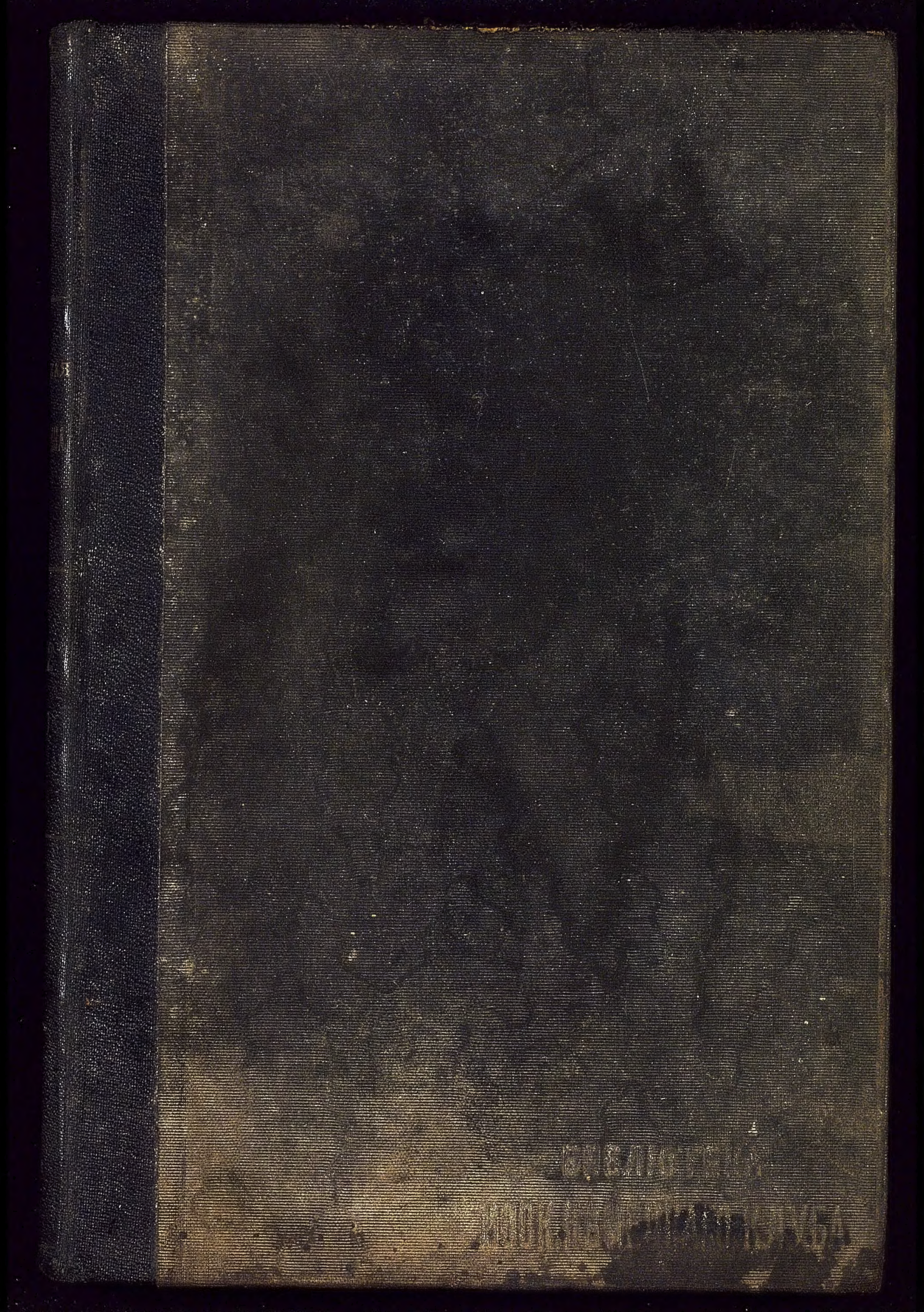
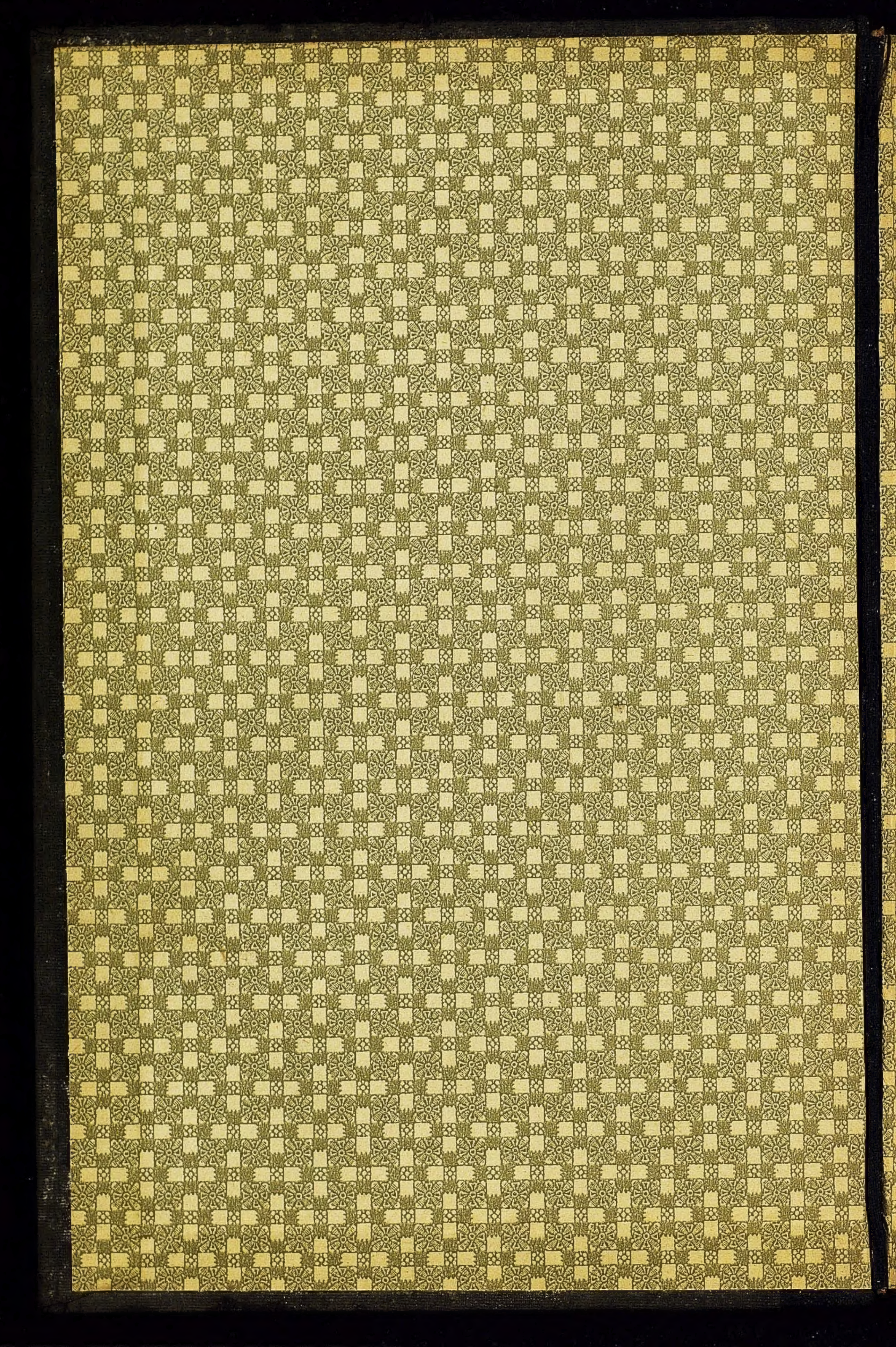
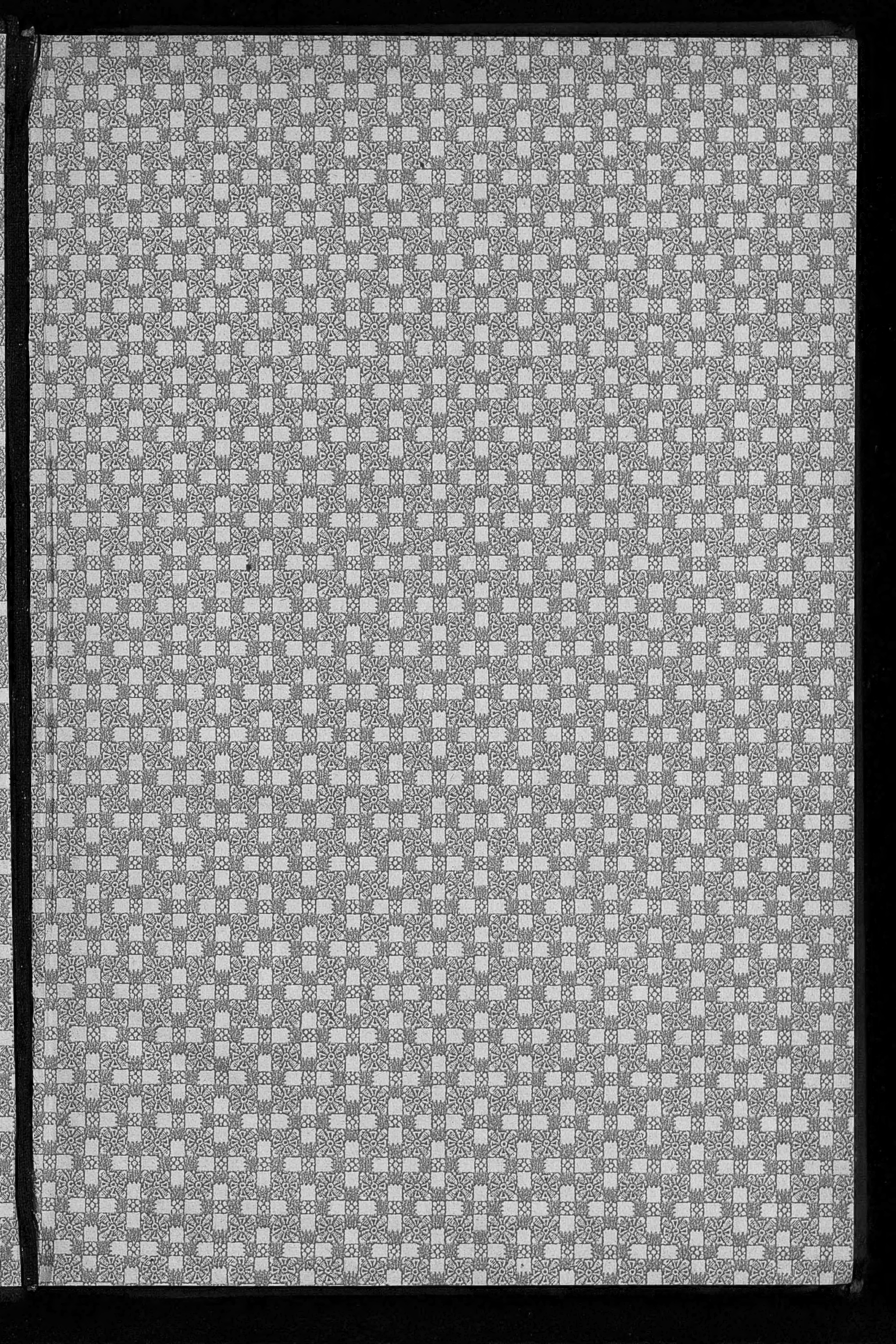

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. · ОКТЯБРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія: Портретъ **А. П. Ермолова** и карта сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1912.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Д. В. Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусст
и литературы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Второй сборникъ статей автора, имя котораго часто встрѣчается въ нѣкоторы
періодическихъ изданіяхъ, заключаетъ въ себѣ такое же разнообразное содержаніе, ка
и первый. Съ большимъ вкусомъ и пониманіемъ разбираетъ Д. В. Философовъ творчес
нынѣшнихъ писателей, а также дѣдовъ и отцовъ русской литературы. Широкое обра
ваніе даетъ ему возможность дѣлать красивыя и выразительныя сравненія и экскур
въ разныя области знанія, а высокій культурный уровень спасаетъ отъ несносныхъ оп
бокъ иныхъ литературныхъ критиковъ, касающихся живописнаго и музыкальнаго искусст
За Философовымъ ошибокъ не числится, но иногда самые глубокіе вопросы, которые о
любитъ и умѣетъ затрагивать, кажутся лишь намѣченными и не получившими развит
Слѣдуетъ поблагодарить автора за талантливую передачу тонкихъ и свѣжихъ мыслей
изящномъ и доступномъ изложеніи, чѣмъ способствуется ознакомленіе большого кру
читателей со взглядами и темами малоизвѣстными. Обращаемъ вниманіе читающи
„Русскую Старину" на статьи: „Смерть Пушкина", „Сосѣдъ Пушкина по селу Михайл
скому", „С. Т. Аксаковъ" и „Самобытность Русскаго зодчества".

В. Я.

В. Н. Гартевельдъ. 1812 годъ въ пѣсняхъ. К—во К. И. Тихомиро
Москва. 1912. Ц. 50 к.

Мысль дать собраніе пѣсенъ, относящихся къ двѣнадцатому году, весьма удачн
Авторъ собиралъ и записывалъ по источникамъ, находящимся въ Императорск. Публич
Библіотекѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ музеѣ Клюни въ Парижѣ, въ Архивѣ францу
ской Академіи и по частнымъ преданіямъ; всего собрано имъ 33 русскихъ и францу
скихъ пѣсни. Настоящее собраніе имѣетъ лишь тексты, музыкальный же матеріа
изданъ отдѣльно. Соглашаясь съ собирателемъ, что „въ пѣсняхъ минувшаго для на
ярче, чѣмъ гдѣ-либо, отражаются и дни минувшіе", слѣдуетъ однако замѣтить, ч
немногое изъ напечатаннаго имъ представляетъ собою образецъ непосредственнаго
устнаго народнаго творчества, значительная же часть приближается къ тому ти
„городскихъ" пѣсенъ, какой мы встрѣчаемъ въ „пѣсенникахъ", т. е. произведен
отдѣльныхъ, исторически извѣстныхъ лицъ, передѣлки, переводы (много солдатскихъ
навѣянныхъ знакомствомъ съ городскою литературою). Отношеніе же просто
деревенскаго народа къ великимъ событіямъ выражено очень мало. Надо думать, ч
дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области дадутъ нѣчто болѣе значительное и м
нувшее отразится въ пѣсняхъ ярче. Собиратель приложилъ къ каждой пѣсенкѣ комме
тарій о ея происхожденіи.

В. Я.

А. Баіовъ, ордин. проф. Имп. Николаевской Воен. Академіи. **Значен
В. О. Ключевскаго для русской военно-исторической науки**.

Разсматривая для упомянутой въ заглавіи цѣли труды покойнаго ученаго, г. Баіо
дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: къ первой относитъ тѣ, которые непосредственно даю
матеріалъ для военнаго историка, а ко второй—тѣ, которые способствуютъ лишь освѣщен
и пониманію военнымъ историкомъ опредѣленной эпохи. Къ первой категоріи онъ отн
ситъ слѣдующія сочиненія К.: 1) Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государств
2) Боярская дума древней Руси, 3) Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка, 4) Курсъ ру
ской исторіи и отчасти 5) Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи; ко второй ка
горіи—остальныя сочиненія. Но и въ первой категоріи авторъ видитъ двѣ не одинаков
съ разсматриваемой точки зрѣнія части, придавая каждой изъ нихъ самостоятельн
значеніе: къ первой относится „курсъ", ко второй всѣ остальныя сочиненія первой ка
горіи. Авторъ замѣтки въ общихъ чертахъ указываетъ на тотъ богатый матеріалъ, к
торый имѣется въ перечисленныхъ работахъ историка. Не подлежитъ никакому сомнѣні
что исторіи русско-военнаго права и искусства безъ К. отнынѣ существовать не могутъ, и
создатель новой школы въ общей наукѣ русской исторіи кореннымъ образомъ повлія
на все, что исходитъ отъ этой науки, какъ ея отвѣтвленіе, и слова, сказанныя о Петр
вполнѣ примѣнимы къ нашему знаменитому ученому: „на что ни взгляни, все его нач
ломъ имѣетъ".

В. Я.

Толстовскій музей. Томъ I.—**Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толсто
1857—1903.** Изданіе Общества Толстовскаго музея. Спб. 1911.

Двоюродная тетка великаго писателя, графиня Александра Андреевна Толст
(1817—1904 г.г.), всю свою жизнь провела при дворѣ въ званіи фрейлины. Она много лѣ
состояла при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и принимала близкое участіе въ восп
таніи ея дочерей, потомъ была воспитательницей великой княжны Маріи Александровн
дочери Императора Александра Николаевича. Императоръ Александръ III любилъ и у
жалъ эту прекрасную и почтенную женщину, какъ любили и уважали ее всѣ, кто
знали. Племянникъ сблизился съ нею въ пятидесятыхъ годахъ, и до самой смерти тет

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

1912.

ОКТЯБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

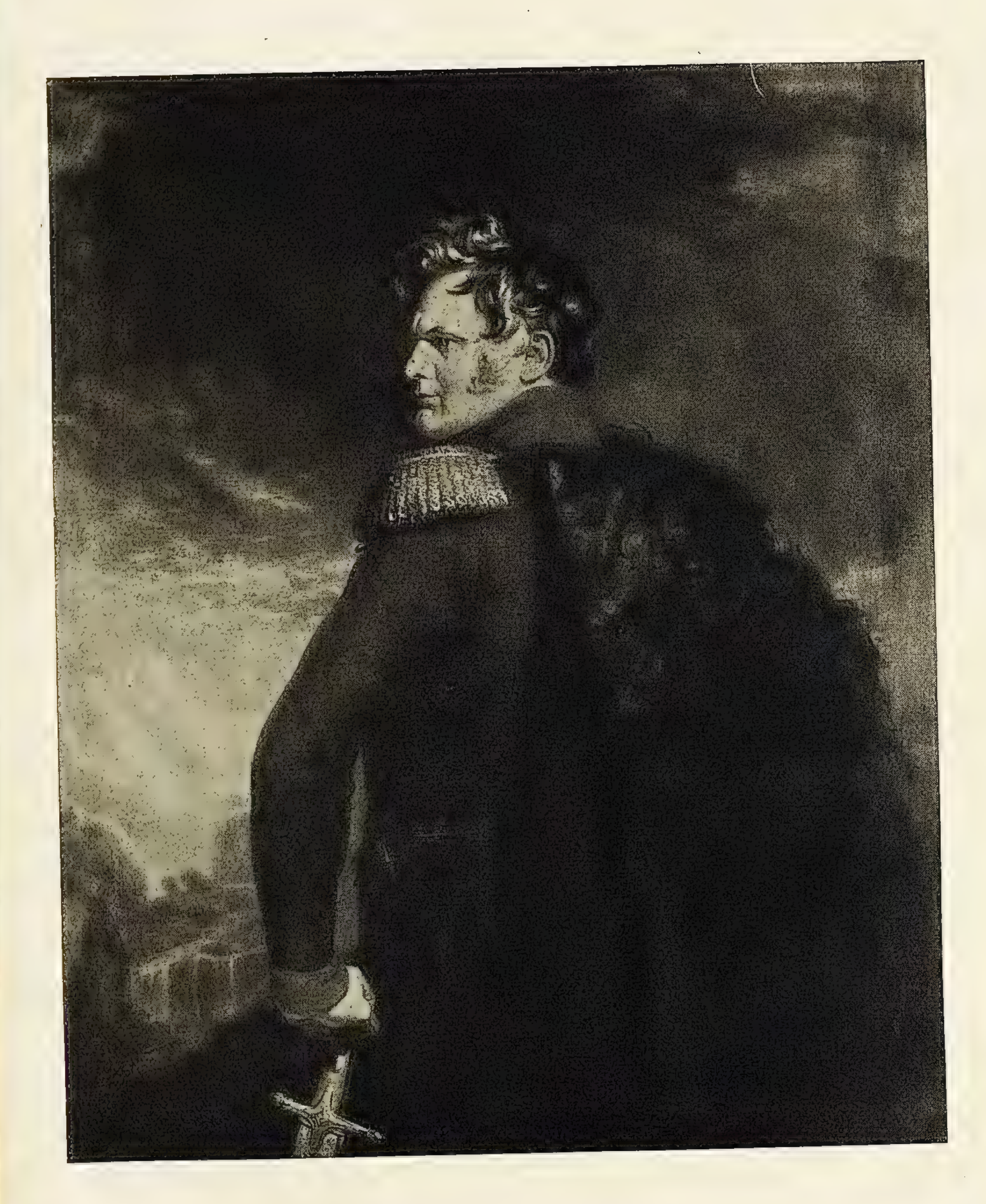
СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.

Алексѣй Петровичъ
Ермоловъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій [1]).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VIII. Смерть отца.

ежду тѣмъ, болѣзнь отца Н. Г—ча съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливалась. Докторъ Минкевичъ, хорошій знакомый Николая Гавриловича и Костомарова, постоянно слѣдившій за болѣзнью Г. И., извѣщалъ сына о положеніи больного, который по-прежнему продолжалъ заниматься дѣлами. Только тогда, когда Гавріилъ Ивановичъ замѣтилъ, что на него сталъ вредно дѣйствовать крѣпкій чай,—онъ замѣнилъ его болѣе жидкимъ.

Въ 1895 г. сынъ пріѣхалъ въ Саратовъ къ отцу, чтобы доставить ему утѣшеніе въ болѣзни, принявшей опасный характеръ. Здѣсь Н. Г. прожилъ около полутора мѣсяца. Съ весны 1861 г. болѣзнь Г. И., какъ извѣщалъ Минкевичъ, принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Г. И. съ трудомъ поднимался по лѣстницѣ, дыханіе иногда замедлялось, припадки сердцебіенія дѣлались все чаще и чаще. „Въ груди что-то не ладно,—должно быть, водянка со мной будетъ", говорилъ Гавріилъ Ивановичъ. Между тѣмъ, онъ работалъ по-прежнему неутомимо. Усиленныя занятія, продолжавшіяся далеко за полночь, много вредили его здоровью, но больной и слышать не хотѣлъ совѣтовъ прекратить занятія.

Болѣзнь отца очень безпокоила Николая Гавриловича, и, вотъ,

[1]) См. „Русская Старина" май 1912 г.

онъ обращается за совѣтомъ къ петербургскому доктору С. П. Боткину, который заочно прописалъ рецептъ и посовѣтовалъ сдѣлать лѣкарство для больного. Н. Г. по почтѣ прислалъ отцу и рецептъ, и лѣкарство. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, лѣкарство оказало хорошее дѣйствіе на Г. И. „Какіе плохіе здѣшніе доктора", говорилъ онъ короткимъ знакомымъ, „сколько я ни принималъ лѣкарствъ, прописанныхъ мнѣ ими, я ни разу не чувствовалъ облегченія; между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ лѣкарства Боткина, чувствую себя гораздо лучше". Г. И. сообщилъ объ этомъ сыну, а тотъ—Боткину, который отвѣтилъ ему: „Если больной чувствуетъ себя хорошо послѣ пріема лѣкарства, то, значитъ, положеніе—безнадежное: онъ недолго проживетъ". Этотъ отвѣтъ заставилъ Николая Гавриловича отправиться въ Саратовъ, на свиданіе съ отцомъ, у котораго онъ намѣревался пробыть мѣсяца полтора, но дѣла „Современника" вынудили его уѣхать въ Петербургъ раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Никогда Н. Г. не разставался съ отцомъ такимъ грустнымъ, какъ въ этотъ разъ: онъ очень плакалъ, но никому не сказалъ о мнѣніи Боткина на счетъ болѣзни Г. И.

Послѣ его отъѣзда обнаружилось слѣдующее обстоятельство.

Когда Н. Г. пріѣзжалъ въ Саратовъ, то на другой день былъ у Г. И—ча по какому-то дѣлу полицеймейстеръ Позднякъ. Познакомившись съ Н. Г., онъ высказалъ ему, что сынъ Позняка—большой почитатель его таланта—очень бы желалъ познакомится съ Николаемъ Гавриловичемъ. Послѣ этого Позднякъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Чернышевскимъ. Когда же онъ узналъ о времени отъѣзда Н. Г. въ Петербургъ, то попросилъ взять съ собою и сына, такъ какъ имъ надо было ѣхать на одномъ и томъ же пароходѣ. Каково же было удивленіе Позняка, когда, пріѣхавъ къ Чернышевскимъ, онъ узналъ, что Н. Г. уже уѣхалъ изъ Саратова. О причинѣ участившихся пріѣздовъ полицеймейстера узналъ только Н. Д. Пыпинъ, и, при томъ совершенно случайно, отъ одного чиновника, служившаго въ канцеляріи губернатора. Оказалось, что передъ пріѣздомъ Н. Г—ча въ Саратовъ, губернаторъ получилъ конфиденціальное предписаніе, по которому было велѣно слѣдить за Чернышевскимъ и не давать ему заграничнаго паспорта.

Отецъ Н. Г—ча, по примѣру Скопина, имѣлъ обыкновеніе два, а иногда три раза, исповѣдываться въ году. Въ этотъ годъ, за недѣлю до Казанской, онъ пригласилъ къ себѣ духовника протоіерея И. И. Позднева, у котораго и исповѣдался. Послѣ совершенія таинства, Г. И. сказалъ: „Моя совѣсть теперь спокойна; я спокоенъ и потому, что мой сынъ—человѣкъ вѣрующій. Слава Богу! Теперь я готовъ идти на судъ Божій!". 22 октября Г. И. былъ приглашенъ

на престольный праздникъ въ Казанскую церковь служить вмѣстѣ съ архіереемъ. Ключарь Полянскій былъ въ отсутствіи, и Гавріилъ Ивановичъ исправлялъ за обѣдней его обязанности.

Надо знать, что нравы въ тогдашнемъ духовенствѣ были очень суровы, ключарь, слѣдившій за архіерейскимъ богослуженіемъ, сопровождалъ обычно свои распоряженія бранью, рѣзкими приказаніями, а иногда—пинками, щелчками и толчками; но Г. И. толково и мягко распоряжался всѣмъ, такъ что духовенство никогда такъ спокойно не служило, какъ тогда, и, потому, радовалось отсутствію Полянскаго. Священникъ Казанской церкви, Федоровскій, по окончаніи службы, пригласилъ къ себѣ на пирогъ всѣхъ служившихъ, вмѣстѣ съ архіереемъ.

Домой пріѣхалъ Гавріилъ Ивановичъ довольный, веселый и очень оживленный. Вечеромъ онъ много работалъ: писалъ особое мнѣніе для архіерея и рапортъ, или, какъ тогда говорили, „репортъ". На другой день, утромъ онъ отказался отъ чая, предложеннаго Пыпиными, такъ какъ намѣревался отстоять обѣдню въ новомъ соборѣ, на Іакова, брата Господня; сказалъ, что служить самъ не будетъ. Отдавъ приказаніе заложить лошадь, Г. И. сталъ читать бумаги, присланныя ему изъ консисторіи, какъ благочинному.

„Николай Дмитріевичъ! Александра Егоровна! Пожалуйте сюда: я вамъ прочитаю указъ. Какъ теперь распространяется образованіе! Даже дѣтей арестантскихъ, и то учатъ. А въ наше-то время, когда мы учились, очень мало было даже умѣющихъ читать!" проговорилъ онъ. Послѣ того сталъ читать указъ Саратовской консисторіи священнику тюремнаго замка, Терновскому; вдругъ голосъ его оборвался, голова склонилась въ кресло. Когда Пыпины подошли къ нему,—Г. И. былъ уже мертвъ. Велѣли кучеру ѣхать за докторомъ Минкевичемъ, но почти около самаго дома попадается другой докторъ, Козловскій; ему оставалось только констатировать смерть. Пріѣхалъ Минкевичъ, сдѣлалъ проколы на обѣихъ рукахъ: изъ ранки одной руки выступило нѣсколько капель крови, а изъ другой—ничего.

Дѣлать было нечего. Стали готовить тѣло къ погребенію. Когда его обмывали,—на многихъ частяхъ тѣла увидѣли пластырь.

Внезапная смерть любимаго пастыря, въ связи съ ходившими по городу слухами о наблюденіи за Николаемъ Гавриловичемъ, такъ поразила саратовцевъ, что молва причиною смерти Г. И. выставила сына. На самомъ дѣлѣ, Гавріилъ Ивановичъ умеръ 22 октября 1861 г., а арестъ Н. Г. былъ 7 іюля 1862 г. На похоронахъ было народу такъ много, что переполнился не только

весь Новый соборъ, гдѣ происходило отпѣваніе, но даже и соборная площадь была полна народомъ.

О смерти Гавріила Ивановича послали телеграмму родственнику Чернышевскихъ, Терсинскому, который и передалъ Николаю Гавриловичу о печальномъ событіи.

IX. Ссылка.

Событія шли. Слухи объ арестѣ Чернышевскаго, уже давно ходившіе въ обществѣ, стали переходить въ дѣйствительность. Объ этомъ происшествіи сохранился разсказъ самой Ольги Сократовны.

Зная, что Николая Гавриловича арестуютъ, она не измѣняла своего образа жизни и по-прежнему часто бывала въ театрѣ.

„Ты, вѣроятно, голубушка, меня не любишь, когда такъ дѣлаешь", сказалъ какъ-то Н. Г.

— Я тебя не только теперь, но и никогда не любила, отвѣтила ему въ тонъ Ольга Сократовна. „Послѣ ареста про меня говорили, что я нисколько не горевала. Да, я уже привыкла къ горю: два года собирались его арестовать. Конечно, никто мнѣ не повѣритъ, что я уѣзжала изъ театра домой, чтобы выплакаться, а затѣмъ опять занимала мѣсто въ театрѣ. Но кому какое дѣло до нашей жизни? Любила ли я его, или нѣтъ,—объ этомъ знаемъ только онъ да я.—Я знала это (т. е., неизбѣжность ареста) и примирилась со своимъ положеніемъ. Зная, что его арестуютъ, Н. Г. отправилъ меня изъ Петербурга съ дѣтьми въ Саратовъ, чтобы дѣти не перепугались".

Николая Гавриловича взяли изъ дома Эсаулова. Впослѣдствіи О. С. ѣздила въ Сибирь къ своему мужу. Поѣздка была ужасная: приходилось ѣхать съ жандармомъ, который былъ почти всегда пьянъ. Только сильная любовь могла заставить Ольгу Сократовну совершать такое путешествіе [1]).

Саратовцы не могли понять, за что арестовали Николая Гавриловича. Всѣ знавшіе его отзывались о Чернышевскомъ самымъ лестнымъ образомъ: „Никогда мы не знали такой высокой нравственности человѣка, какъ Николай Гавриловичъ. Никого онъ не обижалъ, не оскорблялъ, никому никогда не навязывалъ своихъ убѣжденій. Если онъ излагалъ свои мысли въ романѣ „Что дѣлать?", то этимъ онъ какъ бы оправдывалъ и защищалъ Ольгу Сократовну".

---

[1]) Сообщеніе мнѣ Г. Г. Дыбова, лично знакомаго съ О. С. Чернышевской.

Такъ говорили саратовцы. Духовные и свѣскіе, знавшіе Гавріила Ивановича и Николая Гавриловича, не вѣрили уже совершившемуся факту. Когда же окончательно стало извѣстно, что ссылка—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то саратовцы объяснили это событіе по-своему: они нисколько не осуждали, а оправдывали Н. Г. Типичнымъ выразителемъ такого мнѣнія былъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Подольскій, знавшій Николая Гавриловича съ семилѣтняго возраста. Теперь дьяконъ уже отошелъ въ вѣчность, но многіе саратовцы девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія помнили его разсказы о Чернышевскомъ. Разсказъ этотъ, прекрасно характеризующій отца и сына Чернышевскихъ, передается со словъ И. Н. Виноградова, который дополнялъ иногда свѣдѣнія Подольскаго.

„Прочиталъ я газету,—диву дался, самъ читаю и перечитываю ее нѣсколько разъ и не вѣрю этому. Ночи не сплю,—точно родной сынъ; стану забываться, а Н. Г. и представится мнѣ въ кандалахъ, смирный, ласковый да веселый. И сны страшные такъ и лѣзутъ въ голову. Сколько ни ломалъ голову, а не могу понять, какъ сіе произошло. Куда ни придешь,—спрашиваютъ: вѣрно ли, что Н. Г. сосланъ въ Сибирь? Говорю и утверждаю, но самъ не вѣрю. Вамъ нельзя знать того, какъ Николай Гавриловичъ воспитывался, а я по дѣламъ службы чаще другихъ бывалъ въ домѣ Гавріила Ивановича, и знаю и отца, и сына. Нашъ другой священникъ, Я. Я. Снѣжницкій, скажу по совѣсти, прекрасный человѣкъ и даже болѣе снисходительный, чѣмъ Г. И., но я не имѣю такихъ чувствъ къ нему, какъ къ Г. И. И съ нимъ служишь не съ такимъ рвеніемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ служишь съ Гавріиломъ Ивановичемъ.

Добрый былъ человѣкъ! Примѣрной жизни былъ человѣкъ! Даже накажетъ не со злобою. Помните причетниковъ Леопольдова и Протасова? Выпили они гдѣ-то,—мало показалось; въ трактиръ пошли. „Тамъ можно“, говорятъ, „послушать музыку“. И напились же они тамъ! А пьяному, вѣдь, и море—по колѣно, и, ну, дебоширить! Перебили стекла, отколотили половыхъ. Ихъ, голубчиковъ, и отправили въ часть. Узнали жены ихъ,—подняли вой,—знали онѣ, что имъ не сдобровать: ихъ исключили бы изъ духовнаго званія и отдали бы подъ судъ,—и (отправились) къ о. протоіерею. „Не погубите“, просятъ онѣ за мужей, „ваше высокоблагословеніе, ради дѣтей“!

— „Хорошо“, говоритъ онъ, и отпустилъ, обнадеживъ ихъ.

Пріѣхалъ къ Г. И. полицеймейстеръ, разсказалъ о нихъ. „Какъ хотите поступить съ ними“, говоритъ ему полицеймейстеръ.

Гавріилъ Ивановичъ отвѣчаетъ: „Прошу васъ, не давайте хода этому дѣлу“.

— „Извольте“, говоритъ онъ, „какъ хотите, такъ и сдѣлаю“.

Уважало его все начальство. Г. И. и говоритъ ему: „Я раздѣлаюсь съ ними самъ своимъ судомъ“.

И раздѣлался, да какъ! Приходятъ Леопольдовъ и Протасовъ къ нему,—и бухъ ему въ ноги: „Помилуйте“, говорятъ, „ваше высокоблагословеніе“!

— „Вставайте“, говоритъ Г. И., „я—не Богъ: просите у Него прощенія“. И началъ говорить имъ, да усовѣщевать ихъ. Не дрался онъ, но тутъ дураковъ наказать было нужно. Скажетъ да оттаскаетъ ихъ за косы. „Духовенство“, говоритъ, „должно быть свѣтильникомъ для міра, а вы только черните духовенство... Заставили меня взяться не за свое дѣло“. Оттаскалъ, а послѣ того вынулъ изъ кармана свою гребенку и говоритъ: „На, причешись! Это—затѣмъ, чтобы не всклокочены были волосы“. Любилъ порядокъ во всемъ.

Послѣ-то Леопольдовъ и говоритъ мнѣ: „знаешь что, о. дьяконъ? Въ училищѣ насъ, бывало, пороли,—о-охъ! Какъ больно! Розогъ по пятидесяти, по сту, бывало, всыпятъ или оттреплютъ за волосы. Послѣ того, бывало, больно озлишься на учителя, такъ бы и отколотилъ его. А Гавріилъ Ивановичъ, нельзя сказать, чтобы сильно трепалъ, а, вѣдь, для сердца-то больнѣе было,—и не чувствуешь къ нему никакой злобы: знаешь, что онъ отъ бѣды тебя избавилъ. А какъ станешь пить водку, такъ и вспомнишь, какъ Г. И. трепалъ за волосы: пьешь, да остерегаешься, какъ бы не напиться.

Покойный протоіерей Вязовскій,—дай Богъ царство ему небесное,—любилъ повеселиться: и въ карточки поиграть, и выпить, хотя и немного, и пристанетъ, бывало, къ нему: „Пойдемъ“, говоритъ, „Гавріилъ Ивановичъ, ко мнѣ: у меня гости будутъ“ (Они говорили другъ другу *ты*: родственниками приходились; кромѣ того, Вязовскій и крестилъ, и вѣнчалъ Николая Гавриловича).

— „Некогда“, скажетъ ему Г. И., „у меня дѣло есть“, и не пойдетъ, какъ тотъ ни упрашиваетъ.

— „Дѣло“, говоритъ Вязовскій, „не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ, успѣешь сдѣлать“.

— „У насъ“, говоритъ Г. И., „въ консисторіи, все возможно: и въ лѣсъ уйдетъ“.

Рѣдко, рѣдко бывало, Вязовскій да затащитъ къ себѣ Гавріила Ивановича,—такъ раза три, два въ годъ. Въ карты поиграетъ, а до водки и не дотрогивался. Въ гости—некогда, а отъ работы никогда не отказывался. Всѣ преосвященные давали ему дѣла для рѣшенія и совѣтовались съ нимъ. Трудное какое дѣло,—къ нему; никто не знаетъ, какъ сдѣлать, а онъ сдѣлаетъ. Все зналъ, все видѣлъ, какъ и что сдѣлано. Благоразумный человѣкъ, да прозор-

ливый. Увидитъ человѣка, и скажетъ, какъ онъ жить будетъ. „Такой-то долго прослужитъ“, скажетъ, „а такой-то—недолго“. Впередъ узнавалъ, что случится съ человѣкомъ. Скажешь, бывало, „такой-то чиновникъ получилъ хорошее мѣсто, и все начальство его уважаетъ и къ наградѣ представило“. А Гавріилъ Ивановичъ въ отвѣтъ: „Ну, этотъ недолго усидитъ на мѣстѣ“. И точно, смотришь, черезъ два, три года и слетѣлъ съ мѣста. А о другомъ скажутъ: „Не пойдетъ далеко“. Гавріилъ Ивановичъ выскажетъ и свое мнѣніе: „Этотъ надъ своими начальниками начальникомъ будетъ“,—и сбывалось. За это и уважали его всѣ преосвященные. Когда онъ ѣздилъ съ преосвященнымъ въ Пензу, то послѣ-то преосвященный смѣялся: „Тебя, Гавріилъ Ивановичъ, приняли лучше меня: смотри, какъ они обрадовались тебѣ!“ Преосвященный Аѳанасій имѣлъ обыкновеніе, если ему что-нибудь не понравится, называть дуракомъ. Это у него вошло въ привычку. Изо всѣхъ священниковъ Саратовской епархіи только Чернышевскаго да Вязовскаго не называлъ дураками. Особенное уваженіе питалъ къ нимъ. Другіе бы уваженіемъ преосвященныхъ воспользовались. Знаете сами, какія состоянія нажили себѣ другіе члены консисторіи, и дома-то у нихъ—настоящіе дворцы, у господъ такихъ домовъ нѣтъ. У Гавріила Ивановича—ничего. Жена-то его, покойница, во всю-то жизнь на похороны себѣ скопила триста рублей, а онъ и того не скопилъ. Гдѣ ему скопить? Увидитъ бѣднаго причетника или дьякона, и дастъ ему. На похороны онъ оставилъ 280 руб., и то—изъ четырехсотъ рублей, которые ему прислалъ сынъ. Другой бы на его мѣстѣ что нажилъ себѣ, страсть! Губернаторы,—и тѣ благодарности брали! У откупщиковъ прямо выводилось въ расходъ: губернатору — столько-то; другимъ — столько-то, и никто не считалъ это за взятки, а за благодарность и уваженіе къ властямъ. Время такое было. Бывало, кто пріѣдетъ изъ села,—даетъ всѣмъ консисторскимъ, и думаетъ, что и Гавріила Ивановича ублажить можно.

Перешелъ изъ села въ Саратовъ священникъ П.,—хорошій человѣкъ былъ Г. И. и посовѣтовалъ преосвященному перевести его сюда. П. въ благодарность за это и пришли Гавріилу Ивановичу головку сахару, а послѣ того и самъ пришелъ благодарить его. Принялъ его Г. И. ласково, поговорилъ съ нимъ, а какъ П. сталъ уходить отъ него, Г. И. и говоритъ ему: „У меня головка сахару есть: это—вашимъ дѣтямъ“. Тотъ было не хотѣлъ брать, а Г. И. такъ посмотрѣлъ на него, что П. со стыдомъ взялъ, да и понесъ домой.

„Другу и недругу закажу носить что Гавріилу Ивановичу“, го-

ворилъ онъ потомъ. Некорыстный человѣкъ былъ. Настоящій безсребренникъ!

Гдѣ храмовой праздникъ,—туда Гавріила Ивановича приглашаютъ служить и всенощную и обѣдню. Другимъ даютъ по пятишной, а ему—полфунтика чаю,—за всю ту службу. Теперь простой священникъ не пойдетъ служить дешевле трехъ рублей, а онъ—ничего, благодаритъ, и скажетъ: „Зачѣмъ это вы мнѣ даете?“. А преосвященнымъ за службу тогда рясы подносили.

И не было ему *равнаго* человѣка, съ кѣмъ бы онъ могъ по душѣ поговорить.

И простой же человѣкъ былъ! Нынѣшніе протопопы-то какъ франтятъ: въ енотовыхъ шубахъ ходятъ, а Г. И.,—и ученый былъ, и великаго ума, да и то на бѣличьемъ мѣху рясу-то носилъ. Не на что хорошую шубу-то купить.

Въ то время всѣмъ поперекъ горла сталъ Поповъ, секретарь консисторіи. Взятку бывало возьметъ, да и проситъ Г. И—ча подписать бумагу. Г. И. и говоритъ, что это—не такъ, другое—не такъ, третье — не этакъ. Тотъ, бывало, сказывали консисторскіе-то, подожметъ хвостъ и пойдетъ, не солоно хлебавши, и сердится на Г. И. „Мѣшаетъ“, говоритъ, „дѣло дѣлать“. А какое дѣло? Взятку взялъ, а Г. И. и видитъ это (отъ него не укроешься), да и велитъ рѣшить дѣло по совѣсти, да по справедливости. Не вѣрили, чтобы онъ приношеній не бралъ. Іезуитомъ называли его, и хитрымъ, и тихоней-то. Онъ изъ-подъ тишки ловитъ шишки. Стали шептать преосвященному Іакову, что онъ взятки беретъ, да больно умѣетъ концы въ воду прятать, а недавно-то съ Кабанова взялъ большія деньги. Повѣрилъ было такому наговору преосвященный, да велѣлъ негласное дознаніе произвести. И осрамилъ же себя!

А дѣло было такъ. Приходитъ къ Г. И. одна женщина и говоритъ ему: „Кабановъ многихъ обратилъ въ поморскую секту, и меня принуждаютъ перейти въ расколъ. Завтра хотятъ и крестить“. Ей не хотѣлось переходить въ другую вѣру. Г. И. разспросилъ все и поѣхалъ къ полицеймейстеру Емельянову. Хорошій человѣкъ былъ Емельяновъ и съ Гавріиломъ Ивановичемъ знакомъ былъ домами. Г. И. и говоритъ Емельянову: „Прошу васъ, исполнить мою просьбу“.

— „Извольте“, говоритъ Емельяновъ, „съ большимъ удовольствіемъ“.

— „Назначьте мнѣ пристава съ солдатами въ мое распоряженіе“.

— „Извольте, но зачѣмъ это вамъ, Г. И.?“

— „Нужно", отвѣчаетъ онъ.

— „Отчего же вы не скажете?"

Такъ и не сказалъ ему Г. И., какъ тотъ ни приставалъ къ нему.

На другой день полицеймейстеръ прислалъ къ Г. И. пристава съ полицейскими. Г. И. разсказалъ ему, зачѣмъ пригласилъ его. „Сегодня", говоритъ, „въ одиннадцать часовъ утра въ саду Кабанова должно происходить крещеніе женщины. Такъ я хочу изловить раскольниковъ на мѣстѣ преступленія. Можно ли"?

— „Понятыхъ нужно", отвѣчаетъ ему приставъ, „я схожу въ часть и сдѣлаю распоряженіе".

А Гавріилъ Ивановичъ пригласилъ ужъ понятыхъ: нѣсколько мѣщанъ и купцовъ изъ своего прихода, да велѣлъ прійти двумъ иподьяконамъ съ двумя дьячками. Такъ и не пустилъ пристава въ часть. Зналъ онъ, что раскольники для полицейскихъ—самая доходная статья, и подумалъ, что приставъ намѣревался извѣстить хозяина сада, Кабанова, завзятаго раскольника. Теперь этого сада и слѣду нѣтъ, а тогда тамъ (да и по всему берегу Волги, отъ Бабушкина взвоза до Краснаго Креста, тянулись сады) былъ большой садъ [1]), съ плодовыми деревьями, а по краямъ сада росъ виноградъ. Въ срединѣ сада находился прудъ; по одну сторону пруда, къ Волгѣ была большая молельня съ нѣсколькими кельями, въ которыхъ жили раскольничьи начетчицы со своими воспитанницами.

Когда пришли къ саду, Г. И. съ полицейскими сталъ у воротъ, а иподьяконы съ понятыми и дьячками со стороны Волги перепрыгнули черезъ заборъ и спрятались въ виноградникѣ. Приставъ потребовалъ отпереть ворота. Отворили, и вошли всѣ. Въ это время изъ молельни къ пруду выходила процессія: женщина, что приходила къ Гавріилу Ивановичу, и двѣнадцать дѣвокъ были одѣты въ бѣлыя сорочки, у каждой въ рукѣ—по свѣчкѣ. И попъ съ причтомъ шелъ съ ними. Всѣхъ раскольниковъ накрыли и забрали. Приставъ составилъ актъ, и молельню закрыли.

Умно и ловко сдѣлано было. И разсказали правду преосвященному Іакову. Больно любилъ преосвященный тѣхъ, что ловили раскольниковъ. Какъ услышитъ что о раскольникахъ,—сейчасъ—бумагу полиціи,—изловить, дескать, раскольниковъ. Ухъ, какъ преслѣдовалъ раскольниковъ! Іаковъ тогда и наградилъ Гавріила Ивановича за это. Доносъ-то на него и вышелъ не въ поношеніе или осужденіе, а въ прославленіе Г. И.

---

[1]) Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится домъ Рейнеке и его паровая мельница со многими пристройками.

Прежде дьячковъ да дьяконовъ каждый годъ экзаменовали благочинные, знаютъ ли они катихизисъ и богослуженіе. Г. И., бывало, и назначалъ имъ являться для экзаменовъ въ среду, четвергъ, пятницу и субботу. Онъ зналъ, что въ это время нашъ братъ неумѣренно предается водкопитію. Но какъ явиться къ благочинному въ пьяномъ видѣ на экзаменъ? Поневолѣ не пьютъ, а Г. И. заставитъ и на другой день явиться. Иной разъ явится какой-нибудь дьячокъ, выпивши, а Г. И. объясняетъ ему изъ закона Божія или заставитъ подождать, а у него и хмель пройдетъ. Вотъ, какъ заботился о духовенствѣ.

Гавріилъ Ивановичъ женился на Евгеніи Егоровнѣ, когда ей было четырнадцать лѣтъ, и два года жилъ съ нею, какъ съ сестрой, а не какъ съ женой: онъ и не касался ея. А когда ложился съ нею спать, то всегда приноравливалъ передъ банею, чтобы послѣ того быть чистымъ.

Нынѣ вездѣ все облагорожено, а прежде, бывало, начальство обругаетъ тебя, а ты долженъ благодарить его. Но Г. И. и прежде обращеніе имѣлъ благородное.

Г. И. много лѣтъ былъ благочиннымъ; много всякихъ бывало людей у него подъ начальствомъ, но никогда онъ не обидѣлъ никого ни словомъ, ни дѣломъ. Всѣ были довольны имъ, и благодарили его.

Примѣрной, безукоризненной жизни былъ человѣкъ. И подражать-то ему нельзя. Рай на землѣ былъ бы, если бы всѣ такъ себя держали. Обращеніе со всѣми—отеческое. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ, какъ къ отцу родному,—свободно: правы, или неправы, и открывали ему всю правду, безъ утайки. Всѣмъ дастъ совѣтъ и наставленіе, какъ и что сдѣлать; и скажетъ такъ хорошо, что сдѣлаешь поневолѣ. „Если бы я такъ сдѣлалъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ, вотъ, что",—обычно совѣтовалъ онъ приходящимъ къ нему.

Великой учености былъ человѣкъ. Всѣхъ семинарскихъ профессоровъ за поясъ заткнетъ. Разъ преосвященный сказалъ монаху Моисею (Миртовскому, — ученый человѣкъ былъ): „Амвросій Медіоланскій назвалъ Цицерона смердящимъ псомъ за одно то, что Цицеронъ допустилъ такое выраженіе: „если іудейскій народъ считается народомъ презрѣннымъ, то и Богъ ихъ достоинъ презрѣнія". „Откуда бы узнать, гдѣ отыскать это мѣсто у Цицерона"?

— „Въ семинаріи—нѣтъ; только у Гавріила Ивановича можно найти всѣхъ классиковъ", отвѣчалъ Миртовскій. И точно, только у него и нашли.

Про Г. И. и жену его справедливо говорили, что два ангела соединились. Мать его (т. е., Николая Гавриловича) была умна, тиха и скромна; кромѣ того,—богомольная женщина [1]).

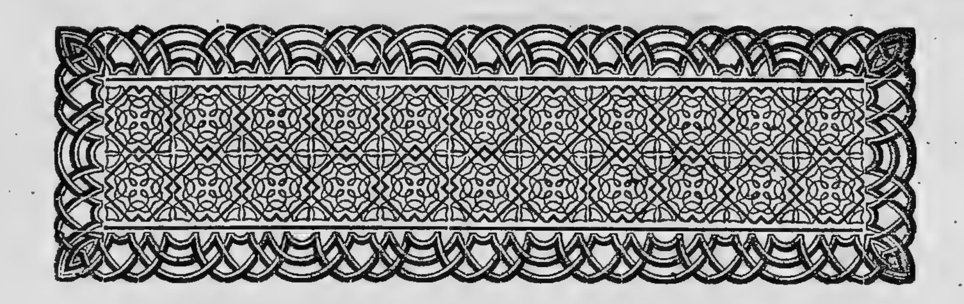
И, вотъ, теперь сына Г. И. сослали въ Сибирь! Сынъ-то, вѣдь, какой былъ! Это—поразительное дѣло! злые люди могли только устроить эту ссылку.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Части разсказа въ бумагахъ Ф. В. Духовникова нѣтъ.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

69.

С.-Петербургъ. Октября 15 1812 г. Вторникъ.

Судя по-человѣчески, взятіе Москвы остается загадкою. Посмотримъ, что-то теперь выйдетъ изъ толь великой жертвы.

До сихъ поръ реляціи не обнаруживаютъ намъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Бѣда, ежели вырвется злодѣй изъ Московской губерніи цѣлымъ. Тутъ долженствуетъ быть ему могила со всею его сволочью, иначе найдетъ еще онъ много средствъ вредить и еще болѣе разорять насъ, и не можно предвидѣть даже, чѣмъ настоящая война кончится. Зачѣмъ не берутъ примѣра съ героя Витгенштейна, идущаго по стезямъ безсмертнаго Суворова? Онъ опять покрылъ себя новою славою. Послѣ двухдневнаго кровопролитнѣйшаго сраженія взялъ онъ Полоцкъ. Вчерась побѣду сію праздновали здѣсь пушечными выстрѣлами. Его произвели въ полные генералы.

Говорятъ, что по переходѣ черезъ Двину, онъ будетъ стараться пробираться къ Витебску, дабы тамъ перерѣзать коммуникаціонную линію непріятеля на Смоленскъ.

О Чичаговѣ и Тормасовѣ вы должны знать прежде нашего, ибо

---

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1912 г.

донесенія ихъ отправляются къ Главнокомандующему всѣми арміями въ коего гауптъ-квартирѣ, думаю, вы теперь находитесь при графѣ.

Много говорили прежде о шведской экспедиціи; но теперь все замолкло, и я не знаю даже, гдѣ она находится и что намѣрена предпринять.

До сихъ поръ у насъ опасности никакой не предвидится; однакоже не менѣе того всѣ мѣры предосторожности на предбудущее время не упускаются. Драгоцѣнности и архивы отправлены уже большею частью отсюда.

Ожидаемъ отъ Правительства послѣ перваго объявленія другого, которое должно насъ успокоить или заставить помышлять о заблаговременномъ спасеніи: отъ чего да избавитъ насъ милосердый Богъ.

Господи! падаю на колѣни. Сейчасъ услышалъ пушечные выстрѣлы. Спрашиваю, выбѣжавъ на дворъ въ тулупѣ: что это значитъ? Кричитъ въ отвѣтъ бѣгущій по двору почтальонъ: „Москва взята: французовъ побито множество“. Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ сею радостію, отъ которой плачу, какъ дитя, и ей! ей! не въ состояніи продолжать моего маранья.

70.

С.-Петербургъ. Октября 18. 1812 г. Пятница.

Fama crescit eundo. Много насказали намъ до напечатанія реляціи о потерѣ непріятельской 6-го числа, когда Беннигсенъ напалъ на войска подъ предводительствомъ Мюрата; и самое занятіе Москвы вышло на дѣлѣ совсѣмъ не таковымъ, какъ прежде порадовали насъ слухи. Не менѣе того здѣсь два дня праздновали оба сіи событія пушечными выстрѣлами и освѣщеніемъ всего города, а 16-го Государь съ обѣими Императрицами, великими князьями и вел. княжною изволилъ даже быть при многочисленномъ стеченіи народа въ Казанскомъ соборѣ для принесенія Господу Богу благодаренія по сему случаю. Князю Кутузову пожалована въ тотъ день шпага съ алмазами, на которой находится лавровая вѣтвь. Барону Беннигсену алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и сто тысячъ деньгами, а всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, по 5-ти рублей. О дальнѣйшихъ наградахъ мнѣ неизвѣстно; вѣроятно, что и другіе отличившіеся генералы и офицеры за эти дѣла что-нибудь получили или получаютъ. Хорошо, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, прогонять страшныхъ враговъ, но еще бы лучше было, когда бъ ихъ большая армія была побита, по примѣру гр. Витгенштейна. Отъ него есть новая реляція отъ 14-го октября. Онъ гонитъ непріятеля до Глубокаго, бьетъ его, беретъ въ плѣнъ, отбилъ

уже 70 фуръ, съ артиллерійскими снарядами, 6 пушекъ 2 гаубицы, и 24 знамя, которыя везли французы на повозкахъ. Ему содѣйствовалъ во взятіи сихъ трофеевъ гр. Штейнгейль. Число плѣнныхъ до отправленія реляціи простиралось до 800.

Болѣе я ничего важнаго не знаю. Все въ ожиданіи рѣшительнаго сраженія. Когда-то оно послѣдуетъ.

71.

С.-Петербургъ. Октября 22. 1812 г.

Жду отъ моего безцѣннаго Александра Яковлевича съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій. Отсюда ничего не могу болѣе сказать о военныхъ дѣйствіяхъ за Сѣв. Почтою. Медленность главныхъ нашихъ силъ для насъ непонятна. За что даютъ оправляться злодѣю? Изъ самыхъ реляцій уже видно, что къ нему идутъ сикурсы по Смоленской дорогѣ. Давно бы начать драться! Такъ по крайней мѣрѣ большая часть русскихъ думаетъ. Будемъ смотрѣть, но не спокойно, ежели дадутъ врагу отретироваться въ Бѣлоруссію.

О шведахъ говорятъ теперь, что они въ большой тайнѣ предприняли экспедицію противъ разорителя Европы и ударятъ въ неожидаемомъ мѣстѣ на общаго врага. Желаю, чтобы это не были одни слухи.

72.

С.-Петербургъ. Октября 25. 1812 г.

Меня тревожитъ сильно, драгоцѣнный мой Александръ Яковлевичъ, неполученіе отъ васъ болѣе мѣсяца никакой записочки. Чего не подумаешь въ настоящее, несчастное время, съ больнымъ тѣломъ, съ унылымъ духомъ? Вставая и ложась, молимъ неоднократно всякій день объ охраненіи любезныхъ и почтенныхъ для насъ людей. Кромѣ Дмитрія Прокофьевича всѣ изъ моихъ милостивцовъ, друзей и благопріятелей уже разорены ненавистникомъ рода человѣческаго. И еще ему не отмстили! и еще злодѣй сей въ нѣдрахъ Россіи существуетъ! Тысячу различныхъ чувствованій испытываешь въ одно и то же время. Теряешься при представленіи себѣ происшествій. Гораздо бы, кажется, легче было, ежели бы самому дѣйствовать можно было противу умышляемыхъ кововъ. Не предвидишь, чѣмъ все это кончится. Вчерашняя реляція отъ 16-го окт. изъ главной арміи жестоко насъ опечалила отступленіемъ ближе къ Калугѣ. 15-го герои наши опять славно дрались цѣлый день. 8 разъ отбивали у непріятеля Мало-Ярославецъ, который и

остался бы за нами, ежели бы мы, а не врагъ, успѣли обойти его позицію.

Но я пишу вамъ то, что вы, можетъ быть, лучше меня знаете. А ежели еще худое вамъ неизвѣстно, то предоставляю реляціямъ объявить вамъ то. Однимъ токмо гр. Витгенштейномъ и переводимъ до сихъ поръ нашъ стѣсненный духъ. Сей герой, сколько узнать могъ, продолжаетъ гнать къ Витебску разстроеннаго имъ непріятеля. Ожидаютъ отъ него радостной реляціи. Хоть бы онъ подоспѣлъ поскорѣе на Смоленскую дорогу.

На мѣсто Эссена посланъ въ Ригу Паулуччи. Также сказывали мнѣ, что гр. Штейнгейль [1]) возвращенъ въ Финляндію на свое военное губернаторство. Онъ человѣкъ предостойный и съ великими тактическими познаніями. Жаль, что его не употребляютъ въ главной арміи по квартирмейстерской части.

У насъ покамѣстъ еще спокойно. Не знаемъ, что будетъ зимою, когда не истребятъ около Москвы или Калуги Бонапарте.

73.

С.-Петербургъ. Октября 29, 1812 г. Вторникъ.

Обнимаю васъ, милый человѣкъ, приношу вамъ пламенное поздравленіе по случаю прогнанія или бѣгства доведеннаго до крайности злодѣя нашего. Видно ему плохо, что онъ стремглавъ спасается, бросаетъ пушки, обозы приставшихъ разбойниковъ, обезсиленныхъ лошадей и воловъ, подрываетъ пороховые свои ящики и съ одною гвардіею своею старается токмо какъ-нибудь уцѣлѣть. Платовъ со всѣми казаками преслѣдуетъ его по пятамъ, бьетъ, колетъ, топчетъ, засѣкаетъ нагайками всю сволочь, которая не можетъ уносить ногъ. Мало беретъ въ плѣнъ, ибо некуда дѣваться при быстромъ движеніи съ поганью. Жаль, что не могъ дождаться послѣдней реляціи свѣтлѣйшаго отъ 24 окт. Я ее читалъ въ выпискѣ. Платовъ уже за Вязьмою. Въ сей городъ вошелъ онъ по трупамъ истребленныхъ имъ враговъ, которыхъ насчитываютъ 6.000, да въ плѣнъ, кромѣ раненыхъ и больныхъ, взято при вступленіи и при сопротивленіи въ городъ сей около 2.500. Съ начала преслѣдованія до 24 октября, досталось намъ въ добычу болѣе 20 пушекъ, отбито 9 знаменъ, великое множество фуръ. Около Вязьмы положили генерала Лепеллетье.

Здѣсь прилагаю двѣ другія раннія реляціи [2]). Полагаютъ, что

[1]) Штейнгейль гр., Θаддей Θедоровичъ, род. 3 окт. 1762 г., † 7 марта 1831 г., генералъ-отъ-инфантеріи, военный губернаторъ Финляндіи.

[2]) Реляцій при письмѣ не оказалось.

гр. Витгенштейнъ и Чичаговъ встрѣтятъ еще въ Бѣлоруссіи бѣгущаго въ безпамятствѣ непріятеля. Фельдмаршалъ со всѣми силами идетъ форсированнымъ маршемъ вслѣдъ за непріятелемъ. Отвсюду можетъ быть онъ вдругъ окруженъ. Посмотримъ, какъ-то будетъ онъ огрызаться отъ руских штыковъ и казацкихъ пикъ.

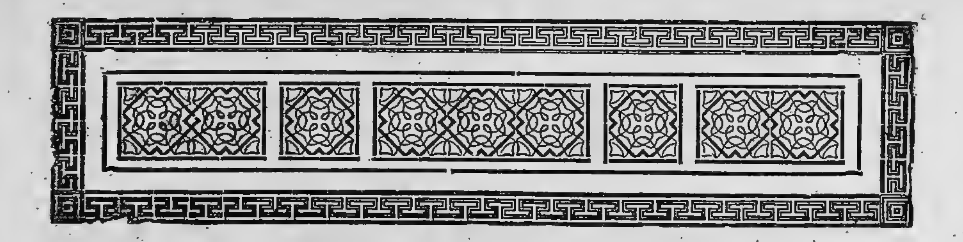
Прискорбно будетъ, ежели извергъ увернется. Непростительно, что у Мало-Ярославца не провидѣли его намѣренія; что не знали крайности его положенія, послѣ котораго не можно было никакъ думать, чтобы онъ хотѣлъ прорваться въ изобильныя наши провинціи. Будемъ, любезнѣйшій человѣкъ, по совершенномъ прогнаніи или истребленіи врага, судить о настоящей кампаніи, а теперь предадимся радости, что непобѣдимый въ первый разъ спасается бѣгствомъ, и отъ кого? Отъ россіянъ, соотечественниковъ нашихъ. Вотъ ему покореніе нашего Царства. Вотъ ему русскіе мужики, на которыхъ, по увѣренію Коленкура, онъ столько надѣялся.

О великій Ростопчинъ! Ты зналъ духъ русскаго народа. Кабы тебя послушались, то изъ-подъ Москвы въ началѣ сентября постигъ бы настоящій жребій супостата, который самъ не понимаетъ, какъ впустили его туда, гдѣ бы долженствовала быть его могила со всею сволочью.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(А. Д. Градовскій, Робертъ Моль, С. Н. Терпигоревъ) [2]).

А. Д. Градовскій.

На рубежѣ двухъ смѣняющихся эпохъ обыкновенно встрѣчаются дѣятели, носящіе на себѣ признаки обѣихъ,—отживающей и нарождающейся. Такимъ дѣятелемъ несомнѣнно былъ А. Д. Градовскій.

Народная масса quantité négligible: за нее думаютъ, ее судьбу опредѣляютъ другіе факторы народной жизни—правительство и общество. Такъ смотрѣли на дѣло обѣ стороны: въ этомъ пунктѣ онѣ сходились, и для нихъ вопросъ заключался только въ томъ, кому должна принадлежать руководящая роль,—правительству ли въ тѣсномъ смыслѣ, или правительству и тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые не отказываются дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, или, наконецъ, тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые находятся въ состояніи борьбы съ правительствомъ. Соотвѣт-

---

[1]) См. „Русская Старина" май 1912 г.

[2]) Въ отвѣтъ на помѣщенную въ іюльской книгѣ „Русской Старины" поправку Товарищества М. О. Вольфъ, Р. И. Сементковскій сообщаетъ, что его воспоминанія о М. О. Вольфъ буквально основаны на хранящихся у него письмахъ покойнаго книгопродавца, которыя онъ съ готовностью предъявитъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ. Что же касается упомянутой въ поправкѣ „націоналистической выходкѣ", то ею нельзя назвать простое констатированіе факта, что М. О. Вольфъ былъ польскій еврей. Впрочемъ, автора ограждаетъ отъ подобнаго рода подозрѣній вся его литературная дѣятельность, что въ свое время вполнѣ подтвердила сама фирма посвященной ему лестной біографіей.

ственно, общество распалось на три основныя партіи: консерваторовъ, требовавшихъ, чтобы все вліяніе, вся власть принадлежали исключительно правительству; либераловъ, требовавшихъ, чтобы вліяніе принадлежало и правительству, и народу, подъ которымъ подразумѣвались общественные элементы, не отвергавшіе совмѣстную дѣятельность съ правительствомъ, и, наконецъ, революціонную партію, требовавшую, чтобы правительство удалилось, и чтобы власть была предоставлена опять-таки народу, подъ которымъ на этотъ разъ уже подразумѣвались общественные элементы, объявившіе правительству войну. Такимъ образомъ, все сводилось къ борьбѣ съ правительствомъ, при чемъ со стороны революціонной партіи безусловно исключалась мысль, что правительство можетъ служить прогрессу и культурѣ. Постепенно этотъ приговоръ революціонной партіи усвоенъ былъ все большимъ числомъ представителей русскаго общества. Въ мои студенческіе годы процессъ этотъ уже обозначился, хотя мало кто его ясно сознавалъ, и тѣмъ профессорамъ, которые хотѣли играть общественную роль, приходилось выбирать между тремя отмѣченными мною партіями. Одни профессора прямо примыкали къ одной изъ трехъ партій, а другіе угождали и правительству, и обществу, т. е. въ сущности революціоннымъ элементамъ, потому что борьба съ правительствомъ уже въ то время пріобрѣла среди студентовъ очень острый характеръ. На этой почвѣ народился новый типъ профессора, получившій впослѣдствіи преобладаніе. Одинъ изъ первыхъ его представителей и былъ А. Д. Градовскій.

Школьные его товарищи мнѣ передавали, что онъ отличался въ гимназіи большимъ трудолюбіемъ, но что они очень удивились, услыхавъ, что онъ сдѣлался виднымъ ученымъ; способностями онъ ни въ гимназіи, ни потомъ въ университетѣ не отличался. Повидимому, ученая карьера была ему въ началѣ дѣйствительно чужда, потому что, окончивъ университетъ, онъ тотчасъ же поступилъ на правительственную службу чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ и редакторомъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Слѣдовательно, въ началѣ его карьеры сомнѣнія были ему какъ будто чужды: изъ двухъ боровшихся силъ онъ выбралъ правительство и рѣшительно примкнулъ къ нему.

Онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ при мнѣ и сразу пріобрѣлъ среди студентовъ популярность. Я недоумѣвалъ, чѣмъ собственно она была вызвана. На магистерскомъ диспутѣ онъ проявилъ и находчивость, и смѣлость, но краснорѣчіе его было болѣе чѣмъ сомнительно: особенно непріятно дѣйствовали его продолжительные вздохи, какъ будто ему не хватало воздуха—пер-

вые признаки, полагаю, сердечной болѣзни, которая его преждевременно свела въ могилу. На вступительной же своей лекціи онъ провелъ недопустимую съ либеральной точки зрѣнія мысль, что Россія представляетъ собою страну, въ достаточной мѣрѣ свободную, и что ей мудрыми правителями дано все, что необходимо для гражданскаго преуспѣянія. Меня, помню, даже поразило, что подобная вступительная лекція, предназначенная очевидно для властей, на ней присутствовавшихъ, и напечатанная потомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, могла пройти безнаказанно для его популярности. Но фактъ тотъ, что Градовскій какъ-то сразу пріобрѣлъ репутацію очень либеральнаго профессора, и никто не сомнѣвался, что онъ всецѣло стоитъ не на сторонѣ правительства, а на сторонѣ общества.

Однако, надъ нимъ вскорѣ стряслась бѣда. Произошли студенческіе безпорядки, назначенъ былъ университетскій судъ, и на судѣ Градовскій рѣшительно высказался за наложеніе на нѣкоторыхъ студентовъ-радикаловъ строгаго дисциплинарнаго взысканія. Нѣтъ ничего тайнаго, что не обнаружилось бы рано или поздно. На этотъ разъ тайное обнаружилось очень скоро, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошло событіе, которое, помню, меня возмутило до глубины души.

Когда Градовскій явился на лекцію, студенты загнали его въ корридорѣ въ уголъ и начали его поносить бранными словами,— такими словами, какими перебраниваются только ломовые извозчики. Сцена эта продолжалась долго. Градовскій былъ блѣденъ, какъ полотно, и отмалчивался, опасаясь, очевидно, какъ бы его не ударили. Хотя я не зналъ, что у него сердечная болѣзнь, да ея, можетъ быть, тогда еще не было, тѣмъ не менѣе мнѣ за него страшно стало, и я крикнулъ: „Господа, что вы дѣлаете? вѣдь такъ убить человѣка можно!“ Но меня не слушали и только, выругавшись всласть, студенты, наконецъ, отпустили Градовскаго, который поспѣшилъ уѣхать домой.

Я опять подумалъ, что надъ популярностью профессора поставленъ крестъ. Но не успѣлъ я еще кончить курса, какъ благодаря анти-правительственнымъ аллегоріямъ, которыми онъ зачастую угощалъ насъ на лекціяхъ, популярность его возрасла. Придраться къ его словамъ было трудно, но студенты отлично понимали, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что имъ въ то время немного надо было: какой-нибудь невиннѣйшій по теперешнимъ понятіямъ намекъ заставлялъ радикальное сердце сильнѣе биться и подчасъ приводилъ въ движеніе руки, такъ что Градовскій нерѣдко срывалъ аплодисменты.

Я думаю, что вышеизложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ ясное представленіе объ истинномъ характерѣ лекцій

Градовскаго. Онъ останавливался преимущественно на такихъ темахъ, которыя въ политическомъ отношеніи волновали общество, и рѣшалъ ихъ въ направленіи, лучше всего характеризуемомъ поговоркой: „и волки цѣлы, и овцы сыты". Выберетъ онъ, напримѣръ, вопросъ о раздѣленіи властей или о различіи между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Очевидно, вопросы эти въ доконституціонной Россіи ни теоретическаго, ни практическаго рѣшенія получить не могли, потому что законодательная и административная власть по существу сливались въ одномъ основномъ источникѣ. Поэтому даже гарантіи, которыя создавались самимъ законодателемъ для обезпеченія ненарушимости закона, ни къ чему не вели: и дѣятельность Сената въ столицѣ, и дѣятельность прокуроровъ и губернскаго правленія въ провинціи могли разсчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если высшее начальство (губернаторъ, министръ или верховная власть) знали о нарушеніи закона и возстанавливали его силу. Слѣдовательно, провести какую-нибудь твердую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ не было никакой возможности. Но Градовскій изощрялся въ рѣшеніи этого и подобныхъ вопросовъ. Невольно, бывало, въ душѣ расхохочешься, когда онъ съ одной стороны доказывалъ, что „не одно законодательство могло бы въ этомъ вопросѣ позавидовать русскому", а съ другой стороны выяснялъ, что „граница между закономъ и административнымъ распоряженіемъ можетъ быть проведена только въ каждомъ данномъ случаѣ". Градовскій, конечно, зналъ, что онъ дѣлалъ: мысль о блестящемъ положеніи нашего законодательства предназначалась для властей предержащихъ, а ироническое замѣчаніе о полной невозможности провести какую бы то ни было общую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ предназначалась для нашего брата-студента и способствовала популярности профессора. Словомъ, Градовскій является однимъ изъ отцовъ позднѣйшей столь распространенной тактики: не порывать съ правительствомъ, но въ то же время всячески угождать и обществу.

Помню, я во времена студенчества никакъ не могъ уяснить себѣ причину популярности Градовскаго, и мнѣ все казалось, что она, равно какъ и его репутація виднаго ученаго, должны были померкнуть. Я чувствовалъ, что въ лекціяхъ Градовскаго есть глубокое внутренное противорѣчіе, какая-то фальшь, отъ которой мнѣ всегда становилось не-по-себѣ. Правительство и та часть общества, которая до извѣстной степени завладѣла духовно университетомъ, стояли другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя силы, какъ двѣ непріятельскія арміи, а профессора типа Градовскаго

служили одновременно въ обѣихъ арміяхъ, облекаясь въ мундиры то одной, то другой и оказывая обѣимъ существенныя услуги. Мнѣ все казалось, что эта тактика будетъ тотчасъ же раскрыта, и что подобный пріемъ, какъ слишкомъ элементарный, никого не обманетъ, и, слѣдовательно, успѣха имѣть не можетъ. Но на самомъ дѣлѣ она успѣхъ имѣла огромный, и число послѣдователей Градовскаго возрастало въ геометрической прогрессіи.

Стоитъ ли теперь объяснять, почему я ошибся? Громадное большинство русскихъ интеллигентныхъ людей до сихъ поръ еще люди 20-го числа, а 40 лѣтъ тому назадъ человѣкъ, не состоявшій на правительственной службѣ, представлялъ собою что-то въ родѣ бѣлой вороны. Между тѣмъ борьба двухъ враждебныхъ лагерей все обострялась, и вліяніе общества усиливалось. Правительство все кормило интеллигенцію, но и общество давало ей кое-что. Поэтому было крайне невыгодно порывать съ правительствомъ, но было выгодно угождать и обществу либо непосредственно, т. е. пріобрѣтеніемъ популярности, что открывало многіе сторонніе заработки (напримѣръ, въ журналистикѣ), либо косвенно, т. е. пріобрѣтеніемъ симпатіи либераловъ, уже прочно засѣвшихъ въ правительствѣ и занимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста. Градовскій указалъ передовой интеллигенціи путь, какъ можно спокойно оставаться на правительственной службѣ и въ то же время пріобрѣтать общественные лавры. Неудивительно поэтому, что почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ сдѣлалъ школу, и что память его свято хранится всѣми русскими дѣятелями, которые прониклись важнымъ практическимъ значеніемъ пословицы: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ".

Градовскому, какъ публицисту, принадлежитъ нѣсколько крылатыхъ словъ. Я отчетливо помню два. Гоголя онъ назвалъ поэтомъ „пошлости". Онъ, очевидно, не могъ примириться съ жестокимъ осмѣяніемъ нашимъ сатирикомъ русскаго общества и думалъ польстить послѣднему, переводя грѣхъ съ больной головы на здоровую: Гоголь-де осмѣялъ русское общество вовсе не потому, что оно этого заслуживаетъ, а потому, что Гоголю доставляло особое удовольствіе купаться въ человѣческой пошлости. Профессоръ государственнаго права не хотѣлъ понять, что Гоголь—послѣдній пламенный проповѣдникъ русской государственности среди свѣтилъ нашей литературы, что, если онъ жестоко казнилъ русское общество, то именно съ точки зрѣнія утраты имъ тѣхъ качествъ, которыя сдѣлали Россію великимъ государствомъ (недаромъ онъ влагаетъ свой приговоръ надъ русскимъ обществомъ и свой пламенный призывъ спасти родину въ уста генералъ-губернатору, чего послѣ Гоголя не рѣшился бы уже сдѣ-

лать ни одинъ изъ корифеевъ нашей литературы). Но если это крылатое слово Градовскаго, хотя и пришлось по вкусу радикальной критикѣ, вышло неудачнымъ, зато другое можетъ быть признано даже пророческимъ. Создавая его, Градовскій плавалъ въ своей стихіи. Онъ предусматривалъ, что путь, по которому пошла русская радикальная мысль, можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія интересовъ той части русской интеллигенціи, представителемъ которой Градовскій себя чувствовалъ всѣми фибрами своего существа. Если онъ ей указалъ путь, какъ примирить правительственную службу съ служеніемъ обществу, то онъ съ другой стороны предостерегъ ее отъ политики, которая могла нанести сильный вредъ ея матеріальнымъ интересамъ. Уже тогда, въ студенческіе мои годы, началось то хожденіе въ народъ, которое Тургеневъ такъ великолѣпно описалъ въ своемъ романѣ „Новь“ и которое съ каждымъ годомъ разросталось и привело во время русской революціи къ повторенію ужасовъ пугачевскаго бунта. И вотъ Градовскій, въ предвидѣніи ограбленія и возможнаго избіенія русской интеллигенціи народомъ, пустилъ въ „Голосѣ“ второе свое крылатое слово: „Не будите звѣря!“ Защищая шкурные интересы интеллигенціи, Градовскій оказался пророкомъ, и пророчество его отчасти оправдалось и можетъ оправдаться въ большей степени, если оно русскимъ обществомъ не будетъ принято къ сердцу.

Робертъ Моль.

Еще на студенческой скамьѣ я задумалъ пополнить нашу юридическую литературу однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ Роберта Моля, его „Наукою полиціи“ или, выражаясь современнымъ языкомъ, его „Административнымъ правомъ“. Понятно, что я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ знаменитому германскому государствовѣду за разрѣшеніемъ. Онъ мнѣ тотчасъ же отвѣтилъ, и его письмо, нигдѣ еще не напечатанное, сохранило до сихъ поръ свое значеніе, хотя оно написано 42 года тому назадъ. Привожу его здѣсь цѣликомъ въ буквальномъ переводѣ:

„Я имѣлъ честь получить Ваше любезное письмо отъ 8-го сего числа.

„Прежде всего приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за сказанное мнѣ Вами доброе слово. Я уже раньше, при другихъ обстоятельствахъ, имѣлъ удовольствіе не только видѣть молодыхъ русскихъ среди своихъ слушателей, но и познакомиться съ ними ближе. За немногими исключеніями, всѣ они проявляли горячую

любовь къ наукѣ и искреннее желаніе быть полезными своему великому отечеству. Въ нихъ было больше свѣжести чувства и воодушевленія, чѣмъ обыкновенно встрѣчаешь у нѣмецкой молодежи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ впослѣдствіи стало извѣстно, что они съ почетомъ заняли каѳедры въ русскихъ университетахъ или сдѣлались дѣльными и уважаемыми правительственными чиновниками.

„Что касается предположеннаго Вами перевода моей „Науки полиціи“, то понятно, намѣреніе Ваше можетъ быть для меня только пріятнымъ и почетнымъ. Чрезвычайно для меня лестна мысль, что мнѣ, благодаря Вашему переводу, дано будетъ принести нѣкоторую пользу или возбудить ту или другую идею въ такой великой странѣ и такъ далеко отъ моей родины. Поэтому я очень охотно даю Вамъ испрашиваемое Вами разрѣшеніе.

„Я счелъ долгомъ увѣдомить и моего издателя о Вашемъ намѣреніи. Понятно, что онъ встрѣтилъ это извѣстіе далеко не съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, потому что опасается значительнаго уменьшенія сбыта моей книги въ Россіи. Но онъ мирится съ неизбѣжнымъ. У насъ съ Россіею нѣтъ договора относительно права на переводы. Поэтому издатели не могутъ ставить другъ другу препятствія. Къ искреннему моему удовольствію я долженъ прибавить, что я всегда считалъ международное право на переводы требованіемъ не только чрезмѣрнымъ, но и положительно вреднымъ. Другое приходится сказать, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, о перепечаткѣ оригиналовъ.

„Въ свое время я съ удовольствіемъ услышу объ окончаніи Вами перевода и отъ души желаю, чтобы Вы были вознаграждены за немалый Вашъ трудъ успѣхомъ и признаніемъ.

„Примите выраженіе полнаго моего уваженія, съ какимъ честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ

Р. Моль.

28-го ноября 1869 г.

Письмо это интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ лестный отзывъ знаменитаго иностраннаго ученаго о русской учащейся молодежи по сравненію съ нѣмецкими студентами. Моль въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе нашей молодежи, слѣдовательно, русскіе профессора плохо пользуются этимъ благодарнымъ матеріаломъ, если у насъ столько каѳедръ пустуетъ. Во-вторыхъ, интересно узнать, что одинъ изъ самыхъ выдающихся государствовѣдовъ XIX в. рѣшительно высказывается противъ стѣсненія права перевода международными договорами. Продуманное оте

мнѣніе имѣетъ особенный интересъ для насъ въ настоящее время когда литературная конвенція съ Франціей вызоветъ въ скоромъ времени заключеніе конвенцій и съ другими странами.

Я ограничиваюсь воспроизведеніемъ письма Моля. Что касается научнаго воздѣйствія германскаго ученаго на меня, то оно не подлежитъ здѣсь оцѣнкѣ. Скажу только, что я ему чрезвычайно обязанъ и буду хранить о немъ свѣтлую память до гробовой доски. Онъ, какъ и Рѣдкинъ, научилъ меня (и меня ли одного?) работать въ политическихъ вопросахъ.

С. Н. Терпигоревъ.

Съ Терпигоревымъ я познакомился въ 1878 г. Помню, онъ тогда былъ неразлученъ съ А. С. Гіероглифовымъ, и это меня не удивляло, потому что между ними было очень много общаго. Оба они были прожектеры съ тою однако разницею, что Терпигоревъ любилъ рисковать и поэтому доходилъ иногда до очень печальнаго положенія; Гіероглифовъ же былъ человѣкъ весьма осторожный и поэтому въ матеріальномъ отношеніи процвѣталъ. Оба они тяготѣли къ литературѣ съ тою опять-таки разницею, что Терпигоревъ льнулъ къ писательству, а Гіероглифовъ болѣе къ издательству. Онъ вѣчно носился съ грандіозными планами какихъ-то изданій, иногда задуманныхъ недурно и оригинально, но по большей части мертворожденныхъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе нежеланія рисковать для нихъ чѣмъ-нибудь крупнымъ.

Онъ, какъ извѣстно, былъ врачемъ по образованію, затѣмъ чиновникомъ министерства финансовъ, редакторомъ „Русскаго Міра", сотрудникомъ лучшихъ журналовъ и газетъ того времени. Всѣ его изданія однако терпѣли крушеніе. Изъ всѣхъ его затѣй этого рода осуществилась только „Пчела", которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ Микѣшинымъ, и нѣкоторое время она шла недурно. Впрочемъ и этотъ журналъ просуществовалъ недолго. Литературный талантъ былъ у Гіероглифова небольшой, хотя онъ умѣлъ, что называется, быть зубастымъ. Онъ, помню, всячески подговаривалъ и меня издавать съ нимъ газету, которую онъ проектировалъ во всѣхъ деталяхъ и назвалъ „Гласностью". Странно однако, что въ идейномъ отношеніи онъ задуманное имъ изданіе охарактеризовать никакъ не могъ. Какъ я его ни допрашивалъ, ничего не выходило. Я даже не могъ себѣ уяснить, единомышленникъ ли онъ мой, сочувствуетъ ли онъ моимъ идеямъ? Дѣло очевидно заключалось для него не въ нихъ, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ именно, осталось для меня

тайной. Я только видѣлъ, что онъ не щадитъ ни трудовъ, ни хлопотъ, что онъ обуреваемъ желаніемъ издавать газету. Сколько на Руси людей, которые стремятся приложить свои подчасъ недюжинныя способности къ какому-нибудь дѣлу, но не знаютъ, что это за дѣло, и какъ за него приняться! Сколько силъ уходитъ такимъ образомъ зря! Сколько силъ ухлопалъ и Терпигоревъ на разныя свои затѣи вплоть до устройства конскихъ заводовъ, сколько ухлопалъ ихъ и Гіероглифовъ! Терпигоревъ въ концѣ концовъ окончательно остановился на томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно былъ силенъ, а Гіероглифовъ такъ до конца жизни въ своихъ вѣчныхъ поискахъ ничего не нашелъ и не оставилъ послѣ себя замѣтнаго слѣда, остался лишь Гіероглифомъ, котораго теперь никто уже не разберетъ.

Когда я познакомился съ Терпигоревымъ, онъ страшно бѣдствовалъ. Случалось даже такъ, что ему негдѣ было ночевать, и онъ проводилъ ночь въ типографіи на столѣ. Вообще онъ могъ служить прекраснымъ представителемъ русской литературной богемы. Чистое бѣлье было для него недосягаемою роскошью, пиджакъ, сшитый изъ очень прочной и толстой матеріи, носилъ на себѣ слѣды грязныхъ столовъ и дивановъ, на которыхъ его владѣлецъ ночевалъ. Это ему однако не мѣшало имѣть видъ не только достойный, но даже гордый, когда онъ выходилъ на улицу съ сигарою въ зубахъ, мягкой шляпой на головѣ и тросточкой въ рукахъ. Для всякаго было ясно, что, если онъ глубокою осенью, при холодномъ, пронизывающимъ вѣтрѣ шелъ спокойно по Невскому безъ пальто, въ одномъ пиджакѣ, то только потому, что такъ ему было хорошо И я въ самомъ дѣлѣ думаю, что его желѣзное здоровье позволяло ему тогда это дѣлать не только безнаказанно, но даже безъ особенно непріятнаго ощущенія.

Здоровье у него дѣйствительно было желѣзное, и надо было много грѣшить, чтобы его расшатать. Сигары онъ курилъ такія, что вчужѣ отъ нихъ дурно становилось, да и напитки придумывалъ онъ экстраординарные. Помню, разъ какъ-то захожу въ пресловутый „Семейный Садъ“ и тотчасъ же у входа вижу: засѣдаютъ Сергѣй Атава и извѣстный въ литературныхъ кружкахъ Эмпэфэ или Мишка Федоровъ или Михаилъ Павловичъ Федоровъ, безсмѣнный редакторъ „Новаго Времени“, переходившій, вмѣстѣ съ этою газетой, отъ одного издателя къ другому: отъ Киркора къ Устрялову, отъ Устрялова къ Нотовичу, отъ Нотовича къ Трубникову, отъ Трубникова къ Суворину. Вижу, засѣдаютъ они и что-то пьютъ изъ большихъ пивныхъ кружекъ. Такъ какъ Терпигоревъ былъ большой мастеръ изобрѣтать разные напитки, то я спрашиваю:

— Что вы собственно пьете, господа?

— Присосѣдься,—отвѣчаетъ мнѣ Терпигоревъ и тотчасъ же командуетъ:

— Человѣкъ, еще кружку такого же.

Когда мнѣ напитокъ подали, я попробовалъ и убѣдился, что Терпигоревъ никакой особой изобрѣтательности на этотъ разъ не проявилъ, что это былъ просто коньякъ, на которомъ сверху плавалъ для видимости ломтикъ лимона. Этого нехитраго, но крѣпкаго напитка онъ выпилъ въ одинъ присѣстъ двѣ кружки. Можно ли послѣ этого удивляться, что, несмотря на крѣпкое здоровье, онъ себя уходилъ сравнительно рано (онъ умеръ 54 лѣтъ отъ роду), наживъ жестокій склерозъ.

Но когда я съ нимъ познакомился, т. е. въ 1878 г., онъ въ злачныхъ мѣстахъ коньяка кружками не уничтожалъ по той простой причинѣ, что это было для него слишкомъ дорого. Хотя онъ былъ человѣкъ сдержанный и даже друзьямъ жаловаться на свою судьбу не любилъ, однако я ясно видѣлъ, что онъ сильно страдалъ отъ матеріальной необезпеченности. Всегда веселый и остроумный, онъ иногда какъ-то странно задумывался, и затѣмъ его веселость уже не была по-прежнему естественна.

Я очень обрадовался, когда онъ разъ какъ-то мнѣ сообщилъ, что онъ въ скоромъ времени надѣется на поворотъ къ лучшему. При этомъ онъ мнѣ показалъ тощую тетрадку подъ заглавіемъ: „Дворянское разореніе“, которую онъ собирался снести Салтыкову въ „Отечественныя Записки“.

Мысль эта мнѣ показалась нѣсколько смѣлою. Терпигоревъ не пользовался именемъ. Фельетоны, которые онъ писалъ въ второстепенныхъ изданіяхъ, обнаруживали талантъ, но ни въ какомъ случаѣ не обличали въ немъ бытописателя дворянства. Тѣмъ не менѣе меня живо заинтересовала мысль Терпигорева: очень мнѣ ужъ хотѣлось, чтобы онъ какъ-нибудь выбился изъ своего труднаго положенія, да и задуманный имъ трудъ казался мнѣ интереснымъ своею основной идеей. Я его спросилъ, что онъ разумѣетъ подъ дворянскимъ разореніемъ? Имѣетъ ли онъ въ виду только матеріальную сторону? Онъ мнѣ на этотъ вопросъ отвѣтилъ сбивчиво, словно онъ самъ себѣ вопроса не уяснилъ. Я его еще спросилъ, не имѣетъ ли онъ вообще въ виду проявленную дворянствомъ несостоятельность, т. е. его оскудѣніе, его банкротство по всей линіи? Онъ и на этотъ вопросъ не могъ мнѣ отвѣтить вразумительно, и тотчасъ же обратился къ разнымъ примѣрамъ, которые онъ разсказывалъ съ большимъ мастерствомъ. Видя, что путемъ разспросовъ я ничего себѣ не уясню, я попросилъ его прочесть мнѣ то,

что онъ написалъ. Онъ охотно согласился, и я, прослушавъ нѣсколько страницъ, понялъ, въ чемъ дѣло: онъ предлагалъ читателю не экономическое или публистическое разсужденіе, и даже не беллетристику, а просто изложеніе своихъ и чужихъ наблюденій и воспоминаній въ полу-беллетристической формѣ. Такъ какъ этихъ наблюденій и воспоминаній было много, по большей части они были мѣтки и соотвѣтствовали сознанной обществомъ мысли о несостоятельности нашего дворянства въ настоящемъ сравнительно съ крупными его заслугами въ прошломъ, я прослушалъ чтеніе съ большимъ интересомъ и высказалъ Терпигореву увѣренность, что его очерки будутъ съ удовольствіемъ приняты Салтыковымъ, тѣмъ болѣе, что Салтыковъ пишетъ самъ въ томъ же родѣ.

Такъ оно и случилось, и я былъ несказанно радъ, когда Терпигоревъ вскорѣ предсталъ передо мною экипированный съ ногъ до головы во все новое, довольный, веселый, увѣренный въ себѣ, какимъ я его знавалъ затѣмъ вплоть до самой его смерти въ 1895 г.

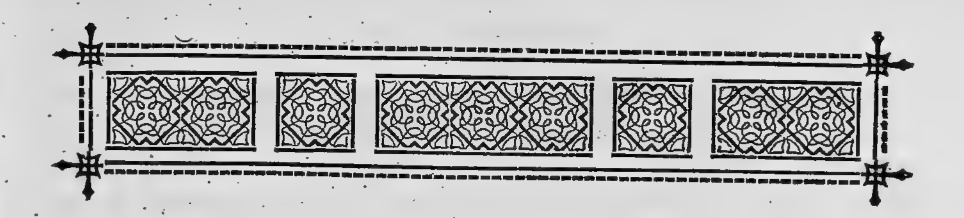
Прибавлю еще, что Терпигоревъ былъ въ политическомъ отношеніи человѣкъ безразличный. Вотъ почему онъ самъ не могъ себѣ уяснить основной идеи своихъ писаній. Когда я потомъ читалъ и перечитывалъ его вещи, я на немъ, какъ и на другихъ писателяхъ, убѣждался, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ можетъ соединяться очень слабая способность къ обобщеніямъ съ поразительною памятью на впечатлѣнія и рѣдкою наблюдательностью. Онъ творилъ только потому, что въ немъ была сильно выраженная потребность дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями, а впечатлѣнія эти были интересны, потому что въ основѣ ихъ лежала рѣдкая наблюдательность. Читая Терпигорева, знакомясь съ тѣмъ, какъ онъ развѣнчивалъ и, такъ сказать, уничтожалъ наше дворянство, можно было подумать, что онъ большой радикалъ и вполнѣ примыкаетъ къ „освободительнымъ“ нашимъ увлеченіямъ. На самомъ дѣлѣ онъ въ то время, какъ писалъ свое „Разореніе“, рисовалъ, чтобы подразнить радикально-настроенную сотрудницу газеты, въ которой онъ работалъ (это было время часто повторявшихся политическихъ преступленій и политическихъ казней) „давленышей“, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ рисовалъ недурно, и тѣмъ болѣе отвратительное впечатлѣніе производили его рисунки. Надо было очень недвусмысленно выразить неудовольствіе по поводу его странной юмористики, чтобы онъ отъ нея воздержался. Въ виду этого политическаго индифферентизма, его, правда, кратковременное сотрудничество въ газетѣ Стасюлевича „Порядокъ“, куда онъ попалъ, благодаря горячей рекомендаціи Салтыкова, было явнымъ недоразумѣніемъ. Терпигоревъ не могъ ничего дать газетѣ, въ ко-

торой „освободительное“ движеніе было альфой и омегой, и которая оцѣнивала и художественныя произведенія почти исключительно съ точки зрѣнія политической. Для Терпигорева живая наблюдательность была нервомъ его писаній. Подчиниться требованіямъ политической тенденціи значило для него обезцвѣтить себя и не проявить того, что въ немъ было самаго цѣннаго. Поэтому онъ былъ вялъ и неинтересенъ въ „Порядкѣ“ и ожилъ въ „Новомъ Времени“, гдѣ его никто не стѣснялъ, и гдѣ онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ каждой своей строки.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ долинѣ Дуная въ 1877 году.

IV.

Осенью 1876 года, когда главная квартира дѣйствующей арміи двигалась въ экстренномъ поѣздѣ съ сѣвера на югъ къ Кишиневу, только немногіе играли въ карты, большинство же было занято серьезнымъ разговоромъ о предстоявшихъ боевыхъ операціяхъ. Вспоминались переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай въ минувшія войны, свойства страны, характеръ Балканъ; дѣлалась характеристика турецкихъ войскъ, населенія, обсуждалось значеніе сераля, выводились заключенія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя къ намъ станутъ державы Западной Европы. Строились планы войны. По мнѣнію однихъ, и на этотъ разъ, какъ прежде, наступленіе будетъ поведено черезъ Добруджу, какъ болѣе безопаснымъ операціоннымъ направленіемъ, хотя и голодною страною и замыкаемымъ рядомъ турецкихъ крѣпостей. Другіе отвергали прежній способъ дѣйствія, находя его несоотвѣтственнымъ настоящему превосходству нашей арміи надъ турецкою. Благодаря такому превосходству, находили, что мы смѣло можемъ рѣшиться на переправу черезъ Дунай на его среднемъ теченіи, гдѣ-нибудь около Систова или Никополя, откуда до Балканъ рукой подать, что при такомъ направленіи крѣпости остаются въ сторонѣ, а путь до самого Адріанополя для насъ будетъ открытъ. Наконецъ, третьи, находя движеніе нашей арміи береговою полосою недопустимымъ уже потому, что мы не господствуемъ на морѣ, а движеніе кратчайшимъ путемъ неосторожнымъ и оставляющимъ въ сторонѣ нашу естественную сообщницу Сербію, пред-

лагали переправу черезъ Дунай на Кладово и изъ княжества наступать на Константинополь великимъ историческимъ путемъ. На замѣчаніе о неимовѣрно длинной въ такомъ случаѣ нашей операціонной линіи, они возражали утвержденіемъ въ отсутствіи на дорогѣ особо трудныхъ препятствій.

Было въ высшей степени интересно прислушиваться къ этому живому обмѣну мыслей. Вѣдь предо мной былъ цвѣтъ арміи, представители родной стратегіи, мозгъ генеральнаго штаба. И дѣйствительно, нельзя было не отдать справедливости богатству знаній и воинскому развитію присутствующихъ. И умъ, и знаніе, и очевидно характеръ, все было на-лицо, въ полномъ между собою равновѣсіи. Но чего-то недоставало, что наложило бы на всѣ обсуждаемые вопросы печать общаго направленія. Казалось, что недоставало военнаго генія верховнаго командованія. Послѣ всѣхъ дебатовъ хотѣлось бы слышать объединительное авторитетное слово, которое сразу бы примирило противоположныя мнѣнія. То, что ощущалось мною, сознавалось и выше и проистекало отъ отсутствія за послѣднее время боевого опыта. Вопросъ надѣялись разрѣшить назначеніемъ въ голову штаба личности весьма почтенной, но, какъ оказалось на дѣлѣ, далеко не отвѣчавшей возложеннымъ на нее надеждамъ. Какъ-бы не довѣряя ей вполнѣ, былъ избранъ въ помощники ей одинъ изъ самыхъ бойкихъ нашихъ профессоровъ, почему-то считавшійся восходящимъ свѣтиломъ. И вотъ, когда это свѣтило заговорило, всѣ стихли, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая, что всѣмъ такъ хотѣлось слышать. Рѣчь была краснорѣчива, произносилась съ подъемомъ, вразумительно, но совершенно не отвѣчала всеобщему ожиданію. Это блестящее изложеніе операцій эрц-герцога Карла на р. Дунаѣ было ни болѣе и ни менѣе какъ повтореніе задачъ по курсу военной исторіи. Цѣлая плеяда славныхъ полководцевъ нашихъ прежнихъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ, такимъ образомъ, не имѣла своихъ одухотворенныхъ представителей, и ихъ завѣты боевого опыта не дошли до современныхъ потомковъ. Ихъ высокіе примѣры были переработаны сухими систематиками въ безжизненные масштабы, скорѣе заглушавшіе проблески талантливой иниціативы, чѣмъ способствовавшіе ихъ развитію. Прошлые примѣры не повторяются въ той же обстановкѣ. Можно ли сомнѣваться, что, заученные больше на память, они принесутъ дѣлу скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Все это мнѣ припомнилось, когда по зову главнокомандующаго я прервалъ свою дѣятельность въ Бухарестѣ и направился къ Зимницѣ.

— „Ты мнѣ будешь нуженъ въ дѣйствующей арміи“, милостиво

говорилъ мнѣ Его Императорское Высочество передъ своимъ выѣздомъ къ Дунаю, „пріѣзжай къ переправѣ“.

Меня очень занимала мысль, что именно относительно меня имѣлъ въ виду главнокомандующій; но оторванный въ послѣднее время отъ главной квартиры, я не зналъ, что Великій Князь пришелъ къ рѣшенію, вслѣдъ за переправою, выдвинуть впередъ летучій кавалерійскій отрядъ для овладѣнія горными проходами въ Балканахъ и освѣщенія мѣстности на возможно большемъ пространствѣ. Все, что касалось до этого предпріятія, было покрыто даже для насъ непроницаемою тайною.

Мое стремленіе къ освѣдомленности ограничивалось двумя вопросами чрезвычайной важности. Назначаются ли исключительно для боевыхъ операцій тѣ семь корпусовъ, которые вошли въ составъ арміи, или на нихъ же возлагаются обязанности знанія страны, охраненія тыла и образованія тыловыхъ учрежденій? И другой вопросъ, не менѣе важнаго значенія,—усвоена ли окончательно рѣшимость энергичнаго наступленія впередъ, не задерживаясь осадами крѣпостей?

Все это оставалось для насъ, простыхъ смертныхъ, секретомъ, секретомъ и секретомъ!

Завѣса стала немного приподниматься, когда за обѣденнымъ столомъ, совершенно для меня неожиданно, начальникъ штаба обратился къ главнокомандующему съ просьбою о командированіи меня на устье Ольты для распоряженій по сплаву запасныхъ мостовыхъ частей и повѣрки смѣны нашихъ войскъ при батареяхъ противъ Никополя румынскими.

Это предложеніе, очевидно, шло въ разрѣзъ съ видами Великаго Князя, такъ какъ Его Высочество замѣтилъ, что, можетъ быть, можно было командировать другое лицо? Но на это начальникъ штаба доложилъ, что порученіе чрезвычайной важности, что можетъ представиться необходимость распорядиться именемъ главнокомандующаго, что онъ рѣшительно не видитъ возможности поручить это дѣло другому лицу.

Тутъ же стало извѣстнымъ, что утромъ рѣшенъ вопросъ о летучемъ отрядѣ. Почему-то было для чего-то нужно удалить меня изъ главной квартиры на періодъ формированія отряда, такъ какъ я командировался на разстояніе въ 60 верстъ, а средствомъ передвиженія былъ верховой конь. Какъ ни было досадно, а приходилось безропотно покориться, и я съ грустью направлялся къ своей палаткѣ. На поворотѣ улицы останавливается чудная тройка съ легкимъ фаэтономъ одного изъ тріумвировъ продовольственнаго товарищества.

— „Какъ я радъ Васъ привѣтствовать", обращается ко мнѣ соскочившій съ экипажа ея обладатель, „и увѣрить, что на свою дѣятельность мы, товарищи, смотримъ не какъ на выгодную операцію, а какъ на выполненіе высокаго долга предъ отечествомъ".

— „А если такъ", я возражаю, „то позвольте мнѣ дать Вамъ случай доказать это не на словахъ, а на дѣлѣ. Предоставьте въ мое распоряженіе Вашъ экипажъ на сутки, много на два".

Нѣсколько озадаченный, однако съ большою любезностью, товарищъ соглашается, и въ 9 часовъ вечера я уже мчался на лихой тройкѣ.

Командировка оказалась не лишнею, но она отнюдь не вызывалась настоятельною потребностью и не была крайнею необходимостью. На вторыя сутки я былъ обратно въ Зимницѣ и въ Царевичахъ нашелъ главную квартиру. Направляясь къ ставкѣ главнокомандующаго для доклада о результатахъ командировки, я сильно колебался упоминать или нѣтъ о предположеніи назначить меня въ составъ только что сформированнаго передового отряда. Начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ Гурко, вызванный телеграммой изъ С.-Петербурга. По четыремъ бригадамъ были распредѣлены офицеры генеральнаго штаба. При начальникѣ отряда былъ назначенъ офицеръ для порученій, но мѣсто начальника штаба оставалось вакантнымъ. По многимъ основаніямъ я предполагалъ, что оно-то и было предназначено для меня; но что-либо упоминать объ этомъ я не рѣшился, разъ навсегда усвоивъ себѣ правиломъ: на службу не напрашиваться, отъ службы не отказываться.

Вскорѣ пришло донесеніе отъ генерала Криденера объ овладѣніи послѣ кровопролитнаго боя старою крѣпостью Никополя. Отслужено въ войскахъ благодарственное молебствіе. Отличившіеся награждены или представлены къ наградамъ. Великій Князь былъ очень доволенъ и съ удовольствіемъ говорилъ: „молодецъ Криденеръ". Съ такими же словами Его Высочество обратился и ко мнѣ.

— „Да, Ваше Высочество, генералъ Криденеръ конечно молодецъ и заслужилъ самую высокую награду; но за повадку на такое кровопролитіе, не вызываемое крайнею необходимостью, заслужилъ внушенія. Если по его примѣру всѣ будутъ бить въ лобъ при необыкновенной способности турокъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ, отъ арміи не много останется".

— „Ну, я не хочу обижать старика".

Старика я не только не имѣлъ въ виду обижать, но былъ ему чрезвычайно благодаренъ за выборъ меня къ себѣ на должность начальника штаба 9 корпуса, за который ему досталось отъ началь-

ника Главнаго штаба. На просьбу о моемъ назначеніи графъ Ѳ. Л. Гейденъ даже вспылилъ.

— „Что жъ, мнѣ младенцевъ къ вамъ назначать?“

— „Но, Ваше Сіятельство“, возражаетъ генералъ Криденеръ „я прошу о назначеніи полковника съ Владиміромъ 3-й степени“.

— „А что же по-вашему я долженъ дѣлать съ моими генералами?“.

Начальникомъ штаба былъ назначенъ Генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Шнитниковъ.

Жаль, что послѣ Никополя войска не были предупреждены особымъ приказаніемъ о способѣ дѣйствія турокъ. Никополь не сдѣлался бы прологомъ Плевны.

Мы, кажется, усвоили себѣ самый рѣшительный образъ дѣйствій и быстро двигались въ Тырновъ, но здѣсь мы остановились, долго простояли на мѣстѣ и повернули назадъ.

Я не пишу военной исторіи, а только набрасываю образы и картины событій, возникающія предо мной изъ эпохи восточной войны. Однако, что же послужило причиной такому крутому повороту назадъ? Передовой летучій отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія и не нашелъ препятствій для наступленія главными силами. На востокѣ турецкія силы главнымъ образомъ группировались въ сферѣ крѣпостей и пока не проявляли аггрессивныхъ намѣреній. Только на западѣ оперировали войска бывшей сербской арміи, предназначавшіяся для обороны Дуная и двигавшіяся послѣ форсированія нами переправы, на Плевно и къ Никополю, угрожая нашему правому флангу.

По свойствамъ своего характера турки страшны за закрытіями, по дурному командованію не способны къ маневрированію въ полѣ. Отсюда высокое ихъ достоинство въ пассивной оборонѣ и ничтожество сопротивленія на ходу. Оставить турецкую крѣпость въ тылу или на флангѣ можно подъ наблюденіемъ сравнительно небольшого отряда; но прежде, чѣмъ ее штурмовать, необходимо подумать десять разъ и рѣшиться только въ случаѣ крайней необходимости. Вотъ завѣты нашихъ неудачныхъ штурмовъ и блестящихъ побѣдъ надъ противникомъ, въ десять разъ превосходившимъ насъ числительною силою.

Что же дѣлаютъ наши наткнувшіеся на турокъ отряды? Насѣдаютъ слабыми частями, заставляя ихъ закапываться въ землю, т. е. прямо противоположное тому, что слѣдовало дѣлать. Кровь, пролитая подъ стѣнами Рущука, Силистріи, Варны, Браилова... пропадаетъ даромъ. Комментаріи на нихъ тщательно разбираются съ каѳедръ мирнаго времени, но въ боевую сферу не попадаютъ. Какъ прозелиты въ военномъ дѣлѣ, юные полководцы хотятъ открыть собою новую эру искусства, но на дѣлѣ убѣждаются горькимъ кровавымъ опытомъ, что, чтобы брать Измаилъ штурмомъ, нужно быть Суворовымъ.

Да, чтобы одерживать побѣды, еще мало быть витіеватымъ профессоромъ, блистательно сдавать экзамены, быть исполнительнымъ штабнымъ офицеромъ. Еще мало обладать самыми обширными знаніями, которыя могутъ даже причинить большой вредъ, если на лицо нѣтъ боевого таланта. Но сфера послѣдняго во всемъ отлична отъ требованій мирнаго времени. Вотъ почему полководцы, еще не отмѣченные печатью всесвѣтнаго дарованія, рѣдко когда оцѣниваются по достоинству.

Почему же войска, предназначенныя для операцій на извѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, своевременно не осваиваются съ его особенностями? Почему имъ не внушаются способы дѣйствія, приноровленные къ обстановкѣ? Однообразный масштабъ, примѣняемый въ настоящее время ко всѣмъ странамъ свѣта, сѣверу и югу, западу и востоку, на всемъ пространствѣ государственной территоріи, слишкомъ теоретиченъ и потому всегда оплачивался и будетъ оплачиваться дорогою цѣною, пока средства не будутъ соображены съ поставленными войскамъ цѣлями.

Во всякомъ случаѣ уронъ подъ Плевной былъ частнымъ неуспѣхомъ. Какъ же онъ могъ послужить измѣненію плана кампаніи? Развѣ такія неблагопріятныя случайности невозможны на войнѣ, или ихъ нельзя предвидѣть, и нѣтъ средствъ къ своевременному ихъ исправленію! Ясно, что истинная причина крутого поворота отъ активнаго начала къ пассивному не столько заключалась въ этихъ событіяхъ, сколько лежала въ основѣ неустойчивости командованія, можетъ быть, въ двойственности его характера. Въ то время, какъ самъ главнокомандующій широкимъ взоромъ обнималъ весь театръ войны и стремился къ разрѣшенію на немъ главнѣйшихъ задачъ, штабная техника, въ лицѣ ближайшихъ лицъ свиты, тормозила его начинанія, находя ихъ неблагоразумными и рискованными. Слабая духомъ, но безгранично кичливая, она не выполняла своихъ прямыхъ обязанностей, нервничала и отъ собственной тѣни приходила въ невыразимый ужасъ. Бывали минуты глубокой вѣры въ свою непогрѣшимость, но онѣ быстро смѣнялись часами полнѣйшаго маразма.

Я уже имѣлъ случай свидѣтельствовать о высокихъ достоинствахъ офицеровъ Генеральнаго штаба. Пользоваться ими, однако, было некому, почему и не могла образоваться та нравственная между ними связь, благодаря которой вся армія могла бы объединяться однимъ духомъ и направлять свои усилія въ одномъ направленіи. Какимъ-то сарказмомъ звучало уподобленіе Генеральнаго штаба нервной системѣ организма со средоточіемъ въ головномъ мозгу. Не только не существовало способности къ рѣшенію высшихъ задачъ, но не выполнялась самая обыкновенная штабная

работа. Дошло, наконецъ, до того, что части войскъ перемѣшались, а о нѣкоторыхъ даже не было извѣстно, гдѣ онѣ находятся.

Въ такую-то минуту призываетъ меня начальникъ штаба и даетъ порученіе поѣхать на востокъ по Османъ-базарской дорогѣ въ расположеніе генерала Эрнрота.

— „Посмотрите, что и какъ, сдѣлайте соотвѣтственныя распоряженія и возвращайтесь съ докладомъ. Подробности Вамъ сообщитъ К. В.“[1]).

Прихожу къ К. В.

Заставивъ меня прождать съ добрыхъ полчаса, К. В. наконецъ обращается ко мнѣ:

— „Его Высочеству главнокомандующему угодно, чтобы Вы отправились въ расположеніе восточнаго отряда, прикрывающаго насъ со стороны Османъ-базара, повѣрить правильность распредѣленія и назначенія войсковыхъ частей и, не задерживаясь, возвратились обратно“... Нѣсколько обождавъ, какъ бы собираясь съ мыслями, добавилъ: „Если вамъ нужно прикрытіе, то опредѣлите какое?“

Отвѣтъ мой былъ лакониченъ: „Не мнѣ судить о надобности и размѣрѣ конвоя. Надѣюсь, что если онъ нуженъ, то будетъ назначенъ во всякомъ случаѣ, одинаково, буду ли я о немъ просить или нѣтъ. Завтра съ разсвѣтомъ я тронусь въ путь“.

— „Какъ хотите“.

Конвоя не было. Вдвоемъ съ казакомъ мы сдѣлали до восьмидесяти верстъ туда и обратно, менѣе, чѣмъ въ сутки, гдѣ рысью, гдѣ шагомъ, гдѣ вскачь. Я познакомился съ расположеніемъ войскъ генерала Эрнрота, успѣлъ набросать кроки мѣстности и совершенно благополучно вернулся обратно съ подробнымъ докладомъ объ исполненномъ порученіи. Правда, на дорогѣ мы попали подъ пули баши-бузуковъ, но миновали ихъ безъ изъяна, и потому не стоило ихъ и поминать. Подъѣзжая къ р. Янтрѣ, уже недалеко отъ Тырнова, намъ встрѣтился топографъ съ мензулой на возу подъ эскортомъ пяти стрѣлковъ и трехъ казаковъ.

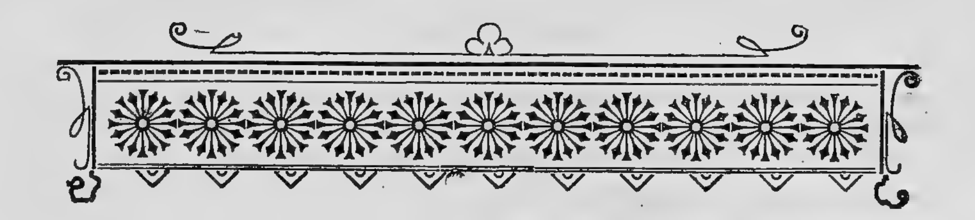
Эта командировка меня очень удивила. Она была первою послѣ переправы, въ то время, когда мои сослуживцы уже успѣли ихъ исполнить по нѣсколько. Не разъ случалось, что при возникновеніи необходимости кого-нибудь послать главнокомандующій указывалъ на меня. Но каждый разъ на это получалъ заявленіе начальника штаба о моей крайней необходимости для штаба. Въ дѣйствительности же я палецъ о палецъ не ударялъ.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Казиміръ Вавильевичъ Левицкій. Помощ. начальн. штаба. *Ред.*

Воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

Въ 1890 — 1892 г. я жилъ въ Петербургѣ. Въ это время извѣстность отца Іоанна Сергіева Кронштадтскаго была уже въ полной силѣ. Многіе изъ близкихъ мнѣ людей ѣздили въ Кронштадтъ молиться, въ Андреевскомъ соборѣ, во время богослуженія, совершаемаго отцомъ Іоанномъ, а послѣ окончанія церковной службы изыскивали возможность получить благословеніе.

Они разсказывали, какъ трудно достичь этого, и какъ тамъ молящіеся окружаютъ его постоянно. Глубоко уважая отца Іоанна по всему, что я слыхалъ и читалъ о немъ, я по семейнымъ и служебнымъ обстоятельствамъ никакъ не могъ собраться съѣздить въ Кронштадтъ получить благословеніе отца Іоанна. Въ числѣ моихъ хорошихъ знакомыхъ было семейство Коровиныхъ, скромное, богобоязное со средними финансами къ жизни. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ нимъ, у насъ зашелъ разговоръ объ удивительной силѣ молитвы отца Іоанна, и семейство Коровиныхъ разсказало, что оно испытало на себѣ чудодѣйственную силу его молитвы. Въ семействѣ этомъ была бѣда, не помню достаточно точно подробности ея, а потому не стану пересказывать ее, во избѣжаніе ошибки.

Въ горѣ и отчаяніи, отецъ этой семьи обратился къ отцу Іоанну съ просьбою: помолиться за него и испросить у Господа милости для него. Отецъ Іоаннъ внимательно выслушалъ его, усердно помолился и отпустилъ его, благословя, при чемъ обѣщалъ при первой поѣздкѣ въ Петербургъ навѣстить Коровиныхъ, и еще вмѣстѣ съ ними помолиться. По возвращеніи домой Коровинъ услышалъ ободряющія вѣсти, черезъ нѣсколько дней горе само-собою устранилось.

Отецъ Іоаннъ сдержалъ свое обѣщаніе, пріѣхалъ къ Коровину; какъ нѣчто извѣстное ему, выслушалъ извѣстіе объ успокоеніи Коровиныхъ и сказавъ: „теперь поблагодаримъ Бога за его милость“, усердно, продолжительно молился со всею семьею и утѣшалъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ Коровинъ ежегодно просилъ отца Іоанна, въ день годовщины этого счастливаго событія, навѣщать его и снова поблагодарить сообща Господа за Его милость.

Коровинъ сказалъ мнѣ, что приближается день этой годовщины, и что онъ уже писалъ о этомъ отцу Іоанну и просилъ его навѣстить ихъ, и что онъ назначилъ день и часъ, когда будетъ у Коровиныхъ.

Зная мои религіозныя убѣжденія и мое глубокое уваженіе къ отцу Іоанну, Коровинъ предложилъ мнѣ навѣстить его въ указанное время и участвовать въ ихъ общей молитвѣ. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе. Къ моему большому огорченію, въ назначенный день Коровинъ извѣстилъ меня, что обстоятельства заставили отца Іоанна отложить свой пріѣздъ на нѣсколько дней, и что онъ извѣститъ меня, когда именно отецъ Іоаннъ будетъ у него. Къ большому моему огорченію, свиданіе это не удалось.

Отецъ Іоаннъ пріѣхалъ къ Коровину неожиданно, такъ что тотъ не могъ вызвать меня. Онъ сообщилъ однако отцу Іоанну о моемъ желаніи испросить благословеніе. Коровинъ, вѣроятно, высказалъ ему что-либо доброе обо мнѣ, такъ какъ отецъ Іоаннъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ сейчасъ удовлетворить мою просьбу, обѣщавъ сдѣлать это при удобномъ случаѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, я по службѣ былъ перемѣщенъ въ Гродно, гдѣ и живу до сихъ поръ. Такъ мнѣ и не пришлось увидѣть отца Іоанна въ Петербургѣ.

Въ сентябрѣ 1900 года, я тяжко заболѣлъ. Постояннымъ врачемъ моимъ былъ Яковлевъ. Болѣзнь разыгралась такъ, что врачи не могли ее одолѣть. Яковлевъ былъ искусный врачъ, прилагавшій всѣ усилія для облегченія болѣзни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ отчаянныхъ страданій, я совершенно ослабѣлъ. При сильномъ упадкѣ моихъ силъ онъ пригласилъ на консиліумъ старшаго врача Гродненской окружной больницы Н. Д. Беклемишева. Онъ выслушалъ меня и призналъ мое положеніе настолько опаснымъ, что счелъ нужнымъ предупредить мою жену о грозящей мнѣ опасности и смерти. Мнѣ конечно ничего не сказали объ этомъ. Я былъ очень слабъ, но сознанія не терялъ ни на мгновеніе, а потому самъ сознавалъ опасное положеніе и близость смерти. На другой день послѣ консиліума, я счелъ нужнымъ высказать своей женѣ, что я чувствую приближеніе смерти. Горе и отчаяніе ея были велики.

На другое утро я пожелалъ причаститься Святыхъ Тайнъ. Жена потребовала новаго созыва консиліума. Собрались тѣ же лица и опредѣлили, что наканунѣ положеніе мое было очень опасное, а теперь же оно безнадежно.

Несмотря на горе свое, жена моя не растерялась, усердно молилась, и Господь внушилъ ей обратиться къ отцу Іоанну. Она написала телеграмму, въ которой сказала: умираетъ отецъ большой семьи, оставляетъ 6 человѣкъ дѣтей и жену. Семья въ горѣ и проситъ отца Іоанна помолиться вмѣстѣ съ нею о сохраненіи жизни отцу семьи, вѣрующему христіанину. Ночь послѣ причащенія и отправки телеграммы отцу Іоанну жена провела подлѣ меня; я лежалъ почти безъ сознанія и силъ. Я сознавалъ, что жизнь въ нижней части тѣла моего исчезаетъ, я не могъ пошевельнуть ногами и не чувствовалъ прикосновенія къ нимъ рукъ ухаживающихъ за мною. Это онѣмѣніе органовъ постепенно поднималось выше и, казалось, достигло желудка, такъ какъ я не чувствовалъ боли въ желудкѣ; подъ утро моя жена, измученная, принуждена была оставить меня на попеченіи другихъ и просила меня заснуть. Я лежалъ молча, безъ движенія, но не терялъ сознанія. Утромъ домъ сталъ оживляться. Первою пришла ко мнѣ жена, тревожно всматриваясь въ меня и задавая себѣ вопросъ, живъ ли я. Я сдѣлалъ усиліе и протянулъ ей руку, и только тогда она убѣдилась, что я живъ.

Въ 9 часовъ утра пришелъ фельдшеръ, который приходилъ два раза, утромъ и вечеромъ, и, не войдя ко мнѣ, осторожно справился у прислуги: живъ ли я. Получивъ благопріятный отвѣтъ, онъ недовѣрчиво вошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ меня удивленно, и ушелъ.

Впослѣдствіи онъ разсказывалъ, что докторъ Яковлевъ, лѣчившій меня, признавалъ мое положеніе до такой степени безнадежнымъ, что не рѣшился идти ко мнѣ, не удостовѣрившись, что я живъ. Онъ приказалъ фельдшеру сходить освѣдомиться о моемъ здоровьи и тотчасъ вернуться съ извѣстіемъ. Узнавъ, что я живъ, онъ немедленно явился ко мнѣ самъ, сталъ внимательно осматривать меня; окончивъ, онъ ушелъ въ другую комнату съ моею женою и сказалъ: удивительно сильная у Николая Ксенофонтовича натура, я не надѣялся застать его живымъ. Поразительнѣе всего то, что положеніе не ухудшилось, а наоборотъ улучшилось. Будемъ продолжать лѣчить.

Придя ко мнѣ по обыкновенію, въ тотъ же день вечеромъ, онъ сталъ пробовать мой желудокъ, ноги и спросилъ: чувствую ли я его прикосновеніе; я отвѣтилъ, что чувствую. Онъ удивленно покачалъ головой и, удалившись въ другую комнату, сказалъ моей женѣ: „представьте себѣ, есть улучшеніе. Организмъ

оживаетъ!" Такъ шагъ за шагомъ, почти незамѣтно, болѣзнь стала уступать, и я началъ оправляться. Докторъ Яковлевъ говорилъ, что ничему не приписываетъ мое излѣченіе. Послѣдній консиліумъ, признавшій мое положеніе безнадежнымъ, рѣшилъ, что всѣ средства для моего излѣченія употреблены, ничего новаго предпринимать не надо, это безполезно. Въ виду этого Яковлевъ предложилъ, для успокоенія семьи моей, давать мнѣ тѣ лекарства, которыя были прописаны раньше и казались недѣйствительными. Яковлевъ говорилъ, что я обязанъ своимъ выздоровленіемъ исключительно своему сильному организму.

Мы съ женой были другого убѣжденія. Мы вѣрили, что улучшеніе моей болѣзни произошло послѣ молитвы отца Іоанна.

Выздоровленіе мое шло медленно, къ веснѣ я оправился на столько, что могъ уѣхать въ деревню, гдѣ и провелъ лѣто и окрѣпъ совершенно. Возвратившись въ городъ и чувствуя себя достаточно крѣпкимъ, я мечталъ съѣздить въ Петербургъ, навѣстить отца Іоанна въ Кронштадтѣ и высказать ему прямо свою благодарность. Слабость силъ моихъ и семейныя обстоятельства не допустили меня исполнить это искреннее мое желаніе.

Слѣдующею весною, если не ошибаюсь, въ апрѣлѣ 1901 года, настоятель Софійскаго собора въ Гроднѣ протоіерей Кургановичъ сказалъ мнѣ, что отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ на другой день пріѣдетъ въ Гродно.

Въ этотъ день отецъ Іоаннъ ежегодно ѣздилъ въ православный женскій монастырь, около станціи Сопацкаго въ 20 верстахъ отъ Гродны, и служилъ тамъ обѣдню.

Настоятельница монастыря просила протоіерея Кургановича встрѣтить отца Іоанна на станціи желѣзной дороги, усадить въ присланный ею экипажъ, сопровождать его до монастыря и чествовать. Она также просила протоіерея Кургановича отслужить вмѣстѣ съ отцомъ Іоанномъ службу.

Услышавъ это извѣстіе, я тотчасъ попросилъ протоіерея Кургановича доставить мнѣ возможность видѣть отца Іоанна, чтобы высказать ему свою благодарность за его молитвы и справедливость, а также испросить у него благословеніе. Кургановичъ обѣщалъ исполнить мое желаніе.

На другой день городъ Гродно былъ въ волненіи: извѣстіе о пріѣздѣ отца Іоанна быстро распространилось по городу. Утромъ поѣздъ изъ Петербурга не пришелъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ, отецъ Іоаннъ пріѣхалъ съ какимъ-то другимъ поѣздомъ около 8 часовъ вечера, тотчасъ перешелъ въ экипажъ настоятельницы и уѣхалъ въ ея монастырь. Время пріѣзда его нельзя было

узнать, а потому его никто не видалъ. Когда онъ отправится обратно въ Петербургъ, также было неизвѣстно; предполагали, что съ поѣздомъ въ 5 часовъ дня.

Вскорѣ разнеслась вѣсть, что отецъ Іоаннъ ѣдетъ въ Гродно, мы съ женой, около 3 часовъ, поѣхали на вокзалъ и стали ожидать прихода поѣзда.

Скоро разнеслась вѣсть, что протоіерей Кургановичъ вернулся изъ монастыря, и что отецъ Іоаннъ слѣдуетъ за нимъ и будетъ пить чай у него. Жена Кургановича была давно уже больна; при посѣщеніи дома Кургановичей отцомъ Іоанномъ, всѣ тотчасъ изъявили желаніе, чтобы отецъ Іоаннъ благословилъ больную.

Вотъ что разсказалъ мнѣ впослѣдствіи самъ Кургановичъ. Когда отецъ Іоаннъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ, то тотъ разспрашивалъ его о семейной жизни. Кургановичъ высказалъ ему свое огорченіе о продолжительной, затянувшейся болѣзни жены и мгновенно рѣшилъ на обратномъ пути просить отца Іоанна заѣхать къ нему и благословить его жену.

По окончаніи богослуженія отецъ Іоаннъ обратился къ Кургановичу и сказалъ: я не могу отказаться отъ гостепріимства и у игуменства, но я останусь въ монастырѣ не долго, а потомъ къ тебѣ отдохнуть.

Такимъ образомъ желаніе Кургановича, видѣть отца Іоанна у себя въ домѣ, исполнилось безъ его просьбы. Онъ поблагодарилъ отца Іоанна и попросилъ у него позволеніе тотчасъ уѣхать домой предупредить больную жену о неожиданномъ счастіи. Отецъ Іоаннъ благословилъ его и отпустилъ. Не прошло и полчаса по пріѣздѣ Кургановича домой, какъ подъѣхалъ отецъ Іоаннъ. Благословивъ встрѣтившую его семью, онъ спросилъ у Кургановича: а гдѣ же супруга его? Тотъ отвѣчалъ, что она лежитъ въ постелѣ, и что она не можетъ встать, чтобы встрѣтить его. „Такъ ведите меня къ ней!“ сказалъ отецъ Іоаннъ, пришелъ въ комнату больной, благословилъ ее, утѣшилъ, помолился съ ней и сказалъ: „вставайте! приходите къ намъ—будемъ вмѣстѣ пить чай“. Больная безсознательно повиновалась требованію его, съ усиліемъ поднялась, одѣлась и пошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ Іоаннъ. Тотъ привѣтствовалъ ее, усадилъ подлѣ себя и потребовалъ, чтобы она вмѣстѣ съ ними напилась чаю; безмолвно повинуясь волѣ отца Іоанна, она выпила немного чаю; отецъ Іоаннъ подбадривалъ ее и заставилъ выпить ее вторую чашку. Она безсознательно, понемногу выпила все это. Наконецъ, отецъ Іоаннъ всталъ и началъ прощаться съ хозяевами. Благословя больную, онъ сказалъ ей: не унывайте, Богъ милостивъ, выздоравливайте! Протоіерей Кургано-

вичъ проводилъ отца Іоанна на вокзалъ, гдѣ образовалась вокругъ отца Іоанна многотысячная толпа.

Какъ только онъ вышелъ изъ коляски, ожидавшіе окружили его, испрашивая благословенія. Онъ терпѣливо исполнялъ ихъ просьбу, но при этомъ говорилъ: „помилуйте, пропустите меня къ моему вагону“. Болѣе благоразумные люди стали раздвигать толпу, онъ постепенно подвигался къ вагону. Къ моему счастью мы съ женой стояли на его пути, онъ прошелъ подлѣ насъ, мы подошли подъ благословеніе. Вѣроятно онъ замѣтилъ мое искреннее благоговѣніе къ нему: онъ, благословляя меня, пріостановился, молча внимательно всмотрѣлся въ мое лицо, кивнулъ мнѣ головою и молча пошелъ дальше. Дойдя до вагона, онъ вошелъ въ него. Въ вагонѣ находились лица, сопровождавшія его въ пути; вагонъ тотчасъ заперли, но отецъ Іоаннъ минутъ черезъ пять подошелъ къ окошку, спустилъ стекла и сталъ опять благословлять стоявшихъ у окна. Снисходительно нагибался онъ, многимъ клалъ руку на голову, другихъ только благословлялъ и все время твердилъ: „да благословитъ васъ Господь, молите Его“. Къ всеобщему ужасу, обратясь къ двумъ женщинамъ, добивавшимся его благословенія, онъ не далъ имъ его и строгимъ голосомъ сказалъ: „молитесь, много молитесь!“ и тотчасъ обратился къ другимъ, продолжая благословлять. Кто были эти несчастныя, не знаю. Онѣ въ ужасѣ со слезами отошли отъ окна и скрылись въ толпѣ. Это продолжалось съ часъ до самаго отхода поѣзда, и все-таки, кажется, не всѣмъ удалось получить благословеніе. Когда поѣздъ тронулся, онъ стоялъ у окна, все еще благословляя стоявшихъ, нѣсколько разъ перекрестилъ стоявшихъ, какъ бы молясь за нихъ.

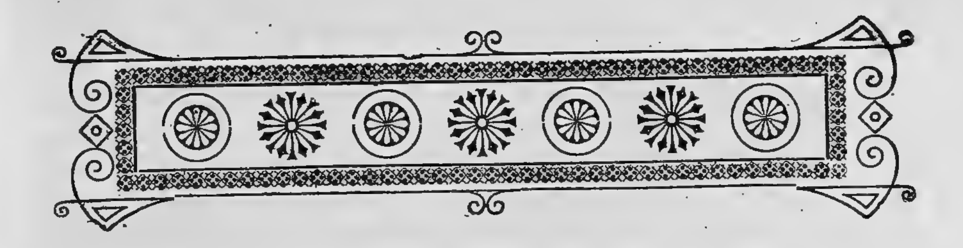
Мнѣ не пришлось болѣе никогда видѣть отца Іоанна, но зрѣлище пріѣзда его въ Гродно произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе, еще болѣе усилило мое уваженіе къ нему и вѣру въ его чудодѣйственную силу, любви къ людямъ и въ его предстательство предъ Господомъ. Глядя на эту тысячную толпу, съ благоговѣніемъ обращавшую свои взоры на него, съ такою вѣрою искавшую прикосновенія къ его рукѣ, его благословенія невольно думалось: неудивительно, что я, обязанный жизнью, съ молитвою, вѣрою и любовью смотрю на него, но что же влечетъ всѣхъ этихъ людей къ нему, неужели и они испытали силу его молитвы?

Отецъ Іоаннъ былъ рѣдкій психологъ. Вглядываясь въ лица окружающихъ его людей, онъ ясно видѣлъ ихъ страданія, онъ понималъ, сколько умоляющихъ взглядовъ устремлено на него; благословляя, онъ клалъ руку на плечо или голову, и показывалъ этимъ, что онъ понимаетъ горе и хочетъ помочь.

Именно это безмолвіе, вдумчивый, ласковый взглядъ отца Іоанна возбуждаетъ вѣру во всѣхъ окружающихъ его. Простота въ обращеніи его была удивительна. Онъ никогда не разыгрывалъ какой-либо важной роли. Онъ не любилъ торжественныхъ службъ, отдѣлялся, какъ бы мимо ходилъ, между прочимъ. Не для увеличенія славы отца Іоанна я разсказалъ все изложенное мною. Основное побужденіе, мое чувство благодарности, желаніе разсказать другимъ, сколько утѣшенія, сколько чистой духовной радости сѣялъ онъ вокругъ себя. Онъ, не зная меня, молился за меня, безъ просьбы былъ у Кургановича, утѣшалъ, ободрялъ его, исцѣлилъ его жену и усталый посвятилъ нѣсколько часовъ на утѣшеніе неизвѣстной ему толпы. Вотъ почему людямъ дорога его память, вотъ почему до сихъ поръ къ нему обращаются труждающіеся и обремененные и вѣрятъ, что въ загробной жизни онъ любитъ человѣчество, готовъ помочь ему.

Сообщ. В. Полевая.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

Глава I.

Назначеніе эскадроновъ на усмиреніе въ Курляндію.—Дорога въ Митаву.—Западная Двина.—Слухи о латышской революціи.—Баронскіе замки.—Отношеніе къ войскамъ.—„Военный совѣтъ“ у губернатора.

Въ концѣ іюля 1905 года кавалерійскій полкъ шелъ по дебрямъ Бѣлоруссіи.

Стояла томительная жара безъ малѣйшаго дуновенія въ раскаленномъ воздухѣ. Первобытная дорога пролегала то по сыпучимъ пескамъ, окутывавшимъ эскадроны мельчайшею пылью, то по болотамъ, преддверію знаменитаго Полѣсья, съ тучами назойливѣйшихъ насѣкомыхъ. Убогія деревни, попадавшіяся по пути, съ кое-какъ сложенными изъ неотесанныхъ бревенъ избами при ужасающей грязи во дворахъ, производили гнетущее впечатлѣніе. Ни садика, ни опрятнаго строенія, ни проблеска довольства!

По обыкновенію, вступая въ деревни, трубачи продували отъ пыли свои трубы и начинали лѣниво наигрывать какой-нибудь затасканный маршъ. На вялые звуки его выбѣгали въ однѣхъ рубашенкахъ немытыя, нечесанныя дѣтишки, такіе же неопрятные взрослые и съ тупыми застывшими лицами смотрѣли на „москалей“ бабы. И невеселое настроеніе отъ всего этого только усиливалось. А впереди предстояло не мало такихъ скучныхъ дней—лѣса, болота, деревни, въ которыхъ, въ довершеніе всего, приходилось и ночевать.

. Въ одинъ изъ такихъ дней предъ самымъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь получено было предписаніе немедленно выдѣлить изъ состава полка два эскадрона, форсированнымъ маршемъ вернуть ихъ въ штабъ, чтобы оттуда спѣшно по желѣзной дорогѣ направить въ Митаву. Два эскадрона полка задолго предъ тѣмъ уже были посланы бороться съ внутренними врагами—крестьянами за ихъ аграрныя вожделѣнія и евреями, стремящимися расширить кругъ своей эксплоатаціонной дѣятельности. Непризванный пока подавлять безпорядки, дивизіонъ поплелся себѣ дальше—ему въ поганомъ городкѣ предстояло отбыть скучнѣйшіе „сборы съ пѣхотой", а послѣ тою же дорогою вернуться обратно. Никому не улыбалась и эта перспектива, а все же она была привлекательнѣе „усмиренія", „содѣйствія гражданскимъ властямъ".

Изъ краткихъ сообщеній, время отъ времени появлявшихся въ газетахъ, смутно было извѣстно, что въ Прибалтійскомъ краѣ творится что-то неладное. Но мало кто интересовался этими отрывочными извѣстіями. Кой-гдѣ въ Бѣлоруссіи и въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ начинались уже безпорядки, но имъ тогда еще не удѣляли должнаго вниманія. Никто не думалъ, что это грозные предвѣстники огромнаго пожара, скоро озарившаго своимъ зловѣщимъ заревомъ страну отъ Вислы до Тихаго океана.

Драгунъ, собственно не знавшихъ, съ какимъ врагомъ они ѣдутъ биться, быстро повезли на Минскъ, Вильно, Двинскъ въ совсѣмъ невѣдомую имъ Курляндію. „Бунтуютъ тамъ какіе-то латыши". Кто они такіе, что ихъ понудило бунтовать? Мало ли разныхъ народовъ въ обширной Россіи живетъ—всѣхъ не узнаешь! Нѣкоторые, впрочемъ, знали, что въ Курляндіи обитали бароны, что край тотъ въ нѣкоторомъ родѣ фантастическій, такъ какъ извѣстно, вѣдь, что каждому изъ нихъ присуща своя фантазія.

Эшелонъ быстро слѣдовалъ впередъ, не задерживаясь на станціяхъ, даже очень большихъ, передаточныхъ. Для нашихъ дорогъ это совсѣмъ необычно, изъ чего и заключить было можно, что впереди предстояло что-то серьезное. На станціяхъ уже говорили, что въ Курляндіи идетъ сильное движеніе среди латышей, поднимавшихся противъ своихъ многовѣковыхъ угнетателей и долго мирволившей имъ власти.

Но въ Крейцбургѣ, гдѣ нужно было свернуть на недалекую уже Митаву, эшелонъ споткнулся. Причина задержки неизвѣстна была и станціонному начальству. Послѣ чуть не полусуточнаго томительнаго ожиданія тронулись дальше.

Переѣхали красавицу Двину „съ серебряными берегами и золотымъ дномъ" (слова Іоанна Грознаго), этотъ древній Эриданъ и

знаменитый путь „изъ Варягъ въ Греки“. Широкая рѣка течетъ здѣсь въ высокихъ скалистыхъ берегахъ. За нею лежитъ Курляндія. Въ глубокой древности еще сюда стремились финикіяне, греки, римляне за янтаремъ, цѣнившимся тогда выше драгоцѣннѣйшихъ камней: Геліады, дочери солнца (Геліоса) запрягли Фаэтону отцовскую колесницу. Юноша не справился съ безсмертными конями, сбился съ пути. Земля едва не была охвачена общимъ пожаромъ. Но Зевсъ-Громовержецъ ударомъ молніи во-время поразилъ Фаэтона. Тѣло его свалилось въ Эриданъ. Геліады плакали о гибели брата, слезы ихъ обращались въ янтарь. У грековъ онъ такъ и назывался—„слезами Геліадъ“.

Народы, жившіе по Двинѣ, платили дань полоцкимъ князьямъ, въ нижнемъ теченіи ея стали уже возникать русскіе города (Герсикъ, Кукейносъ), владѣнія ихъ постепенно распространялись все дальше, къ „выходу въ море“. И затянувшаяся послѣ на много вѣковъ историческая задача еще тогда легко могла рѣшиться. Но неблагопріятный своими послѣдствіями для страны вѣтеръ (во второй половинѣ XII в.) прибилъ въ Двину корабль нѣмецкихъ купцовъ. Они поторговали, хорошо поживились, стали повторять визиты и безпрепятственно заводить колоніи. Но вотъ въ 1186 г. на берегъ Двины высадились нѣмцы—воины, неся съ собою крестъ для просвѣщенія язычниковъ и мечъ. Русскіе князья позволили Мейнгарду „проповѣдовать слово Божіе“, не предвидя, сколько горя странѣ принесло съ собою водвореніе пришельцевъ, сколько потоковъ крови прольетъ просвѣтительный мечъ!

Скоро (1202 г.), по мысли епископа Альберта, „вооруженнаго апостола Ливоніи“,—папа Иннокентій III учредилъ духовно-рыцарскій орденъ. На призывъ Св. Отца въ край устремились толпы рыцарей заслужить въ борьбѣ съ язычниками обѣщанное отпущеніе грѣховъ. Соглашавшихся страха ради креститься—порабощали, упорствовавшихъ—истребляли. Съ того времени здѣсь началось полное владычество нѣмцевъ.

Не доѣзжая Митавы всего лишь одной версты, поѣздъ былъ снова задержанъ часа на два, что было уже совсѣмъ неудобно. Приближался вечеръ. Хотѣлось къ тому же скорѣе посмотрѣть этотъ городъ, бывшую столицу герцоговъ курляндскихъ, изъ которыхъ одинъ такъ долго угнеталъ Россію.

Пріѣхали, наконецъ, „выгрузились“. Эскадроны встрѣтилъ любезнѣйшій вице-губернаторъ, а спустя нѣсколько минутъ прибылъ и самъ „благополучно“ управлявшій губерніею ужъ лѣтъ десять. Пригласивъ офицеровъ явиться къ нему въ 11 часовъ ночи на „военный совѣтъ“, оставилъ онъ одинъ эскадронъ въ самомъ городѣ,

другой отправилъ въ ближайшее имѣніе. Съ послѣднимъ, перейдя полноводную р. Аа, по прекрасному шоссе, мы направились въ назначенную стоянку—им. Паульсгнаде—Павла даръ.

Что это могло значить, какого Павла? Скоро разъяснилось—на дорогѣ, гдѣ свернули въ самое имѣніе, стоитъ памятникъ съ бюстомъ Павла I и надписью, гласящею, что имѣніе, въ границы котораго въѣзжали, было пожаловано барону Императоромъ. Послѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи (1795 г.) въ казну перешло очень много герцогскихъ имѣній. Ими-то и награждались ловкіе люди. Екатерина II осыпала своихъ любимцевъ помѣстіями съ тысячами „душъ“ за одни подвиги, сынъ ея—за другіе—искусное, напр., владѣніе шпагой, знаніе тонкостей запутанныхъ военныхъ уставовъ и пр. въ этомъ родѣ. Къ Паульсгнаде принадлежатъ хорошіе два замка и цѣлый лабиринтъ капитальныхъ построекъ.

Въ Курляндіи имѣнія называются мызами, помѣщичьи дома непремѣнно замками, если даже они ничего общаго съ ними не имѣютъ. Приходилось слышать это громкое названіе, примѣняемое къ небольшимъ деревяннымъ домамъ. Обыкновеніе такъ величать баронскія жилища объясняется просто: они вѣдь всѣ рыцари, а рыцарь и замокъ—нераздѣльныя понятія.

Первый просвѣтитель страны, августинскій монахъ Мейнгардъ—началъ свою дѣятельность съ постройки замковъ. Съ теченіемъ времени укрѣпленныхъ замковъ нѣмцы понастроили очень много—это были тѣ неприступныя орлиныя гнѣзда, съ которыхъ они слетали за добычею и, благодаря которымъ, держали въ повиновеніи покоренный народъ. Побѣдители, подѣливъ между собою страну, всегда жили и продолжаютъ жить среди враждебнаго имъ населенія—высокомѣрнаго взгляда на него они не измѣнили и понынѣ, плоды чего теперь и пожинаютъ.

Громаднѣйшій баронскій домъ въ Паульсгнаде угрюмо стоялъ съ запертыми ставнями. Толпа революціонеровъ являлась сюда диктовать свои экономическія условія. Они были несоразмѣрно велики, принять ихъ не было возможности. Случаи убійствъ бароновъ были уже. И, опасаясь повторенія нежеланныхъ визитовъ, владѣлецъ покинулъ имѣніе. Для охраны его теперь водворялся цѣлый эскадронъ.

Администрація встрѣтила драгунъ съ распростертыми объятіями, любезно предоставляя все въ ихъ распоряженіе, говоря, что таково „повелѣніе г-на барона“. А такъ еще недавно, когда въ губерніи бывали иногда маневры, бароны и графы весьма неохотно терпѣли въ границахъ своихъ обширныхъ помѣстій войска. За самый пустой причиненный ущербъ, чего подчасъ избѣжать невозможно, тотчасъ же сыпались энергичные протесты и жалобы—до военнаго министра

включительно. Часто намъ приходилось и испытывать на себѣ отношенія надменныхъ потомковъ рыцарей къ маневрирующимъ. Промоченные до костей холодными осенними дождями, на которые Курляндское небо такъ щедро, офицеры подчасъ пытались найти гостепріимство для себя и солдатъ подъ кровомъ имѣній, но обыкновенно встрѣчали отказъ, даже въ просьбѣ продать молоко. Въ баронскихъ имѣніяхъ отводить квартиръ нельзя—они „свободные отъ постоя“, хотя обыкновенно въ каждомъ замкѣ имѣются десятки запасныхъ комнатъ, всегда готовыхъ принять гостей. Для солдатъ и лошадей нашлись бы также прекрасныя помѣщенія. Иногда исключенія дѣлались для кавалеристовъ—къ нимъ еще снисходили. Среди мѣстнаго дворянства много отставныхъ кавалеристовъ, болѣе всего гвардейскихъ, съ ихъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ арміи. Но обстоятельства измѣнчивы: владѣльцы замковъ, забывъ свою гордость, теперь всячески стали ухаживать даже за солдатами, видя въ нихъ спасителей; и сами уже обращались съ просьбами поставить въ имѣніе „хотя-бы нѣсколько драгунъ“. Словомъ, картина рѣзко измѣнилась. Офицеры, памятуя прежнее, посмѣивались себѣ. Съ 1-го августа курляндское дворянство начало даже отпускать „на улучшеніе пищи“ по 10 коп. въ день на каждаго нижняго чина и суточныя: командирамъ ротъ, эскадроновъ по 4 руб., прочимъ офицерамъ по 3. Отъ полученія этой подачки, по благоразумному предложенію генералъ-губернатора, офицеры уклонились. Чрезъ мѣсяцъ отпускъ нижнимъ чинамъ былъ сокращенъ до 3 коп., послѣ до 2-хъ, а съ декабря и совсѣмъ прекратился. Правда, и платить-то собственно было не за что—замки начали систематически сжигаться латышами, а войска въ безсиліи своемъ даже очистили уѣзды, города.

Но эта плата войскамъ, какъ бы пришедшимъ исключительно только для защиты баронскаго имущества, чему свидѣтельствовало размѣщеніе ихъ небольшими командами по имѣніямъ, давала основаніе революціонерамъ называть ихъ въ прокламаціяхъ „наемниками бароновъ“. А это немало подрывало ихъ въ глазахъ населенія, возставшаго, помимо прочаго, противъ нѣмецкаго феодализма.

Въ 11 часовъ ночи офицеры собрались у губернатора на „военный совѣтъ“. Кромѣ нихъ, въ немъ приняли участіе: вице-губернаторъ, начальникъ гарнизона, уѣздн. начальникъ, предводитель дворянства, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, прокуроръ и др. Отсутствовали только почему-то жандармы. Странно было предъявленное губернаторомъ требованіе: выяснить, какъ глубоко въ его губерніи пустила корни пропаганда, и какъ многочисленны

шатавшіяся по краю партіи революціонеровъ. И это послѣ десятилѣтняго хозяйничанья въ губерніи. Что дѣлали жандармы и полиція, прозѣвавшіе развитіе движенія! Что дѣлалъ, наконецъ, самъ губернаторъ! Его, впрочемъ, недѣли черезъ двѣ уволили. Задавъ такой вопросъ, губернаторъ предложилъ членамъ совѣта высказать свое мнѣніе.

Уѣздный начальникъ весьма обстоятельно доложилъ о вынесенномъ имъ изъ объѣзда впечатлѣніи. Явствовало, что все обстояло неблагополучно. Толпы революціонеровъ, которыхъ впрочемъ лично онъ не видѣлъ, шатались по уѣзду, громили волостныя правленія, пастораты, разстрѣливали въ первыхъ портреты Государя Императора. Далѣе жгли безпощадно у помѣщиковъ сѣно и хлѣбъ. Выходило, что губернаторъ имѣлъ уже дѣло чуть что не съ начинающимся открытымъ возстаніемъ. Уѣздный начальникъ только не зналъ, какъ измѣрять численность шаекъ—сотнями или тысячами. По этой части свѣдѣнія были сбивчивы. Митавскій уѣздъ съ довольно развитой промышленностью, съ большимъ числомъ рабочаго люда, съ преобладаніемъ въ мѣстечкахъ еврейскаго населенія, считался у властей неблагонадежнымъ.

Говорили потомъ и другіе. Изъ ихъ рѣчей можно было заключить, что они мало свѣдущи, и что нѣкоторымъ изъ нихъ менѣе всего знакомъ русскій языкъ. Одного и совсѣмъ нельзя было понять. Рѣчь его внесла оживленіе въ скучнѣйшій совѣтъ. Ораторъ, нервно вертя въ рукахъ карандашъ, говорилъ буквально такія фразы: „моя пришля“... О! ja... моя пришля...“ Запутавшись окончательно въ дебряхъ невѣдомаго ему языка, ораторъ сконфузился и умолкъ. Жаль, этикетъ не позволялъ посмѣяться!

Въ заключеніе говорилъ прокуроръ. Послѣ курьезныхъ издѣвательствъ надъ государственнымъ языкомъ, пріятно было послушать прокурора. Въ весьма мрачныхъ краскахъ обрисовалъ онъ положеніе дѣлъ въ губерніи и въ ближайшимъ будущемъ предсказывалъ еще худшее. Намъ думалось тогда, что прокуроръ, такъ сказать, по спеціальности своей сгущаетъ краски. Къ сожалѣнію, онъ оказался правъ. Губернаторъ почти каждаго грубо, по-помпадурски (и голосъ-то у него подходящій) перебивалъ, вставлялъ замѣчанія, поправки. Нельзя сказать, чтобы онѣ были глубокомыслены и свидѣтельствовали о знаніи „ввѣреннаго“ ему края. Ходили сплетни, что имъ собственно управлялъ не онъ, находясь одновременно подъ вліяніемъ двухъ враждебныхъ элементовъ въ губерніи.

По окончаніи выясненія, начался разрабатываться планъ подавленія возстанія. Слабымъ эскадронамъ ставилось въ задачу: раздробившись на маленькіе отряды, все время ходить по уѣзду (съ воз-

вращеніемъ въ Митаву), наблюдать, хватать и крамолу искоренять. Выходило какое-то perpetuum mobile. Въ наступившую критическую минуту губернатору приходилось проявлять энергію. Инструкція дана была дѣйствительно энергичная, но—неудобоисполнимая. Ее на другой же день нѣсколько исправили, подробн о разработали, указали пункты, чуть не часы, гдѣ и какъ ловить и т. д. Но непредвидѣнное донесеніе въ тотъ же день послужило причиною, что вся инструкція пошла на смарку. Такова уже участь всѣхъ сложныхъ предначертаній, не берущихъ во вниманіе измѣнчивости обстоятельствъ!.

Военный совѣтъ разошелся около 3 часовъ ночи.

Администраторы, вѣрно, заснули спокойно,—они исполнили свой долгъ—преподали инструкцію. Не хорошо только чувствовали себя военные—имъ навязали не совсѣмъ подходящую роль. Ну, разогнать, вздуть—это просто, а то выясняй, пресѣкай, арестовывай.

Слѣдующій по прибытіи день давался на устройство помѣщеній эскадроновъ и отдыхъ предъ предстоящими трудами.

Е. А. Альбовскій.

Секретное предписаніе Начальника 1-й арміи генералу Цвиленеву.

(Арх. Канц. Воен. Минис. св. 24, д. № 3)[1].

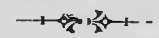
5 іюня 1817 г.

До свѣдѣнія моего дошло, что въ 33-мъ егерскомъ полку при ученьяхъ употребляется столь жестокое наказаніе нижнихъ чиновъ, какъ бы и за самое преступленіе.

Ваше Превосходительство сами чувствовать изволите, что обученіе солдата болѣе зависитъ отъ благоразумія и кроткаго обращенія офицеровъ, нежели отъ наказанія, которое напротивъ отнимаетъ у непонятливаго охоту къ службѣ и приводитъ къ огорченію до такой степени, что служитъ поводомъ къ побѣгамъ и даже къ самымъ самоубійствамъ.

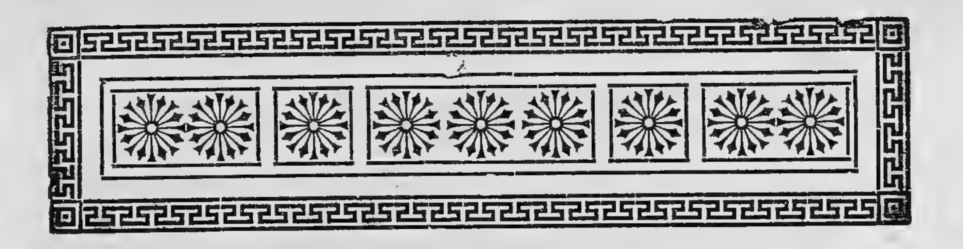
Почему предлагаю Вашему Превосходительству секретнымъ образомъ внушить Командиру и всѣмъ вообще офицерамъ 33 егерскаго полка, что ошибки въ ученьи должны быть исправляемы хладнокровно, кроткимъ и яснымъ истолкованіемъ на то правилъ; всякая же горячность въ семъ случаѣ и неумѣренность въ наказаніи отнюдь терпимы быть не должны.

Сообщ. В. П. Федоровъ.

---

[1]) Копія снята собственноручно ген.-л. Дубровинымъ. На ней помѣтка его рукою: перомъ—„Положеніе солдатъ“, карандашемъ—„Строгости въ войскахъ“.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой[1]).

Глава I.

Едва окончилась русско-турецкая война, какъ явились ея послѣдствія: Афганистанская война и возстанія въ Македоніи.

Въ то время, какъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи и тайно готовилъ экспедицію изъ индійскихъ войскъ, чтобы завладѣть Кипромъ, съ согласія, или безъ согласія султана, русскіе, съ своей стороны, готовились отплатить тѣмъ же. По соглашенію между Россіей и Англіей, заключенному въ министерство Гладстона, Афганистанъ признавался территоріей въ сферѣ англійскихъ интересовъ, которой Россія не должна была касаться. Въ Кабулѣ не существовало русскаго аккредитованнаго лица. Содержаніе и вооруженіе Эмира дѣлалось индійскимъ правительствомъ для того, чтобы Афганистанъ могъ служить какъ бы буферомъ, независимымъ, но дружественнымъ съ Англіей.

Пока Россія и Англія находились въ мирныхъ отношеніяхъ, это соглашеніе свято исполнялось. Когда же Россіи стали открыто грозить войной, и арсеналы Англіи готовили вооруженіе, чтобы напасть на русскія войска въ Болгаріи, положеніе измѣнилось. Ради самозащиты въ Европѣ, Россія послала въ Азію генерала Столѣтова, съ небольшимъ конвоемъ и любезнымъ порученіемъ въ Кабулъ.

---

[1]) См. „Русск. Старину“ январь 1912 г.

Когда въ Европѣ водворился миръ, Столѣтовъ возвратился изъ Афганистана, и тѣмъ дѣло со стороны Россіи и кончилось.

„Въ Англіи, пишетъ Стэдъ, борьба не прекратилась такъ быстро. Напротивъ: тутъ даже проявилась воинственность съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Литонъ былъ назначенъ вице-королемъ, чтобы объявить королеву Императрицей Индіи; его неспокойный духъ жаждалъ отличія: ему хотѣлось непремѣнно исправить сѣверо-западную границу Индіи, что значило тогда, какъ и теперь, захватъ чужой территоріи. Онъ желалъ превратить Афганистанъ въ вассальное государство Англіи, имѣть въ Кабулѣ британскаго посланника, а Кандагаръ занять англійскими офицерами. Эмиръ Ширъ-Али, человѣкъ своенравный подобно Саулу Царю Израильскому, но не имѣвшій Давида, укрощающаго его нравъ искусной музыкой,— скоро понялъ грозящую ему опасность. Онъ сталъ подозрителенъ и недружелюбенъ. Чѣмъ суровѣе дѣлался онъ, тѣмъ очевиднѣе казалась лорду Литону необходимость исправленія границы. Всѣ эти предположенія, однако, были отложены при объявленіи Русско-Турецкой войны, которая отвлекла вниманіе Англіи на Ближній Востокъ, а Россіи дала мысль о возможности войны съ Англіей въ Европѣ и въ Азіи. Ширъ-Али, мрачный, недовѣрчивый, испуганный, заботился только о своей независимости и цѣлости своей страны; одинаково не любилъ какъ русскихъ, такъ и англичанъ, но такъ какъ послѣдніе грозили его независимости, то его глаза невольно обратились къ Средне-Азіатскимъ степямъ, изъ-за холмовъ которыхъ виднѣлась тѣнь Великаго, Бѣлаго Царя.

13-го іюля, когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и война не состоялась, генералъ Столѣтовъ былъ уже на пути изъ Самарканда въ Кабулъ. Онъ прибылъ въ Кабулъ, и 2-го августа былъ принятъ Эмиромъ.

Англійскіе министры въ это время хвастались своимъ „миромъ“, и появленіе генерала Столѣтова въ Кабулѣ ихъ встревожило. Надо помнить, что тотъ же Ширъ-Али англійскихъ офицеровъ вовсе не принималъ въ свою столицу.

Здравая политика Великобританіи требовала бы спросить у Россіи объясненій Столѣтовскаго визита въ Кабулъ. Генерала, вѣроятно, бы отозвали, и все осталось бы по-прежнему. Но не тутъ-то было: на Россію Англія напасть теперь не хотѣла, а предпочла распрю съ несчастнымъ Ширъ-Али. Джингоистская партія неистовствовала. Часть Индіи, жаждущая „научной границы“, и престижъ Англіи въ Средней Азіи страдали. Въ сентябрѣ Англія отправила въ Кабулъ тысячный отрядъ. Но 1.000 человѣкъ для войска слишкомъ мало, а

для конвоя слишкомъ много. Отысканъ былъ и пустяшный предлогъ для новой несчастной войны въ Афганистанѣ.

Въ это самое время г-жа Новикова возвратилась въ Лондонъ и принялась за свой полезный трудъ—разъяснять англійской публикѣ русское мнѣнія о нихъ и ихъ политикѣ въ Европѣ и въ Азіи. Еще до своего пріѣзда, она уже переписывалась съ Гладстономъ о о Родопской комиссіи.

На эту же тему писалъ ему и я, спрашивая также его мнѣнія о Кабульскомъ и Афганистанскомъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ 18-го сентября, въ самый день отъѣзда англійской миссіи въ Кабулъ:

18 сентября 1878 г.

Милостивый Государь.

„На прошлой недѣлѣ Вы обратились къ мнѣ съ вопросомъ, я думаю потому, что находились въ затрудненіи, а я былъ въ затрудненіи Вамъ отвѣчать; все это происходитъ оттого: 1) что для насъ неясны самые факты. Однако, мнѣ кажется, что Daily News слишкомъ поспѣшно утверждалъ о необходимости движенія впередъ, когда мы были еще въ потемкахъ; 2) что слѣдовало разсудить, была ли посылка нашихъ войскъ въ Квету согласована съ договоромъ нашимъ съ Россіей относительно сферъ нашего обоюднаго вліянія? 3) освободитъ ли нашъ образъ дѣйствій Россію отъ ея обязательствъ и дастъ ли ей дѣйствительную причину неудовольствія? 4) Разумно или законно ли озлобленіе противъ Афганистана? 5) Не равняется ли вмѣшательство въ независимость Эмира принужденію?

„Сегодня получилъ Вашу записку съ приложеніемъ отъ г-жи Новиковой. Оно ясно и даетъ лучшее понятіе о комиссіи, чѣмъ я прежде имѣлъ. Но все же оно меня не удовлетворяетъ. Авторъ говоритъ, что членъ французской комиссіи хорошій человѣкъ, и что докладъ написанъ имъ, а не русскимъ. Вашъ искренно

Гладстонъ.

Когда пришло извѣстіе о возвращеніи англійской миссіи, говоритъ Стэдъ, я сильно настаивалъ на собраніи митинговъ для протеста противъ второй Афганской войны и увѣдомилъ объ этомъ Чемберлена.

„Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, написалъ тотъ: я сомнѣваюсь, чтобы рядъ митинговъ по поводу индійской политики принесъ какую бы то ни было пользу въ настоящее время“.

Ольга Алексѣевна, между тѣмъ, помѣстила три статьи въ „Сѣверномъ Эхо“ (Northern Echo): одну о впечатлѣніи въ Россіи отъ

англійской поликики въ Европѣ, вторую о грозящей войнѣ съ Афганистаномъ и третью о возстаніи въ Македоніи. До того, какъ она начала писать, она возобновила знакомство съ Томасомъ Карлейль, какъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 6-го октября.

„Я провела часа два съ милымъ старикомъ Карлейлемъ. Мы вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ омнибусѣ, онъ меня проводилъ до моей гостиницы и просилъ заѣхать, въ какой день я хочу, до трехъ,— тогда мы опять покатаемся, только въ каретѣ, это для него своего рода прогрессъ. „Знаете, я думалъ, въ прошломъ году, что никогда больше Васъ не увижу. Не странно ли, что я еще живъ?“ сказалъ онъ. Милый старикъ! Кажется, онъ искренно былъ радъ меня видѣть и безпрестанно повторялъ это. Я спросила: имѣлъ ли онъ извѣстія отъ Васъ. „Лишь только, когда въ газетѣ есть что-нибудь написанное Вами, я очень благодаренъ издателю за присылку мнѣ газеты, отвѣчалъ онъ. Но политика больное мѣсто въ наше время. Съ проклятымъ нашимъ премьеромъ стыдишься того, что происходитъ“.

Друзья г-жи Новиковой сильно поощряли ея наклонность къ журналисткѣ. Она мнѣ писала:

23 октября 1878 г.

„Хейвардъ говоритъ въ своей запискѣ: Я прочиталъ письмо и передовую статью о немъ съ большимъ удовольствіемъ. Во всемъ совершенно согласенъ съ Вами. Роль наша жалка и презрѣнна. Представитель Англіи шарлатанъ, но надо надѣяться, что рано или поздно наступитъ разоблаченіе“.

„Фрудъ относится также дружески къ ней: „О. К. хороша какъ нельзя болѣе“, пишетъ онъ. Вотъ письмо г-жи Новиковой:

„Вчера я навѣстила Карлейля. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ: Я нахожу Вашу статью очень хорошей и интересной. Я Вамъ не стану говорить комплиментовъ, но это сущая правда. Я не зналъ анекдота про Фридриха-Вильгельма, но это совершенно въ его духѣ. Онъ говорилъ, бывало: смотрите мнѣ прямо въ глаза, когда я съ Вами говорю“.

Анекдотъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ былъ таковъ: чтобъ заставить человѣка его любить, императоръ билъ его палкой, прибавляя: „меня нужно любить, а не бояться“. Г-жа Новикова привела его, какъ иллюстрацію къ англійскому способу пріобрѣтенія дружбы Ширъ-Али.

Канонікъ Лидонъ писалъ изъ Оксфорда 22 октября:

„Я только-что прочиталъ съ истиннымъ интересомъ и сочувствіемъ Ваше письмо въ „Сѣверномъ Эхо“. Мнѣ кажется совершенно

естественнымъ, что русскій народъ негодуетъ на насъ. Мы, англичане, вели себя какъ нельзя хуже. Какъ нація, мы были то хвастливы, то подозрительны, то грубы, то циничны, дѣлали все, чтобъ возбудить недоброжелательство. Русскіе были бы ангелы, если бъ не считали насъ за чертей.

„Одна или двѣ фразы въ Вашемъ письмѣ даютъ мнѣ смѣлость выразить Вамъ надежду, что Вы продолжаете заботиться о согласіи и примиреніи.

„Не падайте духомъ, все истинно доброе, сдѣланное въ мірѣ, всегда давалось тяжело. Мнѣ кажется, Вы не знаете о большомъ сочувствіи къ Россіи, которое существуетъ въ Англіи, въ особенности въ церкви и въ духовныхъ кругахъ. Для многихъ изъ насъ дѣло Россіи есть дѣло христіанства восточной Европы. Важно то, что Россія защитила угнетенные христіанскіе народы, и со временемъ это будетъ признано всѣми. Вы, я надѣюсь, останетесь въ Лондонѣ до декабря, когда мнѣ надо будетъ присутствовать въ соборѣ Св. Павла. Большое удовольствіе будетъ увидѣть Васъ и содѣйствовать сколько возможно возбужденію дружелюбныхъ чувствъ между двумя народами, которые должны бы быть въ тѣсной дружбѣ".

Профессоръ Тиндаль, восторженное отношеніе котораго къ г-жѣ Новиковой никогда не распространялось на ея политическіе взгляды, былъ сдержаннѣе. Вотъ двѣ его записки по поводу ея двухъ статей въ октябрѣ:

„Большое спасибо за статью. Чувства мои относительно Англіи и Россіи совсѣмъ не ясны. Но ясно вполнѣ желаніе, чтобы оба государства руководились разсудкомъ, а не страстями для устройства своихъ недоразумѣній, не прибѣгая къ адской машинѣ, называемой войной".

„Я прочиталъ Вашу статью и относительно политики и нѣсколько смутился духомъ. Подозрительная, колеблющаяся, негостепріимная Англія, описанная Вами, мнѣ неизвѣстна".

Гладстонъ 25-го октября писалъ г-жѣ Новиковой:

„Очень благодаренъ. Съ большимъ интересомъ прочелъ письмо. Для меня цѣнно всякое сообщеніе, откровенно высказанное. Въ этомъ правило и гордость моей родины. Поэтому я сердечно радъ, не только когда намъ говорятъ истинную правду, но даже за то, что честно принимаютъ за правду".

Хорошо было бы, если бы многіе такъ же относились къ дѣлу.

Гладстонъ былъ пораженъ силой и ясностью, съ которой Ольга Алексѣевна изложила нашествіе на Афганистанъ. Шесть лѣтъ спустя, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ на хлѣбной биржѣ, онъ такъ коснулся этого предмета:

„Ничто не могло такъ возвысить честолюбіе русскихъ, какъ наши враждебныя мѣры, единственный результатъ которыхъ былъ лишь довѣріе Афганистана къ русскому Царю. Русская дама очень талантливая, прекрасная политическая писательница, извѣстная г-жа Новикова, написала книгу „Россія и Англія“, посвященную ея брату Николаю Кирѣеву, очень хорошую съ русской точки зрѣнія, такъ какъ она русская. Она говоритъ: Вы очень боитесь насъ, русскихъ, чтобы мы не стали помѣхой Вамъ въ Индіи. У Васъ были двѣ преграды между нами и Индіей: нравственная человѣческая преграда въ добромъ народѣ, за много лѣтъ доказавшемъ Вамъ преданность и физическая преграда въ громадѣ горъ, и Вы могли быть спокойны. Что же Вы сдѣлали? Уничтожили нравственную преграду и заставили афганцевъ Васъ ненавидѣть. Можно думать, что если бы Вы могли, Вы уничтожили бы и физическую преграду. Къ счастью, эти горы, какъ Hindu-Koosh, окружающія Афганистанъ, слишкомъ высоки, чтобы быть срытыми, и Вы пользуетесь до сихъ поръ безопасностью большой физической преграды между Вами и нами“.

Г-жу Новикову гораздо болѣе интересовало возстаніе въ Македоніи, случившееся тотчасъ послѣ подписанія Берлинскаго трактата, чѣмъ замѣшательство съ Афганистаномъ. Ея статья объ этомъ возстаніи была первымъ голосомъ, раздавшимся въ Англіи въ защиту несчастныхъ македонцевъ. Она начиналась такъ:

„Новое возстаніе въ Турціи! Возстаніе болгаръ: прочла это, и мной овладѣло волненіе. Я съ ужасомъ предвижу новые потоки крови, новыя жертвы за ту свободу, которую мы обѣщали добыть для нихъ“.

Кончалась статья предложеніемъ доказать англичанамъ ихъ сочувствіе къ славянамъ.

„Нравится это или нѣтъ нашему правительству, будетъ ли оно продолжать прежде всего успокаивать чувства Биконсфильда, лозунгъ начавшейся борьбы будетъ: „свободная Болгарія, отъ Дуная до Эгейскаго моря“. Снова я ставлю вопросъ: что при этомъ новомъ опытѣ сдѣлаетъ свободная, гуманная, благородная Англія? славянамъ нужны теперь дѣла, а не слова. Довольно любезностей. Нужно дѣятельное, энергичное сочувствіе“.

Фриманъ выражалъ симпатію, но не могъ воздержаться, чтобъ не вставить словцо въ пользу своихъ protegés грековъ.

15 ноября 1898 г.

„Болгарія должна бы имѣть Эгейскій портъ, Турція также, но ни та, ни другая не должны занимать длиннаго пространства гре-

ческаго побережья. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы отдать Ѳессалонники Болгаріи, космополитическій городъ, все равно чей онъ,—только Греціи долженъ принадлежать Адріанополь и новый Римъ.

„Что предстоитъ? Новыя конференціи. Во всякомъ случаѣ помоги Богъ македонцамъ. Я возвращаюсь къ старому псалму 1875 г.:

„Да будетъ хвала Господу въ устахъ ихъ и обоюдоострый мечъ въ рукахъ ихъ“.

Я просилъ г. Фримана написать что-нибудь о возстаніи въ Македоніи, и онъ отвѣчалъ мнѣ 24 октября:

„Я просматривалъ газеты и разговаривалъ съ г-жей Новиковой, но рѣшительно до сихъ поръ не нахожу матеріаловъ, чтобы написать что-нибудь о Македонскомъ возстаніи. Я просто не имѣю фактовъ“.

Фактовъ у него нашлось съ избыткомъ, до конца года, когда двадцать тысячъ несчастныхъ болгаръ бѣжали изъ своихъ горящихъ домовъ, чтобъ искать убѣжища въ Македоніи. Общество привыкло къ ужасамъ и, за исключеніемъ протеста г-жи Новиковой, жестокости, сопровождавшія возвратъ турецкаго деспотизма въ юго-западной Болгаріи, не привлекли ничьего вниманія. Прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ успѣли убѣдить британское правительство вмѣшаться активно въ судьбу несчастной провинціи, освобожденной Россіей и вновь отданной въ рабство Биконсфильдомъ.

Неудачи, постигшія Австро-Венгрію, когда она открыла, что Боснія болѣе похожа на гнѣздо шершней, чѣмъ на улей пчелъ, не нашли большого сочувствія въ Англіи. Фриманъ, извѣстный своею безграничной ненавистью къ Австро-Венгріи, писалъ въ концѣ сентября:

„Я живу въ надеждѣ, что все это Kaiserliche, Königliche дѣло, начало котораго, Боснія, взлетитъ на воздухъ, тогда мы избавимся и отъ людоѣда и отъ турка“.

Лавелей наоборотъ утверждалъ, что для княжествъ нѣтъ иного спасенія, какъ австрійская оккупація. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой, считавшей Австрію тогда, какъ и теперь, врагомъ славянства, покровительницей іезуитовъ и притѣснительницей православныхъ:

„Какъ освободить Боснію? Вмѣшательствомъ Россіи? Невозможно. Создать изъ нея самостоятельное государство? Тоже невозможно (??).

Отдать ее Сербіи? Очень соблазнительно, но имѣется двѣ преграды: 1) необходимость для Сербіи страшиться мусульманъ и 2) Боснія разъединена съ Далмаціей своимъ морскимъ берегомъ.

Главное, надо смотрѣть на то, что возможно,—Австрія никогда не согласится оставить увеличенную Сербію въ сосѣдствѣ съ Черногоріей и Кроаціей. Никогда“.

Лавелей почему-то довѣрялъ обѣщаніямъ Австріи, что она введетъ порядокъ, безопасность, школы, дороги, всѣ условія просвѣщенія. Австрія увѣряла, что никогда не сдѣлаетъ ихъ католиками [1]). Поэтому будущее имъ принадлежитъ.

„Это не ваша, но моя теорія", говоритъ Лавелей. „Увы въ этомъ мірѣ нельзя дѣлать всего, что хочешь!"

Въ концѣ октября полковникъ Мюръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что будь либералы у власти, они бы объявили войну Россіи.

Г-жа Новикова, возмущенная этимъ мнѣніемъ объ англійскихъ либералахъ, написала Гладстону, надѣясь въ немъ найти утѣшеніе и опроверженіе. Тотъ отвѣтилъ немедленно:

Харденъ. 1 ноября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я прочиталъ съ большимъ неудовольствіемъ рѣчь полковника Мюра, хотя я не нашелъ въ ней причины, оскорбившей Васъ, но мнѣ трудно вѣрить, чтобы онъ произнесъ ее. Во-первыхъ, онъ ничего не знаетъ о либералахъ и ихъ намѣреніяхъ, кромѣ того, что они заявляютъ публично, но ихъ заявленія какъ разъ противоположны тому, что имъ приписываютъ. Я не думаю, чтобъ Мюръ говорилъ эту рѣчь; но говорилъ онъ ее или нѣтъ, она пуста и лишена значенія.

„Насколько я могу судить о мысляхъ либераловъ, будь они у власти, я думаю, они не задавались бы вопросомъ войны съ Россіей, потому что они употребили бы всѣ усилія, чтобъ организовать согласіе европейскихъ державъ для достиженія необходимыхъ уступокъ отъ Турціи. Что лично я былъ бы склоненъ еще сдѣлать, это воспротивиться всякимъ предварительнымъ постановленіямъ между тремя императорами и требовать для Англіи и другихъ державъ честнаго и равнаго невмѣшательства.

„Митингъ, на которомъ я присутствовалъ вчера вечеромъ, былъ очень многолюдный и восторженный. Что меня касается, я думаю, что настоящее правительство приближается къ гибели, и надѣюсь, что день, когда ему унаслѣдуетъ лордъ Гранвиль, наступитъ не позже 12 мѣсяцевъ.

„Не желательно, чтобы это случилось внезапно. Боюсь, что до конца этого мѣсяца не буду въ городѣ.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ".

---

[1]) Г-нъ Лавелей ошибался: въ 1908 г. іезуиты насчитывали въ двухъ провинціяхъ уже 400.000 католиковъ... Число ихъ все растетъ. Растетъ и преслѣдованіе несчастныхъ православныхъ...

Рѣчь Гладстона въ Райдѣ привела въ негодованіе Фримана. Онъ пишетъ 5 ноября:

„Въ своей рѣчи Гладстонъ предполагаетъ, что въ 1856 г. почти всѣ считали возможными реформы въ Турціи. Я зналъ уже въ 1855 г., что это невозможно. Прочтите мою книгу „Исторія и побѣды сарациновъ“ отъ стр. 200 (2 изданія) и до конца. Вещь простая: у каждой магометанской страны обязанность религіи—ставить подданныхъ, не магометанъ, ниже своихъ единовѣрцевъ. Допускается лишь презрительная терпимость. Когда терпимость возводится въ законъ, то въ Турціи ему практика противится. Поэтому, ни одно магометанское правительство неспособно къ реформамъ на подобіе христіанскихъ. Оно должно прежде всего поставить своихъ подданныхъ, не магометанъ, въ такое положеніе, которое не оправдывало бы мятежъ въ каждую данную минуту. Христіанское правительство можетъ быть такъ же плохо, какъ и магометанское, но ничто не мѣшаетъ ему преобразоваться, и многіе, болѣе или менѣе, реформировались. Я это много разъ повторялъ, зналъ это въ 1855 г., чего, повидимому, Гладстонъ не зналъ“.

Интересно, что сказалъ бы Фриманъ о конституціонныхъ перспективахъ 1908 г. въ Турціи!

Гладстонъ, въ письмѣ отъ 14 ноября, возвращается къ полковнику Мюру. Онъ говоритъ:

„Дорогая госпожа Новикова. Получивъ Ваше письмо, я написалъ Брайсу, который отрицаетъ объясненія полковника Мюра. Оказывается, этотъ полковникъ, съ излишней поспѣшностью, сначала неправильно его понялъ, потомъ ошибочно привелъ его слова, сказанныя въ частномъ разговорѣ, и сообщилъ даже имя Брайса въ „Daily Telegraph“. Такимъ образомъ задалъ работу тѣмъ, у кого и такъ дѣла много. Я чувствовалъ, что Брайсъ не могъ быть виновенъ въ такой безсмыслицѣ.

„Полковникъ Мюръ, я полагаю, благонамѣренный человѣкъ, но онъ принадлежитъ къ міру военному, среди котораго либералы въ крайнемъ меньшинствѣ.

„Лордъ Биконсфильдъ снова показалъ, изъ какого матеріала онъ созданъ, воспользовавшись осторожнымъ и рыцарскимъ указаніемъ Вашего Государя, лишившаго его возможности выказать лишній разъ свою дерзость. Вы, можетъ быть, читали мое письмо въ „Эхо“ или его рѣчь. Если не читали, я Вамъ пришлю ихъ. Я твердо убѣжденъ, что державы, агенты которыхъ подписали Родопское донесеніе, должны обсудить, какіе шаги слѣдуетъ предпринять теперь. Боюсь, что мнѣ придется скоро говорить длинную рѣчь. Искренно преданный Вамъ Гладстонъ“.

Госпожа Новикова была бы гораздо болѣе довольна, если бы Гладстонъ не касался вовсе Родопскаго донесенія, но это былъ не первый случай, когда Гладстонъ касался подобныхъ вопросовъ, чтобъ доказать свое безпристрастіе.

Когда Ширъ-Али, Афганскій эмиръ, принялъ русское посольство, Гладстонъ утверждалъ, что если это обстоятельство представляло casus belli, то Англія должна была объявить войну не слабому эмиру, а сильной Россіи. Гладстонъ говорилъ это ввидѣ насмѣшки надъ правительствомъ, но Мартенсъ, извѣстный англофилъ, предполагалъ, что Гладстонъ стоялъ за войну съ Россіей, когда Гладстонъ готовился произнести большую рѣчь въ Гринвичѣ. Г-жа Новикова попросила у него билетъ на входъ. На это Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 24 ноября 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Боюсь, что Вы должны меня считать невѣжей потому, что я не предложилъ Вамъ достать билетъ на Гринвичъ, но я поступилъ благоразумно. Вы не можете себѣ представить тѣхъ подозрѣній и ложныхъ обвиненій, которымъ я подвергаюсь. Моя прямая обязанность—быть осторожнымъ. Такой простой поступокъ, какъ присылка Вамъ билета, получилъ бы вредную окраску. Вамъ лучше обратиться къ почетному секретарю, какъ русской, или какъ иностранкѣ, и просить у него билетъ или билеты, какіе Вы желаете. Не знаю, какъ дѣла у Васъ, у насъ они очень серьезны, и этимъ мы обязаны правительству. Вашъ искренно Гладстонъ".

Контрастъ между нежеланіемъ оказать простую услугу, присылкой г. Новиковой билета на публичное собраніе, и смѣлымъ предложеніемъ руки, чтобъ провести ее изъ Сентъ-Джемсъ-Холъ, послѣ конференціи въ 1876 г., очень характеренъ.

Эта осторожность не мѣшала ему писать такъ же часто и откровенно. Въ двухъ письмахъ въ декабрѣ онъ возвращается къ старой темѣ.

72. Харлей Стритъ.

4 декабря 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ваша роль здѣсь—это роль миротворца. Нѣтъ болѣе высокаго призванія, а потому Вы имѣете полное право говорить со мной.

Я понимаю, что данныя мной краткія объясненія на счетъ Россіи могутъ казаться оскорбительными, но надѣюсь, что Вы ихъ найдете умѣренными.

Я нахожу, что посольство въ Кабулъ было нарушеніемъ договора съ бывшимъ правительствомъ. Я ожидалъ что Россія сошлется на то, что это было соглашеніе между дружественными правительствами, и что оба мы имѣемъ право отступить отъ него. Я не отнесся бы критически къ такому отвѣту, но отвѣтъ, что это была лишь миссія вѣжливости, слѣдовательно, внѣ предѣловъ соглашенія, меня не удовлетворяетъ.

Что касается Родопскаго дѣла, я не высказывалъ и не составлялъ даже мнѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ русскими. Ихъ гуманное обращеніе во время войны 1877 г. мнѣ извѣстно. Но я не могу пройти молчаніемъ на этотъ разъ низкой клеветы, которой меня осыпаютъ Лаярдъ и другіе.

Я нахожу, что обязанность нашего правительства произвести разслѣдованіе и потомъ рѣшить, какъ дѣйствовать. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ".

Получивъ письмо отъ старика графа Грей, одобряющаго образъ мыслей Гладстона, я сообщилъ объ этомъ въ Харденъ. Вотъ отвѣтъ Гладстона:

2 ноября 1878 г.

„Милостивый Государь. Я очень доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ и читалъ относительно лорда Грей. Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе знать, что онъ относится одобрительно къ моимъ поступкамъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ непоколебимой смѣлостью и неизмѣнной правильностью намѣреній, я восхищаюсь.

Гладстонъ".

Фриманъ критиковалъ Берлинскій конгрессъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Три трактата",которую онъ помѣстилъ въ Quarterly Review. За это время интересъ народный перешелъ съ Балканъ на Афганистанъ, и Фриманъ былъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что статья его привлекла къ себѣ такъ мало вниманія.

Онъ писалъ мнѣ 30 октября 1878 г., выражая надежду, что народъ наложитъ вето на Афганскую войну.

Г-жа Новикова конечно была въ восхищеніи отъ „Трехъ трактатовъ". Вопросъ о томъ, что должны предпринять противники войны, которая объявлена, и которую они считаютъ несправедливой, часто обсуждался въ то время, какъ Биконсфильдъ угрожалъ войной Россіи. Онъ возобновился въ 1878 г., когда возникла непростительная война въ Афганистанѣ.

Фриманъ мнѣ писалъ 11 декабря 1878 г. по поводу этой войны:

„Я еще не дошелъ до рѣчи Гладстона, но въ преніяхъ обѣихъ палатъ въ понедѣльникъ никто не обсуждалъ простого факта. Теперешняя война есть личное преступленіе Биконсфильда и его соучастниковъ. Если мы на нее согласимся, преступленіе будетъ наше, а не ихъ.

„По-настоящему, его и его присныхъ, какъ преступниковъ слѣдовало бы отправить въ Афганистанъ, вины бы въ этомъ не было. Тогда бы мы имѣли „миръ съ честью“.

Въ такомъ же духѣ писалъ сэръ G. W. Коксъ наканунѣ Рождества:

„Я прихожу въ ужасъ, прочитавъ, что даже „Spectator“ находитъ, что, такъ какъ Робертсъ потерпѣлъ неудачу, мы не можемъ уйти изъ Афганистана, не покоривъ вновь Кабула“.

„Это просто отвратительно.

Если мы не сдѣлали зла, будемъ стоять за свою правоту. Но если мы были неправы, неужели нѣтъ никакой возможности признаться передъ всѣмъ свѣтомъ въ нашей винѣ?

Все это дѣло Биконсфильда. Вы, конечно, будете стоять за то, что наша первая обязанность оставить Афганистанъ, не грѣша болѣе противъ людей, которымъ мы уже нанесли непростительный вредъ.

Къ огорченію и стыду, испытываемому нами, при сознаніи полнаго безсилія отвратить ненавистную войну въ Азіи, прибавился, въ ноябрѣ, страхъ, что правительство поссорится съ Россіей изъ-за Родопской комиссіи“.

Епископъ Фразеръ писалъ:

„Какое странное высшее общество Англіи, оно приходитъ въ восторгъ отъ такого наглаго лжеца, какъ лордъ Биконсфильдъ. Это внушаетъ массу тревожныхъ вопросовъ о разныхъ предметахъ, какъ, напримѣръ, о вліяніи на насъ христіанства и церкви Христовой. Я боюсь, что мы опять гніемъ. Однако я долженъ сказать, что г-жа Новикова смотритъ на вещи слишкомъ мрачно. Россія много сдѣлала для Востока. Континентъ, или во всякомъ случаѣ Германія, непріятное мѣстопребываніе. Теперь тамъ тяжелыя подозрѣнія и безпокойство преобладаютъ. Чувствуется какъ бы приближеніе катастрофы“.

Госпожа Новикова издала въ 1878 г. свои письма въ брошюрѣ подъ названіемъ „Друзья или враги“.

Брайсъ, теперешній посланникъ въ Вашингтонѣ, писалъ мнѣ, послѣ ея появленія:

„Вторая серія ея писемъ, даже лучше первой, полна огня и

блеска. Надѣюсь, что у Васъ на Сѣверѣ дѣла поправляются. Нельзя сказать того же о Лондонѣ.

„Какъ жаль, что нѣтъ больше доказательствъ, обличающихъ ложь относительно Родопскаго донесенія".

Кинглекъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 29-го декабря 1878 г.:

„Я не читалъ комментаріевъ на Ваше послѣднее изданіе, но это не значитъ, что не идетъ яростной полемики о достоинствахъ О. К. Если бы случилось, что Ваше изданіе не настолько привлекаетъ вниманія, какъ Вы бы желали, причиной этому не авторъ, а то, что ослабѣлъ интересъ къ Россіи. Народъ неохотно и непродолжительно занимается дѣлами иностранныхъ государствъ; исключеніе дѣлаютъ войны, возбуждающія пренія. Самый вѣрный поборникъ Россіи, которому Вы помогли совратиться съ пути истины, это Хевардъ. Онъ готовъ сражаться за Россію, каждую минуту, доказывая ея добродѣтели и вину только въ томъ, что она не понята".

Гладстонъ писалъ:

12 декабря 1878.

„Дорогая г-жа Новикова. Заранѣе благодарю за ожидаемую брошюру. Написанная такъ, какъ Вы всегда пишете, она только можетъ принести пользу.

„Я смотрѣлъ на миссію въ Кабулъ, какъ на дѣйствіе Русскаго правительства, въ виду треній между двумя странами. На такомъ основаніи я ни слова не сказалъ бы противъ нея. Разницы въ свойствахъ миссій я не допускалъ. Изъ чего Вы можете заключить о ничтожности моихъ дипломатическихъ способностей.

У жены моей болитъ глазъ. Съ лучшими желаніями Вамъ отъ насъ обоихъ остаюсь преданный Вамъ

Гладстонъ".

„Обратите вниманіе на вчерашніе выборы въ Торійской твердынѣ".

О брошюрѣ г-жи Новиковой „Друзья или враги" Малькольмъ Макколъ писалъ:

„Я всѣмъ рекомендую Вашу книгу. Она прелестна и блестяща, больше, я думаю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ Ваша предыдущая книга".

„Друзья или враги" не произвели, быть можетъ, такой сенсаціи, какъ „Is Russia wrong" (Виновата ли Россія) по причинѣ, высказанной Кинглекомъ. Россія перестала привлекать общественное вниманіе. Но тѣ, кто читали, восхищались. Карлейль былъ большой цѣнитель всего, что писала русская лэди. Ольга Алексѣевна

часто его видѣла въ то время, онъ очень ее поощрялъ. Она мнѣ писала 29 ноября.

„Карлейль и Фрудъ пріѣзжали проститься со мной. Первый привезъ мнѣ своего Фридриха, написалъ на немъ свое имя, дрожащей, старческой рукой. Уходя, онъ сказалъ: „Я увѣренъ, что Ваша брошюра будетъ имѣть большой успѣхъ". „О нѣтъ", отвѣчала я, „къ прошлогодней г-нъ Фрудъ написалъ предисловіе, которое и обезпечило второе изданіе, эта же не имѣетъ никакого введенія".—„Оно совсѣмъ не нужно", рѣшилъ милый Карлейль и поцѣловалъ мою руку.

Когда г-жа Новикова возвратилась въ Москву, въ концѣ 1878 г. одинъ англичанинъ, сочувствующій христіанамъ въ Турціи и ихъ поборницѣ Россіи, напечаталъ 6 декабря въ Bolton Evening Guardian стихотвореніе, какъ дань русской женщинѣ, воспользовавшейся удивительнымъ знаніемъ Англіи и прелестью своего литературнаго краснорѣчія, чтобъ поселить добрыя отношенія между Англіей и Россіей.

Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

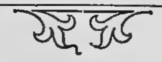
To on her return home to Moscow.

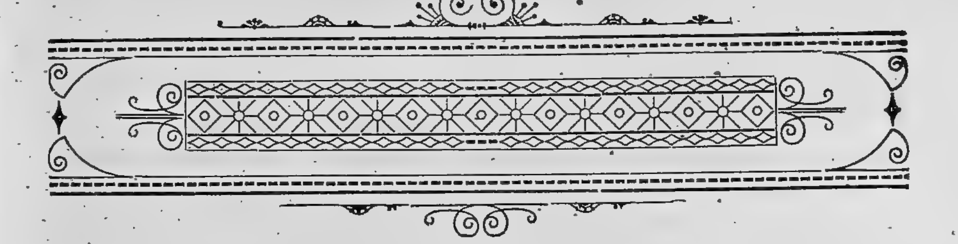
December 1878.

We have in thee an honest friend,
Whose charms of heart and mind combine to lend
All that's most needful to a fair review
Of what we'r thinking and of what we do.
Thou know'st our language and our mode of thought.
Thy quick perception, too, hath truly caught.
The subtlest workings of our inmost he art.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки прошлаго.

(По архивнымъ документамъ).

„Віолдамуры“ [1]).

Настоящій очеркъ, излагаетъ содержаніе одного изъ судебныхъ дѣлъ конца XVIII столѣтія, и служитъ съ одной стороны живымъ выраженіемъ настроенія крестьянской среды у безчеловѣчнаго помѣщика, какъ отголосокъ появившихся въ ней надеждъ и мечтаній о свободѣ и, повидимому, какъ слабое эхо пронесшихся въ то время во Франціи народныхъ движеній, а съ другой—новымъ дальнѣйшимъ свидѣтельствомъ того вліянія, которое оказывали иностранцы на русское общество послѣ реформъ Великаго Преобразователя Россіи и обильнаго притока ихъ въ Россію.

I.

Чухломскій помѣщикъ Николай Ѳедоровичъ Катенинъ вышелъ изъ военной службы въ 1790 г. въ отставку секундъ-маіоромъ и зажилъ себѣ припѣваючи въ родовой усадьбѣ сельцѣ Занинѣ, Костромской губерніи. Къ его помѣстью принадлежалъ цѣлый рядъ сосѣднихъ деревень: Наговицыно, Голузино, Фетиньино, Михалево.

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Юст. Дѣло Чухломскаго упраздненнаго уѣзднаго суда по описи № 2439. Собственныя и географическія имена, а равно все содержаніе очерка является точной обработкой документа, передающей безъ прикрасъ, что было въ дѣйствительности.

Петрушино, Быково, Жаровки, Футякино, Өомицыно, Рожново и Еремѣево. Дворовыхъ и крестьянъ по 4 ревизіи за нимъ значилось болѣе 500 человѣкъ. Семейство Катенина состояло изъ жены Авдотьи Ивановны, сына мальчика Ивана и взрослаго родного брата—Андрея Өедоровича. Кромѣ того, въ господскомъ же домѣ въ усадьбѣ жили учитель—гувернеръ мальчика „профессоръ" Кауфманъ и „для компаніи" прежде бывшій гувернеръ Шанделье. Николай Өедоровичъ Катенинъ съ своими крестьянами и дворовыми обращался очень сурово, держалъ ихъ „въ военномъ повиновеніи" и за малѣйшее ослушаніе наказывалъ розгами; скоро очень привязывался къ молодымъ своимъ болѣе способнымъ дворовымъ, назначалъ ихъ въ старосты и дворецкіе, но и такъ же скоро къ нимъ остывалъ и смѣщалъ ихъ съ должностей; стариковъ же совсѣмъ не любилъ.

Въ 1794 г. зимою поѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Москву и Кострому и передъ отъѣздомъ зашелъ на конюшни, въ которыхъ вмѣстѣ съ его новымъ любимцемъ „главнымъ конюшимъ", молодымъ парнемъ Маркомъ Өадѣевымъ, они осмотрѣли сѣно и рѣшили, что его хватитъ вполнѣ до новаго покоса. Катенинъ пробылъ въ отлучкѣ до половины марта, въ дорогѣ простудился и, пріѣхавъ къ себѣ, пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели. По выздоровленіи онъ пошелъ на конюшни и нашелъ всѣхъ почти лошадей исхудалыми и больными, сѣна же нигдѣ не было; конская сбруя—хомуты и уздечки не только не прибраны, но порваны, даже нѣкоторые „экипажи" изломаны.

— Ты негодяй, лѣнивый, безпечный, изъ корысти моришь лошадей, должности не исполняешь!—закричалъ Катенинъ на Марка Өадѣева.

— А Исакъ Савиновъ, вашъ буфетчикъ,—хмурясь и довольно грубо огрызнулся Өадѣевъ,—болѣе меня безпеченъ, сдѣлалъ пожаръ, отъ котораго, если бы домъ сгорѣлъ, было бы убытка 15 тысячъ рублевъ, и вы ему простили.—А лошади того не стоятъ!—дерзко глядя исподлобья на Катенина, докончилъ Өадѣевъ.

— Въ лакейскую!—крикнулъ съ гнѣвомъ Катенинъ.

Өадѣевъ бросился было бѣжать, но его поймали и привели къ господину.

— Доставить въ лакейскую же Савинова,—приказалъ Катенинъ.

Дворовые уже знали приказъ помѣщика: съ розгами они повели Өадѣева и Савинова въ лакейскую комнату, куда явился и Катенинъ.

— Я тебя было простилъ!—обратился онъ къ Савинову, также очень молодому парню, но тебя оговорилъ Өадѣевъ, и чтобъ за-

видки не было; а впредь бы вамъ не воровать, васъ накажутъ обоихъ. Тебя изъ буфетчиковъ,—вновь онъ сказалъ Савинову,—я перевожу въ подкамердинеры, а Марка заурядъ въ скотники.—Начинайте! крикнулъ онъ дворовымъ. Лакейская огласилась воплями наказываемыхъ, а послѣ сѣченія они здѣсь же были брошены до утра слѣдующаго дня.

II.

Хотя Н. Ѳ. Катенинъ былъ „крутого и злого нрава", какъ признавали даже его домашніе, однако онъ имѣлъ постоянную слабость къ музыкѣ: нѣсколько лѣтъ подъ рядъ содержалъ у себя въ усадьбѣ оркестръ изъ крѣпостныхъ и даже особую „музыкантскую школу", въ которой на разныхъ инструментахъ учились его же дворовые мальчики; но школа шла плохо, потому что Катенинъ все не могъ подыскать хорошаго учителя. Такъ и весною 1794 г., вскорѣ по наказаніи Ѳадѣева и Савинова, онъ отправился въ Москву для найма учителя.

Здѣсь, по рекомендаціи родственниковъ жены, Катенинъ въ Новой улицѣ, близъ Лубянки, нашелъ музыканта, польской націи, краковскаго уроженца Іосифа Гебеду и зашелъ къ нему на квартиру. Первое впечатлѣніе, вынесенное Катенинымъ отъ музыканта, было самое благопріятное. Гебеда, какъ говорилъ Катенинъ, оказался „чрезвычайно учтивымъ въ сношеніяхъ". Ему было 38 лѣтъ, онъ казался очень подвижнымъ. Катенину также понравилось, что Гебеда былъ и дома одѣтъ весьма прилично „въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся шитый золотомъ канифасный жилетъ". Музыкантъ представилъ секундъ-маіору свою жену Стефаниду Ивановну, прибавивъ, что она родомъ „россійская дворянская дочь" и имѣетъ свою крѣпостную дѣвку Татьяну.

Когда Гебеда узналъ о цѣли посѣщенія своего гостя, то тотчасъ же далъ просмотрѣть Катенину два аттестата на нѣмецкомъ языкѣ о его прежней службѣ, а потомъ досталъ изъ небольшого кожанаго ящика скрипку. По той осторожности, съ которой Іосифъ Гебеда доставалъ инструментъ, Катенинъ подумалъ, что покажутъ что-нибудь удивительное.

— Это скрипка віолдамуръ Антоніо Страдуари Кремона, ей почти полтораста лѣтъ, она сдѣлана въ 1664 году и мною только за нее заплачено 600 рублевъ, а теперь я не отдамъ ее ни за какую цѣну,—сказалъ Гебеда.

— Послушайте теперь, какъ она играетъ,—продолжалъ онъ.— Я вамъ исполню концертъ къ симфоніи, Дерновича.

Катенинъ долженъ былъ сознаться, что и скрипка, и игра Гебеды были превосходны.

Онъ явился къ музыканту на другой день вмѣстѣ уже съ своею женою, Авдотьею Ивановною. У Гебеды былъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго хозяинъ назвалъ довѣреннымъ помѣщика Мамонова, пришедшимъ договариваться съ Гебедою для приглашенія его капельмейстеромъ.

Такъ же, какъ и въ первый разъ, Гебеда вынулъ изъ другого ящичка новую скрипку.

— Тоже віолдамуръ Іозепа Гварнеріуса Федына Кремона, стоящая 500 рублей,—сказалъ Гебеда, обращаясь къ Катенинымъ. Послушайте ея звукъ!

Гебеда сыгралъ, какъ онъ объяснилъ послѣ, нѣсколько сочиненій Плеяла, Шика, Яневича, Віаты, напечатанныхъ у него на бумажныхъ листахъ. Катенинымъ игра его очень понравилась, и онъ спросилъ Гебеду, сколько бы взялъ онъ съ него въ годъ за обученіе его дворовыхъ въ школѣ въ усадьбѣ.

Музыкантъ отвѣтилъ, что только передъ приходомъ Катениныхъ довѣренный Мамонова, здѣсь находящійся, предлагаетъ ему 800 рублевъ въ годъ, но ему нужно ѣздить по двумъ вотчинамъ, что онъ, Гебеда, находитъ для себя неудобнымъ.

Секундъ-маіоръ замѣтилъ, что онъ болѣе 500 р. въ годъ никогда учителю, даже имѣющему званіе „профессора“, не платилъ, и что если онъ, Гебеда, за эту сумму согласится, тогда онъ съ удовольствіемъ повезетъ музыканта къ себѣ и жалованья дастъ Гебедѣ, его женѣ и крѣпостной ихъ дѣвкѣ полное содержаніе.

Черезъ нѣсколько дней Катенины вновь зашли къ музыканту. Гебеда съ женой только-что собирались уходить изъ своей квартиры. Обоихъ Катениныхъ поразилъ чрезвычайно изящный костюмъ Стефаниды Ивановны Гебеды, одѣтой „въ коричневый атласный съ желтыми цвѣточками сертукъ съ атласною же бѣлою юбкою съ фалбарой“. На головѣ у нея была „шапка красная венгерская съ золотой кистью, съ крылиной опушкой“.

Однако Гебеды остались у себя дома, изъ квартиры не пошли, а послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Катенинъ ударилъ съ музыкантомъ по рукамъ—тотъ согласился ѣхать къ нему въ усадьбу за 500 рублевъ въ годъ.

Для начала дѣла Катенины сдѣлали подарки: Гебедѣ—кафтанъ красный, подшитый красною же тафтою; его купили въ Москвѣ за 30 рублей; женѣ его—Стефанидѣ Ивановнѣ—3 куска кисеи разной—

цѣною въ 42 р. и 2 кушака широкихъ розовыхъ атласныхъ, стоимостью въ 4 р. 80 к.

Тогда же Н. Ѳ. Катенинымъ съ Іосифомъ Гебедою былъ заключенъ „контрактъ“, по которому Гебеда обязался „поступить въ домъ Катениныхъ въ отправленіе капельмейстерской должности и обучать его крѣпостныхъ людей до 20 человѣкъ инструментальной, духовной и пѣвческой музыкѣ, а вездѣ, гдѣ нужно, ему, Гебедѣ, дирижировать. Всѣмъ мальчикамъ находиться въ полномъ послушаніи его, Гебеды; если кто изъ нихъ будетъ лѣнивъ въ обученіи или явится виновнымъ въ дурныхъ какихъ поступкахъ, то наказывать ихъ долженъ самъ Гебеда, не относясь за тѣмъ къ Катенину“.

III.

Въ концѣ іюня 1794 г. Гебеды пріѣхали въ усадьбу Катенина, сельцо Занино. Имъ отвели въ господскомъ домѣ просторную хорошую комнату, которая и заставилась вещами, принадлежавшими Гебедамъ: кроватью краснаго дерева съ пологомъ кисейнымъ, подзоромъ атласнымъ, на которой накинуто одѣяло англійскаго стеганья съ фалбарой; сундуки: обитые оленьею кожею и просто дубовые, ларчики и чемоданы; цѣлая дубовая полочка была занята нѣсколькими бутылками „лодиколону“, шестью картузами пудры и тремя банками помады, наконецъ, на видномъ мѣстѣ красовалась „подставочка подпиральная для музыкальныхъ сочиненій со львомъ слоновой кости“ [1]).

Въ первое время пребыванія семьи Гебеды въ домѣ Катениныхъ имъ оказывались „всякія ласки и дружескія неоставленія“. Гебеда съ своею женою ѣздилъ съ Катениными по родственникамъ и знакомымъ послѣднихъ, игрывалъ тамъ на обоихъ „віолдамурахъ“. Въ музыкантской школѣ онъ повелъ дѣло также успѣшно, но вопреки прежнимъ учителямъ принималъ въ нее, болѣе малолѣтнихъ ребятъ и дѣвочекъ отъ 12 лѣтъ. Катенину не нравилось только, что Гебеда отличалъ и очень хвалилъ нѣкогда наказанныхъ имъ

---

[1]) Въ дѣлѣ приведена обширная опись полнаго обихода цѣлой семьи, очень интересная; по недостатку мѣста мы ее помѣстить не можемъ; въ ней между прочимъ указываются: часы золотые въ футлярѣ черепаховомъ, цѣпочка золотая съ жемчугомъ, чайникъ черный мѣдный средней руки, 2 ф. чаю зеленаго въ 6 р., голова сахару 7 р. 70 к., двѣ пары чайныхъ чашекъ 2 р. Свѣчи вѣнчальныя бѣлаго воску—20 к. Мантилья черная тафтяная съ аграмантомъ 12 руб.

Исака Савинова и Марка Өадѣева, которыхъ тотъ взялъ къ себѣ также въ школу „яко способныхъ и искусныхъ въ музыкѣ“.

По истеченіи полугода большинство учившихся въ школѣ могли уже на разныхъ инструментахъ соединяться въ оркестръ, или, какъ говорилъ Гебеда, исполнять „оркестровую музыку“; но несмотря на то, самъ Катенинъ началъ испытывать иное чувство къ капельмейстеру, чѣмъ раньше.

Уже вскорѣ по прибытіи Гебеды въ домъ Катенина, послѣдній сталъ замѣчать, что учитель смотрѣлъ, какъ на самого хозяина, такъ и на всѣхъ живущихъ въ домѣ свысока; всегда только и было хорошо то, что сдѣлано имъ, Гебедою; только то и было умно, что сказано имъ же. Онъ прямо порицалъ Катенина за то, что тотъ спитъ послѣ обѣда, говоря, что онъ еще „не настолько старъ, чтобы уподобляться животнымъ“. Если Николай Өедоровичъ или его жена начинали хвалить жившихъ въ ихъ же домѣ гувернеровъ Кауфмана или Шанделье или дѣлали имъ подарки, они видѣли ясно недовольное лицо капельмейстера, которое бывало всегда таковымъ же, если кто-нибудь изъ нихъ не соглашался съ Гебедою. Онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но при малѣйшемъ ихъ нарушеніи со стороны Катениныхъ, даже случайномъ, тотчасъ же обижался и уходилъ къ себѣ. Вспышки съ одной стороны отъ его неуживчиваго тяжелаго характера, а съ другой необузданность нрава самого хозяна начали обострять отношенія.

Однажды Катенинъ и его жена чуть не цѣлый часъ просили Гебеду съѣздить съ ними къ ближайшимъ сосѣдямъ, просила его о томъ же и его жена Степанида Ивановна, но такъ и не могли уломать упрямаго, которому показалось обиднымъ, что гувернера мальчика г. Кауфмана пригласили туда же прежде его, капельмейстера. Въ другой разъ Катенинъ собрался навѣстить свою беременную куму, жившую очень далеко; лошади были уже поданы, и Катенинъ вышелъ, чтобы сѣсть въ повозку. Но здѣсь онъ увидалъ Гебеду, также одѣтаго совершенно по-дорожному и съ ружьемъ. Музыкантъ сказалъ Катенину, что онъ также хотѣлъ бы съ нимъ прокатиться и по дорогѣ поохотиться. Секундъ-маіоръ объяснилъ ему цѣль своей поѣздки, сказавъ, что беременная опасно больна. Гебеда, не дослушавъ даже словъ Катенина, стремглавъ бросился къ себѣ въ комнату. Помѣщикъ пообдумавши пошелъ за нимъ и убѣдилъ Гебеду ѣхать вмѣстѣ; въ дорогѣ тотъ молчалъ, а когда пріѣхали къ кумѣ, онъ не пошелъ въ домъ и не охотился, а все время сидѣлъ у усадьбы и опять вмѣстѣ съ Гебедой недовольный вернулся домой.

Но главное разногласіе происходило у хозяина съ капельмейстеромъ изъ-за музыкальной школы. Хотя по контракту Катенинъ и отдавалъ ее въ распоряженіе Гебеды, но, какъ привыкъ онъ и при прежнихъ учителяхъ въ школѣ, постоянно вмѣшивался въ дѣла ея. Гебеда же хотѣлъ быть въ ней полноправнымъ хозяиномъ; онъ нерѣдко упрекалъ секундъ-маіора въ жестокомъ обращеніи съ людьми, а самъ наказывалъ учениковъ, билъ кнутомъ, выгонялъ въ одной рубашкѣ на морозъ и т. п. Только двоихъ изъ нихъ Савинова и Ѳадѣева Гебеда никогда не наказывалъ, тогда какъ на нихъ-то часто Катенинъ хотѣлъ срывать свой господскій гнѣвъ, сажалъ ихъ въ заключеніе на хлѣбъ и на воду, но и тутъ капельмейстеръ почти всегда ихъ освобождалъ, не спрашивая разрѣшенія Катенина; когда же послѣдній замѣчалъ о томъ Гебедѣ, то музыкантъ обыкновенно отвѣчалъ, что по контракту всѣ ученики „находятся въ его командѣ".

Кромѣ того, Катенинымъ неоднократно было замѣчено, что Гебеда ведетъ какіе-то переговоры съ его дворовыми и крѣпостными крестьянами, всегда прекращавшіеся, какъ только послѣдніе замѣчали своего помѣщика. На его же вопросъ они отвѣчали, что учитель спрашивалъ о выборѣ новыхъ „ребятъ", желающихъ учиться въ музыкальной школѣ. Но къ веснѣ 1795 г. Катенинъ сталъ замѣчать между своими людьми и крестьянами что-то неладное: многіе изъ нихъ перестали исполнять „его господскую работу и оказывать явное неповиновеніе не только старостамъ, но даже самому помѣщику", несмотря на то, что онъ наказывалъ провинившихся еще строже—„кнутьями, смоляными плетьми и кошками, не исключая даже дѣтей въ возрастѣ 10—12 лѣтъ".

Къ веснѣ же 1795 г. отношенія между капельмейстеромъ и хозяиномъ настолько ухудшились, что послѣдній сталъ иногда прямо въ глаза называть его „полякомъ".

— Но вольный человѣкъ, не твой рабъ!—тогда съ гнѣвомъ, краснѣя, какъ ракъ, отвѣчалъ ему Гебеда и убѣгалъ къ себѣ въ комнату.

IV.

Вечеромъ 28 апрѣля 1795 г. Николай Ѳедоровичъ Катенинъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ Ѳедоровичемъ и Гебедою играли въ карты. Николай Ѳедоровичъ былъ пьянъ и все время придирался къ учителю. Спрашивалъ, напримѣръ, почему Гебеда не носитъ краснаго кафтана, подареннаго ему секундъ-маіоромъ. Гебеда отвѣ-

чалъ, что наоборотъ онъ очень цѣнитъ его даръ, бережетъ и потому въ будніе дни его не надѣваетъ.

— Ты скотъ неблагодарный! крикнулъ Катенинъ, бросая картами въ учителя.

— А ты съ вольными людьми обходиться не умѣешь; ты прежняго капельмейстера, который былъ до меня, хотѣлъ высѣчь; онъ спасся бѣгствомъ!—также съ раздраженіемъ, тоже крича, отвѣтилъ Гебеда, вскакивая изъ-за стола.

— Ахъ ты, мошенникъ!—зашипѣлъ отъ злости Катенинъ, схватывая учителя сразу за кафтанъ и галстухъ.

Гебеда рванулся: фалда кафтана и шейный галстухъ остались въ рукахъ Катенина.

— Выходецъ польскій, змѣя, грубіянъ!—доносилось до слуха Гебеды, когда онъ опрометью бросился къ себѣ въ комнату.

Степанида Ивановна сразу поняла, что съ мужемъ произошло что-то необыкновенное.

— Пойдемъ сейчасъ вверхъ!—схватывая жену за руку, почти шепотомъ произнесъ ей Гебеда.—А ты запрись сейчасъ же,—дрожа отъ волненія, продолжалъ Гебеда, обращаясь къ крѣпостной дѣвкѣ жены Татьянѣ:—если люди помѣщика или онъ самъ станутъ стучаться въ дверь, скажи, что мы въ постели, а тебѣ не велѣно отпирать.

Держа въ рукахъ подсвѣчникъ съ восковой свѣчей, Гебеда въ сопровожденіи жены направился въ отдѣльную избу, занимаемую музыкантской школой. Нѣкоторые изъ учениковъ уже собирались спать.

— Ступай собирай всѣхъ, какъ говорили въ верхъ конюшни,—обратился Гебеда къ Исаку Савинову и почти тотчасъ же съ женою пошелъ вонъ изъ избы.

Саженяхъ въ 50-ти отъ дома за паркомъ стояло большое деревянное зданіе конюшни. По узкой лѣстницѣ вмѣстѣ съ Степанидой Ивановной Гебеда поднялся верхъ, гдѣ обширное помѣщеніе, заполняемое сѣномъ, было почти пусто.

Гебеда зажегъ свѣчу и сталъ ждать.

Черезъ полчаса въ верхъ конюшни сталъ наполняться народомъ. Одними изъ первыхъ явились Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ и съ ними всѣ ученики музыкальной школы числомъ до 20, потомъ начали приходить дворовые, нѣсколько старостъ и крестьяне ближайшихъ деревень. Собралось человѣкъ до 50-ти. Въ рукахъ у Исака Савинова появился образъ.

— Вы слышали, какъ вашъ господинъ меня обидѣлъ!—взволнованнымъ голосомъ и немного ломаннымъ русскимъ языкомъ началъ

говоритъ Гебеда.—Онъ меня хотѣлъ такъ же жестоко увѣчить, какъ многихъ изъ васъ. Но ваша жизнь лучше нашей, потому что мы для своего прокормленія ходимъ по разнымъ помѣщикамъ, имѣемъ множество командировъ и не знаемъ, какъ имъ угодить. Вы же, ребята, счастливые люди, потому что теперь господинъ въ васъ уже не властенъ—есть законъ, что онъ васъ ни наказывать, ни къ чему принудить не можетъ. А если вы хотите быть вольными, какъ въ моемъ отечествѣ, то согласитесь принести на вашего господина общую жалобу, что онъ всѣхъ васъ мучитъ и моритъ съ голоду.

— Главное правительство,—возвышая гололосъ и со злобою, почти крича, продолжалъ Гебеда,—принявъ вашу жалобу за справедливость, осудитъ вашего господина быть въ смирительномъ домѣ, а васъ сдѣлаетъ вольными и запишетъ въ мѣщане или кто куда захочетъ. Такъ мнѣ говорилъ командиръ Хлѣбниковъ, что у вашего господина въ кабинетѣ о землѣ писалъ. Только не открывайте никому, что о томъ я вамъ сказалъ, а согласите всѣхъ господскихъ крестьянъ, чтобъ они послѣдовали вашему примѣру.

— Мы о вольности говорили со всѣми, они согласны. Какъ то сдѣлать?—раздались голоса.

— Очень просто,—отвѣтилъ Гебеда,—нужно вашего господина связать и отвезти въ городъ.

— Нѣтъ, за то имъ больно худо будетъ,—возразила жена Гебеды Степанида Ивановна,—лучше донести въ городѣ начальству, что у господина вамъ жить силъ не достаетъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздались голоса.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ вновь капельмейстеръ;—ступайте, ребята, смѣло, а я не пожалѣю положить за васъ своихъ денегъ трехъ тысячъ рублевъ. Только обо мнѣ и о женѣ моей никому не открывайте, а стойте въ одномъ—у помѣщика жить не мочно, потому что бьетъ и мучитъ, и моритъ съ голоду.

Послѣ этого Савиновъ, высоко поднявъ образъ, заговорилъ, обращаясь къ толпѣ:

— Присягайте всѣ въ томъ, чтобы заодно говорить на господина, а если кто изъ насъ придетъ въ раскаяніе, явится къ нашему господину, въ нашемъ заговорѣ и умыслѣ признается, тотъ да будетъ анаѳема—проклятъ и не грѣхъ такого человѣка, гдѣ попадется, убить до смерти.

Исакъ поцѣловалъ образъ, его примѣру послѣдовали всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и жена Гебеды.

— Въ домѣ огни погасли, — началъ опять говорить Савиновъ,—господинъ, должно, легъ спать, только въ спальнѣ свѣтъ, идемъ осторожно, чтобъ онъ не слыхалъ, поднимать міръ.

По выходѣ изъ конюшни, Гебеда отослалъ жену домой, а самъ почти около часа ходилъ по „задому“, поглядывая на виднѣвшiйся изъ спальни Катенина свѣтъ и наблюдая за разошедшимися въ разныя деревни крестьянами. Вернувшись въ свою комнату, онъ не раздѣваясь легъ въ постель. Спустя какой-нибудь часъ, онъ услышалъ стукъ къ себѣ въ дверь и голосъ „камординера“ Катенина, говорившаго, что Николай Ѳедоровичъ прислалъ за нимъ, Гебедою, чтобъ онъ тотчасъ шелъ въ домъ играть минуэтъ.

— У меня голова болитъ, я не могу играть,—отозвался музыкантъ.

Посланный ушелъ, но тотчасъ же вернулся къ Гебедѣ съ новымъ предложенiемъ Катенина—идти къ нему хотя больному.

Капельмейстеръ отвѣчалъ прежнимъ отказомъ.

Черезъ полчаса онъ услышалъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ и настойчивый стукъ въ дверь.

— Если ты не пойдешь волею, то Николай Ѳедоровичъ приказалъ тащить тебя насильно! крикнулъ въ дверь „камординеръ“.

Гебеда молчалъ, осматривая запоры двери, которые оказались надежными, несмотря на начавшееся старанiе четырехъ человѣкъ ее сломать.

— Коли вы будете безчинствовать, я буду стрѣлять!—крикнулъ Гебеда, беря въ руки заряженное ружье.—Вы знаете, что я стрѣляю безъ промаха; кому жизнь не дорога, пусть исполняетъ приказъ вотчинника, такъ ему и передайте.

Стуки въ дверь прекратились.

— Скажите ему,—продолжалъ говорить, приближаясь къ двери, Гебеда,—что я не допущу того, что онъ сдѣлалъ съ прежнимъ капельмейстеромъ, жившимъ въ этой же комнатѣ, человѣкомъ вольнымъ. Онъ повѣрилъ его словамъ, отперъ дверь, а его потащили къ помѣщику и передъ нимъ его высѣкли плетьми вмѣстѣ съ женою. Скажите, что я того не потерплю, живой въ ваши руки не дамся, а если онъ пьянъ, скажите о томъ Авдотьѣ Ивановнѣ.

Гебеда услышалъ шаги людей, уходившихъ отъ двери. Сначала онъ думалъ, что его оставили совсѣмъ въ покоѣ, но вскорѣ по донесшемуся до его слуха шепоту и нѣкоторому шуму онъ догадался, что находится подъ карауломъ по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ. Приставивъ скамью къ двери и держа ружье наготовѣ, Гебеда насторожился и въ такомъ положенiи пробылъ до разсвѣта.

Но не храбрости Гебеда былъ обязанъ своимъ спасенiемъ; обстоятельства шли такъ, что Катенину было не до него.

Послѣ цѣлованiя иконы заговорщиками, они разошлись по деревнямъ и часовъ въ 12 ночи вернулись къ господскому дому въ

сопровожденіи своихъ односельчанъ; набралась огромная толпа человѣкъ въ 400 съ кольями, косами, мотыгами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были зажжены бочки съ смолою. Въ окна дома посыпались камни, а стоявшіе близъ дома въ разныхъ мѣстахъ столы и скамейки съ крикомъ были поломаны.

„Катенинъ, его жена и малолѣтній сынъ, а также гувернеръ Кауфманъ находились въ столь великомъ страхѣ,—сказано въ документѣ,—что они не знали, что дѣлать, заперлись во внутреннихъ покояхъ, куда не долетали камни, и дрожали отъ страха". Хмель Катенина совсѣмъ прошелъ. Онъ совѣтовался съ камердинеромъ Петромъ Наумовымъ и хотѣлъ напоить бунтовщиковъ виномъ, чтобы тѣмъ отвлечь ихъ отъ дома. Но Наумовъ сказалъ, что пить будутъ не всѣ, что другіе еще пуще ворвутся въ домъ, и просилъ господина, чтобъ тотъ довѣрилъ ему спасеніе.

Взявъ съ собою четырехъ болѣе смѣлыхъ дворовыхъ, давъ каждому изъ нихъ по два заряженныхъ ружья, Наумовъ вмѣстѣ съ ними вышелъ на всѣ четыре лѣстницы господскаго дома.

— Пусть баринъ дастъ намъ вольную, мы его не имѣемъ, не слушаемъ, пусть живетъ безъ насъ!—доносились крики толпы.

Наумовъ далъ знакъ, и всѣ четверо дворовыхъ, стоявшихъ у дверей, выстрѣлили кверху въ воздухъ.

— Если вы будете приступать къ дому, то каждый, кто приблизится, будетъ убитъ до смерти!—крикнулъ изъ всей силы камердинеръ.

Грянувшіе разомъ неожиданно выстрѣлы испугали подступившихъ, они отхлынули отъ дома, „болѣе къ нему уже не подходили, а кричали и забіячили по прочимъ мѣстамъ",—какъ говоритъ документъ.

Передъ разсвѣтомъ толпа стала совѣщаться. Отъ нея отдѣлилась партія въ 28 человѣкъ и во главѣ съ Савиновымъ и Ѳадѣевымъ направилась къ „лакейской", всѣ остальные съ крикомъ разошлись по своимъ деревнямъ. Отдѣлившаяся же партія, взявъ съ собою изъ лакейской „столбъ, къ которому привязывались наказываемые, плети, кнуты, кошки, кольца и всѣ другія, служащія при наказаніяхъ вещи, двинулась по дорогѣ въ городъ Чухлому".

Петръ Наумовъ, увидѣвъ, что бунтовщиковъ около дома не оказалось, сообщилъ о томъ Катенину и, сѣвъ на лошадь, верхомъ поѣхалъ за шедшими въ Чухлому, „наблюдая за ними издалека". Въ первой же деревнѣ отъ сельца Занина—Шартовѣ, гдѣ стояла рогатка и караулъ изъ крестьянъ, шедшая партія Катенинскихъ людей объяснила караульнымъ, что они идутъ „не для сноса животовъ, а для жалобы присутственнымъ мѣстамъ на ихъ помѣщика"; караульные пропустили ихъ свободно.

Долго ходили потомъ по городу Чухломѣ Катенинскіе люди „скопомъ", не зная куда обратиться. Наконецъ, ихъ замѣтила „какъ праздношатающихся" чухломская полиція и привела въ нижній земскій судъ, гдѣ „жалобщики" и подали просьбу слѣдующаго содержанія:

„Сдѣлайте милосердіе, избавьте насъ отъ смерти; нашего терпѣнія больше не стало и жить невозможно у нашего господина, Николая Өедоровича Катенина, что онъ мучитъ насъ всѣхъ и тиранитъ, сквозь строй гоняетъ до тѣхъ поръ, что иныхъ водою отливаютъ, спиртомъ оттираютъ, а когда въ себя приходятъ, паки бьютъ, чѣмъ попало".

Но въ то время, какъ „жалобщики" отъискивали судъ и расправу, Петръ Наумовъ въѣхалъ въ Чухлому другою дорогою и подалъ объявленіе въ Управу Благочинія „въ неприличномъ хожденіи людей господина его по городу", просилъ допросить ихъ въ побѣгѣ, а до прибытія помѣщика въ Чухлому—содержать ихъ подъ стражею. Вслѣдствіе сего всѣ 28 жалобщиковъ были переведены изъ нижняго суда въ Управу Благочинія и тамъ посажены въ тюрьму.

V.

На другой день послѣ бунта въ обѣденную пору Гебеда явился къ Катенину, сказалъ, что послѣ того, что случилось, онъ служить болѣе не можетъ, просилъ отпустить его совсѣмъ, давъ по уговору лошадей для отъѣзда.

— Не хочешь оставаться у меня по контракту, тогда я принужду жить у меня неволею!—крикнулъ ему секундъ-маіоръ.—Погоди, я еще узнаю въ Чухломѣ о твоихъ сговорахъ съ музыкантами,—добавилъ онъ.

Въ тотъ же день Катенинъ уѣхалъ въ городъ, а вернулся 2 мая въ сопровожденіи уѣзднаго стряпчаго Налетова, засѣдателя и секретаря земскаго суда. Гебеда въ ихъ присутствіи предъявилъ Катенину свою просьбу уволить его.

— Нѣтъ, ты еще посидишь у меня, ты еще отвѣтишь за музыкантовъ! — грубо и со всякою бранью отвѣтилъ Катенинъ. Живи волею, а не то удержу насильно.

„Опасаясь себѣ всякаго дурна",—какъ сказано въ дѣлѣ, Гебеда, оставивъ жену и крѣпостную ея дѣвку у Катенина и взявъ съ собою только ружье да кое-какія мелкія вещи, въ тотъ же день пѣшкомъ ушелъ изъ усадьбы, добрался до первой по пути деревни, нанялъ здѣсь крестьянскую лошадь, доѣхалъ до галичскаго помѣщика гене-

рала Семичева, въ домѣ котораго онъ „давалъ оркестры“; здѣсь переночевалъ и на лошадяхъ этого помѣщика былъ привезенъ въ Кострому. Гебеда тотчасъ же явился къ правителю Костромского намѣстничества Ивану Варфоломеевичу Ламбу и просилъ его принять подъ свое покровительство его, Гебеду, „яко несчастнаго иностранца“, во всѣхъ обидахъ Катенина поступить по законамъ, взыскавъ съ него въ пользу Гебеды 700 р. за разстройство его состоянія, а жену его, Степаниду Ивановну, крѣпостную дѣвку и его имѣніе отъ Катенина избавить, пославъ за ними нарочнаго унтеръ-офицера съ солдатомъ.

Правитель намѣстничества И. В. Ламбъ отправилъ къ Катенину собственноручное письмо съ сержантомъ Мелеховымъ съ просьбою объ отпускѣ жены Гебеды на лошадяхъ секундъ-маіора.

Положеніе жены Гебеды, оставшейся въ домѣ Катенина, было самое тяжелое — „она ежедневно была огорчаема отъ самого Катенина и его жены разными упреками и привязками“.

— Скоро твоего бѣглеца ко мнѣ доставятъ тѣмъ же обычаемъ— пѣшкомъ, какъ ушелъ, не смѣй разрывать контракта!—говаривалъ постоянно съ усмѣшкою Катенинъ Степанидѣ Ивановнѣ.

Когда же онъ получилъ письмо правителя Костромского намѣстничества, то вызвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и съ глаза на глазъ сказалъ ей:

— Если хочешь ѣхать къ своему мужу, то поѣзжай, на чемъ хочешь, а имѣнія вашего я тебѣ не выдамъ. А не хочешь ѣхать, оставайся здѣсь; однако же не думайте, чтобы вы избавились моихъ рукъ. Какимъ-нибудь способомъ, а вы опять въ моихъ рукахъ будете, и „бѣглеца“ я у себя жить заставлю.

Со слезами на глазахъ, Гебеда призвала къ себѣ въ комнату сержанта Мелехова и „усиленнымъ образомъ“ просила, чтобы онъ безъ нея въ Кострому никоимъ образомъ не уѣзжалъ, потому что она опасается отъ Катенина всяческой обиды, даже „не свойственной ея полу“. 18 мая Мелеховъ нанялъ въ ближайшей деревнѣ подводу за 4 рубля и вмѣстѣ съ женою Гебеды изъ усадьбы Катенина уѣхалъ, при чемъ помѣщикъ дозволилъ Степанидѣ Ивановнѣ взять только ея дѣвку, постель да небольшой ларчикъ съ женскими вещами. Всѣ же остальные предметы въ комнатѣ, гдѣ жили Гебеды, запечаталъ своею печатью и Мелехову для передачи правителю намѣстничества вручилъ письмо.

Въ немъ онъ сообщалъ, что отлучиться въ Кострому, какъ желалъ того И. В. Ламбъ, Катенинъ не можетъ, такъ какъ его всѣ люди взбунтовались; осталось при немъ „вѣрныхъ едва нѣсколько“,

точно также и подводъ для жены Гебеды отпустить не можетъ вслѣдствіе переломки экипажей во время бунта.

23 мая 1795 г. Степанида Ивановна вмѣстѣ уже со своимъ мужемъ явилась къ правителю намѣстничества и объяснила, что Катенинъ изъ вещей ихъ ничего не дозволилъ ей взять, все записывалъ и запечатывалъ, какъ хотѣлъ; не могла она исполнить и приказа своего мужа—во что бы ни стало захватить съ собою оба „віолдамура“: помѣщикъ не только не отдалъ ихъ, но съ грубостію закричалъ на нее, и опасается она, чтобы онъ „по злому своему нраву не сдѣлалъ имъ какого дурна“. Оба Гебеды „просили его высокопревосходительство объ удовольствіи ихъ надлежащею справедливостію, воззрѣвъ начальнически на безчеловѣчныя дѣянія помѣщика“.

И. В. Ламбъ о дѣлѣ Гебеды съ Катенинымъ, какъ о выдающемся происшествіи, согласно 84 ст. Учрежденія о губерніяхъ, донесъ „въ обыкновенномъ недѣльномъ рапортѣ“ съ нарочнымъ курьеромъ правящему должность Владимірскаго и Костромского генералъ-губернатора Ивану Александровичу Заборовскому и ждалъ отъ него указаній.

VI.

Между тѣмъ самъ Н. Ѳ. Катенинъ употреблялъ „по-своему“ всѣ усилія, чтобы уладить дѣло съ взбунтовавшимися крестьянами. Тотчасъ же по возвращеніи изъ Чухломы камердинера Петра Наумова и по донесеніи о успѣхахъ поѣздки, секундъ-маіоръ 30 апрѣля самъ прибылъ въ Чухлому и явился въ Управу Благочинія. Въ своемъ уѣздномъ городѣ у Н. Ѳ. Катенина были многіе „хлѣбоядцы“. Въ Управѣ уже до пріѣзда помѣщика изъ 28 жалобщиковъ 10 человѣкъ склонили къ полному послушанію, яко „учинившихъ ему сопротивленіе по глупости“. Остальные же 18 отвѣтили, что они скорѣе готовы ссылку претерпѣть, чѣмъ идти къ нему вновь. Эти 18 человѣкъ и представлены были Катенину въ присутствіи Управы Благочинія.

— Мы согласны, сказали ему крестьяне, — вернуться къ себѣ, если господинъ оставитъ насъ мастеровыми, сдѣлаетъ оброчными, а къ хлѣбопашеству принуждать не будетъ.

— По лѣности своей не хотите работать, бездѣльники!—закричалъ на нихъ Катенинъ и изо всей силы принялся бить многихъ изъ стоявшихъ своихъ людей по щекамъ.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ на глазахъ показались слезы; они стояли молча, трясясь отъ волненія.

— Всѣхъ васъ, воровъ, отдадутъ по суду мнѣ, всѣ пропадете вмѣсто собаки,—продолжалъ кричать Катенинъ. До смерти васъ замучу, и виноватъ не буду, потому, что вы—моя собственность!

Управа Благочинія для дальнѣйшаго допроса 15 человѣкъ препроводила въ уѣздный судъ, а троихъ по просьбѣ Катенина, для исправленія „домашними мѣрами", передала въ распоряженіе Катенина, давъ ему для ихъ караула трехъ солдатъ.

Трое взятыхъ крестьянъ были именно тѣ самые, которые въ присутствіи Управы говорили о желаніи быть выпущенными „на оброкъ". Всѣ они были закованы въ ручныя и ножныя желѣза.

Какъ только Катенинъ съ ними и караульными провожатыми выѣхали за городъ, секундъ-маіоръ одного изъ крестьянъ, болѣе всѣхъ говорившаго въ Управѣ,—Θедора Васильева веревкою привязалъ къ стремени своей лошади и, прибавивъ рыси, продолжая его почти тащить за собою, принялся „поминутно" колотить по головѣ, спинѣ и груди, приговаривая:

— Вотъ тебѣ оброкъ!

Какимъ-то образомъ желѣза, бывшія на Васильевѣ, развалились, и онъ опрометью бросился бѣжать, насколько позволяли его силы, къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу. Два другихъ закованныхъ крестьянина также побѣжали было за Васильевымъ, но желѣза имъ мѣшали, они принуждены были остановиться.

— Держи ихъ, мошенниковъ!—крикнулъ Катенинъ и вмѣстѣ съ побѣжавшими караульными поскакалъ на лошади за Васильевымъ. Тотъ, пробѣжавъ какія-нибудь полверсты, далѣе идти не могъ, при подъемѣ на небольшой оврагъ запыхался, упалъ и, повернувшись лицомъ къ землѣ, ничкомъ, дожидался погони, которая и не замедлила къ нему приблизиться.

— Поднимите разбойника и ведите его за руки, — приказалъ Катенинъ солдатамъ.

Когда Васильева подвели къ двумъ другимъ скованнымъ крестьянамъ, то Катенинъ поперемѣнно во все время пути вплоть до своего сельца Занина билъ палками каждаго.

— Въ лакейскую!—крикнулъ онъ, указывая на трехъ закованныхъ Петру Наумову, вышедшему съ дворовыми встрѣчать барина, какъ только послѣдній вступилъ въ усадьбу. Здѣсь жалобщики „немилосердо" были наказаны плетьми и кнутьями, а потомъ были отправлены на конюшню, гдѣ первые двое были закованы такъ, что имъ по крайней мѣрѣ можно было лежать, а Васильева, попытавшагося было убѣжать съ дороги, заковали за ноги и за руки, а равно и за шею; несчастный въ такомъ положеніи не могъ даже вытянуть ноги и при засыпаніи долженъ висѣть на своей шеѣ.

Секундъ-маіоръ самъ заперъ ихъ на замокъ и при себѣ каждому изъ нихъ отпускалъ по фунту хлѣба и по ковшу воды на день.

Конечно, такого мученія долго выдержать было нельзя; черезъ недѣлю все трое „слезно“ просили помѣщика простить имъ вину, а еще дня черезъ два они, по приказу Катенина, были раскованы, имъ обрили головы, и они отданы были „въ работу“ подъ присмотръ Петра Наумова.

Такому же бритію головы подверглись и тѣ 10 человѣкъ, которые ранѣе въ Управѣ Благочинія принесли свою вину предъ господиномъ, и еще шестеро изъ оставшихся въ уѣздномъ судѣ, измѣнившихъ свое прежнее рѣшеніе и уговоренныхъ судомъ, вернуться къ помѣщику. „Раскаяніе“ принесли 8 человѣкъ, но при препровожденіи ихъ къ Катенину двое—Парамонъ Матвѣевъ и Иванъ Ефимовъ—бѣжали, всѣ поиски ихъ оказались напрасными. Въ тюрьмѣ же Чухломскаго уѣзднаго суда осталось людей Катенина также 8 человѣкъ, которые „по упрямству своему не только возвратиться къ помѣщику не похотѣли, но даже подъ своими допросами не подписались“. Въ числѣ этихъ послѣднихъ восьми находились Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ.

А спустя какой-нибудь мѣсяцъ послѣ бунта Катенинъ доносилъ правителю намѣстничества, что кромѣ 8 человѣкъ, находившихся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ, всѣ остальные его дворовые и крестьяне „въ своемъ преступленіи раскаялись, ихъ по великодушію Катенинъ и его жена простили, они находятся по-прежнему въ полномъ его повиновеніи, яровую рожь у него исправно запахали и для запахиванія таковой же въ своихъ селеніяхъ отпущены въ домы свои; новыхъ безпокойствъ у него нѣтъ, и вотчина находится въ должной тишинѣ и порядкѣ“.

Но одинъ изъ сержантовъ, бывшихъ у Катенина, сообщалъ, что въ вотчинѣ его заведены „строгости большія“; какъ въ домѣ, такъ и въ усадьбѣ учреждены частные караулы изъ крестьянъ и дворовыхъ людей; запрещается всѣмъ сходиться другъ съ другомъ и между собою разговаривать. Помѣщикъ очень боится внезапнаго нападенія и смуты отъ бѣжавшихъ Парамона Матвѣева и Ивана Ефимова.

Цѣлые годы эти бѣглые заставляли Катенина держаться насторожѣ, безпокоили его; цѣлый рядъ „объявленій“ о ихъ поимкѣ подавалъ онъ въ присутственныя мѣста, ихъ и слѣдъ простылъ, растворившись въ благопріятныхъ дебряхъ и извилинахъ тогдашняго бытового уклада.

VII.

А дѣло Гебеды пошло своимъ обычнымъ темпомъ, столь вѣрно передаваемымъ оставшимся словомъ „волокита“. Гебеда, узнавъ, что выше намѣстника есть еще генералъ-губернаторъ, отправилъ и Заборовскому прошеніе о переводѣ его дѣла въ Костромской уѣздный судъ и о возвращеніи изъ сельца Занина его имѣнія, такъ какъ на присутствующихъ Чухломскаго суда онъ имѣетъ подозрѣніе по короткому ихъ знакомству и хлѣбосольству съ Катенинымъ. Заборовскій гуманно отнесся къ Гебедѣ, приказалъ, согласно просьбѣ, его дѣло перевести въ Кострому, гдѣ „обиженный иностранецъ, не совершенно вѣдающій россійскій языкъ и законы, подъ защитою намѣстническаго правленія можетъ удобнѣе представлять обстоятельства къ своему оправданію и справедливости, а помѣщику Катенину—объявить, чтобы онъ явился въ Кострому къ суду самъ или прислалъ повѣреннаго“.

Катенинъ же въ своемъ отвѣтѣ Заборовскому писалъ, что Гебеда, бывши у него въ домѣ, взбунтовалъ всѣхъ его дворовыхъ и крестьянъ, и не доживя условнаго срока до контракта, бѣжалъ, какъ видно но производящемуся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ дѣлу, причинилъ ему крайнее разореніе; за его хлѣбъ-соль во всѣхъ знакомыхъ домахъ называлъ его „пьяницею и тираномъ“. По причинѣ своего слабаго здоровья и необходимости наблюдать за водвореніемъ порядка въ своей вотчинѣ Катенинъ ѣхать въ Кострому не можетъ и считаетъ переводъ сюда дѣла изъ Чухломы проволочкой въ виду дальняго 165 верстнаго разстоянія и нарушеніемъ интереса его, Катенина, такъ какъ и всѣ его свидѣтели, которыхъ онъ долженъ представить, живутъ въ Чухломской округѣ.

Въ то же время, по приказу Заборовскаго, чухломскій исправникъ капитанъ-лейтенантъ Лермонтовъ [1]) и стряпчій Налетовъ явились въ сельцо Занино и распечатали комнату, гдѣ хранились вещи Гебеды, печати на всѣхъ запертыхъ сундукахъ оказались въ цѣлости. А такъ какъ для отправленія этого имущества въ Кострому нужно было не менѣе 4 подводъ, а Катенинъ дать таковыя отказался, „у исправника же на то не было надлежащей суммы“, то все имущество Гебеды было перепечатано казенною печатью, потомъ положено въ особый чуланъ, заперто замкомъ и запечатано тою же печатью.

Однако, по новому приказу Заборовскаго капралу Чухломской

[1]) Предокъ поэта.

канцеляріи Дроздову велѣно имущество подъ его отвѣтственностію доставить въ Кострому на казенный счетъ. Всѣ печати въ чуланѣ оказались въ цѣлости, и вещи Гебеды за 13 р. 20 к. были доставлены въ Кострому. 12 сентября сюда въ намѣстническое правленіе явился капельмейстеръ Гебеда вмѣстѣ съ женою и приступилъ къ осмотру привезеннаго. Но едва онъ вскрылъ ящички со скрипками, какъ отчаянный вопль его понесся по комнатамъ правленія:

— Несчастные мои віолдамуры! Несчастные мы съ женою! Мы лишены сущности пропитанія! Все кончено по злобѣ тирана Катенина!

Явившемуся намѣстнику Ивану Варфоломеевичу Ламбу Гебеда показалъ, что обѣ скрипки сломаны и исколоты.

— Онѣ пріобрѣтены трудами цѣлаго моего вѣка,—ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ капельмейстеръ.—Этими музыкальными инструментами я снискивалъ себѣ средства къ пропитанію и теперь я угнетаюсь, что онѣ уже болѣе къ тому неспособны и не удобны, нельзя даже найти мастеровъ для ихъ исправленія.

И. В. Ламбъ, какъ могъ, успокоилъ Гебеду, сказавъ, чтобы онъ взялъ все имущество къ себѣ и тамъ въ присутствіи командируемаго канцеляриста составилъ ему опись; если чего не сыщется или что явится испорченнымъ, тому сдѣлать оцѣнку, и все это представить намѣстнику для привлеченія Катенина къ законной отвѣтственности.

На другой день Гебеда представилъ опись пожиткамъ, не оказавшимся въ сундукахъ или испорченнымъ. У одного изъ ящиковъ была отломлена доска и черезъ отверстіе были похищены нѣкоторыя вещи, у голубого сундучка былъ сорванъ замокъ съ пробоемъ; въ сосновомъ сундукѣ были отогнуты петли, въ дубовомъ ларцѣ и въ зеленомъ сундукѣ изъ петлей гвозди были вынуты; при всѣхъ этихъ поврежденіяхъ казенныя печати находились въ цѣлости, но очень значительное количество вещей, особенно же платье Гебеды и его жены, было похищено. Всего вещей было украдено по описи Гебеды 1.700 руб., да 1.100 рублей онъ считалъ за оба испорченные віолдамура.

Капралъ Дроздовъ и крестьяне, на чьихъ подводахъ имущество Гебеды было доставлено въ Кострому, показали, что они приняли имущество съ поврежденіями, означенными въ описи Гебеды, но за цѣлыми печатями.

20 октября 1795 г. Катенинъ, на посланное ему изъ намѣстническаго правленія предложеніе сообщилъ, что онъ кромѣ отправленнаго съ капраломъ Дроздовымъ имущества Катенина болѣе ничего у себя не имѣетъ; хранить его у себя онъ не былъ обязанъ, и гдѣ

произошло изломанiе инструментовъ, не знаетъ. За болѣзнiю явиться по-прежнему въ Кострому не можетъ, когда же получитъ облегченiе, то прiѣдетъ безъ замедленiя.

VIII.

Это приглашенiе Катенина къ суду было послѣднимъ благопрiятнымъ поворотомъ дѣла въ пользу Гебеды.

До конца октября 1795 г. оставшiеся въ тюрьмѣ при Чухломскомъ уѣздномъ судѣ крестьяне показывали, что подговаривалъ ихъ къ бунту землемѣръ Хлѣбниковъ, но съ начала ноября мѣсяца они стали говорить другое—указывать, какъ на подстрекателя на Гебеду, разсказывая всѣ обстоятельства бунта въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ у насъ въ очеркѣ.

Землемѣръ же уѣздный В. В. Хлѣбниковъ при допросѣ показалъ, что хотя онъ для размежеванiя пустоши Якутиной у секундъ-маiора Катенина въ вотчинѣ находился и въ кабинетѣ помѣщика Исака Савинова и Марка Ѳадѣева видѣлъ списывающими копiи съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ, но никакихъ съ ними разговоровъ, ниже подстрекательствъ не велъ. Самъ онъ, какъ россiйскiй дворянинъ, таковыхъ же людей въ подданствѣ имѣетъ, ни въ какихъ порокахъ никогда не бывалъ; не только содѣйствiя къ общественному и частному разврату и къ нарушенiю тишины и спокойствiя не имѣлъ, но и въ мысляхъ о томъ не воображалъ, а тѣмъ болѣе къ подговору людей Катенина, помня хорошо указы, которыми запрещено строжайше людямъ на своихъ помѣщиковъ доносы дѣлать, а доносителей, сочинителей и разглашателей по симъ дѣламъ указано жестоко наказывать. „Все сiе,—говорилъ Хлѣбниковъ,—могло бы быть ко мнѣ отнесено, если бы я предпочелъ холопскую жизнь благородной, а я и съ помѣщикомъ ихъ доброе знакомство имѣлъ. Въ подтвержденiе же моей совѣсти и чести,—заканчиваетъ землемѣръ,—я готовъ всегда учинить присягу".

По службѣ о Хлѣбниковѣ дали самый благопрiятный отзывъ, и его тогда оставили въ покоѣ.

Кромѣ того, двое изъ самыхъ главныхъ зачинщиковъ бунта Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ подали вдругъ въ Чухломскiй уѣздный судъ объявленiе, въ дополненiе къ ихъ позднѣйшему указанiю на Гебеду, какъ на подстрекателя, что капельмейстеръ во время пребыванiя своего въ сельцѣ Занинѣ уговаривалъ ихъ обоихъ „подписывать фальшивыя ассигнацiи, такъ какъ у него имѣлась типографiя, и онъ отлично умѣлъ штемпеля дѣлать".

Теперь уже Чухломскій уѣздный судъ, съ разрѣшенія намѣстническаго правленія, звалъ въ Чухлому къ своему отвѣту Гебеду по предъявленнымъ къ нему обвиненіямъ. Но капельмейстеръ прислалъ въ судъ дерзкое письмо, что онъ въ Чухлому ѣхать не можетъ и не хочетъ, а извѣтъ на него Савинова и Ѳадѣева въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій „считаетъ все тѣмъ же злымъ на него подговоромъ и посуломъ Катенина“.

Самъ же Катенинъ въ то же время подалъ въ Чухломскій судъ новую жалобу, въ которой указывая на свою „невиновность“ во всемъ дѣлѣ, на бунтъ и на безчестіе, нанесенное ему Гебедою, просилъ въ видѣ залога до рѣшенія дѣла удержать подъ присмотръ судебнаго мѣста все имущество капельмейстера, находящееся при немъ въ Костромѣ, огавариваясь, что „даже въ случаѣ осужденія Гебеды онъ, секундъ-маіоръ, это имущество въ свое удовольствіе взять не желаетъ, а отдаетъ его въ приказъ общественнаго призрѣнія для примѣра другимъ иностранцамъ, чтобы они впредь не осмѣливались поносить людей напрасно, какъ съ безстыдствомъ учинилъ въ его домѣ полякъ и краковскій уроженецъ Гебеда“.

Всѣ поступавшіе по дѣлу доносы, допросы, жалобы и разныя опредѣленія отъ низшихъ передавались въ высшія присутственныя мѣста. Наконецъ, о присылкѣ къ допросу въ Чухломскій уѣздный судъ Гебеды подтвердилъ и главный начальникъ края, владимірскій и костромской генералъ-губернаторъ И. А. Заборовскій. Это было уже весною 1796 года, а 14 апрѣля Костромская Управа Благочинія, во исполненіе этого подтвержденія, донесла, что капельмейстера Гебеды на жительствѣ въ Костромѣ нѣтъ, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ Москву.

Въ виду того, что „къ слѣдствію для изысканія истины Гебеда былъ нуженъ лично“, намѣстническое правленіе, получивъ отъ Катенина 4 р. 13½ к., пропечатало 25 ноября 1796 г. въ публичныхъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объявленіе о немедленной явкѣ капельмейстера къ суду.

Въ это время состоялось, наконецъ, рѣшеніе о тѣхъ 6-ти „доносителяхъ на своего помѣщика“, которые содержались въ Чухломской тюрьмѣ: за неповиновеніе помѣщику и учиненіе бунта они сосланы были въ Иркутскъ на каторжныя работы. Главные же два зачинщика Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ какимъ-то способомъ избѣжали этой участи и были отданы помѣщику въ вотчину съ роспискою, имъ было вмѣнено въ наказаніе только содержаніе подъ стражею.

Почти два года прошло послѣ пропечатанія объявленія о розыскахъ Гебеды. Самъ Н. Ѳ. Катенинъ вновь задумалъ и поступилъ

на службу, но не военную, а гражданскую, именно—экзекуторомъ 4 департамента Сената. Въ послѣднiй онъ и подалъ новую жалобу 13 ноября 1798 г. о переводѣ его дѣла съ Гебедою въ Сенатъ, указывая, что „самая неявка капельмейстера заставляетъ мыслить“, что онъ виновенъ въ возмущенiи въ сельцѣ Занинѣ людей Катенина.

Сенатъ, разсмотрѣвъ снова все дѣло по существу и обсудивъ рѣшенiе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, согласился прежде всего съ заключенiемъ Чухломскаго уѣзднаго суда, что въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнацiяхъ Гебеда правильно признанъ невиннымъ. Затѣмъ окончательнымъ опредѣленiемъ, состоявшимся 15 октября 1802 года, т. е. спустя 7 лѣтъ послѣ начала дѣла, постановилъ: Катенина, яко ни въ чемъ по жалобамъ и доносамъ Гебеды виновнымъ не оказавшагося, отъ продолженiя сего дѣла освободить. Дѣло же объ иностранцѣ Iосифѣ Гебедѣ, подлежащемъ за свои дѣйствiя наказанiю, за смертiю его, Гебеды, сужденiемъ прекратить.

Вскорѣ послѣ этого рѣшенiя вдова Гебеды, явившаяся послѣ его смерти „единственной наслѣдницей“, просила, на основанiи „всемилостивѣйшаго манифеста о восшествiи на престолъ“, сложить съ нея недоимки за употребленную ея мужемъ во все время дѣла вмѣсто гербовой простую бумагу. Сенатъ, считая сумму недоимокъ менѣе 1.000 рублей, просьбу вдовы Гебеды уважилъ и опредѣлилъ недоимокъ съ нея не взыскивать.

* * *

Такимъ образомъ, кончилось это дѣло, за своей канцелярской передачей скрывавшее страданiя многихъ сотенъ людей. Разсвѣтъ крестьянскому сословiю уже приближался. Черезъ какiе-нибудь два десятка лѣтъ послѣ окончанiя дѣла о бунтѣ въ сельцѣ Занинѣ, судя по тому же отдѣлу судебныхъ документовъ, къ которымъ принадлежитъ и исчерпанный, уже начали встрѣчаться помѣщики, передъ смертiю своими духовными завѣщанiями освобождавшiе всѣхъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленiемъ ихъ землей [1]). Актомъ 19 февраля 1861 года невольничьи узы были сняты, актъ же 17 октября 1905 г. открылъ двери, наравнѣ съ другими сословiями, и крестьянству въ высшее законодательное учрежденiе имперiи.

Но мы едва-ли ошибемся, если, подъ впечатлѣнiемъ мыслей навѣянныхъ дѣломъ Гебеды, скажемъ, что, несмотря на всѣ свободы, людскихъ страданiй въ нашемъ полноправномъ обществѣ стало не

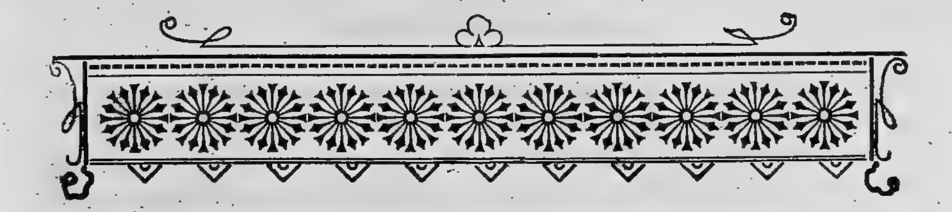
[1]) См. напримѣръ, дѣла и опредѣленiя 7 департамента Прав. Сената за 1824 г. въ Моск. Архивѣ М. Ю. книга № 298, дѣло 120.

меньше, что тупой личный эгоизмъ и его необузданныя силы замѣнили крѣпостное право. Если въ прежнее время безчеловѣчный помѣщикъ угнеталъ своихъ людей, то и теперь богатый крестьянинъ точно также угнетаетъ своего равноправнаго же по сословію братакрестьянина, сильный—слабаго, лѣнивый и пьяница—труженика и трезваго; любовь лишь къ самому себѣ каждаго отдѣльнаго человѣка заглушаетъ разумъ и душу въ отношеніи другихъ.

До тѣхъ поръ, пока человѣкъ и общество не будутъ смягчены сердцемъ и укрѣплены сознаніемъ давней истины—не дѣлать другому того, чего не желаешь себѣ, а самъ человѣкъ, по завѣтамъ Евангелія, не станетъ любить ближняго, какъ самого себя, до тѣхъ поръ человѣчество не избавится страданій, которыя оно испытывало и прежде, и отголоски которыхъ передаются въ настоящемъ очеркѣ. Будутъ мѣняться юридическія формы взаимоотношеній, а подъ ними нравственные устои будутъ оставаться полными животнаго эгоизма, насмѣшкою надъ духовною природою человѣка.

И. С. Бѣляевъ.

Исторія одного словаря.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ)[1].

Печальная, но обычная въ нашей русской дѣйствительности исторія, характеризующая наше отношеніе къ тѣмъ культурнымъ одиночкамъ, которыя время отъ времени появляются даже въ глухой провинціи.

Безусловно такимъ культурнымъ работникомъ былъ губернскій секретарь Александръ Муштаевъ, служившій въ городѣ Оренбургѣ во время генералъ-губернатора Александра Андреевича Катенина. Біографическихъ данныхъ о Муштаевѣ мнѣ, несмотря на самые тщательные розыски, не удалось найти—онѣ безслѣдно исчезли, можно высказать предположеніе, которое отчасти подтверждается письмомъ В. Григорьева, помѣщеннымъ ниже, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Муштаевъ былъ крещеный башкиръ, воспитывавшійся въ восточномъ отдѣленіи Неплюевскаго военнаго училища, а затѣмъ служившій въ канцеляріи губернатора. Во время службы Муштаевъ обратилъ вниманіе на ту аномалію по существу, но которая, у насъ въ Россіи, считалась вполнѣ нормальнымъ явленіемъ, а именно, что на окраины, гдѣ жили инородцы, посылались чиновники, владѣющіе только русскимъ языкомъ, поэтому сношенія ихъ съ жителями были затруднены и могли вестись лишь при помощи переводчиковъ. Но на восточной окраинѣ, въ Оренбургѣ, было еще

---

[1]) Матеріаломъ служили два дѣла архива Оренбургской архивной коммиссіи по отдѣлу граждан., первое отъ 20 сентября 1857 г. на 22 листахъ, второе начато 7 мая 1869 г. и закончено 18 марта 1872 г. на 28 листахъ. Дѣла публикуются впервые.

одно затрудненіе—почти не существовало печатныхъ пособій для сношеній, не было даже приличнаго словаря татарскаго языка.

И Муштаевъ—быть можетъ, онъ исполнялъ обязанность переводчика—рѣшилъ пополнить этотъ пропускъ, составить словарь, или, какъ выражался онъ самъ въ своемъ прошеніи къ генералъ-губернатору, „предпринять на себя этотъ немаловажный трудъ“. Но такъ какъ въ Оренбургѣ въ то время—конецъ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія—не существовало библіотеки, у самого Муштаева не было средствъ, то онъ просилъ выписать на казенный счетъ рядъ пособій и разрѣшить ему, опять же на казенный счетъ, командировку въ Петербургъ, чтобы посовѣтоваться съ профессорами Восточнаго факультета Петербургскаго университета.

Генералъ-губернаторъ А. А. Катенинъ—извѣстный, какъ просвѣщенный, гуманный человѣкъ—благосклонно взглянулъ на эту просьбу и разрѣшилъ ее выполнить. Изъ Петербурга изъ магазина Исакова были выписаны на 100 руб. 75 коп. пособія—именно: 1) Троянскій, Татарскій словарь, 2) Болдыревъ, Персидскій словарь, 3) Академическій словарь, 4) Bianchi Dictionnaire Fr.-Turc. 5) Kazimirsky Dictionnaire Arabe-Français, кромѣ того Муштаеву выдано 229 руб. 91 коп.—весь расходъ такимъ образомъ выразился въ 330 руб. 66 коп.—на прогоны и довольствіе во время командировки.

На этомъ дѣло и закончилось. Катенинъ умеръ, его преемникъ генералъ Безакъ былъ занятъ иными начинаніями, и о работѣ Муштаева вполнѣ основательно забыли. И всплыла она совершенно случайно черезъ 12 лѣтъ, въ 1869 году. Оказалось, что Муштаевъ закончилъ свою работу сравнительно скоро—командировку онъ получилъ въ 1857 году, а въ 1860 г. представилъ—въ цензурный комитетъ въ Казани свою рукопись,—цензура разрѣшила ее, но дальнѣйшія хлопоты по изданію предпринять не могъ, по весьма уважительной причинѣ: за смертью, и рукопись его хранилась у его вдовы, которая успѣла выйти замужъ и переѣхать изъ Оренбурга въ Верхнеуральскъ. Здѣсь съ ней совершенно случайно встрѣтился чиновникъ особыхъ порученій генералъ-губернатора, узналъ про рукопись—и причина неизвѣстна, быть можетъ, соболѣзнуя бѣдственному положенію вдовы Муштаевой, а быть можетъ, желая спасти солидный трудъ—посовѣтовалъ вдовѣ обратиться съ прошеніемъ къ новому генералъ-губернатору Крыжановскому, который поощрялъ всѣ подобныя начинанія. Черновикъ прошенія былъ написанъ самимъ чиновникомъ, вдова переписала его и вмѣстѣ съ рукописью мужа отправила къ Крыжановскому. Послѣдній переслалъ этотъ словарь извѣстному оріенталисту В. В. Григорьеву,

который когда-то служилъ въ Оренбургскомъ краѣ и, быть можетъ, зналъ и помнилъ Муштаева. Крыжановскій просилъ прежде всего дать отзывъ о словаряхъ, а затѣмъ посодѣйствовать, не найдетъ ли возможнымъ Академія наукъ напечатать этотъ словарь.

В. Григорьевъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ, а въ это время вдова Муштаева, успѣвшая еще разъ овдовѣть и выйти замужъ въ третій разъ, продолжала бомбардировать генералъ-губернатора прошеніями—оказать ей поддержку.

Отвѣтъ Григорьева сохранился въ подлинникѣ, и мы приводимъ его in extenso, полагая, что если когда-нибудь будетъ издана переписка В. Григорьева, это письмо можетъ войти въ собраніе его писемъ. В. В. Григорьевъ писалъ лично Крыжановскому:

Милостивый Государь Николай Андреевичъ!

Сознаю себя весьма виноватымъ передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, до сихъ поръ замедливъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее письмо Ваше съ запросомъ о татарско-русскомъ словарѣ г-на Муштаева. Извиненіемъ для меня можетъ служить лишь то обстоятельство, что на каждаго человѣка въ Россіи, который что-нибудь знаетъ и къ чему-нибудь способенъ, наваливаютъ со всѣхъ сторонъ столько порученій, что, не имѣя возможности исполнять и десятой доли ихъ, приходится по-неволѣ быть крайне неаккуратнымъ.

Словарь, о которомъ Вашему Высокопревосходительству угодно знать мое мнѣніе—одинъ изъ лучшихъ, какіе существуютъ для татарскаго языка. Въ немъ множество словъ, которыя пропущены въ другихъ подобнаго рода сборникахъ, и всѣ вообще слова объяснены превосходно. Меня удивляетъ, до какой степени умѣлъ усвоить себѣ знаніе русскаго языка покойный Муштаевъ, будучи природнымъ башкирцемъ. Происхожденіе объясняемыхъ словъ изъ другихъ словъ показано не всегда вѣрно: многимъ монгольскимъ словамъ приписано, напримѣръ, персидское происхожденіе. Но этотъ недостатокъ, въ виду другихъ, существенныхъ достоинствъ труда г-на Муштаева, неваженъ.

Во всякомъ случаѣ словарь г-на Муштаева не настолько способствуетъ къ изученію татарскаго языка, чтобы могъ быть напечатанъ на счетъ Имп. Академіи Наукъ, которая принимаетъ на себя лишь изданія книгъ, значительно увеличивающихъ имѣющійся капиталъ знанія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Книга Муштаева—не болѣе, какъ хорошее учебное пособіе. Въ этомъ качествѣ,

пособіе на напечатаніе ея могло бы быть скорѣе исходатайствовано изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но если бы на этотъ предметъ имѣлись въ Оренбургскомъ краѣ какія-либо мѣстныя средства, Ваше Превосходительство не потратило бы ихъ напрасно, издавъ книгу г-на Муштаева въ Оренбургѣ или Казани и введя ее затѣмъ въ употребленіе въ училищахъ подвѣдомственнаго Вамъ управленія: она далеко удовлетворительнѣе однородныхъ съ нею учебниковъ, до сихъ поръ употребляющихся въ имперіи при обученіи татарскому языку, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ даже „Сравнительный словарь турецко-татарскаго нарѣчія" г-на Будагова, печатающійся нынѣ на счетъ Имп. С.-Петербургскаго университета.

Изложивъ, такимъ образомъ, мнѣніе мое по предмету, о которомъ Ваше Высокопревосходительство изволили спрашивать меня, пользуюсь настоящимъ случаемъ принести увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ коими имѣю честь пребыть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою В. Григорьевъ.

С.-П.-Бургъ
23 декабря 1870 г.

Его Высоко—ству Н. А.
Крыжановскому.

P.S. При семъ честь имѣю возвратить и рукопись г-на Муштаева, препровожденную на мое усмотрѣніе [1]).

Мы видимъ, что отзывъ болѣе чѣмъ лестный, что трудъ Муштаева, по мнѣнію такого знатока, какъ В. Григорьевъ, вполнѣ заслуживалъ изданія. Заподозрить В. Григорьева въ предвзятости мнѣнія, въ желаніи сдѣлать пріятное генералу Крыжановскому у насъ нѣтъ никакихъ основаній — указываемъ на это могущее возникнуть предположеніе вслѣдствіе нижеприводимаго отзыва министра народнаго просвѣщенія.

Издать этотъ словарь на мѣстныя средства Крыжановскій не пожелалъ—у Крыжановскаго въ это время складывался взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ совершенно иной [2]), и потому Крыжановскій отослалъ рукопись Муштаева въ министерство народнаго просвѣщенія.

---

[1]) Дѣло отъ 7 марта 1869 г., стр. 16 и 17.

[2]) Взглядъ на изученіе татарскаго языка въ Оренбургскомъ краѣ генерала Крыжановскаго чрезвычайно любопытенъ. Мы уже опубликовали часть интересныхъ матеріаловъ по этому поводу въ мѣстной прессѣ (Вѣстникъ Уфы), и намѣрены закончить означенное опубликованіе, изложивъ исторію открытія русско-татарской школы въ Уфѣ.

Отзывъ министра народнаго просвѣщенія — а таковымъ въ то время былъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой — долженъ былъ поразить генералъ-губернатора — на столько онъ противорѣчилъ отзыву В. Григорьева. Министръ передалъ словарь, какъ сообщилъ въ письмѣ къ Крыжановскому, на разсмотрѣніе „свѣдущихъ оріенталистовъ“, по мнѣнію которыхъ недостатки словаря заключались въ слѣдующемъ: „въ этомъ словарѣ, носящемъ названіе татарскаго, османское турецкое нарѣчіе соединено съ татарскимъ, оренбургско-казанскимъ, имѣющимъ съ первымъ весьма отдаленныя связи. Отъ этого произошло, что въ немъ не обозначено различіе османскихъ словъ отъ татарскихъ; османскій отдѣлъ не заключаетъ въ себѣ и сотой доли того лексикографическаго богатства, которымъ обладаетъ османское нарѣчіе, татарскій отдѣлъ въ свою очередь неполонъ, упущенъ изъ виду джагатанскій языкъ, безъ знанія котораго неумѣстно даже поверхностное знакомство съ обоими упомянутыми нарѣчіями и, наконецъ, вслѣдствіе незнанія основательно по-османски, весьма слабо разработанъ османскій отдѣлъ“.

Получивъ такой отзывъ, министръ народнаго просвѣщенія, понятно, отказался печатать словарь на средства министерства.

Небезынтересно сравнить эти два отзыва — къ сожалѣнію, въ отвѣтѣ графа Д. Толстого не сказано, кто былъ рецензентомъ — не тотъ ли самый Будаговъ, о которомъ не совсѣмъ лестно отозвался В. Григорьевъ — не забудемъ, что Крыжановскій отправилъ рукопись Муштаева съ подлинникомъ письма Григорьева. Отзывъ министерства безусловно полемизируетъ съ письмомъ В. Григорьева — въ письмѣ Григорьева говорится „о десятой долѣ тѣхъ порученій, которыя даются Григорьеву“ — въ отзывѣ появляется выраженіе „сотая доля“; Григорьевъ изумляется объясненію словъ, отзывъ министерства подчеркиваетъ незнакомство составителя словаря съ османскимъ языкомъ. Вообще отзывъ министерства производитъ впечатлѣніе предвзятости, односторонности. Словарь былъ назначенъ для Оренбургскаго края, какъ практическое руководство — министерскій отзывъ критикуетъ его, какъ ученый трудъ — В. Григорьевъ именно подчеркивалъ практическую сторону словаря.

Во время этой переписки вдова Муштаева послала еще одно прошеніе, въ которомъ, указывая, что она живетъ въ Бузулукѣ, просила уже не о напечатаніи или о пріобрѣтеніи труда ея мужа, а просто дать ей что-нибудь на бѣдность. Крыжановскій, получивъ такой отзывъ министра, распорядился послать Муштаевой отказъ въ ея просьбѣ вмѣстѣ съ рукописью мужа черезъ полицію на мѣстожительство въ Бузулукъ.

Въ 1872 г. 31 января Муштаева снова обращается къ Крыжа-

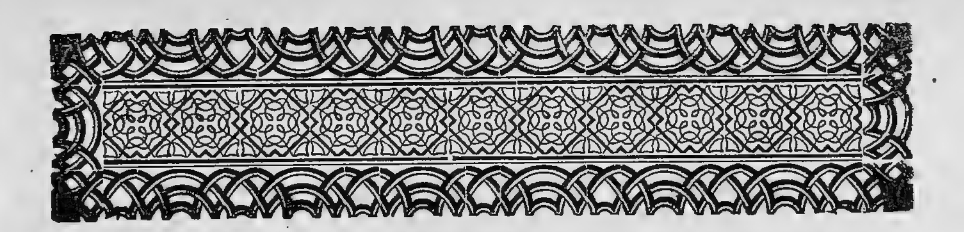
новскому, указывая, что такъ какъ въ Бузулукѣ она прожила слишкомъ недолго, то полиція и не успѣла вернуть ей рукопись мужа.

Канцелярія генералъ-губернатора стала наводить справки и 8 марта 1872 г. получила въ отвѣтъ извѣщеніе отъ Бузулукскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, что 5 сентября 1871 г. въ Бузулукѣ былъ пожаръ, архивъ полицейскаго управленія сгорѣлъ и, очевидно, сгорѣла и рукопись словаря...

Такъ безплодно погибъ интересный трудъ одного изъ мѣстныхъ работниковъ.

П. Столпянскій.

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прослуживъ болѣе 40 лѣтъ сначала военнымъ врачемъ, потомъ—городскимъ и земскимъ, а послѣднія 12 лѣтъ—мировымъ судьей, я былъ свидѣтелемъ многихъ знаменательныхъ событій прошедшаго пятидесятилѣтія и реформъ, совершенныхъ послѣ 19 февраля 1861 года, а въ земской—принималъ дѣятельное участіе.

Теперь, выйдя въ отставку, я рѣшился собрать воедино свои воспоминанія, въ надеждѣ, что они могутъ послужить до нѣкоторой степени матеріаломъ для характеристики этой эпохи, хотя событія, описываемыя здѣсь, совершались, большею частью, въ тѣсномъ провинціальномъ кругу.

Большинство лицъ, о которыхъ здѣсь говорится, уже умерли, а оставшіеся въ живыхъ почти всѣ удалились отъ дѣлъ, но воспоминаніе о ихъ дѣятельности, можетъ быть, будетъ небезинтересно для современниковъ.

Въ началѣ записокъ я говорю о Медицинской Академіи и студенческомъ обществѣ, какимъ оно было 50 лѣтъ тому назадъ, затѣмъ описываю тогдашнее военное общество, дореформенное состояніе города, въ которомъ мнѣ больше всего пришлось жить и дѣйствовать и, наконецъ, введеніе реформъ: 19 февраля, земской и судебной.

Записки эти редактированы подъ мою диктовку, такъ какъ я около 3-хъ лѣтъ назадъ потерялъ зрѣніе, а потому заранѣе прошу простить мнѣ неизбѣжныя при этомъ неровности изложенія и другіе промахи; за фактическую же сторону того, что разсказываю, я ручаюсь.

Александръ Алексѣевичъ Синицынъ.

Глава I.

(Императорская СПБ. Медико-Хирургическая Академія 1850—1855 г.г.)

Я поступилъ въ Академію осенью 1850 года. Въ 1898 году Академія праздновала свой 100-лѣтній юбилей. Я думаю, что ретроспективный взглядъ на то состояніе, въ какомъ она находилась 50 лѣтъ тому назадъ, будетъ небезинтересенъ.

Поступилъ я въ Академію не потому, чтобы имѣлъ какое-нибудь особое призваніе къ медицинѣ, а потому, во-первыхъ, что въ то время пріемъ на остальные факультеты былъ крайне ограниченъ, такъ какъ былъ положенъ штатъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, въ 300 человѣкъ, а, во-вторыхъ, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году, оставивъ кое-какія бѣдныя крохи на содержаніе семейства, состоявшаго кромѣ меня изъ сестры и двухъ малолѣтнихъ братьевъ. Въ Медицинскую же Академію я могъ надѣяться поступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ, что равняется теперешнимъ стипендіатамъ.

Въ то время Академія не была особенно богата ни помѣщеніями, ни научными средствами. Главное ея зданіе, какъ и теперь, выходило на Неву. Посрединѣ его,—тамъ, гдѣ теперь—академическая библіотека, внизу, былъ парадный входъ, а во второмъ этажѣ помѣщались аудиторіи: анатомическая, химическая и физическая съ принадлежащими къ нимъ кабинетами. Налѣво вверху помѣщалась академическая клиника внутреннихъ болѣзней съ 30-тью кроватями и одна аудиторія; вправо находились кабинеты: анатомическій, паталого-анатомическій и ботаническій, а также одна аудиторія. Въ нижнемъ этажѣ влѣво находилась академическая хирургическая клиника съ аудиторіей, вправо зоологическій кабинетъ и нѣкоторыя другія помѣщенія. Съ правой стороны по Сампсоніевскому проспекту къ Академіи примыкало двухъ-этажное зданіе, гдѣ помѣщалась госпитальная хирургическая клиника Н. И. Пирогова. Слѣва къ главному флигелю примыкали: госпитальная терапевтическая клиника проф. Мяновскаго, а внизу акушерская и женская клиника проф. Киттера. Всѣ эти клиники были соединены съ главнымъ зданіемъ теплыми корридорами. Сзади этого зданія шелъ дворъ съ академическимъ садомъ. Между садомъ и главнымъ зданіемъ, выходившимъ на Неву, былъ анатомическій институтъ. Это было одноэтажное деревянное зданіе, раздѣленное на двѣ равныя половины. Въ одной

изъ нихъ была „святая святыхъ", т. е. рабочій кабинетъ Н. И. Пирогова, гдѣ онъ въ то время вмѣстѣ съ В. Груберомъ, тогда еще прозекторомъ, составлялъ свой знаменитый атласъ, а въ другой студенты занимались препарированіемъ труповъ. Тутъ было 10 деревянныхъ столовъ, на которыхъ студенты препарировали. Надъ каждымъ изъ этихъ столовъ висѣли двѣ спиртовыя лампы, и къ каждому былъ проведенъ кранъ съ водой для его обмыванія и обмыванія труповъ. Никакихъ особыхъ приспособленій къ очищенію воздуха въ этой половинѣ не было.

Второе большое зданіе Академіи, сохранившееся и въ настоящее время и выходящее на Нижегородскую улицу, имѣетъ видъ двухъ параллелограммовъ, соединенныхъ между собой длиннымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщалась такъ называемая лѣтняя конференція, академическая церковь и столовая для студентовъ. Въ боковыхъ зданіяхъ были номера для студентовъ, квартиры инспектора и четырехъ его помощниковъ, затѣмъ Правленіе Академіи и квартира профессора Прозорова, считавшагося врачемъ для студентовъ. Впослѣдствіи на открытомъ дворѣ этого зданія былъ поставленъ памятникъ баронету Вилліе, бывшему доктору Императора Александра I, оставившему по завѣщанію въ пользу Академіи милліонъ рублей. Къ этимъ зданіямъ съ разныхъ сторонъ примыкало нѣсколько флигелей, принадлежавшихъ 2-му сухопутному госпиталю.

Студентовъ въ Академіи было нѣсколько болѣе 500 человѣкъ. Они раздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ, или вольнослушателей. Первые, которыхъ было болѣе 250 чел., соотвѣтствовали теперешнимъ стипендіатамъ. Они жили въ томъ зданіи, гдѣ лѣтняя конференція, въ нумерахъ по 4 человѣка, и пользовались полнымъ содержаніемъ и форменной одеждой отъ Академіи, за что обязаны были отслуживать въ войскахъ 10 лѣтъ.

Кромѣ нихъ было еще 25 стипендіатовъ Царства Польскаго, обязанныхъ также военной службою, которые жили въ одномъ зданіи съ казеннокоштными студентами. Своекоштные студенты, или вольнослушатели были всѣ приходящіе и никакими пособіями отъ Академіи не пользовались. За слушаніе лекцій они платили по 15 рублей въ годъ.

Для поступленія въ Академію требовалось окончаніе гимназическаго курса или курса духовныхъ семинарій, хотя принимались лица, и не кончившія полнаго курса послѣднихъ. При вступленіи требовался экзаменъ изъ латинскаго языка, русскаго, одного изъ новѣйшихъ, изъ математики и физики, въ предѣлахъ гимназическаго курса, исторіи русской и всеобщей, русской литературы и З. Божія. Кромѣ того, требовалось сочиненіе на латинскомъ языкѣ

на заданную тему. Экзаменаторами были частью профессора Академіи, частью посторонніе лица, по приглашенію Академіи. Въ годъ моего поступленія экзаменовали профессоръ химіи Зининъ—изъ математики, проф. физики Измайловъ—по физикѣ, а по-латыни—лекторъ латинскаго языка Вальтеръ; онъ же экзаменовалъ и изъ новѣйшихъ. По остальнымъ предметамъ были посторонніе экзаменаторы, частью изъ профессоровъ университета. Экзаменъ былъ довольно строгъ, въ доказательство чего приведу тотъ фактъ, что изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ, подавшихъ прошеніе о зачисленіи въ казеннокоштные студенты, выдержало экзаменъ только 29 чел., остальные остались за бортомъ. Вольнослушателей поступило въ нашъ годъ 40 съ чѣмъ-то человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 5 поступили впослѣдствіи въ казеннокоштные.

Латинское сочиненіе писалось въ Академіи. Для этого въ залѣ лѣтней конференціи за колоннами, находившимися въ противоположной сторонѣ отъ входа, ставились отдѣльные столы, за которыми помѣщалось по 2 чел. Каждому давалась отдѣльная тема и по два листа бумаги. Сочиненіе нужно было окончить и подать экзаменатору къ тремъ часамъ дня. Темы были, большею частью, историческія и отчасти философскія. Сочиненія эти приводили въ большое смущеніе экзаменующихся, въ особенности гимназистовъ, которые въ то время не отличались хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Вообще при пріемѣ отдавалось большее предпочтеніе семинаристамъ, считавшимся въ то время лучше подготовленными къ слушанію лекцій и обладавшимъ большимъ терпѣніемъ и выносливостью, столь необходимыми при изученіи такой обширной и трудной науки, какъ медицина.

Сочиненія эти такъ пугали многихъ, что немалое число экзаменующихся прекращали экзамены и брали свои документы назадъ, такъ что къ концу экзаменовъ число экзаменующихся значительно уменьшалось.

Экзамены продолжались около трехъ недѣль. Тотчасъ же по окончаніи экзаменовъ начиналось чтеніе лекцій.

Казеннокоштные студенты жили, какъ я уже сказалъ, въ Академіи на полномъ содержаніи по 4 чел. въ нумерѣ. Спальныя комнаты были отдѣльныя, общія для цѣлаго курса. Въ каждомъ нумерѣ было три большихъ стола и 2 шкафа,—одинъ для книгъ и бѣлья, другой для одежды.

Одежда была форменная, отличавшаяся отъ теперешней отсутствіемъ погонъ; вмѣсто парадного полукафтана были мундиры старинной формы съ бѣлыми галунными петлицами. Головнымъ уборомъ служила трехуголка, въ фуражкахъ же позволялось ходить

только въ предѣлахъ Выборгской стороны, внѣ которой ношеніе ихъ строго преслѣдовалось. Въ 1853-мъ году трехуголки были замѣнены касками пѣхотнаго образца, на щитѣ которыхъ были буквы М. Х. А. Вольнослушатели могли носить обыкновенную штатскую форму, а потомъ для нихъ придумали особую форму, состоявшую изъ чернаго сюртука военнаго покроя безъ выпушекъ съ серебряными гладкими пуговицами и форменнаго образца черной фуражки, также безъ выпущекъ и съ тѣми же буквами М. Х. А. на околышѣ. Съ третьяго курса они пріобрѣтали право носить такую же форму, какъ и казеннокоштные студенты.

О внутренней жизни студентовъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Въ Академіи были слѣдующія каѳедры: 1-я каѳедра—описательной анатоміи, 2-я—физіологіи, 3-я—химіи неорганической и органической, 4-я — физики, 5-я—зоологіи, 6-я—ботаники, 7-я—геологіи и минералогіи, 8-я—фармакогнозіи съ рецептурой, 9-я—общей патологіи и общей терапіи, 10-я—частной патологіи и частной терапіи, 11-я — патологія хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называлось, теоретической хирургіи съ глазными болѣзнями и ученіемъ о сифилисѣ, 12-я—формакологіи, 13-я—акушерства и женскихъ болѣзней, 14-я—судебной медицины, 15-я—оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и 16-я—патологической анатоміи. Клиникъ было 5: двѣ клиники внутреннихъ болѣзней, двѣ хирургическихъ и одна акушерская съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ, не было клиникъ: глазной, сифилитической, отдѣльной клиники для женскихъ болѣзней, сыпной, дѣтской и клиники душевныхъ болѣзней.

Описательную анатомію читалъ проф. Нарановичъ, по старому руководству *Петра Загорскаго*. Ученіе же о внутренностяхъ, или спланхнологію читалъ его прозекторъ Илинскій, впослѣдствіи профессоръ патологической анатоміи, такъ какъ Нарановичъ не зналъ микроскопической анатоміи и поэтому не могъ читать о строеніи внутреннихъ органовъ.

Съ нашего курса было введено двухлѣтнее чтеніе анатоміи, и во второмъ курсѣ ученіе о нервной системѣ читалъ также Илинскій.

Лекціи Нарановича были довольно скучны, а иногда и не вполнѣ ясны, особенно лекціи о шейной и тазовой областяхъ, но посѣщались аккуратно, такъ какъ онъ былъ строгъ на экзаменахъ; лекціи же Илинскаго, отличавшіяся полнотой, соотвѣтствовавшія вполнѣ современному состоянію науки и при томъ изложенныя прекраснымъ языкомъ, постоянно привлекали большое число слушателей. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ патологической анатоміи сна-

чала въ Харьковѣ, а потомъ у насъ въ Академіи. Его можно считать основателемъ русской школы патологической анатоміи. Самымъ извѣстнымъ его ученикомъ былъ М. М. Рудневъ, бывшій потомъ профессоромъ этой науки въ Медицинской Академіи и выпустившій изъ своего кабинета цѣлую плеяду молодыхъ ученыхъ.

Препарованіемъ студенты начинали заниматься со второго полугодія 1-го курса. Каждый студентъ долженъ былъ сдать 6 препаратовъ въ годъ, при чемъ рука и нога считались за одинъ препаратъ каждая,—области таза и шейная—за два. Занимались препарованьемъ, большею частью, по вечерамъ. За каждымъ столомъ занималось не менѣе двухъ человѣкъ одновременно. Хотя по правиламъ Академіи занятіе препарованіемъ должно было продолжаться до 4-го курса включительно, но большинство студентовъ бросали его уже съ третьяго курса, на что, впрочемъ, не обращалось особеннаго вниманія. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ прозекторъ Шульцъ, человѣкъ довольно лѣнивый, принималъ отъ студентовъ препараты очень поверхностно и почти не экзаменовалъ на нихъ студентовъ.

Кромѣ того, для изученія анатоміи студентамъ двухъ первыхъ курсовъ выдавалось на каждый нумеръ по ящику костей, а въ корридорахъ, гдѣ были нумера, вывѣшивались большія таблицы съ обозначеніемъ мускуловъ, сосудовъ и нервовъ.

Физіологію читалъ проф. А. П. Загорскій. Онъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ физіологіи, какъ то можно было судить по сравненію его лекцій съ бывшими тогда въ ходу учебниками Валентина и Эиле, но читалъ ее теоретически, безъ демонстрацій и опытовъ. Слушали его не безъ удовольствія, такъ какъ онъ былъ хорошій лекторъ.

Профессоромъ химіи былъ тогда К. Н. Зининъ. Это была научная звѣзда первой величины, и онъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ составлялъ красу и славу Академіи. Человѣкъ съ громадной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ естествознанія, съ громаднымъ философскимъ умомъ, увлекательный лекторъ, всегда веселый и остроумный, онъ считался лучшимъ изъ профессоровъ. Онъ сдѣлалъ много открытій по своей наукѣ, свѣдѣнія о которыхъ помѣщались, большею частью, въ иностранныхъ журналахъ и въ „Comptes rendus de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg“ (русскихъ ученыхъ журналовъ тогда не было). Мастерство его изложенія было такъ велико, что когда, по выходѣ въ отставку профессора Эйхвальда, ему было поручено чтеніе минералогіи, то онъ излагалъ эту скучную науку такъ увлекательно и живо, что лекціи его собирали студентовъ со всѣхъ курсовъ, тогда какъ на лекціяхъ Эйхвальда бывало не болѣе десятка слушателей. Лекціи Зинина по

химіи посѣщались даже посторонними лицами. Такъ, я встрѣчалъ на нихъ покойнаго профессора Энгельгардта, бывшаго тогда артиллерійскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи получившаго извѣстность, какъ сельскій хозяинъ, артиллериста Шишкова, впослѣдствіи извѣстнаго химика, покойнаго Н. А. Вышнеградскаго и другихъ.

Но по тѣснотѣ химической лабораторіи и бѣдности ея средствъ мало студентовъ могло заниматься ею практически, поэтому Зининъ оставилъ мало преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, на его памятникѣ, по справедливости, написано: „Отцу русской химіи“.

Онъ ходилъ на лекціи всегда въ пиджакѣ, перепачканномъ пятнами отъ всевозможныхъ химическихъ реактивовъ. Однажды посѣтилъ Академію бывшій тогда военный министръ князь Чернышевъ. Инспекторъ Академіи, зная привычки Зимина, послалъ одного изъ субъ-инспекторовъ предупредить его объ этомъ. Субъ-инспекторъ шепнулъ Зинину, что не мѣшало бы надѣть фракъ, но тотъ, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ чтеніе. Когда въ аудиторію вошелъ Чернышевъ, онъ, не прерывая лекціи, слегка поклонился послѣднему и продолжалъ дѣлать какіе-то опыты. По окончаніи лекціи Чернышевъ самъ подошелъ къ Зинину и выразилъ ему сожалѣніе, что онъ, по старости лѣтъ, не можетъ быть постояннымъ его слушателемъ: „Ничего-съ“, отвѣчалъ Зининъ: „хорошему можно учиться и на старости лѣтъ“.

На экзаменахъ онъ былъ довольно строгъ, но спасеніемъ для плохо знающихъ химію былъ извѣстный Ю. К. Траппъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе. Къ нему ютились всѣ слабые въ наукѣ, такъ что иногда случалось, что возлѣ стола Зинина не было ни одного студента, а около Траппа—человѣка 4 или 5. Тогда Зининъ, замѣтивъ это, подходилъ къ столу послѣдняго и забиралъ кого-нибудь оттуда къ себѣ. Нужно было видѣть лицо этого несчастнаго, съ какимъ онъ подходилъ къ Зинину. Впрочемъ Зининъ окончательно никого не проваливалъ на экзаменѣ, а давалъ передержку послѣ каникулъ.

Вообще это былъ любимѣйшій и многоуважаемый профессоръ.

Физику читалъ профессоръ Измайловъ. Читалъ онъ ее вяло, лѣниво, почти безъ опытовъ, хотя физическій кабинетъ, по тогдашнему состоянію науки, былъ довольно удовлетворителенъ. Лекціи его посѣщались студентами очень мало, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень снисходителенъ на экзаменахъ.

Профессоръ зоологіи Эйхвальдъ былъ типичный нѣмецъ. Онъ ходилъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ какимъ-то орденомъ на шеѣ; являлся на лекціи аккуратно—минута въ минуту и такъ же аккуратно кончалъ ихъ. Лекціи его были скучны, но, такъ какъ онъ начиналъ

чтеніе съ низшихъ животныхъ и первый познакомилъ насъ съ микроскопомъ, что въ то время было большою рѣдкостью, то онѣ посѣщались довольно охотно.

Зоологію онъ читалъ по-латыни. Онъ же читалъ геологію и минералогію, послѣднія по-русски. Его курсъ геологіи считался въ то время образцовымъ. Онъ былъ послѣдователемъ Кювье, какъ почти всѣ геологи тогдашняго времени. Читалъ онъ у насъ только до Рождества. Претендентами на его каѳедру явились двое: академикъ Брандтъ и С. Куторга, считавшійся лучшимъ изъ профессоровъ Университета. Многіе изъ насъ слушали его публичныя лекціи, читанныя, если не ошибаюсь, въ Думской залѣ, и всѣ мы очень желали, чтобы онъ былъ назначенъ къ намъ. Но, къ сожалѣнію, нѣмецкая партія взяла верхъ, и профессоромъ былъ назначенъ Брандтъ. Это былъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, очень ученый, но совершенно лишенный профессорскихъ качествъ. Его маленькая, толстенькая фигурка, нѣмецкое произношеніе, какъ-то нараспѣвъ, употребленіе буквы j вмѣсто г и другія странности нерѣдко вызывали у студентовъ улыбку. На лекціи къ нему ходило очень мало. Въ сущности онъ былъ благоразумнѣйшій и добрѣйшій изъ профессоровъ, и мы его любили, но нисколько не боялись. На экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ и всегда ставилъ переходные баллы, приговаривая съ какой-то добродушной отеческой улыбкой: „Ну, ви, хотя зоологіи и не знаете, но, бить можетъ, будете хорошимъ врачемъ. Это биваетъ, а иногда и не биваетъ“.

Ботанику читалъ Л. И. Вейссъ, бездарнѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ. Какъ онъ добился званія адъюнктъ-профессора, трудно себѣ и представить. На лекціи къ нему ходило не болѣе 5-ти, 6-ти человѣкъ и, дѣйствительно, нужно было имѣть особую страсть къ ботаникѣ, чтобы спокойно его слушать. Съ нимъ были разные курьезы. Такъ, напр., читалъ онъ временно фармакологію. Читалъ онъ ее по русскому переводу Зобернгейма. Однажды среди общаго молчанія раздается такая фраза: „Если бы не было опіума, то врачи не знали бы, какъ его употреблять“. Оказывается, что у Зобернгейма было приведено мнѣніе одного хирурга, что, если бы не было опіума, то онъ не рѣшился бы дѣлать операцій. Первая половина этой фразы была напечатана на концѣ страницы, и Вейссъ, перевернувъ два листа заразъ, на первой строкѣ наткнулся на фразу: „еще врачи не умѣли употреблять его“. Разсердившись на смѣхъ студентовъ, онъ соскочилъ съ каѳедры и пресерьезно началъ обвинять насъ въ пренебреженіи къ старшимъ. Смѣхъ студентовъ не прекращался; тогда Вейссъ швырнулъ въ насъ злополучной книгой и величаво удалился изъ аудиторіи. Передъ окончательными экза-

менами второго курса кто-то нарисовалъ углемъ его портретъ въ дурацкомъ колпакѣ на стѣнѣ его кабинета. Вейссъ страшно взбѣсился, грозилъ никого изъ насъ не пропустить на экзаменѣ, подкупилъ всѣхъ служителей, чтобы отыскать „художника“, но, не добившись этого, пожаловался на весь курсъ президенту Пеликану. Тотъ преспокойно отвѣчалъ Вейссу, что онъ самъ виноватъ, не объяснивъ, впрочемъ, въ чемъ. Тогда Вейссъ объявилъ намъ на лекціи, что будетъ экзаменовать по своимъ билетамъ. Дѣло становилось серьезнымъ: приходилось садиться за ботанику и изучать всѣ 150 билетовъ. Обыкновенно, профессора, составивъ конспектъ, поручали писанье билетовъ кому-нибудь изъ студентовъ. По нѣкоторымъ предметамъ, въ томъ числѣ по ботаникѣ, билеты дѣлились на 4 или на 6 группъ, и каждый изъ студентовъ приготовлялъ къ экзамену только четвертую или шестую часть билетовъ этой науки. Билеты эти писались съ разными тонкими отличіями для каждой группы, и зоркій глазъ студента быстро находилъ билетъ своего отдѣла. Когда Вейссъ явился на экзаменъ и положилъ на столъ свои билеты, одинъ изъ студентовъ Ап... подошелъ къ столу и, быстро снявъ билеты Вейсса, замѣнилъ ихъ своими, приготовленными по всѣмъ правиламъ искусства. Вейссъ взбѣсился и хотѣлъ послать за инспекторомъ. Въ это время вошелъ въ аудиторію бывшій на этомъ экзаменѣ ассистентомъ Зининъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ Вейссу: „Стыдись, братецъ, вмѣшивать полицію въ отношенія между учеными людьми. Что за бѣда,—экзаменуй по ихъ билетамъ“. Сначала Вейссъ упирался, не соглашался, но, когда Зининъ пригрозилъ ему, что будетъ самъ экзаменовать, ловко намекнувъ, что и самъ Вейссъ небольшой знатокъ ботаники, послѣдній смирился, и экзаменъ прошелъ благополучно. Тѣмъ и кончились наши отношенія къ ботаникѣ.

Изъ профессоровъ чисто медицинскихъ наукъ, не считая Н. И. Пирогова, который былъ внѣ общаго сравненія, самымъ замѣчательнымъ былъ профессоръ частной патологіи и терапіи В. Е. Эккъ. Онъ былъ превосходный знатокъ своей науки, которую излагалъ съ такой точностью, ясностью и образностью, что, слушая описанія патологическихъ измѣненій при разныхъ болѣзняхъ, слушатель какъ-бы видѣлъ передъ собой описываемый предметъ. Симптоматологію болѣзней онъ излагалъ такъ наглядно, какъ будто вы видите самого больного. Все, что мы узнали по частной патологіи, узнали мы отъ него и изъ лекцій, читанныхъ Н. И. Пироговымъ при вскрытіи труповъ. Хотя у насъ и былъ тогда профессоръ патологической анатоміи, какой-то Маркузенъ, но это была такая сумбурная голова, что изъ его лекцій никто ничего не выносилъ, да и самъ онъ вскорѣ куда-то исчезъ.

Превосходныя же лекціи Н. И. Пирогова, читанныя имъ при вскрытіи труповъ съ микроскопическими демонстраціями, были, болѣе или менѣе, случайныя и касались не всѣхъ болѣзней, смотря по бывшимъ въ клиникѣ случаямъ; общаго же курса онъ не читалъ. Такъ, на 3-мъ курсѣ онъ прочелъ намъ нѣсколько превосходныхъ лекцій по брюшному тифу, нѣсколько лекцій о туберкулезѣ, о холерѣ, затѣмъ нѣсколько лекцій о крупозномъ воспаленіи легкихъ и нѣсколько—о гнойномъ зараженіи, составлявшемъ тогда истинный бичъ хирургическихъ палатъ. О другихъ болѣзняхъ онъ читать не могъ, потому что не было соотвѣтствующихъ случаевъ. Обыкновенно на одной лекціи дѣлалось вскрытіе и производилось описаніе *макроскопическихъ* измѣненій, а къ слѣдующей лекціи приготовлялись *микроскопическіе* препараты, которые и демонстрировались самимъ профессоромъ на двухъ, бывшихъ въ его распоряженіи микроскопахъ. Кромѣ того онъ показывалъ намъ микроскопическіе препараты оперированныхъ имъ, разнаго рода опухолей. О высокомъ научномъ значеніи этихъ лекцій нечего и говорить. Еще раньше нашего окончанія курса Пироговъ оставилъ каѳедру и уѣхалъ въ 1854 году въ Севастополь, такъ что клиническихъ лекцій его я не слыхалъ.

Онъ первый изъ нашихъ клиницистовъ ввелъ употребленіе русскаго языка въ своей клиникѣ. До него исторіи болѣзней писались по-латыни. Въ другихъ клиникахъ латинскій языкъ употреблялся еще нѣсколько лѣтъ.

Общую патологію, діагнотиску и общую терапію читалъ проф. Здекауэръ. Общая патологія въ то время не основывалась на опытныхъ изслѣдованіяхъ, и очень часто для объясненія патологическихъ процессовъ прибѣгали къ разнаго рода гипотезамъ, чисто теоретическимъ и противорѣчивымъ. Хотя Здекауэръ читалъ ее, для тогдашняго времени, довольно хорошо, но слушали его неохотно. Онъ часто прибѣгалъ къ такимъ туманнымъ объясненіямъ, что многіе его вовсе не понимали. Нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., вопросъ о гнойномъ зараженіи, излагался очень сбивчиво, такъ какъ, по тогдашнему состоянію науки, въ немъ было много нерѣшеннаго и запутаннаго. Но діагностику Здекауэръ преподавалъ превосходно. Лекціи его читались въ терапевтическомъ отдѣленіи гошпиталя на больныхъ, которыхъ передъ нами разбиралъ профессоръ и показывалъ почти каждому студенту всѣ тонкости выслушиванія и постукиванія, такъ что этотъ отдѣлъ діагностики почти всѣ студенты знали хорошо. Патологію хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называли, теоретическую хирургію читалъ П. П. Заблоцкій-Десятовскій. Онъ же читалъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, о сифилисѣ

и о болѣзняхъ половыхъ органовъ. Столь обширная и разнообразная программа, даже при тогдашнемъ состояніи науки, едва-ли была по силамъ одному человѣку. Лекціи Заблоцкаго по глазнымъ болѣзнямъ были очень кратки, хотя изложены довольно систематически. Глазной клиники тогда не было, и ученіе о глазныхъ болѣзняхъ ограничивалось изученіемъ болѣзни вѣкъ, соединительной и роговой оболочекъ и радужной оболочки,—однимъ словомъ, того, что было видимо простымъ глазомъ. Остальныя болѣзни мы знали только по имени. Правда, когда мы были на 5-мъ курсѣ, докторъ Кабатъ, тогдашній придворный окулистъ, прочелъ намъ нѣсколько лекцій, показалъ офтальмоскопъ и демонстрировалъ человѣкъ пять или шесть больныхъ.

Всего лучше читалъ Заблоцкій о сифилисѣ, по которому онъ считался въ то время спеціалистомъ, и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Его книга „О болѣзняхъ яичка и т. д.“ была удостоена Академіей Наукъ Демидовской преміи.

По сифилису онъ прочелъ намъ нѣсколько лекцій на больныхъ въ гошпиталѣ. Замѣчательно то, что онъ, будучи хирургомъ по спеціальности, лѣтъ 10 читалъ судебную медицину, за неимѣніемъ свободной хирургической каѳедры. Подобное явленіе повторялось въ то время нерѣдко. Такъ, преемникъ его по каѳедрѣ судебной медицины Е. В. Пеликанъ сначала былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ женскихъ болѣзней.

Изъ остальныхъ медицинскихъ профессоровъ слѣдуетъ упомянуть о Е. В. Пеликанѣ, который съ 1853 года началъ преподавать въ Академіи судебную медицину. Онъ зналъ науку прекрасно въ ея современномъ состояніи и въ то же время былъ прекрасный лекторъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ судебно-медицинскія вскрытія. Это былъ одинъ изъ предшественниковъ того новаго научнаго направленія, которое началось въ Академіи въ концѣ 50-хъ годовъ и поставило ее такъ высоко въ научномъ отношеніи.

Въ 1854 году пріѣхалъ изъ-за границы молодой ученый Якубовичъ и началъ преподавать намъ гистологію съ микроскопическими демонстраціями. Его лекціи познакомили насъ съ современнымъ состояніемъ гистологіи, которая до этого времени почти не читалась въ Академіи.

Остальные профессора, за исключеніемъ адъюнктъ-профессора Неммерта, представляли изъ себя самыя заурядныя посредственности и отличались рутинностью и отсталостью отъ науки.

Неммертъ былъ чрезвычайно даровитый и высоко образованный хирургъ, вполнѣ знакомый съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ состоялъ адъюнктомъ на каѳедрѣ оперативной хирургіи, кото-

рую занималъ тогда Рклицкій, старый рутинеръ, учившій только производству ампутацій, экзартикуляцій и перевязки сосудовъ,— дальше этого онъ не шелъ, да и то читалъ безъ описаній различ ныхъ методовъ операцій, безъ критическаго разбора ихъ и безъ показаній. Его лекціи мы пополнили потомъ чтеніемъ вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ превосходнаго руководства по хирургіи французскаго профессора Мальгэня.

Неммертъ читалъ намъ только ученіе о переломахъ и вывихахъ съ демонстраціями на трупахъ и о повязкахъ, которыя въ то время были чрезвычайно разнообразны, а иногда и очень сложны; каждую повязку онъ показывалъ сначала на фантомѣ, потомъ на комъ-нибудь изъ студентовъ и заставлялъ одного или двухъ изъ нихъ повторить повязку тутъ же. По отъѣздѣ Пирогова въ Крымъ, ему было поручено завѣдываніе Пироговской клиникой; и тутъ онъ превосходно велъ дѣло и, насколько могъ, старался улучшить гигіеническія условія клиники. Передъ каждой операціей, при разборѣ даннаго случая, онъ разъяснялъ различные способы ея производства, обсуждалъ приложимость или неприложимость ихъ къ данному случаю и только послѣ строгаго критическаго разбора приступалъ къ операціи.

Техникъ онъ былъ превосходный и въ клиническомъ отношеніи могъ вполнѣ замѣнить Ник. Ив. Пирогова. Къ сожалѣнію, онъ жилъ недолго и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта.

Говоря о профессорскомъ персоналѣ, нельзя не упомянуть о незабвенномъ Ю. К. Траппѣ. Хотя онъ въ наше время ничего не читалъ, состоя прозекторомъ при каѳедрѣ фармаціи, но принималъ самое живое участіе въ жизни и дѣятельности студентовъ. Онъ помогалъ каждому обращавшемуся къ нему совѣтомъ, руководствомъ, а иногда и деньгами, ссужая нуждающихся небольшими суммами, которыя не всегда возвращались ему. Его красивая, привѣтливая фигура всегда съ удовольствіемъ встрѣчалась студентами, тѣмъ болѣе, что онъ съ каждымъ говорилъ на его родномъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ долго былъ профессоромъ фармаціи, и много поколѣній студентовъ прошло мимо него, сохранивъ самую благодарную о немъ память.

Вообще отношенія между профессорами и студентами были хороши и добродушны. Профессора смотрѣли на насъ, студентовъ, какъ на свою близкую семью, безъ всякой національной розни или какихъ-нибудь другихъ внѣ-научныхъ соображеній. И теперь, на склонѣ лѣтъ, я съ благодарностью вспоминаю о нихъ и о своей „Alma Mater", гдѣ мы почерпнули въ то глухое время идеалъ благородства и человѣчности.

Клиническое преподаваніе въ Академіи было поставлено довольно слабо, за исключеніемъ клиники Пирогова. Профессора двухъ терапевтическихъ клиникъ Мяновскій и Шипулинскій, особенно первый, были люди устарѣлые и не стоявшіе на высотѣ современной науки; Шипулинскій обучалъ насъ, по крайней мѣрѣ, выслушиванію и постукиванію. Этимъ и кончалось клиническое изслѣдованіе; никакихъ другихъ способовъ не употреблялось.

Термометръ не былъ еще въ употребленіи, и температура больныхъ опредѣлялась на ощупь. Въ мочѣ обращали вниманіе только на цвѣтъ и присутствіе или отсутствіе въ ней осадковъ, но изъ чего они состояли — объ этомъ никто не думалъ. Вообще никакихъ химическихъ или микроскопическихъ изслѣдованій выдѣленій больного не дѣлалось, да и самихъ микроскоповъ въ Академіи было очень мало: не болѣе 6—7 штукъ. Они были только въ рукахъ профессоровъ, такъ что мы, студенты, не занимались самостоятельно микроскопическими работами. Проф. гистологіи Якубовичъ старался познакомить насъ съ микроскопической техникой, но такъ какъ у него былъ только одинъ микроскопъ, то и работать студентамъ не приходилось. Къ тому же микроскопы были тогда очень дороги.

Въ хирургической клиникѣ проф. Рклицкаго дѣло велось рутинно, операцій дѣлалось мало. Кромѣ одной или двухъ литотомій и нѣсколькихъ ампутацій—мы ничего не видали.

Акушерская клиника, которой завѣдывалъ тогда проф. Киттеръ, имѣла только 15 или 20 кроватей, а потому и родовъ мы видѣли мало. Узнавъ о принятіи въ клинику роженицы, желающіе видѣть роды платили обыкновенно сидѣлкѣ 15 или 20 коп., чтобы она извѣщала насъ о началѣ родовъ. Но такъ какъ роды происходятъ, большею частью, ночью, а домъ, гдѣ мы жили, отстоялъ довольно далеко отъ клиники, то рѣдко приходилось попадать на нихъ во время. Мнѣ, напр., пришлось провести только одни роды у больной, у которой я былъ кураторомъ; роды были нормальные и прошли безъ всякихъ инцидентовъ. Акушерскія операціи, какъ наложеніе щипцовъ, повороты и др. профессоръ показывалъ намъ на фантомѣ, но каждый пойметъ, какъ этого было мало для ознакомленія насъ съ акушерствомъ. Въ той же клиникѣ принимались и больныя женскими болѣзнями, но ихъ было такъ мало, что рѣдко кто изъ студентовъ видѣлъ ихъ. Вообще наши познанія въ акушерствѣ были такъ ограниченны, что когда, черезъ годъ или полтора по окончаніи курса, я въ маленькомъ уѣздномъ городѣ былъ въ первый разъ приглашенъ къ родильницѣ первородящей, то рѣшительно не зналъ, какъ къ ней приступиться. Къ счастью, роды были нормальны, хотя

немного затянулись, такъ что все кончилось благополучно, и я вышелъ съ честью.

Въ клиникѣ Пирогова, которою тогда уже завѣдывалъ проф. Неммертъ, мы видѣли нѣсколько операцій вырѣзыванія разнаго рода опухолей, двѣ или три ампутаціи и одну частную резекцію большеберцовой кости. Это была, кажется, первая резекція, произведенная въ Академіи. Вообще резекціи тогда начали только входить въ употребленіе и производились очень рѣдко.

Всѣ вообще клиники имѣли много неудобствъ: они были тѣсны, клиники Рклицкаго и Киттера имѣли мало свѣта, часть коекъ были деревянныя, приспособленія къ вентиляціи были самыя первобытныя: простыя форточки, которыя зимой не всегда удобно было открывать, и кое-гдѣ простые вентиляторы—въ печахъ. Камины были только въ клиникѣ Пирогова. Во всѣхъ клиникахъ воздухъ былъ очень неудовлетворителенъ, особенно въ клиникѣ Пирогова, куда направлялись наиболѣе трудно-больные съ большими нагноеніями и гангренозные (дифтеритъ, ракъ и гошпитальная гангрена составляли тогда очень частое явленіе).

По свидѣтельству самого Николая Ивановича, во всѣ 15 лѣтъ, что онъ завѣдывалъ клиникой, онъ постоянно страдалъ поносами которые онъ прямо приписывалъ дѣйствію клиническихъ міазмъ, такъ какъ стоило ему только выѣхать изъ Петербурга и не посѣщать клиники въ теченіе одной или 2-хъ недѣль, поносы его прекращались и возстановлялось правильное пищевареніе.

Бѣлье въ клиникахъ было плохое и въ недостаточномъ количествѣ; для перевязки ранъ употреблялась только одна корпія, которая не всегда была чиста и пригодна, пища для больныхъ—не всегда удовлетворительна. Какъ ни боролись противъ этого завѣдывавшіе клиникой профессора и, особенно, Пироговъ,—трудно было что-нибудь сдѣлать, такъ какъ хозяйство находилось въ рукахъ гошпитальныхъ интендантскихъ чиновниковъ.

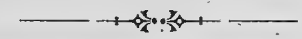
Въ январѣ 1855 года приказано было, по случаю Севастопольской кампаніи, произвести намъ экзамены и сдѣлать усиленный выпускъ, такъ что на 5-мъ курсѣ мы провели только одно полугодіе. Въ первыхъ числахъ марта экзамены кончились, и всѣ казеннокоштные студенты были отправлены частью въ дѣйствующую армію, частью — на Кавказъ. Не великъ былъ запасъ знаній, съ которымъ мы вступили въ жизнь. Всего лучше знали мы частную терапію, благодаря превосходнымъ лекціямъ проф. Экка; нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я, занимались болѣе спеціально хирургіей; о гигіенѣ же и особенно военной, мы не имѣли почти никакого понятія, да и сама наука была тогда, такъ сказать, въ

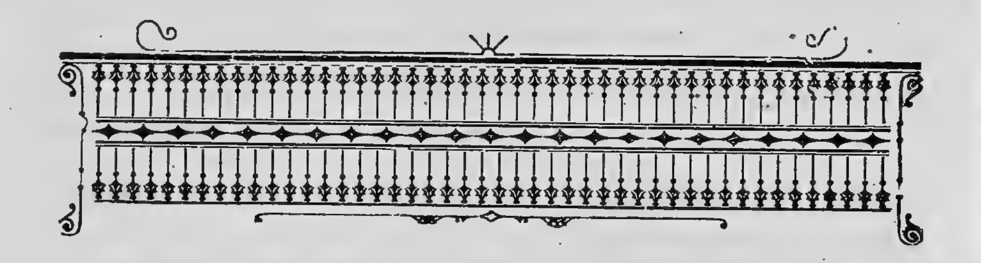
зачаточномъ состояніи, что составляло большой пробѣлъ, особенно для насъ, будущихъ военныхъ врачей. Объ уходѣ за ранеными мы слышали одну или двѣ лекціи проф. Неммерта. Впрочемъ, и самый уходъ за ранеными, какъ я скажу впослѣдствіи, былъ обставленъ довольно примитивно.

При полученіи дипломовъ, каждый изъ насъ былъ снабженъ на казенный счетъ, такъ называемымъ лѣкарскимъ наборомъ и маленькой книжкой объ уходѣ за больными и ранеными. Это былъ переводъ сочиненія какого-то нѣмецкаго врача.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.[1])

Одновременно съ выступленіемъ I арміи изъ Дрисскаго лагеря и движеніемъ ея къ Полоцку и Витебску, гр. Витгенштейнъ получилъ отъ Барклая-де-Толли предписаніе: остаться на занимаемой позиціи у Дриссы, прикрывать пространство къ сѣверу отъ Двины и отходить въ случаѣ отступленія на Себежъ и Псковъ. Войска, ему ввѣренныя, по присоединеніи къ нимъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ генералъ-маіоровъ Гамена, и кн. Репнина, состояли изъ 36 баталіоновъ, 27 эскадроновъ и I казач. полка въ числѣ 25.000 ч. при 108 орудіяхъ. Ближайшими его сподвижниками были: генералъ Довре—начал. штаба, полковникъ Дибичъ—оберъ-квартирмейстеръ, кн. Яшвиль—начал. артиллеріи. Со стороны Наполеона, кромѣ маршала Макдональда, которому были поручены дѣйствія въ Балтійскомъ краѣ и овладѣніе Ригою, былъ назначенъ для противодѣйствія Витгенштейну корпусъ маршала Удино, усиленный вскорѣ корпусомъ Сенъ-Сира. Однако жъ операціи обоихъ маршаловъ на протяженіи 300 верстъ не могли имѣть взаимной связи, и это побудило гр. Витгенштейна занять центральную позицію у Расицы, выждать дѣйствія непріятельскихъ корпусовъ и напасть съ главными силами на ближайшій изъ нихъ, оставивъ небольшой отрядъ для задержанія другого. Между тѣмъ авангардъ его, подъ начальствомъ генер. Кульнева, высланный 13-го (25) іюля за Двину, уничтожилъ непріятельскій транспортъ и взялъ при этомъ 434 ч. въ плѣнъ. Нѣсколько дней спустя Витгенштейнъ получилъ донесенія, что Удино наступаетъ изъ Полоцка

---

1) См. „Русская Старина", сентябрь 1912

по Петербургской дорогѣ; тогда онъ рѣшился атаковать противника во время его движенія. Это повело къ сраженіямъ 18-го (30) и 19 (31) іюля при Клястицахъ и 20-го (1 авг.) при Головщицѣ; побѣжденный маршалъ былъ вынужденъ возвратиться въ Полоцкъ. Съ прибытіемъ Сенъ-Сира, Удино предпринялъ новое наступленіе; произошли новыя кровопролитныя встрѣчи, при чемъ оба полководца были ранены: Витгенштейнъ—легко, Удино столь тяжело, что долженъ былъ сдать главное начальство своему товарищу. Не взирая однако жъ на значительное превосходство въ силахъ непріятеля, Витгенштейнъ такъ успѣшно боролся съ нимъ въ сраженіяхъ 5-го (17) и 6-го (18) августа при Полоцкѣ, что Сенъ-Сиръ отошелъ, наконецъ, въ самый городъ и укрѣпился въ немъ, а противникъ его занялъ въ 30 верстахъ оттуда укрѣпленную позицію у Сивошины. Въ такомъ положеніи оставались оба военачальника до 4-го (16) октября, ограничиваясь малою войною.

Какъ извѣстно, II армія находилась въ началѣ іюля въ движеніи къ Бобруйску, куда она подошла 6 (18) числа. На другой день было получено тамъ изъ Дриссы повелѣніе: спѣшить черезъ Могилевъ и Оршу на соединеніе съ I арміею. Но въ то же время пришло извѣстіе о слѣдованіи маршала Даву изъ Минска въ Игуменъ. Тогда кн. Багратіонъ, надѣясь предупредить непріятеля въ Могилевѣ, немедленно выслалъ туда корпусъ Раевскаго, а на слѣдующее утро, 8 (20) іюля, послѣдовалъ за нимъ съ прочими войсками, усиленными шестью резервными баталіонами изъ числа 18-ти, составлявшихъ Бобруйскій гарнизонъ. Однако Даву также спѣшилъ къ Могилеву. Возложивъ на кавалерійскій корпусъ Груши, отряженный имъ къ главной арміи Наполеона, овладѣніе Борисовымъ, онъ двинулся къ Днѣпру и уже 8-го (20) утромъ подошелъ съ главными силами [1]) къ Могилеву. Слабый гарнизонъ города, къ которому присоединились 400 ч., отступившіе передъ тѣмъ изъ Борисова, хотя и далъ подъ начальствомъ полковника Грессера энергическій отпоръ, долженъ былъ, однако, вскорѣ отойти и былъ при дальнѣйшемъ отступленіи сильно тѣснимъ непріятельскою конницею. При этомъ— отступленіи Грессеръ встрѣтился на слѣдующій день, 9-го (21) ч., съ авангардомъ Раевскаго и получилъ неожиданную помощь: драгуны и казаки послѣдняго внезапно набросились на преслѣдовавшихъ его французскихъ конныхъ егерей и нанесли имъ полное пораженіе; одними плѣнными французы потеряли полковника, 8 офи-

---

[1]) Пѣхотныя дивизіи Деве и Компанъ, кавалерійская Валанса и кавал. бригада Пажоля и Бордусель.

церовъ и болѣе 200 нижнихъ чиновъ [1]). Своевременнымъ и почти безпрепятственнымъ занятіемъ Могилева маршалъ Даву былъ отчасти обязанъ тому обстоятельству, что не встрѣтилъ никакого отпора со стороны Борисова на Березинѣ. Между тѣмъ пунктъ этотъ, какъ видно изъ записокъ Барклая, былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, вооруженъ 18-ю тяжелыми орудіями и занятъ двумя баталіонами [2]). Онъ не могъ, конечно, воспрепятствовать противнику дальнѣйшее движеніе, но овладѣніе имъ задержало бы маршала Даву и лишило бы его возможности предупредить кн. Багратіона въ Могилевѣ. Между тѣмъ Борисовъ, читаемъ въ тѣхъ же запискахъ, „вслѣдствіе ошибочнаго взгляда главнокомандующаго II арміею былъ обезоруженъ, что затруднило впослѣдствіи соединеніе обѣихъ армій“.

Однако жъ, овладѣніе Могилевомъ составляло для насъ такую же необходимость, какъ для противника удержаніе этого пункта за собою. При такихъ условіяхъ бой сдѣлался неизбѣжнымъ, и дѣйствительно, онъ состоялся 11 (23) іюля у д. Салтановки.

За неимѣніемъ хорошей позиціи у Могилева, маршалъ Даву выдвинулъ свои войска, въ которыхъ считалось 26—28.000 ч., по дорогѣ къ Старому-Быхову и расположилъ ихъ на лѣвомъ берегу ручья, впадающаго въ Днѣпръ у Салтановки. Фронтъ этой позиціи, наскоро укрѣпленный, представлялъ хорошую оборону; лѣвый флангъ упирался въ Днѣпръ; правый же флангъ былъ открытъ и легко могъ быть обойденъ, въ виду чего большая часть пѣхоты и вся кавалерія непріятеля были эшелонированы на этомъ флангѣ. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ кн. Багратіону не трудно было обойти позиціи французовъ и заставить ихъ принять бой при менѣе выгодныхъ условіяхъ; для этого нужно было только выждать прибытія главныхъ силъ арміи, которыя могли присоединиться къ Раевскому 11-го (23) вечеромъ. Вмѣсто того Багратіонъ приказалъ Раевскому, у котораго было не болѣе 15.000 ч., атаковать противника 11-го утромъ. Послѣдствія такого распоряженія не могли быть благопріятны: фронтальныя атаки Колюбакина и Паскевича, несмотря на храбрость войскъ и самоотверженіе начальниковъ, были отбиты, и кровопролитный бой окончился отступленіемъ 7-го корпуса къ тому мѣсту, отъ котораго дѣйствія начались и куда къ ночи подошли прочія войска II арміи [3]). Потеря обѣихъ сторонъ

---

[1]) Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 213.

[2]) Собственноручная замѣтка Барклая-де-Толли.

[3]) Багратіонъ не зналъ точнаго исчисленія силъ Даву, а потому ему было выгодно—привязавъ Даву къ Могилеву, уйти съ II арміей на лѣвый берегъ Днѣпра, что ему и удалось вполнѣ. *Ред.*

была значительна: у непріятеля она составляла около 3.400 ч. [1]), у насъ—2.504 ч. [1]). На другой день Даву ожидалъ вторичнаго нападенія; но таковаго не послѣдовало. II армія отступала къ Новому-Быхову, гдѣ все было подготовлено къ переправѣ черезъ Днѣпръ. Одинъ только Раевскій оставался еще у Дашковки для прикрытія этого отступленія и затѣмъ послѣдовалъ за арміею. Отряды же Платова и Дорохова [2]) переправились у Дашковки и Ворколабова для скорѣйшаго присоединенія къ I арміи.

Атака Салтановской позиціи однимъ только корпусомъ Раевскаго и заблаговременныя приготовленія къ переправѣ у Новаго-Быхова вызываютъ предположеніе, что кн. Багратіонъ не имѣлъ твердаго намѣренія открыть себѣ дорогу черезъ Могилевъ и, быть можетъ, не признавалъ даже безотлагательное соединеніе обѣихъ западныхъ армій столь желательнымъ. Это подтверждается также разсказомъ Вольцогена о его встрѣчѣ съ Багратіономъ 13 (25) іюля у Новаго-Быхова. Онъ былъ посланъ изъ Витебска по полученіи тамъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о II арміи, дѣйствіями которой Барклай былъ недоволенъ; ему было поручено удостовѣриться въ положеніи дѣлъ, убѣдить кн. Багратіона въ необходимости скорѣйшаго соединенія и передать ему соотвѣтственное тому Высочайшее повелѣніе. Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, заставшій II армію на мѣстѣ переправы черезъ Днѣпръ, не успѣлъ, однако, по собственному разсказу, убѣдить князя въ возможности движенія къ Смоленску, который согласился предпринять это движеніе лишь во исполненіе Высочайшей воли. Мотивы, руководившіе Багратіономъ, заключались, конечно, не въ желаніи уклониться отъ непосредственнаго подчиненія Барклаю, какъ утверждаютъ нѣкоторые иностранные писатели, а также и не въ томъ, будто онъ признавалъ полезнѣе сохранить за II арміею самостоятельную роль, возложенную на нее первоначальнымъ планомъ дѣйствій, какъ предполагаютъ другіе; онъ просто считалъ маршала Даву несравненно сильнѣе, нежели тотъ былъ въ дѣйствительности, и былъ убѣжденъ, что будетъ имъ предупрежденъ въ Смоленскѣ.

Извѣстія, привезенныя поруч. кн. Меншиковымъ о переправѣ черезъ Днѣпръ и дальнѣйшемъ движеніи кн. Багратіона, освободили Барклая отъ необходимости дать сраженіе. По этому поводу наши военные писатели передаютъ подробности, не вполнѣ соотвѣтствующія истинѣ. У одного [3]) читаемъ, что означенныя извѣстія получены

---

[1]) М. Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 216.

[2]) I-й егерскій и Изюмскій гусарскій полки, 18-й егерскій п. былъ оставленъ въ II арміи.

[3]) Михайловскій-Данилевскій.

утромъ 16 (28) іюля на самой позиціи, въ ту рѣшительную минуту, когда долженъ былъ послѣдовать сигналъ къ начатію битвы; но это опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что Меншиковъ пріѣхалъ наканунѣ, хотя и поздно вечеромъ. Другой [1]) приводитъ разсказъ Ермолова, будто Барклай и по полученіи означенныхъ извѣстій не хотѣлъ отказаться отъ сраженія и оставилъ свое намѣреніе лишь по настоянію его, Ермолова, предрекавшаго въ случаѣ боя неизбѣжную гибель арміи. Не говоря о томъ, что совѣты Ермолова до изданія его собственныхъ записокъ никому не были извѣстны, такое представленіе съ его стороны очень невѣроятно уже по той причинѣ, что оно противорѣчитъ національнымъ требованіямъ тогдашнихъ вождей, которыхъ онъ былъ душою. Съ другой стороны, приписываемое главнокомандующему намѣреніе совершенно не соотвѣтствуетъ той системѣ дѣйствій, которой Барклай вопреки этимъ требованіямъ непоколебимо держался. Можно даже сомнѣваться, имѣлъ ли онъ вообще намѣреніе принять подъ Витебскомъ бой. Если у него такое намѣреніе было, то, конечно, съ исключительною цѣлью выручки II арміи, предполагавшейся въ движеніи изъ Могилева къ Оршѣ, гдѣ она, въ случаѣ безостановочнаго отступленія I арміи, была бы подавлена всѣми силами Наполеона и Даву. Но очевидно, что съ изчезновеніемъ этой цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго, хотя бы отдаленнаго содѣйствія со стороны кн. Багратіона, Барклай не могъ настаивать на сраженіи, которое, сдѣлавшись безполезнымъ, стало въ его глазахъ преступнымъ жертвованіемъ арміею. „Самая побѣда, писалъ онъ, не принесла бы намъ пользы, если бы Даву занялъ между тѣмъ Смоленскъ; я пожертвовалъ бы 20-ю или 25-ю тысячами человѣкъ, не имѣя способа, даже по одержаніи побѣды, преслѣдовать непріятеля“ [2]). Мысли Барклая по этому предмету еще точнѣе выражены имъ въ собственноручныхъ замѣткахъ, въ которыхъ читаемъ: „Наполеонъ не зналъ своего противника и разсчитывалъ невѣрно. Ввести его въ заблужденіе могло также общее состояніе духа русской арміи, горѣвшей нетерпѣніемъ сразиться, и публичныя заявленія ея вождя, только и говорившаго о предстоящемъ сраженіи; онъ не зналъ, что этотъ ветеранъ далъ своему монарху слово не подвергать армію безполезной опасности, потому что отъ сохраненія арміи зависѣло сохраненіе государства [3])“. Тѣмъ не менѣе Барклай остался вѣренъ своему правилу не торопиться отступленіемъ. И теперь еще было

---

[1]) М. Богдановичъ.

[2] Изображеніе военныхъ дѣйствій I арміи.

[3]) Собственноручныя замѣтки Барклая.

необходимо продлить заблужденіе Наполеона и вызвать съ его стороны усиленныя распоряженія къ скорѣйшему, а потому и изнурительному, сосредоточенію войскъ. И дѣйствительно, въ то самое время, какъ русскій главнокомандующій высылалъ генералу Винцингероде приказаніе выдвинуться съ резервными баталіонами и двумя казачьими полками Платова для прикрытія Смоленска къ Красному [1]), а атаману занять съ тою же цѣлью остальными войсками своего отряда Ліозну [1]), какъ онъ направлялъ свои обозы къ Порѣчью, а главныя тяжести къ Дорогобужу,—ординарцы императора французовъ скакали навстрѣчу спѣшившихъ колоннъ съ повелѣніемъ еще болѣе ускорить движеніе [2]), хотя жара въ эти дни доходила до 28° въ тѣни. Утромъ 16-го (28) іюля Барклай-де-Толли поставилъ армію въ ружье, выдвинулъ нѣсколько егерскихъ полковъ въ подкрѣпленіе гр. Палену и поставилъ между нимъ и арміею часть кавалеріи съ ея конною артиллеріею, словомъ, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ бою, и имѣлъ удовлетвореніе видѣть, какъ непріятель занялся рекогносцировками и расположеніемъ своихъ войскъ по мѣрѣ ихъ прибытія [3]). Между тѣмъ всѣ подготовленія къ постепенному, спокойному и незамѣтному отступленію нашихъ войскъ были сдѣланы.

Гр. Паленъ, получившій приказаніе преградить непріятелю доступъ къ Витебску и усиленный съ этою цѣлью до 14-ти баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 40 орудіями, поставилъ свой отрядъ въ 8-ми верстахъ отъ города, на растянутой позиціи, прикрытой на правомъ флангѣ Двиною, а съ фронта впадающею въ нее рѣчкою. Вскорѣ пѣхотная дивизія Брусье, предшествуемая 16-мъ конно-егерскимъ полкомъ, показалась передъ Паленомъ. Дѣло началось возобновленіемъ разрушеннаго моста черезъ рѣчку, при чемъ рабочіе и ихъ прикрытіе сильно пострадали отъ огня нашей конной артиллеріи. Затѣмъ французы смѣло бросились въ атаку, и бой распространился по всей линіи. Тѣмъ не менѣе гр. Паленъ стойко держался и такъ искусно велъ дѣло, что Барклай, слѣдившій за его дѣйствіями, послалъ адъютанта выразить ему свою признательность [4]). Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Наполеонъ, также слѣдившій за ходомъ дѣла, не хотѣлъ въ этотъ день дѣйствовать рѣшительно; онъ, напротивъ, желалъ усыпить бдительность русскаго главнокомандующаго, успокоить его

[1]) Собственноручныя замѣтки Барклая.
[2]) Tiers. Histoire du Consulat et de L'Empire.
[3]) Собственноручныя замѣтки Барклая-де-Толли.
[4]) Левенштернъ. Denkwürdigkeiten eines Livländers. стр. 186.

относительно своихъ дѣйствительныхъ силъ и тѣмъ вѣрнѣе нанести ему на слѣдующій день полное пораженіе. Только далеко за полдень были высланы прочіе кавалерійскіе полки корпуса Нансути и пѣхотная дивизія Дельзона для подкрѣпленія Брусье; удерживаться противъ всѣхъ этихъ войскъ было невозможно, и гр. Паленъ отступилъ за Лучесу. Это было въ пятомъ часу. Но тогда отступленіе заднихъ линій нашей арміи уже было начато, и за ними мало-помалу стали отходить и передовыя войска, такъ что къ ночи остался на позиціи одинъ только отрядъ Палена, поддерживавшій на всемъ ея протяженіи бивачные огни. Изъ войскъ этого отряда были составлены три арріергарда подъ начальствомъ Палена, Корфа и Шевича съ назначеніемъ прикрывать отступленіе трехъ колоннъ арміи къ Порѣчью и Руднѣ.

Такъ совершилось знаменитое отступленіе отъ Витебска, лишившее Наполеона побѣды, въ которую онъ такъ твердо вѣрилъ и въ которой онъ такъ сильно нуждался. Неожиданное, почти безслѣдное исчезновеніе русской арміи вызвало у французовъ глубокое разочарованіе, и у ихъ императора первыя сомнѣнія относительно послѣдствій задуманнаго имъ предпріятія. Полтора мѣсяца война уже тянулась,—а что было достигнуто? Искусныя комбинаціи противъ II арміи не удались: она безпрепятственно отходила къ Смоленску. Всѣ операціи противъ I арміи съ цѣлью отрѣзать фланговые корпусы, обойти лѣвое крыло, уничтожить ее въ Дрисскомъ лагерѣ или нанести полное пораженіе подъ Витебскомъ, не имѣли успѣха: она спокойно достигала постановленную себѣ цѣль. Наконецъ, и второстепенныя, иногда кровопролитныя дѣла имѣли въ результатѣ только потери и крайнее утомленіе войскъ. Между тѣмъ изъ 300.000 чел., направленныхъ по переходѣ черезъ Нѣманъ противъ Багратіона и Барклая, теперь, по достиженіи Могилева и Витебска, оставалось едва 200.000 ч. Но столь же безотрадно было и внутреннее состояніе арміи. Продолжительныя и спѣшныя движенія и передвиженія войскъ до такой степени затруднили продовольствіе ихъ, что многія части уже тогда терпѣли отъ недостатка здоровой пищи. Собранные на операціонномъ базисѣ запасы были громадные, но перевозочныя средства, по мѣрѣ удаленія арміи, часто оказывались недостаточными. Точно также и реквизиціи, къ которымъ Наполеонъ такъ охотно прибѣгалъ, въ странѣ вообще скудной и малонаселенной, не имѣли успѣха; пользоваться ими могли развѣ только привелегированныя части: главная квартира, штабы, гвардія; масса же должна была довольствоваться наскоро вареннымъ мясомъ только что убитыхъ быковъ, часто безъ соли и хлѣба. Къ такимъ неудачамъ и лишеніямъ войска, привыкшія къ

побѣдамъ и довольству, не были подготовлены; это повліяло на духъ ихъ, на дисциплину, такъ что случаи мародерства и тогда не составляли исключенія. Также и лошади много терпѣли отъ незрѣлаго хлѣба, которымъ кормились на поляхъ; уже подъ Витебскомъ множество кавалеристовъ оставались при полкахъ пѣшими въ ожиданіи ремонтовъ. Артиллерія пополняла свою убыль изъ обоза, становившагося еще болѣе неподвижнымъ. Всѣ эти обстоятельства не могли не вызвать безпокойства у войсковыхъ начальниковъ, а также у самого императора, начинавшаго понимать, что безотлагательная побѣда стала для него вопросомъ жизни. Видя повсюду унылыя лица, Наполеонъ принялъ рѣшеніе, совершенно не соотвѣтствовавшее его нраву и тогдашнему образу дѣйствій, рѣшеніе посовѣтоваться съ тѣми, которымъ онъ до тѣхъ поръ только приказывалъ. Многіе писатели полагаютъ, что это совѣщаніе состоялось у Смоленска, другіе же относятъ таковое ко времени пребыванія въ Витебскѣ, что гораздо вѣроятнѣе; наступленіе на Смоленскъ повело къ безостановочнымъ военнымъ дѣйствіямъ, тогда какъ у Витебска произошелъ необходимый перерывъ, дававшій возможность привлечь къ отвѣту главныхъ сподвижниковъ почти всей сосредоточенной тамъ арміи. Къ тому же высказанныя въ немъ мысли могли быть произнесены только при тогдашнихъ обстоятельствахъ у Витебска. Главный предметъ совѣщанія заключался въ томъ, продолжать ли по-прежнему начатую кампанію, или же, какъ нѣкоторые предлагали, остановиться на рубежѣ Литвы, занять просторныя квартиры, прикрываясь Днѣпромъ и Двиною, организовать внутреннее управленіе и вооруженіе края и затѣмъ, весною, возобновить войну со свѣжими силами. Мысль о пріостановленіи военныхъ дѣйствій, когда ничего еще не было достигнуто и при томъ въ лучшее время года, до того противорѣчила характеру Наполеона и его образу дѣйствій, что обсужденіе этого вопроса въ совѣтѣ объясняется лишь его желаніемъ выставить всю ея несостоятельность: „Нельзя, говорилъ онъ, дать время противнику окончить вооруженія, изъ которыхъ многія лишь начаты; нужно идти впередъ и наносить рѣшительные удары. Смоленскъ, Москва не будутъ оставлены безъ борьбы: желаемаго сраженія и побѣды намъ не долго ждать. Предпріятія подобныя нашему удаются однимъ полетомъ или никогда; наши войска охотно идутъ впередъ, наступленіе ихъ оживляетъ. Мое искусство заключается въ сраженіи, моя политика—въ успѣхѣ. Для насъ ничего нѣтъ опаснѣе затянутой войны“ [1]) Наполеонъ былъ правъ, говоря объ опасности затягивать войну; тѣмъ не ме-

---

[1]) Fr. von Smitt, Aufklärung über den Krieg von 1812.

нѣе ускорить дѣйствія онъ и теперь не могъ: нужно было войскамъ дать нѣкоторый покой и возстановить продовольствіе. А потому преслѣдованіе нашихъ арріергардовъ производилось весьма слабо, и собранныя войска расположились для отдыха у Витебска, Порѣчья, Рудни и Орши, однако же съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ случаѣ наступленія русскихъ армій, можно было сосредоточить въ одинъ переходъ болѣе 100.000 войскъ для ихъ встрѣчи и употребить почти такое же число для охвата ихъ фланга и тыла и овладѣнія Смоленскомъ. Наполеонъ предполагалъ, что послѣ соединенія нашихъ армій жажда подвиговъ и кажущаяся легкость успѣха увлечетъ ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ; поэтому онъ самъ распространялъ слухъ о вынужденномъ застоѣ и необходимомъ растяженіи его арміи [1]). Такою западнею онъ надѣялся достигнуть столь желаемой развязки.

Между тѣмъ наши арміи подходили къ Смоленску и расположились лагеремъ: Первая 20 іюля (1 августа) на правомъ берегу, а вторая 22 іюля (3 авг.), на лѣвомъ берегу Днѣпра. Арріергарды Палена и Шевича, первый усиленный кавалеріею Корфа, прикрывали по-прежнему I армію по дорогамъ въ Порѣчье и Рудню. Наблюденіе за лѣвымъ флангомъ противника было возложено на генерала Винцингероде съ отрядомъ изъ 1 драгунскаго и 4 казачьихъ полковъ; находившіяся же въ Красномъ подъ его начальствомъ резервныя части оставлены тамъ до прибытія 27-й дивизіи Невѣровскаго. Наканунѣ прибытія своей арміи кн. Багратіонъ, въ сопровожденіи своего штаба и генераловъ Раевскаго, Бороздина, Васильчикова, Паскевича и гр. Воронцова [2]), пріѣхалъ въ Смоленскъ, къ Барклаю, который въ свою очередь, не успѣвъ предупредить старшаго въ чинѣ товарища, поспѣшилъ надѣть шарфъ и встрѣтить его со словами: „а я уже готовъ былъ ѣхать къ Вамъ“ [3]). Эта взаимная учтивость произвела наилучшее впечатлѣніе, но не могла, конечно, устранить затрудненія въ взаимныхъ отношеніяхъ главнокомандующихъ; напротивъ, затрудненія могли увеличиться, такъ какъ передавать Высочайшія повелѣнія безъ оффиціальнаго полномочія было легче письменно, пересылкою, нежели устно и непосредственно. Императоръ Александръ, лично возложившій обязанности и отвѣтственность главнаго вождя на Барклая, даже и теперь не пожелалъ высказать это въ рескриптахъ [4]), посланныхъ обоимъ

---

[1]) Spectateur militaire.

[2]) Записки адъютанта Барклая, Левенштерна, стр. 188.

[3]) Записки Левенштерна, стр. 188. М. Богдановича, I часть, стр. 219.

[4]) Отъ 28 іюля.

главнокомандующимъ по случаю ихъ соединенія. Барклаю онъ писалъ: „Я весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи Вашемъ съ кн. Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена“, а Багратіону: „Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для отечества время, вы отстраните всѣ личныя побужденія и будете дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на мою признательность“ [1]). Очевидно, что подобными увѣщаніями дѣло не разрѣшалось: Багратіонъ какъ будто и подчинялся Барклаю, и это подчиненіе, какъ добровольное, было всѣми прославлено; но въ этой-то добровольности и заключался вредъ, такъ какъ она связывала не перваго, а послѣдняго. И дѣйствительно, вскорѣ обнаружилось, что Багратіонъ подчинялся лишь на столько, на сколько его мнѣніе, т. е. мнѣніе стоявшихъ за нимъ лицъ, было признаваемо; къ этимъ лицамъ примкнули, конечно, и всѣ недоброжелатели изъ главной квартиры I арміи. Для Барклая же наступило время ненавистныхъ ему компромиссовъ, то тяжелое время, которое онъ самъ описываетъ въ поданной имъ впослѣдствіи монарху запискѣ слѣдующимъ образомъ: „Никогда еще высшій начальникъ какой бы ни было арміи не находился въ такомъ положеніи, какъ я въ это время. Оба главнокомандующіе соединенныхъ армій одинаково и исключительно зависѣли отъ Вашего Величества и имѣли равныя права. Оба могли непосредственно доносить Вашему Величеству и располагать по собственному усмотрѣнію ввѣренными имъ войсками. По званію военнаго министра я имѣлъ, конечно, право, объявлять именемъ Вашего Величества Высочайшія повелѣнія; но въ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла участь всей Россіи, я не могъ пользоваться этимъ правомъ безъ особаго на то полномочія. Такимъ образомъ, для достиженія согласныхъ, къ одной цѣли направленныхъ дѣйствій, я былъ вынужденъ употребить всевозможныя средства къ поддержанію между княземъ и мною единодушія; я долженъ былъ льстить его самолюбію и дѣлать уступки противъ собственнаго убѣжденія, дабы въ болѣе важныхъ случаяхъ сохранить возможность настаивать съ лучшимъ успѣхомъ: словомъ, я долженъ былъ понудить себя къ пріемамъ для меня чуждымъ и не соотвѣтствующимъ моему характеру и моимъ чувствамъ. Но я думалъ, что цѣль мною вполнѣ достигнута; однако ближайшія послѣдствія убѣдили меня въ противномъ“.

Первымъ шагомъ взаимнаго соглашенія была высылка 27 дивизіи Невѣровскаго, усиленной частью Смоленскаго ополченія, Харь-

---

[1]) М. Богдановичъ. Исторія войны 1812 года. Т. I, стр. 219.

ковскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, въ Красный, на смѣну резервныхъ частей, поступившихъ вмѣстѣ съ оставшимися въ Смоленскѣ, всего 17 баталіоновъ и 4 артиллерійскія роты, на укомплектованіе войскъ обѣихъ армій [1]). Затѣмъ было приступлено къ обсужденію дальнѣйшихъ дѣйствій соединенныхъ армій, но тутъ обнаружилось глубокое разногласіе между осторожнымъ Барклаемъ и кн. Багратіономъ, сдѣлавшимся орудіемъ той партіи, которая надѣялась безотлагательною атакою нанести растянутому непріятелю смертельный ударъ. Но этотъ разъ и Толь сдѣлался горячимъ, но, конечно, открытымъ сторонникомъ послѣдней идеи. Еще наканунѣ совѣщанія, къ которому были приглашены кн. Багратіонъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, оба начальники штабовъ и генералъ-квартирмейстеры обѣихъ армій и полковникъ Вольцогенъ, онъ представилъ Барклаю свой планъ наступательныхъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Рудню и Витебскъ разобщить противника и разбить отдѣльныя его части порознь. Насколько жажда рѣшительныхъ дѣйствій ослѣпляла тогда даже лучшихъ военныхъ людей, усматривается изъ письма Толя къ кн. Волконскому отъ 30 іюля, въ которомъ онъ, излагая свои комбинаціи, изображаетъ расположеніе и численность войскъ противника въ такомъ видѣ, что нашимъ арміямъ представлялась полная возможность атаковать съ успѣхомъ его центръ, въ которомъ могло сосредоточиться не болѣе 65.000 ч. Свѣдѣнія о непріятелѣ, полученныя Барклаемъ и Толемъ, одинаковы; разница только въ томъ, что первый, къ счастію, не находилъ въ нихъ того, что хотѣли видѣть другіе, т. е. что Наполеонъ ошибочно расположилъ свою армію. Впрочемъ, Барклай не отвергалъ наступленія; еще за три дня до созваннаго имъ совѣта и представленія ему плана Толя, онъ доносилъ Императору: „Я намѣренъ идти впередъ и атаковать ближайшій изъ непріятельскихъ корпусовъ, какъ мнѣ кажется, корпусъ Нея, у Рудни“ [2]). Но онъ разумѣлъ атаку въ смыслѣ общей системы его дѣйствій, т. е. нанесенія противнику возможнаго вреда, не допуская дѣла до преждевременной и потому гибельной развязки. И дѣйствительно, проигранное сраженіе между Смоленскомъ и Витебскомъ должно было имѣть послѣдствіемъ преслѣдованіе побѣжденной арміи до полнаго ея уничтоженія.

---

[1]) Находившіеся въ Смоленскѣ 8 резервныхъ эскадроновъ были отосланы въ Калугу, для образованія кадровъ войскъ, тамъ формировавшихся.

[2]) Донесеніе Барклая-де-Толли отъ 22 іюля.

На собранномъ 25 іюля (6 августа) военномъ совѣтѣ, Барклай изложилъ причины, по которымъ необходимо дѣйствовать осторожно. „Мы имѣемъ дѣло съ предпріимчивымъ противникомъ", говорилъ онъ, „который не упуститъ случая завлечь и обойти насъ и тѣмъ вырвать изъ нашихъ рукъ первоначальную побѣду" [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на опасность, при выдвиженіи арміи, со стороны Порѣчья, гдѣ, по полученнымъ донесеніямъ, находилось 40.000 войскъ. Начавъ нападеніе съ Мюрата (на Рудню), что будетъ, если онъ отступитъ на Бабиновичи?—преслѣдовать его невозможно, такъ какъ мы, пока вице-король въ Порѣчьѣ, и на три перехода не можетъ удалиться отъ Смоленска [2]). Но въ совѣтѣ, кромѣ Вольцогена, горячо поддерживали безотлагательное наступленіе, при чемъ Великій Князь особенно рѣзко настаивалъ на быстромъ его выполненіи. Въ такомъ же смыслѣ писалъ ему Императоръ, такъ что приказывать именемъ Монарха было невозможно. Барклаю оставалось только уступить, и онъ уступилъ, но поставилъ условіемъ не удаляться болѣе трехъ переходовъ отъ Смоленска [3]). „Я никогда не замѣчалъ у Барклая такого внутренняго волненія, какъ тогда; онъ боролся съ самимъ собою; онъ сознавалъ возможныя выгоды предпріятія, но чувствовалъ и сопряженныя съ ними опасности". Такъ пишетъ адъютантъ его Левенштернъ [4]). Поставленное Барклаемъ условіе еще болѣе возбудило противъ него неудовольствіе и ненависть; но оно спасло армію отъ вѣрной катастрофы!

Утромъ 26 іюля (7 августа) обѣ арміи двинулись впередъ по направленію къ Руднѣ. Вторая армія, въ числѣ около 30.000 чел. регулярныхъ войскъ, имѣя передъ собою авангардъ Васильчикова, перешла черезъ Днѣпръ и далѣе въ Катань, при чемъ одинъ пѣхотный полкъ оставленъ былъ въ Смоленскѣ. Первая армія, въ которой считалось кромѣ казаковъ до 70.000 чел., слѣдовала двумя колоннами: лѣвая, Дохтурова (5 и 6 пѣхотные и 3 кавалерійскіе корпуса), съ авангардомъ гр. Палена впереди,—къ Приказъ-Выдрѣ, а правая, Тучкова (2, 3, 4 пѣхотные, 1 и 2 кавалерійскіе корпуса), подъ прикрытіемъ авангарда Пассека, — туда же черезъ Стабно. Особый отрядъ генералъ-маіора кн. Шаховскаго шелъ, въ видѣ бокового авангарда, правѣе Тучкова, а еще правѣе, къ Холму,—казачій отрядъ Краснова. Наконецъ, промежуточный отрядъ сохранялъ сообщеніе между арміями; Невѣровскому предписано удвоить бдительность къ сторонѣ Дубровны; казачьи посты высланы для на-

---

[1]) Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

[2]) Конфиденціальныя записки Барклая о кампаніи 1812 года.

[3]) Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

[4]) Denkwürdigkeiten einers Livländers.

блюденія непріятеля. Такимъ образомъ, все было обдумано для обезпеченія общаго наступленія; однако, изъ принятыхъ мѣръ видно, что Барклай ожидалъ со стороны Наполеона предпріятія при первой возможности противъ одного изъ его фланговъ; но противъ котораго? Этого предугадать было невозможно.

Наступленіе должно было начаться 27 іюля выдвиженіемъ отряда казаковъ подъ начальствомъ атамана Платова, поддержаннаго легкими регулярными войсками. Онъ стоялъ съ десятью полками у Зарубенки, готовясь произвести нечаянное нападеніе на авангардъ противника у Молева-болота; на усиленіе его былъ назначенъ отрядъ гр. Палена, изъ 32-хъ эскадроновъ и 8-ми егерскихъ баталіоновъ, расположенный у Приказъ-Выдры. За этими передовыми войсками должно было продолжать наступленіе: первая армія къ Инкову, а вторая—къ Надвѣ. Все повидимому предвѣщало серьезныя дѣйствія, однакожъ вышло иначе. Въ ночь на 27 іюля пришло отъ генералъ-адъютанта Винцингероде извѣстіе, что у Порѣчья сосредоточиваются значительныя силы: корпусъ вице-короля Италійскаго, кавалерійскій корпусъ Нансути, кирасирская дивизія Дефранса; казаки же доносили, что передовые посты французовъ отступаютъ вездѣ, кромѣ по дорогѣ изъ Порѣчья [1]. При такихъ обстоятельствахъ Барклай принялъ рѣшеніе ограничить начатое наступленіе подготовленнымъ нападеніемъ передовыхъ войскъ и перемѣстить арміи ближе къ угрожаемому направленію. Въ 3 часа утра 27 іюля онъ отправился лично къ гр. Палену и приказалъ ему дружно поддерживать Платова. Затѣмъ онъ перевелъ колонну Тучкова на Порѣчьенскую дорогу и предложилъ Багратіону перейти къ Приказъ-Выдрѣ, откуда Дохтуровъ, по прибытіи II арміи, долженъ былъ слѣдовать на соединеніе съ I арміею.

Между тѣмъ предпринятое Платовымъ и Паленомъ нападеніе увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Первый, получивъ отъ начальника своего авангарда донесеніе о появленіи непріятельской кавалеріи и пѣхоты со стороны Лешны, выдвинулся впередъ и поставилъ 12 орудій казачьей конной артиллеріи на позицію. Генералъ-маіоръ Денисовъ, командовавшій авангардомъ, опрокинулъ сначала у Молева-болота передовыя войска дивизіи Себастіана, но, встрѣтивъ главныя силы ея, отступилъ къ Платову. Тогда непріятель аттаковалъ въ свою очередь нашъ отрядъ, при чемъ пѣхота его подошла къ нашей артиллеріи на столь близкое разстояніе, что ей грозила опасность; однако храбрые Донскіе полки Мельникова и Харитонова бросились на выручку батареи и вытѣснили против-

[1]) Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 344.

ника. Это послужило сигналомъ къ общей атакѣ казаковъ, а также Изюмскихъ, Сумскихъ и Маріупольскихъ гусаръ, которые прекратили преслѣдованіе лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рудни и затѣмъ возвратились въ Лешню. Потеря французовъ была значичельна; одними плѣнными они лишились болѣе 300 чел., въ томъ числѣ 10 офицеровъ. О нашей потерѣ свѣдѣній не осталось [1]). Въ числѣ предметовъ, попавшихъ въ руки нашихъ казаковъ въ Молевѣ-болотѣ, была записка Мюрата, найденная въ квартирѣ генерала Себастіани; въ этой запискѣ онъ извѣщалъ о предстоящемъ наступленіи русскихъ къ Руднѣ и предписывалъ отойти назадъ къ пѣхотѣ. Повидимому, Себастіани получилъ записку передъ самымъ появленіемъ казаковъ, иначе она не была бы найдена на его столѣ. Но какимъ образомъ предположенное нами наступленіе сдѣлалось извѣстнымъ Мюрату? Загадка эта осталась долго не разрѣшенною, и только нѣсколько лѣтъ спустя выяснилось, что письмо флигель-адъютанта кн. Любомирскаго къ своей матери, жившей въ своемъ имѣніи Ляды, попало, вѣроятно, въ руки Мюрата, имѣвшаго тамъ свою квартиру; въ письмѣ же этомъ Любомирскій, узнавъ изъ предшествовавшихъ разговоровъ о предполагавшемся движеніи и опасаясь за спокойствіе матери, просилъ ее выѣхать изъ Ляды [2]). Но въ то время записка Мюрата вызвала въ главной квартирѣ множество толковъ объ измѣнѣ, и національная партія обвиняла даже приближенныхъ главнокомандующаго Вольцогена и Левенштерна, а также состоявшаго при начальникѣ штаба II арміи Жанбара [3]). Барклай не вѣрилъ, конечно, подобнымъ обвиненіямъ и приписывалъ случившееся не измѣнѣ, а неосторожности и болтливости праздныхъ лицъ, которыхъ въ главной квартирѣ было такъ много. При томъ онъ слишкомъ хорошо зналъ Вольцогена и глубокую непріязнь прежняго прусскаго офицера къ злѣйшему врагу его отечества, чтобы не видѣть въ этихъ обвиненіяхъ одну только слѣпую ненависть къ иностранцу; а потому онъ оставилъ ихъ безъ вниманія. Иначе онъ отнесся къ подозрѣніямъ противъ Левенштерна, не потому, что сомнѣвался въ его безукоризненности, а потому, что особенныя обстоятельства требовали соотвѣтственнаго образа дѣйствій. Въ самомъ началѣ войны Левенштернъ былъ отправленъ изъ Видзы парламентеромъ къ Мюрату и провелъ тогда сутки у того самого генерала Себастіани, на столѣ котораго въ Молево-болотѣ была найдена записка; передъ послѣднимъ же движеніемъ къ Руднѣ, онъ

---

[1]) Богдановичъ. Исторія войны 1812 г. Т. I, стр. 233.

[2]) Разсказъ этотъ, вполнѣ правдоподобный, переданъ флигель-адъютанту Вольцогену кн. Меншиковымъ въ 1818 г. въ Ахенѣ. Wolzogen, Memoiren.

[3]) Jean-Bart.

былъ посланъ съ порученіемъ на аванпосты. Это совпаденіе было на столько неблагопріятно, что Барклай, для предупрежденія возможнаго столкновенія между своимъ адъютантомъ и кѣмъ-либо изъ ярыхъ патріотовъ, призналъ нужнымъ удалить его на короткое время изъ главной квартиры; а потому онъ послалъ его послѣ сраженій подъ Смоленскомъ и при Дубинѣ съ бумагами къ гр. Ростопчину и просилъ его удержать Левенштерна подъ благовиднымъ предлогомъ въ Москвѣ [1]. Тяжело было честному воину принять такое рѣшеніе и отказать ничего не подозрѣвавшему адъютанту въ просьбѣ не отправлять его въ Москву въ такое время, когда ожидалось сраженіе. „Необходимо, чтобы вы поѣхали, любезный Левенштернъ", отвѣтилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Барклай, „надѣюсь, что вы скоро возвратитесь, и полагаю, что во время вашего отсутствія сраженія не будетъ" [2]. И дѣйствительно, уже двѣ недѣли спустя, подъ Бородиномъ, Левенштернъ находился опять при своемъ начальникѣ и былъ раненъ.

По полученіи извѣстія о передвиженіи войскъ лѣваго фланга французовъ къ Ліознѣ, а центра изъ Витебска къ Бабиновичамъ, главнокомандующій перевелъ I армію обратно къ Рудненской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить Наполеона, наступленіе котораго на Смоленскъ казалось несомнѣннымъ, на чрезвычайно выгодной позиціи при Волоковѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда наши шовинисты настойчиво требовали наступленія, Наполеонъ предписывалъ Мюрату и Нею, слабымъ сопротивленіемъ у Рудни, увлечь русскихъ къ дальнѣйшему движенію, дабы обрушиться на нихъ затѣмъ подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ. Осторожный же и опытный Барклай предчувствовалъ это, какъ ясно видно изъ письма его къ женѣ отъ 27 іюля: „Я думалъ имѣть на дняхъ серьезное дѣло съ непріятелемъ, но онъ сталъ отходить и хочетъ повидимому устроить мнѣ ловушку; въ этомъ разсчетѣ онъ будетъ, однако, обманутъ" [3]. Непоколебимая твердость Барклая оградила снова армію отъ пораженія. Не малое однакожъ было его удивленіе, когда узналъ, что II армія, оставленная имъ у Приказа-Выдры, безъ разрѣшенія, даже безъ вѣдома его, отведена къ Смоленску, — по недостатку въ хорошей водѣ. Только авангардъ ея и назначенный ему въ поддержку отрядъ кн. Горчакова остались у Волокова. Багратіонъ получилъ безотлагательно приглашеніе сблизиться съ I арміею, вслѣдствіе чего 8-й корпусъ двинулся къ Надвѣ

---

[1] Письма Барклая-де-Толли гр. Ростопчину отъ 11 и 21 августа 1812 г.
[2] Denkwürdigkeiten eines Livländers. Ч. I, стр. 200.
[3] Письмо Барклая-де-Толли отъ 27 іюля 1812 г.

и соединился съ отрядами Васильчикова и Горчакова, 2-я кирасирская дивизія къ Катани, а 7-й корпусъ по пути 8-го корпуса, по которому онъ успѣлъ отойти только 12 верстъ.

Въ ночь на 3 (15) августа главнокомандующимъ было получено извѣстіе о предпріятіи Наполеона, названнаго Клаузевицомъ „самымъ непонятнымъ“ во всей войнѣ. Предпріятіе это заключалось въ быстромъ перенесеніи всѣхъ силъ на лѣвую сторону Днѣпра, съ цѣлью охватить лѣвое крыло русскихъ армій, овладѣть въ тылу ихъ Смоленскомъ и принудить къ рѣшительной, окончательной битвѣ.

По полученіи перваго извѣстія о движеніи русскихъ въ Руднѣ, Наполеонъ, какъ уже сказано, поспѣшилъ сосредоточить войска въ раіонѣ: Ліозна, Бабиновичи, Любавичи и Расасна. Удостовѣрившись же, что осторожный Барклай не намѣренъ слишкомъ удаляться отъ Смоленска, онъ тотчасъ измѣнилъ свой планъ: войска, находившіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, были направлены черезъ Романово на Смоленскъ, а прочія на Расасну и Хомино, для переправы по заготовленнымъ мостамъ и дальнѣйшаго слѣдованія на Красный и Смоленскъ. Мюратъ, Ней и три дивизіи Даву уже 1 (13) августа перешли черезъ Днѣпръ, а на другой день послѣдовали за ними всѣ прочія войска. Около 3 часовъ по полудни того же дня Мюратъ, имѣя за собою Нея, появился съ тремя кавалерійскими корпусами передъ Краснымъ и немедленно атаковалъ Невѣровскаго.

Выдающіеся военные авторитеты, Клаузевицъ, Сенъ-Сиръ и др. порицаютъ эту операцію Наполеона. Первый полагаетъ, что ему слѣдовало атаковать Барклая со стороны Рудни, гдѣ послѣдній готовился къ генеральному сраженію; а послѣдній находитъ, что всего лучше было бы исполнить это со стороны Порѣчья, какъ сначала ожидалъ и Барклай. Но, вѣроятно, Наполеонъ, какъ онъ и самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, опасался новаго уклоненія русскаго главнокомандующаго отъ рѣшительнаго боя и надѣялся, неожиданнымъ занятіемъ Смоленска и главнаго пути къ Москвѣ, вынудить его къ таковому. И нельзя не согласиться, что если бы русскія арміи не оставались въ столь близкомъ разстояніи отъ Смоленска, маневръ Наполеона, мастерски исполненный, имѣлъ бы полный успѣхъ.

Сопротивленіе Невѣровскаго, атакованнаго кавалерійскими корпусами Груши, Нансути и Монбрюна и пѣхотнымъ Нея, не могло быть продолжительнымъ. Сначала отступили драгуны, а потомъ стала отходить пѣхота, построенная въ густыя колонны для лучшаго отраженія кавалерійскихъ атакъ. Это отступленіе 10 баталіоновъ, подвергавшихся безпрерывнымъ нападеніямъ 15.000 всадниковъ, представляетъ блистательный примѣръ превосходства пѣхоты, обла-

дающей мужествомъ и спокойствомъ, надъ запальчивою кавалеріею, повторяющей свои атаки безъ предварительной подготовки огнемъ артиллеріи. Невѣровскому, отступившему, по выраженію Сегюра, „какъ левъ", удалось, хотя и не безъ чувствительныхъ потерь [1]), достигнуть вечеромъ Корытню, гдѣ онъ былъ принятъ 50-мъ егерскимъ полкомъ съ 2 орудіями. Огонь этихъ орудій остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе. На слѣдующій день нашъ отрядъ спокойно продолжалъ отступленіе къ Смоленску, до котораго оставалось еще болѣе 20 верстъ; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города онъ онъ встрѣтился съ корпусомъ Раевскаго и соединился съ нимъ.

Генералъ Раевскій расположился на позиціи въ 3-хъ верстахъ отъ города. Въ 5 часу по полудни показался его авангардъ, отступившій въ виду движенія значительныхъ непріятельскихъ силъ въ обходъ его лѣваго фланга. Тогда и Раевскій отошелъ на ночь къ Смоленску, въ предмѣстьяхъ и за стѣнами котораго онъ надѣялся найти средства къ рѣшительному отпору превосходныхъ силъ противника. Старинная городская стѣна до 40 ф. вышины и 18 ф. толщины со своими 17-ю башнями, хотя и не была приспособлена къ оборонѣ, представляла, однако, такую преграду, которую возможно было преодолѣть лишь овладѣніемъ двухъ воротъ и одного пролома. На западной сторонѣ городской стѣны выдается пятиугольное укрѣпленіе временъ Сигизмунда III, т. н. королевскій бастіонъ, а передъ фронтомъ и флангами ея — предмѣстья: Красненское, Мстиславское, Рославльское, Никольское и Раченка. Третьи ворота и другой проломъ [2]) служили выходами къ Днѣпру, деревянный мостъ черезъ который соединялъ городъ съ Петербургскимъ предмѣстьемъ; для лучшаго обезпеченія тыльныхъ сообщеній черезъ рѣку, были наведены еще два моста на понтонахъ. На этой-то позиціи [3]) Раевскій размѣстилъ свои войска къ бою слѣдующимъ образомъ: 26 дивизію съ 20-ю орудіями—въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастіонѣ; пять полковъ 12-й дивизіи съ 28-ю орудіями въ Мстиславскомъ и Никольскомъ предмѣстьяхъ; два полка 27-й дивизіи съ 24-мя орудіями въ Рославльскомъ предмѣстьѣ; по одному полку 12-й и 27-й дивизій съ 4-мя орудіями— у моста на Днѣпрѣ; остальные три полка 28-й дивизіи въ городѣ, за стѣною и въ резервѣ; два кавалерійскихъ и четыре казачьихъ полка—на лѣвомъ флангѣ, для прикрытія Московской дороги.

---

[1]) Потеря эта, кромѣ 7 орудій, простиралась до 1.500 ч., въ числѣ которыхъ 800 плѣнныхъ.

[2]) Проломы эти сдѣланы по случаю посѣщенія Смоленска императрицею Екатериною II, такъ какъ ворота оказались слишкомъ тѣсными для экипажа.

[3]) См. планъ сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 года.

На слѣдующій день, 4-го (16) августа въ 9 ч. утра, кавалерія Мюрата показалась со стороны Краснаго и развернулась вправо отъ дороги; слѣдовавшая за нею пѣхота Нея выстроилась противъ королевскаго бастіона, лѣвымъ флангомъ къ Днѣпру. Вскорѣ начался артиллерійскій бой, продолжавшійся до вечера безъ особыхъ результатовъ. Попытки непріятеля атаковать нашу сравнительно столь слабую кавалерію имѣли только послѣдствіемъ отступленіе послѣдней въ Никольское предмѣстіе; покушенія же Нея, весьма, впрочемъ, умѣренныя, овладѣть бастіономъ, не имѣли успѣха. Такъ прошелъ день гораздо спокойнѣе, нежели можно было ожидать, и самъ Раевскій говоритъ въ своихъ запискахъ: „Взвѣшивая съ одной стороны важность выдержаннаго мною дѣла, а съ другой—ничтожность потери, понесенной моими войсками, приписываю успѣхъ не столько собственнымъ соображеніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона“. Эта „слабость атакъ“ была безъ сомнѣнія преднамѣренная: главныя силы противника находились еще въ движеніи и могли подойти лишь къ ночи, а потому овладѣніе Смоленскомъ войсками Мюрата и Нея составляло бы лишь частный успѣхъ,—Наполеону же необходима была общая и рѣшительная побѣда. Но къ этой ночи подошли и прочія войска нашихъ армій.

Такъ какъ намѣреніе Наполеона охватить лѣвый флангъ нашихъ армій и овладѣть Смоленскомъ и путемъ въ Москву ясно обнаружилось, то можно было предположить, что онъ, пользуясь большимъ превосходствомъ своихъ силъ [1]), направитъ часть ихъ на Дорогобужъ. А потому Барклай условился съ Багратіономъ, что II армія, соединившись съ корпусомъ Раевскаго, двинется прямо къ Дорогобужу, а I армія приметъ на себя защиту Смоленска до полученія извѣстія о достиженіи предъидущею означеннаго пункта. При этомъ кн. Багратіонъ обязался оставить у Прудищевской переправы сильный отрядъ для прикрытія послѣдующаго передвиженія I арміи. Для обороны же Смоленска, кромѣ 6-го корпуса, смѣнявшаго 7-й, были назначены 27-я и 3-я дивизіи, 6-й егерскій полкъ 12-й д. и 3 драгунскихъ полка.

Въ 4 ч. утра 5 (17) августа II армія двинулась къ Дорогобужу, а Дохтуровъ съ ввѣренными ему войсками расположился въ Смоленскѣ слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 24-я д. Лихачева въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастіонѣ; въ центрѣ

---

[1]) Въ бумагахъ маршала Бертье, взятыхъ при отступленіи французовъ, оказались оффиціальныя донесенія, удостовѣряющія, что у Смоленска было 225.000 ч. Собствен. замѣтки Барклая. Въ отечественной войнѣ Богдановича силы противника показаны въ 180.000 ч.

7-я д. Капцевича у Мстиславскаго и Рославльскаго предмѣстьевъ; на лѣвомъ флангѣ 27-я д. Невѣровскаго у Никольскаго предмѣстья и Раченки, имѣя передъ собою драгунъ г.-м. Скалона; въ резервѣ 3-я д. Коновницына. Дѣло началось перестрѣлкою, во время которой, въ 8 час. утра, Дохтуровъ предпринялъ вылазку, при чемъ ему удалось вытѣснить непріятеля изъ предмѣстьевъ. Повидимому, Наполеонъ надѣялся, что Барклай, для спасенія города, перейдетъ подъ защитою его стѣнъ Днѣпръ и рѣшится на сраженіе. Но Барклай и не думалъ выйти со своими 70.000—75.000 чел. противъ 140.000-й арміи, поджидавшей къ вечеру еще 40.000 ч.; онъ готовился дать отпоръ атакующему и поставилъ съ этою цѣлью на высотахъ вправо и влѣво отъ города батареи для обстрѣливанія подступовъ наступающихъ колоннъ. Вскорѣ и Наполеонъ созналъ, что его ожиданія тщетны; получивъ донесенія о движеніи II арміи къ Дорогобужу, онъ понялъ, что перейти черезъ Днѣпръ приходится не Барклаю, а ему самому. Но какъ перейти? Броды неизвѣстны, а мосты строить долго; остается только одно: взять городъ, и онъ не поколебался это предпринять. Въ 3 часа взвилась ракета, а потомъ другая и третья; послѣдняя послужила сигналомъ, потому что вслѣдъ за нею около 200 ядеръ и гранатъ посыпались въ городъ, до тѣхъ поръ пощаженный. Эта канонада послужила также предвѣстіемъ общаго наступленія. Первыми были атакованы дивизіею Брюйера наши драгуны, которые, будучи опрокинуты, поспѣшно отступили въ городъ, при чемъ погибъ генералъ Скалонъ. Въ то же время Понятовскій выдвинулъ свою пѣхоту противъ Никольскаго и Раченки и поставилъ 60 орудій у берега рѣки для обстрѣливанія нашихъ мостовъ и батареи Нилуса, поставленной Барклаемъ на правой сторонѣ Днѣпра. Отъ непріятельскихъ гранатъ загорѣлись нѣкоторыя строенія; этимъ воспользовались поляки, чтобы продолжать наступленіе, при чемъ генералъ Грабовскій лишился жизни; но, достигнувъ городской стѣны и не имѣя лѣстницъ, они были отбиты съ огромною потерею; въ числѣ раненыхъ былъ начальникъ дивизіи генералъ Заіончикъ. Между тѣмъ Ней овладѣлъ на нашемъ правомъ флангѣ безъ большихъ усилій Красненскимъ предмѣстьемъ; однако, онъ не рѣшался атаковать королевскій бастіонъ. Быть можетъ, Наполеонъ и не хотѣлъ подвергать его значительнымъ потерямъ, такъ какъ главная атака была назначена на нашъ центръ; эту задачу онъ возложилъ на маршала Даву, который устремилъ три дивизіи своего корпуса, Морана, Гюдена и Фріана, въ Мстиславское и Рославльское предмѣстія. Послѣ упорнаго боя Капцевичъ и подкрѣпившій его Коновницынъ отступили въ городъ. Тогда Дохтуровъ послалъ къ Барклаю-де-Толли просить о помощи;

послѣднiй отвѣтилъ: „Передайте Дмитрiю Сергiевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненiе всей армiи“, и послалъ ему въ подкрѣпленiе 4-ю дивизiю принца Евгенiя Виртембергскаго и л.-гв. Егерскiй полкъ. Между тѣмъ и непрiятель сдѣлалъ новыя усилия для овладѣнiя городомъ: 36 батарейныхъ орудiй были вновь подвезены къ стѣнамъ Смоленска, такъ что общее число ихъ дошло до 150-ти; снаряды ихъ крѣпкимъ городскимъ стѣнамъ мало вредили, но перелетавшiе черезъ нихъ поражали людей на улицахъ и производили пожары. Въ 5 ч. Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ, и вслѣдъ затѣмъ французы пошли на приступъ такъ смѣло и рѣшительно, что едва не овладѣли Малаховскими воротами; но тамъ встрѣтили ихъ свѣжiя войска 4-й и 3-й дивизiй. Принцъ Виртембергскiй, опередивъ свою дивизiю и наскоро переговоривъ у этихъ воротъ съ Дохтуровымъ и Коновницынымъ, поспѣшилъ ей навстрѣчу и отрядилъ Тобольскiй и Волынскiй полки къ Раченкѣ противъ поляковъ, а Кременчугскiй и Минскiй—на правый флангъ въ помощь Лихачеву. Самъ же онъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и Коновницынъ съ частью своей дивизiи бросились на французовъ, приступавшихъ къ Малахову и опрокинули ихъ. Тутъ произошелъ горячiй бой, при которомъ Коновницынъ былъ раненъ въ руку, а принцъ устремился со своими егерями изъ воротъ въ прикрытый путь и выбилъ оттуда непрiятеля.

Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ штурмомъ, усилилъ артиллерiйскiй огонь гаубицами, бросавшими разрывные снаряды и распространявшими пожары и опустошенiе. Въ 7 час. вечера покушенiе на штурмъ было возобновлено, но опять безуспѣшно. Въ этотъ разъ главное усилiе было направлено противъ нашего праваго фланга; однако, осторожный Барклай своевременно прислалъ туда 30 и 48 егерскiе полки 17-й дивизiи, которые и отбросили противника. Въ 9 час. канонада умолкла, и войска наши расположились за городскою стѣною, выславъ свои цѣпи въ предмѣстья и прикрытый путь. Они дрались этотъ день съ необыкновеннымъ упорствомъ и даже раненые неохотно шли на перевязочный пунктъ; самъ Коновницынъ не позволилъ сдѣлать себѣ перевязки до окончанiя боя. Потери, особенно у противника, были очень велики; у насъ число убитыхъ и раненыхъ доходило до 5.000 ч., а у непрiятеля до 12.000 ч.

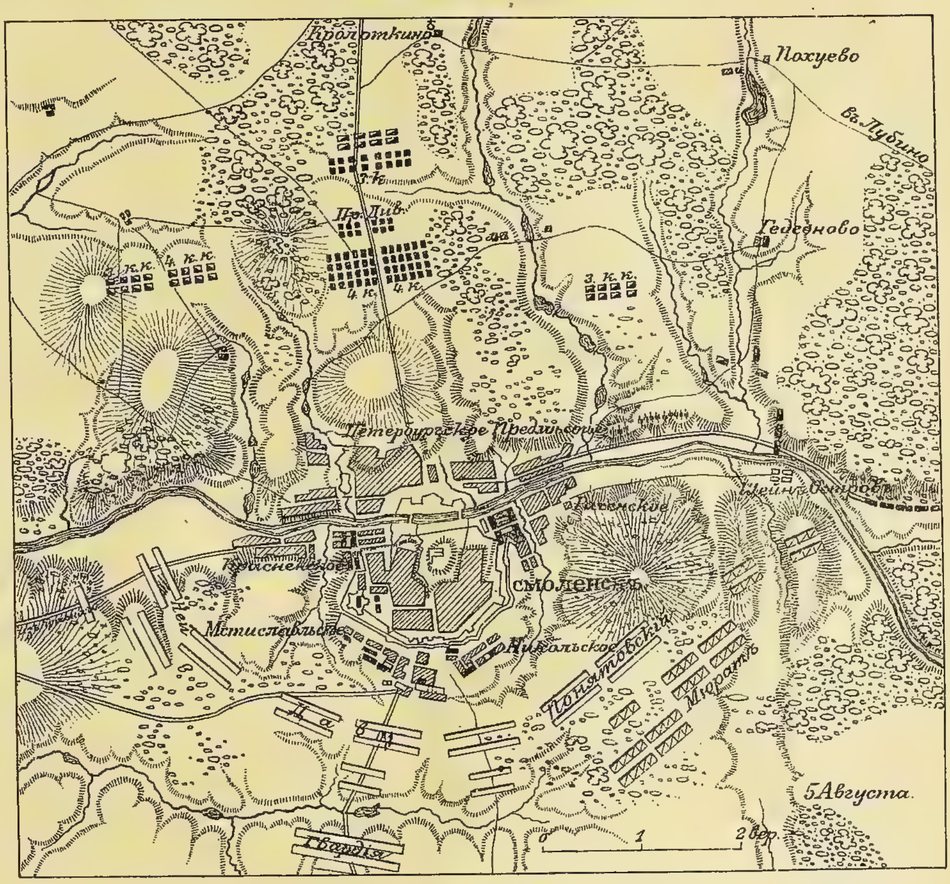
Барклай-де-Толли, не признавая возможнымъ продолжать оборону пылающаго Смоленска, приказалъ Дохтурову оставить городъ и затѣмъ уничтожить мосты. Войска II армiи, перейдя Днѣпръ, повернули направо и направились къ Дорогобужу. Части I армiи послѣдовали на прежнюю позицiю у Порѣчьенской дороги близъ

города; послѣдними вышли войска Коновницына и принца Евгенія, которые въ 4 ч. утра развели пловучіе мосты и зажгли постоянный. Но вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно завязался новый, хотя и кратковременный, бой. Маршалъ Ней, вступившій въ оставленный нами городъ, полагалъ, что и Петербургское предмѣстье на правомъ берегу Днѣпра очищено, и послалъ пѣхотныя части вбродъ для занятія его. Находившіеся тамъ егеря 17-й дивизіи, не ожидая встрѣчи были выбиты. Къ счастію, это было замѣчено Барклаемъ, который приказалъ егерской бригадѣ Коновницына возвратиться и атаковать непріятеля; къ ней присоединились также егеря 17-й дивизіи, и въ короткое время французы были оттѣснены за Днѣпръ. Тогда же былъ составленъ новый арріергардъ изъ 14-ти баталіоновъ и 16-ти эскадроновъ Сумскаго и Маріупольскаго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Корфа, который занялъ предмѣстье и завязалъ перестрѣлку, продолжавшуюся до ночи.

Послѣдніе два дня были столь утомительны для войскъ, что главнокомандующій призналъ необходимымъ дать имъ отдыхъ. И дѣйствительно, 4-го августа они сдѣлали усиленный переходъ до 40 верстъ; ночью Дохтуровъ смѣнилъ въ Смоленскѣ Раевскаго; 5-го значительная часть арміи участвовала въ сраженіи, продолжавшемся до поздняго вечера. А потому дальнѣйшее движеніе къ Дорогобужу было отложено до вечера 6-го августа. Между тѣмъ Барклаемъ-де-Толли получено было письмо отъ кн. Багратіона, извѣщавшаго, будто значительныя силы непріятеля слѣдуютъ черезъ Ельню на Дорогобужъ, и убѣждавшаго его не только держаться въ Смоленскѣ, но и перейти къ рѣшительному наступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Багратіонъ просилъ также усилить его однимъ корпусомъ І-й арміи. Трудно понять, какимъ образомъ опытный военачальникъ, какъ Багратіонъ, просившій о подкрѣпленіи его цѣлымъ корпусомъ І арміи и знавшій, что въ ней осталось бы затѣмъ едва 65.000 ч., могъ убѣждать Барклая перейти съ такими силами черезъ Днѣпръ и атаковать Наполеона, располагавшаго арміей въ 170.000 ч., горѣвшей желаніемъ помѣриться съ русскими въ генеральномъ сраженіи. Какъ трудно было главнокомандующему оставаться непоколебимымъ среди окружавшаго его слѣпого оптимизма, вызваннаго успѣшною обороною Смоленска, усматривается изъ его отвѣта графу Кутайсову, доложившему ему просьбу и желаніе старшихъ начальниковъ, чтобы защита города продолжалась. Внимательно выслушавъ начальника артиллеріи, Барклай-де-Толли ласково, но твердо отвѣтилъ: „Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое“ [1]. И въ это самое время прибыло письмо Багратіона,

[1] Изъ записокъ гр. П. Х. Граббе.

Сраженіе подъ Смоленскомъ
5 августа 1812 года.

АВТО-ЛИТОГРАФІЯ Г. П. ЭЙХГОРНА, СПБ., МѢЩАНСКАЯ

которое тотчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ главнымъ порицателямъ въ главной квартирѣ и до такой степени взволновало ихъ, что, потерявъ всякое самообладаніе, они рѣшились отправиться къ главнокомандующему и побудить его къ отмѣнѣ распоряженій, не соотвѣтствовавшихъ заманчивымъ соображеніямъ Багратіона. Герцогъ А. Виртембергскій, генералы Беннигсенъ, Корсаковъ и Армфельдъ [1]), не имѣвшіе никакихъ обязанностей въ арміи, сочли, однако, себя призванными заявить ея желанія. Чтобы придать демонстраціи болѣе значенія, а можетъ быть, чтобы отвлечь отъ себя отвѣтственность, они заручились также содѣйствіемъ Великаго Князя, сдѣлавшагося, такимъ образомъ, главою самовольной депутаціи. Вмѣстѣ съ ними пришли еще Тучковъ I и Ермоловъ; первый, вѣроятно, не зналъ въ чемъ дѣло и присоединился къ названнымъ лицамъ, какъ начальникъ той части арміи, гдѣ находился главнокомандующій; что касается Ермолова, то присутствіе его какъ начальника штаба могло быть случайное. Неожиданное появленіе лицъ къ дѣлу непричастныхъ не могло не удивить Барклая; но удивленіе его возросло, когда Великій Князь именемъ всѣхъ сталъ объяснять, что армія тяготится постояннымъ отступленіемъ, желаетъ другого образа дѣйствій, хочетъ помѣриться съ противникомъ, и что такова же воля Императора. Тогда Барклай-де-Толли, давъ Великому Князю договорить, въ краткихъ отрывочныхъ словахъ объявилъ пришедшимъ, что когда нуждается въ совѣтѣ, то приглашаетъ кого нужно, и признаетъ всѣ непрошенные совѣты противными правиламъ службы; затѣмъ, обратившись къ Цесаревичу Константину Павловичу, онъ добавилъ, что ссылка на волю Монарха имѣетъ столь важное значеніе, что для лучшаго выясненія этой воли Его Высочеству необходимо безотлагательно отправиться къ Императору и лично передать депеши, которыя тотчасъ будутъ приготовлены [2]). Таковъ былъ исходъ этой удивительной сцены, не соотвѣтствовавшій, конечно, ожиданіямъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Великій Князь, передаетъ очевидецъ, былъ „въ высшей степени раздраженъ и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдъегеря“ [3]).

Желая скрыть отъ непріятеля первоначальное отступленіе арміи и облегчить ей фланговое передвиженіе на Московскую дорогу, главнокомандующій отдалъ диспозицію, по которой ей назначено было выступить вечеромъ 6-го (18) августа двумя колоннами:

[1]) H. Beitzke. Geschiche des russischen Krieges im Jahre 1812.

[2]) Сообщено генералъ-адъют. бар. Мейендорфъ, состоявшимъ при Тучковѣ офицеромъ квартирм. части.

[3]) Жиркевичъ. „Русская Старина“ 1874 г., стр. 651.

первая, подъ начальствомъ Дохтурова, изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалер. корпусовъ и резервной артиллеріи, въ 7 ч.— на Стабню и Сущево къ Прудищу, а въ слѣдующій день къ Соловьевой переправѣ; вторая, подъ начальствомъ Тучкова I, изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхот. и 1-го кав. корпусовъ, въ 9 ч.—чрезъ Крахоткино и Горбуновъ на Московскую дорогу до Бредихина; а на другой день также къ Соловьеву. Баронъ Корфъ получилъ приказаніе снять до разсвѣта передовые посты и отступать за второю колонною, а атаманъ Платовъ—придать часть казаковъ арріергарду Корфа, съ остальными же отступить цѣпью отрядовъ между Смоленскомъ и Холмомъ за арміею, стягивать ихъ по мѣрѣ отступленія къ Днѣпру и составить у Соловьева главный арріергардъ всѣхъ собранныхъ тамъ силъ. Предусмотрительный Барклай, хотя и могъ считать Московскую дорогу обезпеченною войсками II арміи, приказалъ, однако, особому авангарду изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ казачьихъ полковъ, Елисаветградскихъ гусаръ и роты артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Тучкова 3, выступить въ 8 ч. и слѣдовать въ головѣ 2-й колонны для устраненія какихъ-либо неожиданныхъ препятствій. Эта предосторожность, какъ увидимъ, избавила армію отъ опасныхъ осложненій.

Авангардъ 2-й колонны, задержанный дурнымъ состояніемъ дорогъ и ветхостью мостовъ, подошелъ къ Московской дорогѣ лишь въ 8 ч. утра. Стоявшій же тамъ отрядъ II арміи кн. Горчакова, какъ только передовыя войска авангарда, подъ начальствомъ генерала Всеволожскаго, были усмотрѣны, выступилъ къ Соловьевой переправѣ, предоставивъ дальнѣйшее наблюденіе за дорогой изъ Смоленска и переправой у Прудищева казакамъ Карпова. Тогда Тучковъ 3 рѣшился прикрыть со своимъ отрядомъ путь, на который 2-я колонна должна выйти, и послалъ Всеволожскому, начавшему уже движеніе къ Бредихину, приказаніе вернуться. Вскорѣ обнаружилось, что казаки Карпова уже оттѣснены къ Валутиной горѣ, и что непріятельскія войска, переправившіяся у Прудищева, наступаютъ по Московской дорогѣ. При такихъ обстоятельствахъ Тучковъ и сопровождавшій его полковникъ Толь признали необходимымъ занять съ отрядомъ позицію за р. Колоднею, впереди которой стоялъ Карповъ.

Между тѣмъ совершенно неожиданно произошло дѣло близъ Смоленска. При выступленіи 2-й колонны 4-й корпусъ запоздалъ и потерялъ связь съ 3-мъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ его полковъ, а также изъ полковъ 2-го корпуса сбились съ дороги и очутились въ 5-мъ ч. утра у Гедеонова, въ верстѣ отъ Смоленска. При послѣднихъ оказался и принцъ Е. Виртембергскій. Въ это

время войска маршала Нея, успѣвшія переправиться черезъ Днѣпръ, устраивались въ Петербургскомъ предмѣстьѣ. Замѣшательство, происшедшее отъ столкновенія нашихъ колоннъ, могло имѣть гибельныя послѣдствія, если бы оно было извѣстно непріятелю. Къ счастію, въ это самое время внезапно появился Барклай-де-Толли. Выѣхавъ ночью и разсчитывая слѣдовать съ послѣдними войсками, онъ къ удивленію своему узналъ о происшедшей путаницѣ. Сообразивъ опасность, угрожавшую арміи, онъ немедленно, но совершенно спокойно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ возстановленію порядка: генералу Ермолову поручено ускорить движеніе 2-й колонны; заблудившимся частямъ даны путеводители; ближайшіе полки задержаны для встрѣчи могущаго неожиданно атаковать непріятеля; составляемый для сего отрядъ порученъ принцу Виртембергскому, съ приказаніемъ держаться у Гедеонова до возвращенія Корфа, „теперь нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня", сказалъ главнокомандующій принцу, „дѣло идетъ о спасеніи арміи".

Маршалъ Ней былъ въ недоумѣніи: Корфъ отступалъ по Петербургской дорогѣ; по Московской виднѣлись казаки Карпова; у Гедеонова находились различныя войска. А потому онъ выжидалъ болѣе опредѣлительныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, которыя могли ему быть доставлены кавалеріею Мюрата, переправившейся черезъ Днѣпръ послѣ пѣхоты. При этомъ корпуса Нансути и Монбрюнъ были посланы для развѣдыванія по Московской дорогѣ, а корпусъ Груши—по Петербургской. Бездѣйствіе Нея дало возможность принцу Евгенію приготовиться къ оборонѣ. Въ 8 ч. утра началась перестрѣлка, въ 9 ч. вышли французскія колонны и атаковали Тобольскій баталіонъ, стоявшій впереди позиціи въ полуразрушенномъ земляномъ укрѣпленіи, и окружили его. Тогда Бѣлозерскій полкъ бросился на выручку, но и онъ былъ атакованъ превосходными силами и вынужденъ къ отступленію. Тѣмъ не менѣе бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока въ 10-мъ часу резервы противника пришли въ движеніе, и кавалерія его развернулась у Московской дороги и направилась на Вильманстрандскій полкъ, занимавшій лѣвый флангъ позиціи у дороги къ Горбунову. Увидя это и опасаясь за дорогу, принцъ бросился съ ближайшимъ эскадрономъ гусаръ во флангъ французовъ; но въ то самое время послѣдніе были настигнуты и атакованы кавалеріею бар. Корфа, которую главнокомандующій, слѣдившій за ходомъ дѣла съ высоты за Гедеоновымъ, направилъ въ критическую минуту къ угрожаемому пункту. Этотъ успѣхъ задержалъ непріятеля, а между тѣмъ подошла пѣхота Корфа. Тогда и центръ, оттѣснивъ французовъ, свободно отошелъ, и весь отрядъ получилъ приказаніе продолжать движеніе на Горбуново.

Между тѣмъ и прочія войска Наполеона стали прибывать и занимать мѣста, имъ назначенныя. Корпусъ Жюно переправлялся у Прудищева; корпусъ Даву, оставивъ одну дивизію у Нея, расположился съ четырьмя другими вблизи Петербургскаго предмѣстья; гвардія заняла городъ, куда подходилъ также корпусъ вице-короля; корпусъ Понятовскаго остался на лѣвомъ берегу Днѣпра, выше Смоленска. По прекращеніи дѣла у Гедеонова, Ней двинулся по Московской дорогѣ; за нимъ послѣдовали двѣ дивизіи корпуса Даву, кавалерія Мюрата и корпусъ Жюно. Но общаго начальника не было.

Около полудня непріятель появился передъ позиціей Тучкова 3, на которой 20-й и 21-й егерскіе полки кн. Шаховскаго занимали кустарники по сторонамъ большой дороги, имѣя между собою артиллерійскую роту; Ревельскій полкъ и Елисаветградскіе гусары стали въ резервѣ, а казаки—на лѣвомъ флангѣ. Приготовленія противника къ бою продолжались цѣлый часъ; тогда подоспѣли и приведенные Ермоловымъ лейбъ-гренадерскій и грен. гр. Аракчеева полки съ батарейною ротою. Эта помощь дала Тучкову возможность продержаться до 3-хъ ч., когда значительное превосходство французовъ вынудило его отойти за р. Страгань и занять тамъ новую позицію, которую необходимо было оборонять до крайности, такъ какъ она прикрывала выходъ 2-й колонны на Московскую дорогу. Но къ тому времени главнокомандующій успѣлъ выслать еще главные полки 4-го корпуса: Екатеринбургскій, Елецкій и Рыльскій, а также одинъ изъ сводныхъ баталіоновъ 3-го корпуса. Такимъ образомъ, въ 4 ч. отрядъ Тучкова возросъ до 17 баталіоновъ, въ числѣ 8.000 ч., и расположился на новой позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ, у большой дороги, вся артиллерія, лейбъ-гренадерскій, Екатеринбургскій и Елецкій полки; на правомъ флангѣ Ревельскій полкъ; влѣво отъ дороги, въ кустарникѣ, 20-й и 21-й егерскіе полки, имѣя въ резервѣ сводный бат. гр. Аракчеева полка; еще лѣвѣе, въ рощѣ, Рыльскій п. съ другимъ Аракчеевскимъ баталіономъ въ резервѣ; казаки Карпова стали на оконечности лѣв. фланга, нѣсколько впереди. Между тѣмъ генералъ Ермоловъ, узнавъ о движеніи кавалеріи Мюрата и корпуса Жюно послалъ именемъ главнокомандующаго гр. Орлову-Денисову приказаніе слѣдовать на-рысяхъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ къ Заболотью и, не доходя болота, расположиться на высотахъ. Ему же были подчинены 26 эскадроновъ гусаръ, съ 4 кон. орудіями, высланные Барклаемъ-де-Толли изъ отряда бар. Корфа.

Послѣ канонады, продолжавшейся около часа, Ней двинулъ дивизію Гюдена двумя колоннами противъ нашего центра и прика-

залъ дивизіи Разу атаковать нашъ лѣвый флангъ. Четыре раза французы бросались на наши орудія, но каждый разъ были отражаемы нашею пѣхотою, при чемъ особенно отличались лейбъ-гренадеры. Въ послѣдній разъ начальникъ дивизіи генералъ Гюденъ былъ смертельно раненъ. Съ такою же энергіею атаковали и войска Разу, они выбили изъ рощи Рыльскій полкъ и оттѣснили даже егерей 20 и 21 полковъ, но затѣмъ были сами атакованы и отброшены баталіонами резерва. Тогда противникъ усилилъ артиллерійскій огонь, вѣроятно съ цѣлью подготовить новую атаку, но въ это время подходили къ намъ другія еще войска 2-й колонны, а вмѣстѣ съ ними прибылъ и самъ главнокомандующій, который лично сталъ распоряжаться съ обычнымъ хладнокровіемъ. Предвидя возобновленіе дѣйствій противъ центра, онъ приказалъ Коновницыну двинуться съ Муромскимъ, Черниговскимъ и Копорскимъ полками на его подкрѣпленіе; въ то же время онъ направилъ Екатеринославскій п. на правый флангъ, а Перновскій и Полоцкій полки, съ ротою конной артиллеріи,—на усиленіе кавалеріи лѣваго фланга. Тогда же Кексгольмскій полкъ получилъ приказаніе занять рощу правѣе 1-го кавал. корпуса, а Павловскій, Таврическій и Санктпетербургскій, съ тремя артил. ротами,—остановиться у Лубина и составить общій резервъ. Еще передъ тѣмъ маршалъ Ожеро, уступая настояніямъ Мюрата, выслалъ свою кавалерію, которой удалось опрокинуть нашихъ казаковъ на стоявшихъ за ними Сумскихъ гусаръ и произвести безпорядокъ; но вслѣдъ за симъ Маріупольскіе и Елисаветградскіе гусары атаковали непріятеля во флангъ и, повторяя эти атаки, препятствовали французской кавалеріи развернуться. Однако, дѣйствія Ожеро этимъ не ограничились. Около 5 ч. гр. Орловъ замѣтилъ движеніе непріятельской кавалеріи въ обходъ нашихъ казаковъ и приказалъ тогда всѣмъ своимъ линіямъ завернуть лѣвый флангъ назадъ, поставилъ гусаръ и казаковъ въ колоннахъ за флангами боевыхъ линій, скрылъ свои 16 орудій на пригоркѣ и приблизилъ къ нимъ посланные къ нему пѣхотные полки. Около 6-ти ч. дивизія Охса направилась на правый флангъ Орлова; батареи допустили ее до картечнаго выстрѣла и затѣмъ открыли сильнѣйшую канонаду, къ которой присоединился усиленный огонь пѣхоты. Непріятель былъ отраженъ съ большими потерями и преслѣдуемъ гусарами и казаками. Одновременно съ этими дѣйствіями противника противъ нашего лѣваго фланга, возобновились съ новою энергіею покушенія его на нашъ центръ и правый флангъ. Атака была произведена съ такою рѣшимостью, что полки наши не могли устоять и подались назадъ; но затѣмъ огонь нашихъ батарей, усиленный 12-ю орудіями и сосредоточенный по насту-

павшимъ войскамъ, лишилъ ихъ возможности выдержать стремительную атаку Коновницына, который отбросилъ ихъ обратно. Тогда французы обратили свои усилія на нашъ правый флангъ; но и тамъ, послѣ мимолетнаго успѣха, они были атакованы и отброшены лейбъ-гренадерскимъ полкомъ. Въ 8 ч. борьба, казалось, повсюду прекратилась. Однако въ 9 ч., когда уже смерклось, дивизія Гюдена, подъ начальствомъ замѣнившаго его Жерара, снова кинулась на позицію центра. Тучковъ повелъ ей навстрѣчу Екатеринославскій п., но при этомъ подъ нимъ убита была лошадь; тогда онъ пошелъ въ головѣ первыхъ рядовъ пѣшкомъ; однако, гренадеры были отбиты, а Тучковъ, раненый штыкомъ въ бокъ и въ голову, остался въ рукахъ французовъ. Два полка 2-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Олсуфьева, прекратили движеніе непріятеля, но возвратить Тучкова не могли. Такъ кончился день 7-го августа. Прибывшія еще послѣднія части 2-го корпуса и отряда бар. Корфа расположились на ночь за центромъ позиціи, и всѣ войска 2-й колонны получили приказаніе выступить на слѣдующій день въ 4 ч. утра и слѣдовать къ Соловьеву.

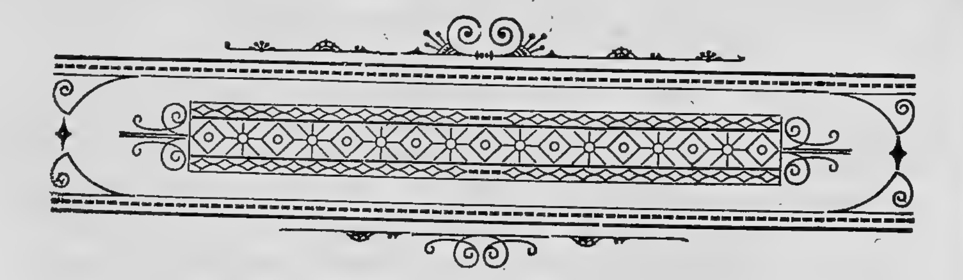
Сраженіе при Валутиной горѣ и у Лубина было весьма кровопролитно; потери дня, считая таковыя вмѣстѣ съ убитыми и ранеными при Гедеоновѣ, доходили у непріятеля почти до 9.000 (8.768) ч., а у насъ до 5.000 ч. Сраженіе это составило послѣдній актъ кровавой драмы у Смоленска, начавшейся 2-го августа при Красномъ и стоившей Наполеону около 21.000 ч., причемъ главная цѣль его не была достигнута: вовлечь нашу армію въ генеральное сраженіе и одержать надъ нею побѣду. Но сраженіе при Валутиной горѣ имѣло также значеніе въ отношеніи всей войны и служитъ нѣкоторымъ образомъ рубежемъ между положеніемъ дѣлъ до Смоленска и дѣйствіями, затѣмъ послѣдовавшими. Въ военномъ отношеніи положеніе нашей арміи по отступленіи ея отъ Смоленска стало гораздо благопріятнѣе, чѣмъ прежде. Главная цѣль Барклая, постоянное ослабленіе противника до уравненія силъ, была въ значительной степени уже достигнута: въ началѣ войны число войскъ Наполеона превышало наши арміи гораздо болѣе, чѣмъ вдвое, а послѣ Валутинскаго сраженія только въ полтора раза. Каждый дальнѣйшій шагъ въ глубь Россіи сближалъ насъ съ подкрѣпленіями и отдалялъ французовъ отъ родины и источниковъ. Затрудненій въ продовольствіи войскъ, въ виду готовности всего населенія служить имъ, нельзя было ожидать; непріятель же испытывалъ недостатокъ съ самаго начала войны, и недостатокъ этотъ могъ въ будущемъ достигнуть ужасныхъ размѣровъ. Обстоятельства эти были тогда уже очевидны не только для Барклая и немногихъ лицъ,

противившихся мнѣнію общества и арміи, но и для нѣкоторыхъ изъ нашихъ противниковъ. А потому не удивительно, что и Наполеонъ, по возвращеніи 8-го (20) августа съ осмотрѣннаго имъ Валутинскаго поля сраженія въ Смоленскъ, взвѣсивъ достигнутые въ два мѣсяца результаты, могъ усумниться въ успѣхѣ начатаго имъ великаго предпріятія и остановиться на мысли прервать войну и возобновить ее, если не послѣдуетъ мира, весною, какъ думали нѣкоторые изъ его приближенныхъ (вице-король, Бертье, Коленкуръ). Однако, желаніе ускорить развязку дѣла побудило его продолжать преслѣдованіе.

Ф. В—нъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія [1]).

I.

„Годы колебаній“ 1801—1807 г.г.

Подъ этимъ заглавіемъ, рядъ высоко интересныхъ трудовъ великаго князя Николая Михаиловича, столь цѣнныхъ для историка эпохи Императора Александра I, обогатился новымъ прекраснымъ и роскошно исполненнымъ изданіемъ, въ которомъ августѣйшій авторъ на основаніи обширнаго рукописнаго матеріала, собраннаго имъ въ Собственной Его Величества библіотекѣ и государственномъ архивѣ, а равно и въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства, задался цѣлью выяснить характеръ и дѣятельность Императора Александра Павловича не только какъ государя и правителя, но главнымъ образомъ какъ человѣка, какъ „простого смертнаго“.

Не касаясь дѣтскихъ лѣтъ и воспитанія Александра Павловича, только отмѣтивъ то преобладающее вліяніе, какое имѣли на ребенка Александра его великая бабка, Екатерина II, и его воспитатель Лагарпъ, авторъ останавливается на моментѣ вступленія юнаго Императора на престолъ, старается выяснить его душевное состояніе, послѣ рокового событія 11-го марта, и приходитъ къ заключенію,

---

[1]) Великій Князь Николай Михаиловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Текстъ и приложенія, съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ. Стр. I—XI+580. Томъ II. Приложенія. стр. IV+745. Спб. 1912.

что всѣ дѣйствія Александра Павловича въ эти роковые и навсегда памятные для него дни объясняются нѣкоторымъ легкомысліемъ, безпечностью и недостаткомъ вдумчивости. Отъ природы „умный и даровитый, но лѣнивый и безпечный; онъ быстро схватывалъ всякую мысль, но скоро забывалъ, не умѣлъ сосредоточиться, мало читалъ, предпочитая другія развлеченія, и особенно интересовался военными упражненіями".

Съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ какимъ онъ отнесся въ свое время къ извѣстному намѣренію Екатерины II лишить наслѣдства на престолъ своего сына, отдавъ его любимому внуку, Александръ не придалъ серьезнаго значенія и всеобщему недовольству и ропоту, охватившему всѣхъ въ послѣдніе годы царствованія Павла. „Ему было хорошо извѣстно, какъ многіе критиковали дѣятельность Государя, какъ боялись Павла одни, и какъ ненавидѣли его другіе, что недовольство и ропотъ слышались не только въ столицѣ, но и внѣ Петербурга, что такого рода отношеніе къ его отцу не предвѣщало ничего отраднаго, и что все это могло довести до печальной развязки. Между тѣмъ, Александръ, слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и безпечно свои любимыя военныя занятія и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы".

„Графъ Паленъ, которому было поручено наблюденіе за столицей, не скрывалъ отъ Александра Павловича, что положеніе изо дня въ день дѣлалось болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ былъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозила постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ—дѣйствовалъ на воображеніе юноши умѣло и искусно. Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену carte blanche дѣйствовать по его усмотрѣнію".

„Очевидно, онъ сознавалъ вполнѣ всю серьезность переживаемаго момента, но благодаря свойственной ему безпечности, и не задумываясь глубоко о возможныхъ послѣдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора".

„Это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши мало понятно для насъ, пишущихъ эти строки, говоритъ августѣйшій авторъ изслѣдованія, но описываемая полудремота въ тѣ дни глубокой драмы стоила Александру, съ годами, ряда невыносимыхъ мученій совѣсти. Совѣсть заговорила скоро, уже съ первыхъ дней вступленія на престолъ и не умолкла до гроба".

Вѣдь трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно, что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ прекрасно извѣстенъ сыну, и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходить на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха".

Какъ непонятна психологія Александра въ роковые мартовскіе дни, также точно необъяснимо и полно противорѣчій его отношеніе къ участникамъ заговора, изъ коихъ одни (графы Панинъ и Паленъ) были навсегда удалены изъ Петербурга, тогда какъ другіе (Аргамаковъ, Маринъ) и не думали оставлять службы, а Беннигсенъ, „роль котораго при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно", занималъ впослѣдствіи выдающееся положеніе.

Не легко жилось Александру Павловичу въ первые годы по воцареніи. Эти первыя шесть лѣтъ царствованія (1801—1807 г.г.), охарактеризованныя авторомъ, какъ „годы колебаній", были таковыми для юнаго Императора не только въ области внутренней но и внѣшней политики.

Стараясь заглушить душевную тревогу, Александръ искалъ нравственнаго успокоенія въ проведеніи новыхъ реформъ, съ каковой цѣлью имъ былъ учрежденъ такъ называемый негласный комитетъ.

„Три года продолжалось это увлеченіе, и временами казалось, что Александръ, дѣйствительно, увлекался въ той же мѣрѣ, какъ и его сотрудники,—князь Чарторыйскій, гр. Кочубей, гр. Строгановъ и Новосильцовъ. Говоримъ „казалось" потому, что молодой Императоръ, интересуясь всѣми мелочами проектовъ, внесенныхъ на обсужденіе комитета, одновременно съ этими занятіями, находилъ время, прогуливаясь, съ генералъ-адъютантами, слушать ихъ возраженія и внимательно прислушиваться къ отголоскамъ общественнаго мнѣнія, къ мнѣнію партіи именитыхъ дворянъ, не одобрявшихъ его реформаторской горячки"; продолжая руководить засѣданіями комитета, онъ „ни на минуту не подавалъ вида, что въ глубинѣ души его симпатіи довольно скоро ослабѣвали къ предпринятому дѣлу".

Тутъ надобно отмѣтить, что августѣйшій авторъ изслѣдованія не присоединяется къ общему распространенному мнѣнію, что

стимуломъ къ кипучей и разнообразной дѣятельности, которую Александръ Павловичъ проявилъ въ первые годы царствованія, было присущее ему стремленіе къ широкимъ реформамъ; по его мнѣнію, эта усиленная дѣятельность была для Александра только средствомъ заглушить тревогу, которой была объята его душа, желаніемъ уйти съ головой въ работу для того, чтобы забыться, а отнюдь не потребностью удовлетворить своимъ новаторскимъ стремленіямъ. Это выражено ясно и опредѣленно.

„Говорятъ и повторяютъ, пишетъ авторъ, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много потрудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Александра I. Согласно съ этимъ, укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ *не исходила отъ него лично*, что всѣ онѣ были *не безъ труда* внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ“.

„Замѣчательно, что молодой Государь, заставляя работать всѣхъ его окружающихъ, отлично разбирался между разными личностями и умѣлъ во-время выдвигать того или другого дѣятеля, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ. Этотъ даръ Александра Павловича оказался уже съ первыхъ годовъ вступленія его на престолъ. Кипучая дѣятельность въ области внутренней политики отвлекала Государя отъ всего того, что могло тревожить его душу, и можно только дивиться, какъ разумно онъ сумѣлъ создать себѣ увлекавшую его работу, чтобы не предаваться горечи пережитого при восшествіи на престолъ“.

Въ изслѣдованіи отмѣчается еще одна основная черта характера Александра Павловича, которая сказалась въ первые же годы его царствованія, и на которую особенно обращаетъ вниманіе авторъ: это его умѣнье блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителемъ этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣваютъ къ предпринятому дѣлу. „Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ

жизненной борбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости, онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ М. А. Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ разсказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ Императорѣ: „Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, *утаивая собственные ощущенія и помыслы*".

Подобно тому какъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ по дѣламъ внутренняго управленія въ первые годы царствованія замѣчалась необдуманность и торопливость, такъ и во внѣшней политикѣ у слишкомъ юнаго и неопытнаго Императора не могло быть ясно и опредѣленно выработаннаго взгляда на то, какъ „ему слѣдовало вести дѣла сношеній съ иностранными государствами. Едва-ли и на этой почвѣ до Тильзита, у Александра былъ какой-либо опредѣленный планъ, а все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы".

На первыхъ порахъ Александръ лично не выражалъ предпочтенія какой-либо державѣ и „первоначально было рѣшено, сохраняя достоинство Россіи, не вмѣшиваться въ чужеземныя дѣла и держать себя самостоятельно".

„Миръ и благоденствіе" страны—вотъ въ чемъ были въ то время всѣ помыслы Императора.

Когда Бонапартъ сдѣлался во Франціи пожизненнымъ консуломъ, и отношенія между этой державой и Англіей окончательно испортились, то, „первый корсулъ предложилъ Императору Александру роль посредника въ своихъ неладахъ съ Англіей. Русскій Государь, хотя былъ скорѣе польщенъ такимъ лестнымъ для него предложеніемъ, но отклонилъ его", сдѣлавъ со своей стороны для улаженія конфликта такія предложенія, которыя были отвергнуты и Франціей, и Великобританіей.

„Между тѣмъ дѣла все осложнялись, и все предвѣщало образованіе коалиціи противъ пожизненнаго перваго консула. Такая коалиція вскорѣ и составилась изъ трехъ державъ—Россіи, Англіи и Австріи, при чемъ душой этой коалиціи были Императоръ Францъ и австрійскій кабинетъ. Недоставало только прусскаго королевства".

„Но Фридрихъ-Вильгельмъ уже тогда началъ свою двойную игру, угождая одновременно Бонапарту и Александру и не обнаруживая

открыто своихъ симпатій въ ту или другую сторону. Въ составѣ русскаго кабинета онъ имѣлъ заклятаго врага пруссаковъ: князя Адама Чарторыжскаго, ничего не жалѣвшаго, чтобы возстановлять Государя противъ Пруссіи".

Но Александръ мало поддавался такого рода вліянію князя Чарторыжскаго.

Въ началѣ 1804 г. отношенія къ первому консулу неожиданно обострились, послѣ того, какъ Александръ Павловичъ, глубоко возмущенный трагической кончиной герцога Ангіенскаго, поручилъ нашему посланнику въ Парижѣ Убри передать по этому поводу негодованіе Императора французскому кабинету, и когда одновременно было предписано французскому представителю, генералу Эдувиль (Hédouville) покинуть Петербургъ. „Бонапартъ, въ свою очередь, возмутился нѣкоторыми выраженіями ноты—и приказалъ Талейрану отвѣтить въ томъ же тонѣ, но пересолилъ". Въ этомъ отвѣтѣ было написано, что, когда въ С.-Петербургѣ былъ осуществленъ заговоръ противъ Императора Павла, по проискамъ Англіи, то „никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намекъ Наполеона никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ ивъ Эрфуртѣ".

„Послѣ происшедшихъ инцидентовъ борьба была неминуема. Но цѣлый годъ еще тянулись переговоры между коалиціонными державами, терялось дорогое время, а Наполеонъ принималъ смѣлыя рѣшенія и дѣйствовалъ. Кто же въ Россіи былъ руководителемъ внѣшней политики въ это сложное время?

„Правой рукой Государя сталъ его пріятель, полякъ, князь Чарторыжскій.

„Лично князь Адамъ былъ благороденъ, безкорыстенъ и честнѣйшихъ правилъ, но, по его неоднократному заявленію, онъ оставался патріотомъ, т. е. мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ заядлый полякъ. И этотъ человѣкъ былъ избранъ Александромъ въ ближайшіе сотрудники! Вотъ что записалъ князь Адамъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Принявъ это назначеніе, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать пагубное вліяніе на дальнѣйшую судьбу моего отечества; но я не имѣлъ никакого яснаго представленія, никакого опредѣленнаго плана относительно тѣхъ услугъ, какія я могъ бы оказать Польшѣ на своемъ новомъ посту".

Въ 1804 г. говоря о положеніи Россіи, Чарторыжскій пишетъ: „Русскіе всегда подозрѣвали во мнѣ желаніе склонить русскую политику къ тѣсной связи съ Наполеономъ; я былъ далекъ отъ этой мысли, ибо мнѣ было очевидно, что *всякое соглашеніе между обоими имперіями* не могло *не быть пагубнымъ для интересовъ Польши*". И далѣе: „Моя система, въ основѣ которой лежалъ принципъ—

исправить всѣ причиненныя несправедливости, вела неизбѣжно къ *возстановленію Польши.* Но, чтобы не встрѣтить иныхъ препятствій, какія неминуемо должна была встрѣтить дипломатія столь несогласная съ общепринятыми взглядами, я избѣгалъ произносить имя Польши; мысль о ея возстановленіи была тѣсно связана съ самымъ духомъ моей работы и съ тѣмъ направленіемъ, какое я хотѣлъ придать русской политикѣ".

„Мнѣ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что какіе-либо комментаріи излишни къ такому откровенію. Оно благородно съ точки зрѣнія человѣческой, патріотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русскихъ интересовъ. Если польскій князь считалъ, что „это была одна изъ фантазій Александра, которой онъ въ концѣ-концовъ подчинился", то не лучше ли было бы, а главное, не честнѣе ли вовсе не принимать такой отвѣтственной должности".

Въ сентябрѣ 1804 г. Александръ Павловичъ рѣшилъ тѣмъ или другимъ способомъ повліять на Англію, чтобы создать европейское посредничество, для обузданія замысловъ Наполеона. Съ этой цѣлью въ Англію былъ посланъ Новосильцовъ „для воздѣйствія на англійскихъ государственныхъ людей"; при чемъ ему даны были двѣ инструкціи, одна оффиціальная, другая секретная, скрѣпленная подписями Императора Александра и князя Адама.

Миссія Новосильцова, къ которой и князь Чарторыжскій и Новосильцевъ относились скептически, не увѣнчалась успѣхомъ.

„Кѣмъ была внушена эта мысль Императору Александру? Намъ не удалось, несмотря на всѣ поиски въ архивахъ, разъяснить этой догадки? Возможно, что Государю лично принадлежала инициатива такого хода, и это самое вѣроятное.

„Мы отмѣчаемъ этотъ инцидентъ, какъ одно изъ первыхъ проявленій самостоятельныхъ рѣшеній у Александра въ дѣлахъ внѣшней политики".

Въ началѣ 1805 г. Александръ заключилъ для дѣйствія противъ Франціи союзный договоръ съ Швеціей и Англіей, къ которому примкнула и Австрія.

„Недоставало одной Пруссіи, черезъ владѣнія которой должны были проникнуть части русскихъ войскъ, а согласія на это никакъ нельзя было добиться отъ нерѣшительнаго прусскаго короля".

Въ сентябрѣ Императоръ Александръ направился на театръ военныхъ дѣйствій, заѣхавъ по пути въ Пулавы — имѣніе князя Чарторыжскаго. Вся Польша жила въ тѣ дни надеждою на то, что Государь посѣтитъ Варшаву и тамъ провозгласитъ себя королемъ польскимъ.

„Но незамѣтно для кого-либо, и даже для зоркихъ очей князя Чарторыжскаго, Императоръ Александръ послалъ изъ Бреста своего преданнаго генералъ-адъютанта, князя П. П. Долгорукаго, съ секретнымъ порученіемъ къ королю Фридриху-Вильгельму, въ Берлинъ. И вдругъ, 4 октября, Его Величество объявилъ, что ѣдетъ прямо въ Козеницы, главную квартиру генерала Михельсона, даже не останавливаясь въ Варшавѣ, а оттуда прямо въ Берлинъ“.

„Что же случилось? — Да ничего особеннаго. Князь Долгорукій только успѣшно исполнилъ свое порученіе. Онъ прекратилъ колебанія прусскаго короля, подлилъ масла въ огонь, когда Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что его пріятели-французы нарушили нейтралитетъ и перешли черезъ его владѣнія въ Анспахѣ... Коалиція обогатилась еще однимъ, если не союзникомъ, то явнымъ доброжелателемъ, и всѣ надежды и планы, какъ князя Адама, такъ и остальныхъ поляковъ рухнули“. „Тутъ Александръ вполнѣ наглядно проявилъ свою собственную волю, и этотъ эпизодъ надобно считать началомъ его самостоятельнаго почина во внѣшней политикѣ“.

Послѣ блестящей встрѣчи, оказанной Императору въ Берлинѣ и извѣстной „умилительной“ сцены въ Потсдамѣ у гробницы Фридриха Великаго, была подписана конвенція о присоединеніи Пруссіи къ коалиціи, „при чемъ эта держава заручилась согласіемъ на присоединеніе къ ней Ганновера“.

Военныя дѣйствія закончились „полнѣйшимъ пораженіемъ русско-австрійскихъ силъ подъ Аустерлицемъ; Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ и получила въ даръ желанный Ганноверъ. „Это не помѣшало Александру Павловичу писать дружескія письма Фридриху-Вильгельму и оставить русскіе корпуса въ его полное распоряженіе. Вотъ до чего въ немъ глубоко засѣла привязанность къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ. Но эта привязанность и это довѣріе пошли еще дальше въ слѣдующемъ 1806 году. Политическій горизонтъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пасмурнымъ, и можно было ожидать разнородныхъ вспышекъ для новыхъ недоразумѣній. Въ эту минуту князь Чарторыжскій самымъ энергичнымъ образомъ убѣждалъ Государя бросить заигрываніе съ Пруссіей и войти въ какое-либо соглашеніе съ Франціей, но всѣ рѣшенія Императора шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей князя Адама“.

„Пристрастіе Александра къ прусскому королевскому дому поражаетъ потому, что у него не было кровнаго родства съ Гогенцоллернами, и то, что понятно и объяснимо для Николая Павловича, женатаго на прусской принцессѣ, а также и для Императора Александра II, непонятно въ Александрѣ Павловичѣ; намъ кажется, что это пристрастіе Александра было лишь результатомъ какого-то

рыцарскаго чувства его къ королевѣ Луизѣ, иначе трудно найти другое болѣе подходящее объясненіе".

„Событія шли быстро. Пруссія, только успѣвъ заключить союзный договоръ съ Франціей, уже разочаровалась въ новой союзницѣ, потому что въ Парижѣ и слышать не хотѣли о созданіи Сѣверо-Германскаго союза, придуманнаго Гаугвицемъ, и намѣревались снова передать злополучный Ганноверъ Англіи.

„Картина была жалкая и смѣшная, но единственная въ своемъ родѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ одновременно два союза: одинъ съ Франціей, другой съ Россіей, и такого рода фокусъ считался выгоднымъ, такъ какъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ тогда еще не знали этого коварства, а король могъ во всякое время разсчитывать на поддержку той или другой изъ враждующихъ сторонъ. На дѣлѣ вышло, однако, все крайне прискорбно для Пруссіи и ея короля", который, объявивъ войну Франціи, въ исходѣ сентября, потерпѣлъ уже въ октябрѣ рѣшительное пораженіе подъ Іеной и Ауерштетомъ.

Тогда „Императоръ Александръ, принимая къ сердцу несчастіе прусскаго короля и королевы Луизы, и вообще погромъ Пруссіи, рѣшилъ самъ отправиться въ апрѣлѣ 1807 г. въ дѣйствующую армію, силы которой доходили до 150.000 штыковъ, отъ прусскихъ же войскъ оставалось лишь 14.000 человѣкъ. Опять въ Мемелѣ Императоръ нашелъ пріютившуюся тамъ на клочкѣ своихъ оставшихся владѣній королевскую чету. Чтобы умилостивить русскаго Государя, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ Гаугвица Гарденбергомъ, считавшимся другомъ Россіи и угоднымъ видамъ нашего правительства. Это мнѣніе было тоже ни на чемъ не основано, такъ какъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій, въ главной квартирѣ у Бартенштейна, Гарденбергъ состряпалъ невѣроятную конвенцію, утвержденную Россіею 14 апрѣля 1807 года, гдѣ всѣ выгоды были исключительно разсчитаны для Пруссіи. И такого рода соглашеніе было одобрено русскимъ Императоромъ, съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи, тогда какъ ни Австрія, ни Англія и слышать не хотѣли о предложенныхъ Гарденбергомъ условіяхъ. Но судьба и тутъ выручила Россію: послѣ Фридландскаго сраженія послѣдовало Тильзитское свиданіе, которое все перевернуло.

Подводя итогъ первымъ годамъ царствованія Александра Павловича, августѣйшій авторъ изслѣдованія говоритъ:

„При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ, надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее „эпохой колебаній". Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ рус-

скаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ новаторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мірѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратіона, а привлекали или бездарности, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Буксдевгена и даже самого Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами.

„Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ этой работѣ вскорѣ и было приступлено. Остается добавить, что, не будь уроковъ подъ Аустерлицомъ и Фридландомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига“.

II.

Союзъ съ Наполеономъ 1807—1812 г.

2/14 іюля 1807 г. состоялся разгромъ союзныхъ войскъ подъ Фридландомъ, недѣлю спустя было подписано перемиріе съ Франціей, а 13/25 іюня князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Куракинымъ съ одной стороны и Талейраномъ съ другой былъ подписанъ мирный и союзный договоръ съ Наполеономъ.

„Обращаемъ вниманіе на лицъ, избранныхъ Императоромъ Александромъ для такого акта. То были два вельможи, оба вѣка Екатерины, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ Императрицы - матери, и князь Дмитрій Лобановъ - Ростовскій. Выборъ былъ не случайный: нашъ Государь хотѣлъ показать Наполеону, что въ этотъ разъ онъ не намѣренъ ему представлять какихъ-либо молокососовъ, въ родѣ князя Петра Долгорукаго или Убри, а что для переговоровъ избраны имъ уже вполнѣ созрѣвшіе мужи, носящіе древнія фамиліи на Руси. Еще знаменательнѣе было то, что министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, Государь вовсе не допустилъ до переговоровъ.

„Такого рода ходы были свойственны Александру, поражали современниковъ, но показывали наглядно, насколько Императоръ обладалъ даромъ наблюденія и умѣлъ, когда обстоятельства того требовали, настоять на своемъ, несмотря ни на какія постороннія вліянія“.

13/25 іюня произошла знаменательная встрѣча императоровъ въ Тильзитѣ.

„Что происходило въ душѣ Александра Павловича въ моментъ этой встрѣчи, опредѣлить почти невозможно, тѣмъ болѣе, что Государь ни съ кѣмъ не бывалъ откровененъ. Но сохранилось нѣсколько словъ, написанныхъ имъ 17 іюня 1807 г. изъ Тильзита къ любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, съ которой онъ не стѣснялся и которой часто писалъ то, что думалъ. Эти слова гласятъ: „Богъ помиловалъ насъ: вмѣсто жертвъ, мы выходимъ изъ борьбы съ нѣкоторой славой. Но что вы скажете обо всѣхъ этихъ событіяхъ?! Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ, я—остаюсь съ нимъ цѣлыми часами съ глаза на глазъ! Не походитъ ли все это на сонъ! Теперь первый часъ ночи, а онъ только-что ушелъ отъ меня. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы незримо были свидѣтельницей всего происходящаго".

„Шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ въ ту годину. Вотъ эти слова: „Moï, passer mes journées avec Bonaparte" [1]).

„Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое. Да, потомку Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ, и слушать внимательно его рѣчи, отгадывать его помышленія и даже стараться съ нимъ сблизиться.

„Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе Державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ".

Условія союзнаго договора, заключеннаго въ Тильзитѣ, извѣстны; Пруссіи возвращались Померанія, Бранденбургъ, старая Пруссія, верхняя и нижняя Силезія; весьма любопытно отмѣтить „характерную фразу, подчеркнутую самимъ Наполеономъ относительно прусскихъ владѣній: „Изъ уваженія къ Его Величеству Императору всея Россіи"; а то бы Пруссія исчезла съ лица земли и была раздѣлена".

„Этого обстоятельства и теперь еще не любятъ вспоминать въ Берлинѣ".

„Въ Россіи новый союзъ не былъ популяренъ; особенно ворчала Москва. Нападки эти не прекращались до самаго разрыва, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на недовольство сановниковъ и общественнаго мнѣнія. Онъ продолжалъ твердо идти по пути, имъ избранному, и заставилъ покориться не только одно столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ въ царской семьѣ".

---

[1]) Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ.

Послѣ Эрфуртскаго свиданія, за періодъ союза съ Наполеономъ, Александръ Павловичъ вновь обнаружилъ стремленіе вернуться на путь преобразованій, въ дѣлахъ внутреннихъ вновь закипѣла работа, и такая, которая оставила крупные слѣды на долгія времена. Самымъ близкимъ лицомъ къ Государю былъ въ то время М. М. Сперанскій, сопровождавшій Императора въ Эрфуртъ на второе свиданіе съ Наполеономъ, съ которымъ ему посчастливилось не только видѣться, но даже бесѣдовать.

„Какъ это ни странно, говоритъ авторъ изслѣдованія, но Наполеонъ въ Эрфуртѣ оказалъ большее вліяніе на Сперанскаго, чѣмъ на Александра, и послѣдствія такого впечатлѣнія обнаружились очень скоро", когда на Михаила Михаиловича было возложено веденіе дѣлъ по составленію законовъ и когда вслѣдъ затѣмъ явилась мысль приступить къ плану всеобщаго государственнаго образованія, т. е. къ коренной ломкѣ всего существующаго строя.

„Основаніемъ всего проекта послужили Кодексъ Наполеона и отчасти французская конституція 1799 г. Вотъ въ чемъ наглядно обнаружилось вліяніе Наполеона на Сперанскаго, а также и на Александра, но въ меньшей степени.

„Работа была закончена во всѣхъ подробностяхъ къ ноябрю 1809 года, т. е. какъ разъ ко времени охлажденія отношеній между союзниками.

„Государь рѣшилъ отложить выработанныя реформы до болѣе удобнаго времени, но послѣ борьбы съ Наполеономъ въ русскомъ Императорѣ произошла полная перемѣна воззрѣній, и вся работа Сперанскаго была не только положена подъ сукно, но и забыта".

Сблизившись съ Наполеономъ, Государь оказывалъ особое вниманіе французскому послу Коленкуру: „застольныя бесѣды съ посломъ затягивались и послѣ обѣда, какъ въ былое время съ друзьями молодости. Посолъ былъ польщенъ до-нельзя, благодаренъ, вѣрилъ въ искренность сердечныхъ изліяній и доносилъ Наполеону о непоколебимой дружбѣ сего обворожительнаго союзника". Но эти отношенія были не такъ искренни, какъ они казались Коленкуру.

Когда, въ январѣ 1809 г., въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Австріи „князь Шварценбергъ, чтобы подготовить русскаго Государя къ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій между Вѣной и Парижемъ, Александръ отнесся съ порицаніемъ къ воинственному пылу австрійцевъ, но все-таки далъ понять посланному, что едва-ли Россія втянется въ новую войну. Князь Шварценбергъ понялъ, что Александръ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы активно помочь своему союзнику, а одновременно Государь передавалъ чуть ли не въ тотъ же день свои разговоры съ австрійцемъ Коленкуру. Конечно,

à sa façon, и французскій посолъ сообщилъ Наполеону, что русскія войска къ его услугамъ во всякую минуту.

„Когда Австрія объявила войну Наполеону, и австрійскія войска начали наступленіе съ трехъ сторонъ, а именно въ Баварію, Италію и герцогство Варшавское, Коленкуръ настойчиво требовалъ отъ графа Румянцева исполненія обѣщанной поддержки со стороны Россіи.

„Государь, въ свою очередь, завѣрялъ посла, что русскія войска уже на границѣ Галиціи, вполнѣ готовыя къ выступленію". Семьдесятъ тысячъ войска дѣйствительно были тамъ сосредоточены, но они стояли на мѣстѣ и не двигались впередъ.

„24 іюня (6 іюля) 1809 г. война закончилась Ваграмскимъ сраженіемъ, вторично напомнившимъ Австріи Аустерлицкую катастрофу. Только послѣ Ваграма русскія войска заняли безъ выстрѣла Краковъ, и эта война не стоила Россіи ни одной капли крови. Вотъ когда Коленкуръ догадался, что его обошли въ Петербургѣ, но было уже поздно, и посолъ заслужилъ изрядную головомойку отъ Наполеона, и по-дѣломъ. Тогда и у Наполеона прояснились глаза на Тильзитскаго и Эрфуртскаго союзника. Можно сказать, что эта дружба послѣ австрійской кампаніи 1809 года миновала окончательно, и началась другая эра: взаимнаго недовѣрія и приготовленія къ борьбѣ. Союзъ оставался еще только на бумагѣ. „Представители Александра отсутствовали во время мирныхъ переговоровъ Франціи и Австріи въ мѣстечкѣ Альтенбургѣ; Александръ подчеркнулъ этимъ свой дружескій нейтралитетъ, а Наполеонъ передалъ Галицію, наперекоръ желанію своего союзника, герцогству Варшавскому; этимъ было подчеркнуто благоволеніе императора французовъ къ Польшѣ, что очень оцѣнено поляками".

„Но Наполеонъ не желалъ еще ссориться съ союзникомъ и всячески хотѣлъ загладить невыгодное впечатлѣніе Шёнбруннскаго договора. Коленкуръ передалъ Императору желаніе своего повелителя даже вычеркнуть наименованіе Польши изъ оффиціальной переписки, и что, молъ, передача части Галиціи герцогству Варшавскому вовсе не обозначала мысли о возстановленіи Польши. Такія завѣренія мало дѣйствовали на Александра, и онъ отлично сознавалъ и понималъ ловкую игру Наполеона".

Вскорѣ явился новый поводъ къ неудовольствію, вызванный неудачнымъ сватовствомъ Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Извѣстно, какъ отнеслись къ этому сватовству Александръ и вдовствующая Императрица, какъ былъ обиженъ отказомъ Наполеонъ, а съ другой стороны какъ были смущены и обижены въ Петербургѣ тѣмъ, что Наполеонъ, еще до полученія отказа, объ-

явилъ всенародно о своемъ предстоящемъ бракѣ съ австрійской эрцгерцогиней.

„Затѣмъ, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго годовъ, между Франціей и Россіей начинается рядъ недоразумѣній, которыя такъ и не прекращаются до самаго разрыва. Поводовъ къ разладу было много, но главный споръ былъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и относительно свободы русскихъ портовъ для торговли съ Англіей“.

Во время переговоровъ, которые велись для разрѣшеніи этихъ спорныхъ вопросовъ, обнаружилась своеобразная черта, присущая Александру: одновременно съ оффиціальными переговорами, онъ никогда не стѣснялся вести переговоры черезъ постороннихъ лицъ, помимо своего оффиціальнаго представителя: такъ было при заключеніи союза съ Наполеономъ, такъ было и теперь, когда „для личныхъ переговоровъ съ Наполеономъ дважды былъ командированъ въ Парижъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, посылавшій свои донесенія прямо Императору помимо посла кн. Куракина“.

Одновременно, „совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ Нессельроде писалъ, помимо князя Куракина, государственному секретарю, Сперанскому. Р. А. Кошелевъ находился въ непосредственной перепискѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Сенъ-Жюльеномъ, опять таки помимо канцлера, и все докладывалось Кошелевымъ непосредственно Императору. Способъ особый, но онъ присущъ Императору Александру“.

„Добавимъ, что не только посолъ ничего не зналъ о перепискѣ между подчиненнымъ и Сперанскимъ, но и самъ канцлеръ, графъ Румянцевъ, тоже ничего не вѣдалъ объ этомъ фактѣ“. И ему сообщалось лишь то, что считалось маловажнымъ или когда нельзя было обойтись безъ его вмѣшательства.

Таковъ былъ своеобразный методъ, усвоенный Александромъ при веденіи дѣлъ внѣшней политики. Иностранные дипломаты, которымъ приходилось лично совѣщаться съ Императоромъ, отдавали должное его дипломатическимъ способностямъ, ставя Государя выше его сотрудниковъ, какъ Румянцева, такъ и Кошелева.

Въ тревожные годы, предшествовавшіе войнѣ съ Наполеономъ, одинъ вопросъ особенно озабочивалъ Александра Павловича: вопросъ о Польшѣ и ея отношеніи къ Россіи. Онъ хотѣлъ какими-либо путями привлечь поляковъ на сторону Россіи. По этому поводу Государь обмѣнялся нѣсколькими письмами съ княземъ Ад. Чарторыжскимъ.

31 января 1811 г. Государь прямо возбудилъ вопросъ о положеніи, которое приметъ Польша въ случаѣ конфликта.

Исчисляя въ своемъ письмѣ русскія военныя силы, ихъ расположеніе, назначеніе, Государь ставитъ вопросъ о возможномъ присоединеніи королевства Польскаго къ Россіи, съ принятіемъ русскимъ Императоромъ титула короля польскаго.

На этотъ категорически поставленный вопросъ князь Чарторыжскій отвѣчалъ 28 февраля пространнымъ письмомъ.

Говоря о настроеніи польскаго общества, Чарторыжскій не скрылъ отъ Государя, что мнѣніе большинства было неблагопріятно Россіи и планамъ Императора, что хотя „возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ всегда было единодушнымъ желаніемъ поляковъ, но въ данный моментъ поляки и въ особенности войско не могутъ внезапно проникнуться мыслію, „что желаніе это можетъ осуществиться, что эта цѣль можетъ быть достигнута, если они отдалятся отъ Франціи и присоединятся къ Россіи".

„Вѣра въ геній Наполеона и въ его счастье не могутъ быть поколеблены", писалъ онъ. „Никто не допускаетъ мысли, чтобы онъ могъ быть побѣжденъ, и чтобы союзники не повторили сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Довѣріе къ намѣреніямъ Россіи не можетъ возродиться немедленно; поляки только мало-по-малу могутъ освоиться съ мыслью, что Россія можетъ когда-либо желать добра Польшѣ и искренно думать о ея возрожденіи. Отдавая должное личнымъ качествамъ В. В., поляки полагаютъ, что надобно дѣлать различіе между его личностью и политикой его кабинета и духомъ, царствующимъ въ его арміи; ее считаютъ особенно враждебной полякамъ; такъ что мысль о вступленіи русскихъ войскъ въ край отождествляется многими съ мыслію о разореніи и унизительномъ игѣ. Къ сожалѣнію, прошлыя событія и въ особенности рѣчи русскихъ военныхъ во время послѣдняго похода поддерживаютъ этотъ взглядъ".

Только рѣшительное пораженіе Наполеона или его кончина могли бы, по мнѣнію князя Адама, кореннымъ образомъ измѣнить взглядъ польскаго общества. „Такъ какъ всѣ надежды поляковъ зиждутся на обаяніи личности Наполеона и его побѣдъ, то лишь съ его исчезновеніемъ они могли бы обсудить положеніе страны здраво и спокойно, не создавая себѣ никакихъ иллюзій".

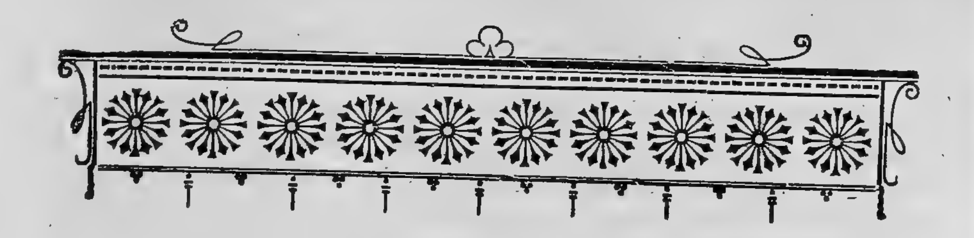
Заканчивая это высоко интересное письмо, всякое слово котораго было строго обдумано и взвѣшено, и въ которомъ вполнѣ откровенно было выражено отношеніе польскаго общества къ Россіи, его симпатіи къ Наполеону и вѣра въ непобѣдимость его оружія, князь Чарторыжскій, чувствуя, что его положеніе, въ случаѣ войны съ Наполеономъ, станетъ неловкимъ, умолялъ Государя уволить его въ отпускъ, за границу и даже окончательно уволить его отъ службы.

„Такое рѣшеніе было умно, говоритъ авторъ изслѣдованія, и показывало крайнюю осторожность бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи. Ему выгодно было занять нейтральное положеніе въ средѣ поляковъ, ни во что не вмѣшиваться и спокойно смотрѣть на возгоравшуюся борьбу. Если сила окажется на сторонѣ Наполеона, то окончить разъ навсегда всѣ счеты съ Россіей при содѣйствіи и покровительствѣ Франціи; если побѣда склонится подъ русскія знамена, то смягчить заслуженный гнѣвъ земли Русской и ея повелителя и найти modus vivendi съ могучей Россіей“.

В. Т.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерѣ „Африка"[1].

Глава VI.

2 ноября поздно вечеромъ крейсеръ „Африка“ отдалъ якорь въ бухтѣ Анна-Марія острова Нука-Гива, группы Маркизскихъ острововъ.

Нука-Гива, свободный и дикій, съ 1842 года перешелъ въ руки французовъ, утративъ независимость, и туземцы простились съ свободой.

Въ главномъ городѣ острова, Тайое, мы застали живущими: губернатора, епископа, монахинь, содержавшихъ школу, и четырехъ жандармовъ.

Въ прежнія времена на островахъ было многочисленное населеніе, но эпидеміи, занесенныя европейцами, уничтожили много туземцевъ, а жаль: племя Маркизскихъ острововъ славится красотой своихъ формъ и принадлежитъ къ одной изъ красивѣйшихъ расъ. Однако не сразу глазъ привыкаетъ къ этимъ физіономіямъ: черты лица стройныхъ, прекрасно сложенныхъ женщинъ какъ будто жестоки, хотя этотъ недостатокъ сглаживается удивительной привѣтливостью. Женщины носятъ легкій капотъ и душатся сандаломъ, у нихъ костюмъ обязателенъ только въ присутствіи европейцевъ, въ остальное время капотъ виситъ на гвоздикѣ и женщины такъ же, какъ и мужчины, довольствуются тонкимъ поясомъ съ висящей на немъ травой, такъ какъ татуировка имъ кажется достаточно приличнымъ костюмомъ. Тайое помѣщается въ центрѣ глубокой бухты,

[1]) См. „Русская Старина“, май 1909 г.

обрамленной высокими отвѣсными горами причудливыхъ очертаній. Густая растительность покрываетъ страну какъ бы великолѣпнымъ плащемъ. Хижины разсѣяны вдоль тѣнистой аллеи, которая тянется по берегу залива, отъ этой очаровательной дороги бѣгутъ въ горы лѣсныя тропинки.

Движенія мало, жители сидятъ у своихъ хижинъ, трудъ для нихъ вещь ненужная, они питаются плодами, которые имъ даютъ лѣса, ловятъ рыбу и собираютъ въ лѣсу яйца одичавшихъ куръ.

Гуляя по большой дорогѣ, мы свернули на одну изъ тропинокъ искать водопадъ; не найдя его, стали бродить по лѣсу и вдоволь налюбовались роскошной растительностью—хлѣбныя деревья, бананы, кокосы, манго, тамаринды и много другихъ неизвѣстныхъ деревьевъ съ привлекательными плодами и чудными цвѣтами составляли этотъ волшебный садъ. Мы не трогали ни цвѣтовъ, ни плодовъ, будучи предупреждены о возможности отравы, да и встрѣтившійся въ лѣсу туземецъ усиленно махалъ руками, когда мы приближались къ цвѣтамъ, впрочемъ нѣкоторые цвѣты онъ срывалъ и давалъ намъ въ руки.

Среди ручейковъ нашли минеральный источникъ со вкусомъ зельтерской воды. Въ лѣсу встрѣчали дикихъ свиней, куръ, вдали съ горъ на насъ смотрѣли козы, а на деревьяхъ разноцвѣтные какаду выражали удивленіе и неудовольствіе подъемомъ своихъ красивыхъ хохолковъ.

Удивительно пріятно бродить въ такомъ лѣсу—чудный воздухъ, ароматъ, полное разнообразіе кругомъ, свободно и спокойно.

4 ноября состоялась большая поѣздка въ сосѣднюю бухту Чичагова, лежащую въ четырехъ миляхъ отъ бухты Анна-Марія. Офицеры сѣли на паровой катеръ, адмиралъ съ командиромъ на вельботъ. По выходѣ съ рейда мы попали сразу въ громадную океанскую зыбь, бѣдный катеръ то взбирался на верхушку волны, то пропадалъ среди водяныхъ стѣнъ, тогда какъ вельботъ, бывшій на буксирѣ, едва виднѣлся на гребнѣ другой волны. Черезъ часъ непріятнаго плаванія вошли въ бухту, насъ встрѣтили туземцы, которые съ прибоемъ вытащили вельботъ на берегъ съ адмираломъ, остальныхъ же перенесли на себѣ.

Сперва мы пошли къ молодому королю и королевѣ съ визитомъ (они находятся подъ покровительствомъ французовъ и получаютъ отъ нихъ жалованье), послѣ краткаго привѣтствія двинулись въ дальнѣйшій путь. Адмиралу привели лошадь, но онъ отказался, потребовавъ носилки; это вызвало нѣкоторое осложненіе, но все-таки довольно быстро соорудили изъ вѣтвей что-то въ родѣ носилокъ, и мы всѣ отправились по тѣнистой аллеѣ въ далекій путь. Въ лѣсу,

подошли къ широкому потоку съ чистой, прозрачной водой, черезъ него пришлось переправиться верхомъ на туземцахъ. Разстояніе до водопада оказалось порядочное, и дорога за ручьемъ ухудшилась; наконецъ, пришли въ ущелье въ видѣ турецкаго боба; здѣсь особенно замѣтна высота скалъ, покрытыхъ мхомъ, верхушки этихъ скалъ доступны развѣ только птицамъ.

Въ глубинѣ ущелья мы нашли небольшое озеро очень холодной воды и ручеекъ, образовавшійся отъ водопада, падающаго съ значительной высоты. Вся панорама чрезвычайно живописна и разнообразна.

Въ озерѣ у водопада нѣкоторые изъ насъ пробовали купаться вмѣстѣ съ туземцами, но ледяная вода быстро выгнала ихъ на солнце.

Послѣ отдыха мы вернулись обратно въ разбродъ по другой дорогѣ, гуляли по лѣсу, заходили въ хижины, состоящія изъ жердей и листьевъ; татуированные хозяева, натертые желтой ароматной мазью, угощали насъ бананами и яйцами. Знакомый намъ ручеекъ пришлось перейти въ другомъ мѣстѣ; тутъ ожидала здоровая каначка, она легко всѣхъ перенесла и заработала достаточно денегъ.

Общій сборъ состоялся у короля, который угостилъ прекраснымъ завтракомъ изъ мѣстныхъ произведеній природы, при чемъ вмѣсто хлѣба явился плодъ хлѣбнаго дерева, замѣчательно нѣжный и вкусный особенно съ масломъ. Кушанья готовились на кокосовомъ маслѣ, а къ сладкому подали кокосовое молоко, ко вкусу послѣдняго не всѣ могутъ привыкнуть.

Послѣ завтрака всѣ расположились около дворца, частью на верандѣ, частью на травѣ средь туземцевъ смотрѣть на танцы. Двое танцоровъ явились одѣтыми въ древній костюмъ, состоявшій только изъ ожерелья, которое было сдѣлано изъ перьевъ и человѣческихъ волосъ. Женщины пришли въ легкихъ блузахъ, нѣкоторыя щегольнули мѣстной матеріей изъ растительной ткани, пользуясь незначительнымъ ея количествомъ. По знаку короля мужчины и женщины стали въ двѣ шеренги одна противъ другой и начали танцы, или, вѣрнѣе, продѣлывать разныя тѣлодвиженія подъ аккомпаниментъ двухъ барабановъ и хлопанья въ ладоши зрителей. Пантомима танцевъ, вѣроятно, богатая по содержанію, осталась для насъ непонятной, кромѣ нѣкоторыхъ выразительныхъ тѣлодвиженій.

По окончаніи балета мы отправились въ обратный путь, захвативъ съ собой королевское семейство и массу подарковъ, состоявшихъ изъ банановъ, свиней и разныхъ плодовъ. Волненіе въ океанѣ не улеглось, пришлось выгребать противъ зыби и вѣтра, почему вернулись въ свою бухту только къ вечеру.

На слѣдующій день у насъ завтракалъ король и французскій резидентъ—офицеръ. Мы сдѣлали имъ визиты, король показалъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, очень миленькихъ и привѣтливыхъ, они пришли совершенно безъ всякаго костюма. Мы собирались подарить королю ружье, но король отказался принять его, несмотря на сильное желаніе имѣть таковое: оказалось, что король не могъ принять оружіе безъ разрѣшенія резидента, а спрашивать не хотѣлъ изъ гордости. Отъ короля пошли къ старой королевѣ по улицѣ Тайое влѣво до жилища, стоящаго у прозрачнаго ручья. Исполинскіе тамаринды бросаютъ на жилище грустную тѣнь, и вокругъ чувствуется какая-то унылая атмосфера; въ ожиданіи пріема мы расположились на корняхъ тамаринда, нашли на травѣ массу плодовъ его и отъ скуки жевали кисленькіе стручки—послѣдствія этого развлеченія вскорѣ обнаружились, совершенно для насъ неожиданно.

Черезъ нѣсколько времени придворная дама пригласила насъ войти въ залъ, гдѣ стояло нѣсколько стульевъ, часть которыхъ была уже занята королевой и ея приближенными; у нихъ лица не особенно привѣтливыя, и скука видимо ихъ совершенно одолѣла, хотя, какъ говорятъ, они бываютъ рады приходу иностранцевъ и стараются угощать кокосами и бананами. Сначала дворъ немного ожилъ, но послѣ обмѣна нѣсколькими фразами началъ застывать, и уже ничѣмъ нельзя было возбудить его вниманіе.

Отъ королевы пошли во французскую католическую миссію—въ уютномъ, тѣнистомъ саду построено нѣсколько отдѣльныхъ домиковъ для епископа, сестеръ милосердія, школы, спальни дѣвочекъ и церкви, все очень мило, чисто и производитъ отрадное впечатлѣніе.

Мы посѣтили всѣхъ въ ихъ помѣщеніяхъ, начиная съ епископа, жившаго здѣсь съ 1846 года.

7 ноября ушли изъ бухты Анна-Марія дальше, ученья и судовыя занятія сдѣлали незамѣтнымъ переходъ до острововъ Таити, куда прибыли 11 ноября, отдавъ якорь въ бухтѣ Папеите.

Таити состоитъ изъ двухъ неровныхъ половинъ, соединенныхъ перешейкомъ, бо́льшая половина острова носитъ названіе Таити, а меньшая Тапрабу. Таити, по примѣру другихъ острововъ Тихаго океана, окруженъ кольцомъ коралловъ, и потому рейдъ у него спокойный. Берега острова, слѣдуя извилистой линіей, образуютъ массу бухтъ, но волны не достигаютъ берега, онѣ разбиваются о стѣны коралловъ и только брызги попадаютъ на гладкую поверхность воды по другую сторону рифовъ.

Видъ на рейдъ восхитительный, глазъ не можетъ оторваться отъ берега, покрытаго роскошной растительностью и хижинами на

морскомъ берегу, гдѣ и сосредоточивается вся жизнь острова. Около хижинъ сидятъ каначки въ пестрыхъ рубашкахъ, онѣ сами и украшающіе ихъ цвѣты замѣчательно гармонируютъ съ окружающей природой. Внутреннія области необитаемы и покрыты густыми лѣсами, эти дикія мѣста пересѣкаются недоступными горами, въ которыхъ царитъ вѣчная тишина. Большія горы высятся надъ лѣсами и ихъ острыя вершины ясно вырѣзываются въ вышинѣ. Стоя въ долинѣ, думаешь, что находишься у подножья фантастическаго собора, острые купола котораго задѣваютъ за тучи. Маленькія бродячія облака, занесенныя пассатами съ океана, останавливаются у горныхъ вершинъ, подлѣ стѣнъ базальтовыхъ скалъ они сгущаются, превращаются въ воду и спускаясь на землю въ видѣ дождя образуютъ водопады и ручьи. Благодаря частымъ дождямъ, густымъ и теплымъ туманамъ въ глубокихъ ущельяхъ зелень растеній вѣчно свѣжа и разростаются странныя породы мховъ и изумительные папоротники.

Въ день прихода нашихъ судовъ (Африка, Вѣстникъ, Пластунъ) офицеры были приглашены на балъ къ французскому губернатору. Сначала танцы шли вяло, можетъ быть, мы дичились, но за то скоро разошлись, и вечеръ прошелъ очень весело. Одна фигура котильона состояла въ томъ, чтобы задуть горящую свѣчу, поставленную высоко; французскій адъютантъ непремѣнно хотѣлъ танцовать съ королевой Помаре и старался дуть изо всей силы, но не могъ— русская морская грудь оказалась сильнѣе, свѣча была легко потушена, и королева унеслась въ вихрѣ вальса съ русскимъ мичманомъ. Нельзя сказать, чтобы дамскіе туалеты были удобны для танцевъ, весь туалетъ состоитъ изъ легкаго капота съ длиннымъ шлейфомъ, сами дамы толстыя, и потому рука тонетъ въ таліи, когда танцуютъ легкіе танцы; надо знать хорошо анатомію, чтобы не нажать на какой-либо важный органъ, хотя танцоры перебирали пальцами изъ предосторожности.

Слѣдующій день прошелъ въ погрузкѣ угля несмотря на дождь, къ вечеру прояснѣло и адмиралъ приказалъ послать на берегъ музыкантовъ. Они играли на площадкѣ, окруженной чудными деревьями, въ тѣни которыхъ прятались хижины туземцевъ. Около музыкальнаго навѣса гуляли европейцы и мѣстная публика, большинство туземцевъ, услышавъ веселые мотивы, немедленно пустилось въ плясъ. Свобода полная, общій разговоръ и громкій смѣхъ. Одна дѣвушка, развеселившись во всю, прыгнула на шею къ адмиралу, крѣпко обняла и два раза звонко поцѣловала при общемъ одобреніи публики. Адмиралъ былъ пораженъ, но ему поспѣшили объяснить, что это надо принимать какъ выраженіе общей благодарности за присылку музыкантовъ.

— „Ну, если это такъ, Богъ съ ней, я не сержусь, кстати она такая славная, ужъ такъ и быть завтра опять пришлю музыкантовъ“.

Вѣроятно, милый адмиралъ надѣялся на повтореніе благодарности, но она почему-то не состоялась.

14 ноября утромъ собралось къ губернатору по приглашенію около пятидесяти офицеровъ разныхъ націй и постоянно живущихъ въ Таити, чтобы ѣхать въ экипажахъ во внутрь острова. Длинная вереница разнообразныхъ экипажей катилась между дачъ и хижинъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями. Дорога шла по плоскому берегу, иногда сходила къ морю, иногда уходила въ горы, поднимаясь на холмы, спускаясь въ ущелья и долины, то высоко надъ пропастью, въ глубинѣ которой граціозный заливъ окаймленъ пальмами, скрывавшими въ своей тѣни хижины и живописныхъ каначекъ. Гдѣ-нибудь въ углу залива скрытая нависшими вѣтвями, впадая въ заливъ, текла рѣчка—въ небольшихъ каскадахъ, брызгавшихъ между ея каменьями, плескались бронзовыя наяды, выжимавшія изъ волосъ прохладную влагу. Наконецъ, дорога вошла въ лѣсъ, на опушку котораго нажимали гуявы, полныя пахучихъ плодовъ, это растеніе разростаясь губитъ сосѣдей, оно высасываетъ изъ нихъ сокъ своими многочисленными вѣтвями. И чего только въ этомъ лѣсу не было: хлѣбное дерево съ широкими, глубоко разрѣзанными листьями раскинуло свои вѣтви, покрытыя круглыми крупными плодами, далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучей атмосферой, гигантомъ раскинулось и вверхъ, и въ ширь, а подъ нимъ пріютился кустъ жасмина—да всего не опишешь. Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и зелени былъ настолько силенъ, что становилось тяжело дышать. Переваливъ гору, мы спустились на мысъ Венеры, гдѣ построенъ маякъ, и не вдалекѣ живетъ братъ короля, предложившій намъ завтракъ. По пути въ двухъ деревняхъ насъ встрѣчало населеніе съ вѣнками на головахъ, они пѣли пѣсни, танцевали и надѣли каждому изъ насъ по вѣнку изъ душистыхъ цвѣтовъ на шею. Мотивы пѣсенъ и танцы очень хороши, особенно понравилось пѣніе дѣтей.

Передъ завтракомъ надѣли еще по вѣнку, и все помѣщеніе было въ цвѣтахъ, пока не пригласили завтракать; проголодавшіеся офицеры ворчали, что вмѣсто ѣды преподносятъ только цвѣты. За завтракомъ подали сырую рыбу, поросенка, зажареннаго между камнями, разные плоды и фрукты. Съ удовольствіемъ проведя время, мы вернулись въ городъ и продолжали веселиться на площадкѣ, слушая французскую музыку.

Таитянки обращаютъ большое вниманіе на вѣнки, приготовленіе которыхъ доведено до возможнаго совершенства, въ большомъ ходу цвѣты гарденіи съ сильнымъ ароматомъ. Другое украшеніе, болѣе

заканчивающее туалетъ таитянской женщины, это вѣнокъ „piia“, сдѣланный изъ тонкой, бѣлой соломки, на вѣнокъ помѣщаютъ „reva—reva“, развѣвающееся какъ облако при малѣйшемъ дуновеніи воздуха. Эта „reva—reva“ не что иное какъ пучки прозрачныхъ, поразительно тонкихъ, неосязаемыхъ лентъ зеленовато-золотистаго цвѣта, которые таитянки извлекаютъ изъ сердцевины кокосовыхъ пальмъ.

Для полнаго описанія украшеній таитянокъ, надо упомянуть еще о „tiaré—miré“, предметъ, съ которымъ по значенію не можетъ сравниться ничто въ туалетѣ европейской женщины. Этотъ „tiaré“ въ родѣ зеленой георгины, которую въ парадныхъ случаяхъ женщины носятъ въ волосахъ немного выше уха, сдѣланъ искусственно: посаженный на тонкій тростниковый стебель, „tiaré“ составляется изъ листьевъ маленькаго растенія, очень ароматнаго и принадлежащаго къ рѣдкому виду чужеяднаго плауна, который растетъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ большихъ деревьевъ.

„Tiaré“ надѣвается на праздники, обѣды и танцы. Когда таитянка даетъ молодому человѣку свой „tiaré“, то этотъ зеленый цвѣточекъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе и даетъ обладателю большія права, о которыхъ въ Европѣ и мыслить не могутъ.

Вечеромъ, гуляя по тѣнистымъ аллеямъ, мы услышали звуки мѣстной музыки, естественно направились посмотрѣть и пришли не напрасно—мы увидѣли, какъ танцуютъ „упа-упа“. Прежде чѣмъ сказать о танцѣ, надо представить себѣ окружающую обстановку: прелестная, тихая ночь, нѣжныя пятна млечнаго пути и богатыя свѣтомъ созвѣздія давали всевозможные оттѣнки живому тропическому небу, южный крестъ стоялъ надъ тьмой, воздухъ теплый, безъ духоты, но полный аромата цвѣтовъ окружалъ кучку туземцевъ, расположившихся около хижины въ живописныхъ позахъ. Вдругъ на середину площадки, окруженной канаками, вышли дѣвушки, продѣлали нѣсколько движеній подъ аккомпаниментъ тамъ-тама и смѣшались съ толпой, но вотъ появилась мѣстная баядерка—она начала танцевать съ возрастающей быстротой и сладострастіемъ, казалось, не будетъ предѣла общему восторгу, но ударъ барабана остановилъ этотъ взрывъ веселья. На смѣну уставшихъ танцовщицъ являлись другія, и веселое настроеніе толпы то замирало, то поднималось, невольно увлеклись и мы, но ненадолго—насъ тянуло на берегъ моря отдохнуть отъ видѣннаго днемъ и полюбоваться картиной рейда.

Вдали виднѣлись темные силуэты судовъ, изрѣдка сновали шлюпки, плескомъ веселъ нарушая торжественную тишину, съ неба луна и звѣзды лили свой успокаивающій свѣтъ, все было удиви-

тельно хорошо, такъ упоительно прекрасно, что, казалось, нечего больше желать.

На другой день мы бродили по окрестностямъ, дошли до берега ручья въ тѣнистомъ, глухомъ уголкѣ. Ручей тихо струился по гладкимъ камнямъ, увлекая въ своемъ теченіи цѣлое поселеніе рыбокъ и мелкихъ насѣкомыхъ. Землю украшали во множествѣ тонкіе злаки, маленькія, нѣжныя растенія, лившія ароматъ. Ничто не нарушало тишины. Маленькія ящерицы, голубыя какъ бирюза, не боялись насъ, безстрашно бѣгали кругомъ, и кругомъ вились разнообразныя бабочки. Слышалось только тихое журчаніе воды и изрѣдка паденіе спѣлаго плода. Надо сказать, что въ лѣсахъ Таити не слышно пѣнія птицъ, уши жителей незнакомы съ этой музыкой, которая въ другихъ странахъ наполняетъ чащи лѣсовъ жизнью и веселіемъ. Въ густой тѣни никто не порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, никто не движется, и царитъ постоянная тишина. Только въ ущельяхъ на большой вышинѣ летаютъ фаэтоны, маленькія бѣлыя птицы съ длинными перьями на хвостѣ. Улеглись мы на травку и уходить не хотѣли изъ такой благодати.

16 ноября у насъ состоялся прощальный пріемъ, въ числѣ приглашенныхъ была одна голландская семья—красавица дочь влюбилась во флагъ-офицера В. Н. Фрид—са и непремѣнно хотѣла уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы выйти за него замужъ. Нашей молодежи идея похищенія пришлась по вкусу, составили планъ, какъ ее, переодѣтую въ матросскій костюмъ, привезти на крейсеръ въ день ухода, спрятать въ каютѣ и доложить начальству уже по выходѣ въ море. Наша милая блондиночка нэ слышала земли подъ собой отъ восторга и радовалась, какъ дитя, уложила вещи и съ нетерпѣніемъ ожидала условленнаго момента, который, однако, не наступилъ. Хотя всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какое выраженіе лица появилось бы у адмирала и командира при докладѣ, и какъ попало бы старшему офицеру, но мы старшіе чины воспротивились подобной неблагоразумной шуткѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей и осложненій для бѣдной голландочки и затѣмъ для всего крейсера. Огорченная красавица горько плакала, и мы съ трудомъ разлучили при прощаньѣ влюбленную парочку. Адмиралу въ добрую минуту разсказали, представивъ въ смѣшномъ видѣ, и все-таки онъ нахмурилъ брови. Мы полюбили острова Тихаго океана, ихъ природу и свободу, а потому съ грустью покинули (17 ноября) Таити при громѣ салюта и звукахъ музыки.

Прощай, роскошная природа, чудный ароматъ цвѣтовъ и чувство независимой, полной свободы на берегу, все хорошее, прощай! опять пойдутъ города, визиты, костюмы и проч. стѣсненія.

На переходѣ, какъ всегда, понемногу успокоились, забыли прекрасную голландку, зато вспомнили всѣ ученья, которыя командиръ отпускалъ намъ въ порядочной дозѣ.

29 ноября мы уже съ новымъ интересомъ смотрѣли на входъ въ бухту города Ауккланда на Новой Зеландіи. Относительно времени перехода надо отмѣтить, что мы перешли обратно первый меридіанъ, и потому одинъ день пропалъ—приказомъ адмирала послѣ 26 ноября настало 28-ое число.

При подходѣ къ Ауккланду открываются три сѣрыя, зубчатыя, поросшія мхомъ, скалы, высоко стоящія надъ поверхностью моря—это „три короля“, на одной изъ скалъ бѣлѣетъ маякъ. Затѣмъ крейсеръ, пройдя вдоль восточнаго берега, вошелъ въ просторный заливъ, въ глубинѣ котораго показались раскинутыя по холмамъ и въ долинѣ строенія Ауккланда.

Съ берега городъ не кажется очень большимъ, но за то когда пройдешь отъ пристани внутрь острова между высокими холмами по главной улицѣ (Queen's road) и взберешься по довольно крутому подъему вверхъ, то убѣдишься, что городъ раскинутъ гораздо далѣе по холмистой равнинѣ, перерѣзанной мѣстами обширными оврагами, на днѣ которыхъ стоятъ жилища.

Новая Зеландія пользуется умѣреннымъ климатомъ и, состоя изъ двухъ большихъ острововъ и одного малаго, представляетъ самостоятельный, своеобразный міръ, рѣзко противоположный сосѣдней Австраліи. Новая Зеландія изобилуетъ горами; многія изъ нихъ вѣчно покрыты снѣгомъ и ледниками, влажный воздухъ способствуетъ развитію богатой растительности. Въ прежнее время здѣсь росла гигантская пихта-доммара, теперь уже она стала рѣдкостью, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были пихтовыя рощи, находятъ цѣнную смолу, идущую на приготовленіе лака, сохранившаго названіе дерева. Этой смолы вывозятъ изъ Новой Зеландіи на большую сумму.

По приходѣ въ портъ, конечно, пошли визиты и приглашенія, но мы на нихъ туго поддавались, впечатлѣніе милыхъ острововъ еще не изгладилось, и мы смотрѣли на городъ, какъ на своего врага. Только однажды пріѣздъ симпатичнаго старика измѣнилъ наше настроеніе. Является почтенный старичекъ въ чичунчовомъ пиджакѣ съ соломенной шляпой,—можетъ быть, покажется страннымъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ приходитъ человѣкъ, изнемогающій отъ жары, но это очень просто—мы перешли въ южное полушаріе, гдѣ времена года наоборотъ, т. е. мы попали въ лѣтнее время (въ этомъ году у насъ было два лѣта и ни одной зимы). Старичекъ, отдохнувъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, обратился къ офицерамъ:

— „Господа, выручите меня, сегодня по лѣтнему положенію сняли ковры, и дочки просили васъ пріѣхать потанцовать“.

У насъ, обыкновенно, всѣ приглашенія на вечера идутъ черезъ губернатора, такимъ образомъ составляется и списокъ лицъ, приглашаемыхъ на суда во время оффиціальныхъ пріемовъ, а потому мы начали было упираться подъ разными предлогами.

— „Если вы не пріѣдете, то мои барышни опять меня пошлютъ просить васъ, пожалѣйте старика и не заставляйте меня возвращаться“.

Подкупленные его симпатичной наружностью и зная, что онъ былъ начальникомъ таможни, согласились пріѣхать, и довольный старикъ сейчасъ же удалился.

Вечеромъ неожиданно собралось насъ девять человѣкъ, надѣли эполеты, все честь-честью, вышли на берегъ нанимать экипажи (здѣсь кэбы, кучеръ сзади, правитъ черезъ крышу), вдругъ кучеръ спрашиваетъ больше одного фунта стерлинговъ (больше десяти рублей).

— „Отчего вы спрашиваете такъ дорого“? обратились мы къ кучеру.

— „Да вѣдь это очень далеко“.

Дѣлать нечего, сѣли, долго везли по неизвѣстнымъ улицамъ, наконецъ, кэбы остановились у небольшого домика въ саду, насъ пригласили снять пальто и почиститься въ „спальнѣ барышенъ“, оклеенной картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ. Тутъ насъ одолѣлъ хохотъ, думаемъ, вотъ влетѣли. Въ гостиной долго не могли успокоиться отъ хохота, но барышни не приняли это за насмѣшку (мы придумали причину смѣха), дѣло уладилось, и веселое настроеніе охватило всѣхъ присутствующихъ. Къ великому нашему удовольствію оказалось восемь барышенъ, ни одной мамаши, тетушки или другого подобнаго балласта, изъ мужчинъ былъ только самъ старикъ, да еще таперъ. Мы быстро оріентировались и почти не мѣнялись дамами во время танцевъ въ теченіе всего вечера, только у одной дамы было два кавалера. Послѣ каждаго танца мы выходили въ садъ гулять по аллеямъ и сидѣть на скамейкахъ. Сколько было поэзіи—чудный вечеръ, луна мягко льетъ свой нѣжный свѣтъ, легкій зефиръ освѣжаетъ разгорѣвшіяся личики отъ вихря вальса и теплыхъ разговоровъ. Играетъ, играетъ таперъ ритурнель, а наши какъ будто и не слышатъ или, можетъ быть, не успѣвали въ антрактѣ между танцами высказать, что хотѣлось, и потому опаздывали къ танцамъ.

Послѣ этого пріятнаго вечера знакомство укрѣпилось, бывали другъ у друга нѣсколько разъ, обмѣнялись фотографическими карточками, оставили имъ на память разныя вещи, и обѣщали вести переписку

Нашъ англичанинъ удивлялся и спрашивалъ:

— „А какъ же переписка съ Америкой?“

— „Ну когда еще оттуда получимъ, тутъ ближе, будемъ писать въ Аукландъ“.

Мистеръ Дефрей покорялся и продолжалъ добросовѣстно исправлять наши письма.

По поводу приглашенія въ семейство Юнгъ, о которомъ сейчасъ вели рѣчь, вспомнился случай съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Однажды въ часы, назначенные для посѣщенія публикой крейсера, въ числѣ другихъ, пріѣхала хорошо одѣтая дама съ двумя миленькими дочками. Мичманъ С. пошелъ съ ними по крейсеру, все показалъ и разсказалъ, поглядывая на дочекъ; при прощаньѣ онѣ, въ отвѣтъ на его любезность, пригласили въ театръ въ тотъ же день.

С. вооружился конфектами для входа въ ложу и незамѣтно провелъ вечеръ, мадамъ приглашала мичмана бывать у нихъ запросто. Каково же было изумленіе С—ва, когда на слѣдующій день эта дама пріѣхала на крейсеръ въ качествѣ прачки за грязнымъ бѣльемъ, конечно, товарищи такого случая не пропустили—всѣ ужасно смѣялись и при каждомъ случаѣ травили чуть не до конца плаванія.

4 декабря городъ далъ „Complimentary dinner“ въ залѣ городской думы въ честь адмирала, командира и офицеровъ крейсера. По обыкновенію, все было прекрасно, начиная съ обстановки, любезности хозяевъ и кончая грандіознымъ меню, которое нельзя не привести въ точной копіи:

M E N U.

Oysters aux naturel.

S o u p s.

Spring à la Royale, Consommé.

F i s h.

Turbaus of Mullet.—Sauce Béchamel.
Fillet of Schnapper au supréme.

E n t r é e s.

Compôte of pigeon.
Petits pâtées à la Duchesse.
Epigrams of chickens.
Lamb cotlets and green peas.
Sweet breads à la champagne.

R e m o v e s.

Roast saddle mutton.—Red currant Jelly.
Boiled Turkey and Celery sauce.
Roast Ducks and green peas.
Roast Sirloin Beaf,—Horse radish sauce.
Roast Goose and apple sauce.
Boiled ox tongue.
Braised York Ham.

G a m e.

Roast Guinea Fowe and bread sauce.
Roast Hare and game sauce.

E n t r e m e t s.

Cabinet pudding. Gelée à la champagne,
Charlotte à la Russe. Trifle.
Gooseberry Tort à la Neige. Macedoine of strawberries.
Orleans pudding. Savoy cake.
Tipsy cake.

R e m o v e s.

Caviare toast. Mayonnaise of chicken.

I c e s.

Strawberry cream. Nesselrode Pudding.

D e s s e r t in s e a s o n.

Къ этому меню надо прибавить 25 сортовъ винъ. Стараясь всегда относиться добросовѣстно къ каждому дѣлу, за этимъ обѣдомъ погрѣшили—всего не могли даже попробовать.

Передъ уходомъ изъ Аукланда насъ еще разъ торжественно привѣтствовали въ концертномъ залѣ, пригласивъ на концертъ въ пользу госпиталя и убѣжища для стариковъ. Концертъ давался Обществомъ хорового пѣнія съ оркестрами подъ управленіемъ Карла Шмидта по слѣдующей программѣ:

1. Overture „Masaniello“ (Auber).—Orchestra.
2. Part Song „Let the Hills resound“ (Richards).
3. Song „Sing, sweet Bird“ (Ganz).
4. Part Song (Male Voices) „Hark, the Merry“.
   Drum (Krugh).
5. March „Tannhauser“ (Wagner)—Orchestra.
6. Song „The Storm“.
7. Duet Concertante (Violin and Piano).
   „Cenerentola“ (Osborne and De Beriot).—Herr Carl Schmitt and m-r Angelo Forrest.

8. Part Song „The Fairies Recall“ (Carl Schmitt).
9. Song „Clochette“ (Molloy).
10. Overture „Poet and Peasant“ (Suppe).—Orchestra of choral Society.
11. Part Song „Carnovale“ (Rossini).
12. Song (with Violin Obligato) „Berceuse“ (Gounod).
13. Part Song (Male Voices) „the Three chafers“.
14. Valse „Delaware Klänge“ (Dungl)—Orchestra.

Въ афишахъ стояло примѣчаніе: „съ согласія Комитета Общества хорового пѣнія, прессы Аукланда, г.г. Upton и K⁰, г.г. Champtaloup and Cooper, и г.г. Atkin, полный сборъ съ „Matinée“ поступаетъ на нужды Убѣжища и экстренный расходъ на Рождествѣ“.

Кратковременная стоянка въ Аукландѣ не дала возможности побывать въ окрестностяхъ и воспользоваться всѣми приглашеніями. Мы ушли изъ Аукланда 7 декабря въ Австралію.

Глава VII.

Австралія.

Изъ Аукланда крейсеръ Африка направилъ свой путь по сѣверной части Новой Зеландіи и 15 декабря отдалъ якорь въ портѣ Джаксонъ города Сиднея въ южной Австраліи. Эта обширная бухта сразу производитъ пріятное впечатлѣніе своими берегами, покрытыми богатой растительностью; вдали виднѣется масса домовъ—это Сидней, а на заднемъ планѣ рисуются въ туманѣ горизонта вершины Голубыхъ горъ. Сидней—главный городъ и центръ штата Новый Южный Валлисъ, онъ первый и старѣйшій городъ Австраліи. Самъ городъ расположенъ въ четырехъ миляхъ отъ моря и сообщается съ портомъ Джаксонъ посредствомъ желѣзной дороги. Впослѣдствіи катаясь по городу, мы любовались на главной улицѣ („Георга и Питта“) прекрасными зданіями, а въ окрестностяхъ восторгались садомъ и паркомъ.

Къ приходу крейсера прибылъ адъютантъ генералъ-губернатора поздравить адмирала съ благополучнымъ приходомъ и передать, что генералъ-губернаторъ ожидаетъ адмирала на слѣдующій день въ часъ дня. По этому поводу произошелъ слѣдующій разговоръ:

Адмиралъ спрашиваетъ:—„А кто меня будетъ встрѣчать“?

Адъютантъ замялся и говоритъ:—„Мнѣ кажется, никто, Ваше Превосходительство“.

— „Ну, передайте вашему генералъ-губернатору, что я не поѣду". Смущенный адъютантъ уѣхалъ. Возвратившись черезъ нѣсколько времени, адъютантъ доложилъ адмиралу:

— „Для Вашего Превосходительства на пристани будетъ подана коляска генералъ-губернатора, сопровождать будутъ адъютанты верхомъ, для встрѣчи на пристани назначенъ почетный караулъ въ составѣ роты со знаменемъ и музыкой и въ моментъ вступленія на берегъ—крѣпость произведетъ установленный салютъ съ подъемомъ русскаго флага".

— „Вотъ теперь я поѣду", сказалъ адмиралъ и довольный спустился къ себѣ въ каюту.

На берегу, конечно, этотъ эпизодъ получилъ извѣстность, и результатъ получился прекрасный: тамъ поняли, что съ адмираломъ надо соблюдать извѣстныя правила. Намъ вездѣ оказывали полное вниманіе, присылали массу приглашеній и выдали каждому офицеру именной почетный билетъ для проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Австраліи, хотя только-что состоялось постановленіе объ отмѣнѣ этихъ билетовъ.

Въ виду приближавшихся праздниковъ Рождества Христова, командиръ крейсера поручилъ командиру роты приготовить матросскій спектакль; выбрали пьесу, декораціи написали сами, а для шитья костюмовъ пригласили портниху изъ города, поторая была удивлена данными ей заказами и много смѣялась, снимая мѣрки женскихъ платьевъ съ матросовъ.

Въ ближайшее воскресенье мы собрались прокатиться въ Ботаническій садъ; пріятно ѣхать въ хорошемъ экипажѣ по гладкой дорогѣ да еще предвкушая хорошій обѣдъ. Накатавшись вдосталь, шикарно подкатили къ лучшему отелю, вошли уже чувствуя голодъ, рѣшивъ составить приличное меню, но, увы! Сидней подверженъ жестокому правилу не готовить кушанья по воскресеньямъ, такъ какъ прислуга изволитъ гулять (по-нашему, совершенно напрасно пускать каждое воскресенье), а господа должны довольствоваться какими-то холодными блюдами и консервами. Съ горя пошли въ церковь, гдѣ намъ указали мѣста, дали по книжкѣ, и мы пѣли вмѣстѣ со всѣми, что полагается.

25 декабря состоялся спектакль въ жилой палубѣ крейсера; декораціи работы фельдшера Курбатова, превзошли всякія ожиданія по исполненію данныхъ темъ. Спектакль почтили своимъ присутствіемъ адмиралъ, командиръ, семейство консула и офицеры „Вѣстника" и „Пластуна". Послѣ увертюры, исполненной нашимъ оркестромъ подъ управленіемъ капельмейстера Дитша, подняли красивую занавѣсь и дружно сыграли пьесу: „Барина дома нѣтъ", за-

тѣмъ были четыре живыя картины и дивертиссементъ. По окончаніи спектакля публика неоднократно вызывала исполнителей и распорядителя.

29 декабря устроили международную гонку, на участіе въ которой изъявили согласіе всѣ суда, стоявшія тогда на рейдѣ, а именно: французское—„D' Estrees", нѣмецкое „Moewe", англійскія—„Wolverene", „Nelson", „Emerald", „Renaru", „Lark", „Miranda", „Cormorant", „Alacrity'Sandely", „Beagle". Дистанцію для парусныхъ шлюпокъ назначили въ шесть миль, а гребныхъ двѣ мили. Наше торжество пріѣхали смотрѣть: лордъ Августъ Лофтусъ съ супругой, консулъ съ семьей и другіе приглашенные адмираломъ; всѣхъ гостей съ успѣхомъ занялъ нашъ медвѣдь, котораго привели къ нимъ за лапу—сначала боялись мохнатаго звѣря, но потомъ, видя его добродушную физіономію, возились съ нимъ безъ устали.

Парусную гонку открыли катера, первымъ пришелъ—африканскій, изъ вельботовъ нашъ шелъ все время первымъ, но у него сломалась мачта, и первенство перешло къ французскому вельботу. Англійскій катеръ и нашъ второй вельботъ перевернулись, людей спасли. Подъ веслами всѣ африканскія шлюпки по всѣмъ категоріямъ взяли первые призы—это былъ нашъ полный тріумфъ. Въ газетахъ писали, что прошло время первенства англичанъ—теперь сѣверный медвѣдь побѣждаетъ и входитъ въ силу.

Изъ-за постоянныхъ приглашеній, намъ только 30 декабря удалось использовать полученные желѣзнодорожные билеты. Утромъ выѣхали изъ Сиднея; сначала поѣздъ шелъ по плоской равнинѣ, изрѣдка пересѣкаемой холмами, и казалось, что все время продолжается предмѣстье Сиднея. За мѣстечкомъ Параматта пошли лѣса плодовыхъ деревьевъ, далѣе поѣздъ, прорѣзавъ долину, гдѣ водился австралійскій страусъ, подошелъ къ подъему на Голубыя горы. Поднимаясь все выше и выше черезъ небольшіе лѣса и глубокія, часто съ отвѣсными стѣнками, ущелья—поѣздъ доходитъ зигзагами съ двумя локомотивами до четырехъ тысячъ футъ.

Не отличаясь богатствомъ растительности, Голубыя или Синія горы все-таки даютъ красивую панораму, особенно сверху. Мѣстами открываются обширныя долины, покрытыя травой или пашнями, въ другомъ мѣстѣ видны верхушки другихъ менѣе высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. На самомъ верху подъема въ очень опасномъ мѣстѣ поѣздъ уменьшаетъ ходъ, чтобы дать возможность публикѣ полюбоваться и выглянуть въ окно на пропасть, у которой не видно дна—многіе отказывались отъ такого пріятнаго зрѣлища. Мы проѣхали 253 версты до города Батурста, лежащаго по другую сторону Голубыхъ горъ среди песчаной степи. Улицы города ши-

рокія, обсажены деревьями, хотя не много защищающими отъ ужасной пыли, воздухъ раскаленъ—ни до чего не дотронешься: все горячо. Мы прибыли въ Батурстъ въ 6 часовъ вечера, переодѣвшись въ отелѣ, гуляли по городу, съ нетерпѣніемъ поджидая обѣда. Дѣло въ томъ, что мы не взяли съ собой провизіи, буфетовъ же нигдѣ нѣтъ, а потому мы совершили сіе пріятное путешествіе безъ всякой пищи въ теченіе цѣлаго дня. Послѣ обѣда опять гуляли по городу до отхода дилижанса, везущаго путешественниковъ на станцію желѣзной дороги. Въ вагонѣ было много народа; пришлось всю ночь сидѣть въ тѣснотѣ. Утромъ прибыли въ Сидней. Встрѣча новаго года прошла у насъ самымъ скромнымъ образомъ—только поздравили другъ друга и разошлись по своимъ каютамъ... Тяжело встрѣчать новый годъ на чужбинѣ, вдали отъ своихъ близкихъ.

1 января 1882 года послѣ скучныхъ оффиціальностей, мы поспѣшили удрать по желѣзной дорогѣ въ Параматта вмѣстѣ со старшимъ офицеромъ къ его знакомому господину Ровсонъ, который съ семействомъ былъ на Африкѣ съ визитомъ и чтобы пригласить къ себѣ въ гости офицеровъ посѣтить его имѣніе. Намъ показали хозяйство, кирпичный заводъ и рубку лѣса, а главное накормили хорошимъ обѣдомъ, зато мы играли съ барышнями въ четыре руки.

На другой день ушли изъ Сиднея и 5 января пришли въ бухту Stormbay города Гобартъ на островѣ Тасманія (бывшее названіе его Вандименова земля). Островъ покрытъ множествомъ горъ, изъ которыхъ Cradle въ провинціи Lincoln достигаетъ 5.069 футъ, Bon Lomond въ Cornwall—5.010 футъ, кромѣ того имѣется больше 4.000 ф.—15, до 4.000 ф.—67 и до 1.000 ф.—13 горъ. Изъ приведенныхъ цифръ можно представить себѣ картину этого сравнительно небольшого острова. Столица острова, Гобартъ-таунъ расположенъ на правомъ берегу широкаго устья рѣки Дервентъ, по холмамъ, образовавшимъ здѣсь нѣчто въ родѣ неправильныхъ террасъ; такое своеобразное мѣстоположеніе даетъ городу живописный видъ.

7 января мы уже танцовали на балу въ честь эскадры въ порядочномъ залѣ, но подъ плохую музыку; одно утѣшеніе было, что здѣсь женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и по самой простой причинѣ: на лѣто сюда пріѣзжаютъ изъ Мельбурна и Сиднея цѣлыя семьи кромѣ отцовъ и служащихъ сыновей, остающихся въ городѣ вести свои дѣла.

Слѣдующій день ознаменовался поѣздкой внутрь страны по приглашенію мадамъ Скоттъ. Сборнымъ пунктомъ была назначена пристань, съ которой всѣ перешли на небольшой пароходъ, чтобы под-

няться вверхъ по рѣкѣ. Публики набралось столько, что едва нашли мѣсто приткнуться, не говоря о какомъ-либо комфортѣ, но мы, какъ истые россіяне, не отчаявались и надѣялись на лучшее будущее. По пути слѣдованія парохода виды не представляли ничего привлекательнаго, также и лужайка, около которой остановился пароходъ послѣ довольно продолжительнаго плаванія.

Согласившись собраться къ 5 часамъ, всѣ разбрелись въ разныя стороны, больше, все парочками, мечтать въ глубинѣ и тиши лѣсовъ. Кромѣ адмирала и командировъ, прилагавшихъ усилія избавиться отъ прогулки въ обществѣ почтенныхъ лэди, нашлась еще троица (докторъ П. М. Губаревъ, Э. Г. Егерманъ и мичманъ Р.), пытавшихся незамѣтно скрыться съ площадки, но, увы... зоркій взглядъ хозяйки своевременно замѣтилъ маневръ, и бѣдное тріо, несмотря на легкій протестъ, было награждено двумя немолодыми барышнями, оставшимися за разборомъ другихъ. Дѣлать нечего—побрели въ лѣсъ, по лужайкамъ, глубокомысленно смотрѣли на деревья и окружающую природу, особой красоты въ барышняхъ... виноватъ, въ ландшафтахъ не нашли, хотя съ большимъ интересомъ разсматривали неизвѣстныя породы деревьевъ, которыя мѣняютъ кору вмѣсто листьевъ.

Къ назначенному сроку не опоздали, даже ухитрились несмотря на протестъ спутницъ, придти на площадку раньше, куда манила уже приготовленная холодная закуска. Съ парохода принесли одинъ стулъ, тогда возникъ вопросъ: кто изъ дамъ на него сядетъ; навѣрно было бы масса обидъ, неудовольствій, разныхъ шпилекъ и прочихъ любимыхъ дамскихъ развлеченій. Адмиралъ, видя нѣкоторое замѣшательство, разрѣшилъ вопросъ по-своему—самъ сѣлъ на стулъ, а дамамъ предложилъ красивымъ жестомъ руки, расположиться около него на травѣ, и всѣ успокоились, благодаря его за находчивость.

По возвращеніи въ городъ тріо, оставшись джентльменами до конца, пошло провожать своихъ спутницъ до дому; онѣ оказались изъ хорошей богатой семьи Watchorn, жившей на собственной чудной дачѣ. Прекрасный фруктовый садъ, масса громадныхъ магнолій въ цвѣту и отличный ужинъ привели или вѣрнѣе уравновѣсили настроеніе.

Въ одинъ изъ дней наша музыка играла въ Ботаническомъ саду при большомъ стеченіи народа.

Наконецъ, рѣшили устроить эскадренный балъ въ отвѣтъ на всѣ приглашенія намъ какъ здѣсь, такъ и въ Сиднеѣ, для органи заціи выбрали съ каждаго судна по два офицера и отъ штаба В. Н. Фридерикса. Африканскій распорядитель мичманъ Р. изъ-за хло-

потъ по балу не попалъ на гарденъ-парти къ одному лорду, но на балъ къ губернатору (Sir G. C. Straham) все-таки улучилъ время: надо же потанцовать со знакомыми барышнями.

Вспоминая про балъ у губернатора, нельзя обойти молчаніемъ замѣчательное прохожденіе губернаторомъ службы, справку о которой мы получили на берегу:

Sir George Cumine Straham. Въ 1857 году вышелъ въ офицеры въ одну изъ артиллерійскихъ бригадъ.

1859 — назначенъ адъютантомъ къ Гладстону на Іоническіе острова.

1859—17 февраля—къ Storts тоже адъютантомъ

1858—главнымъ секретаремъ къ губернатору Мальты.

1869—колоніальнымъ секретаремъ Багамскихъ острововъ.

1871—1873—губернаторомъ тѣхъ же острововъ.

1873—администраторомъ Лагоса.

1874—губернаторомъ колоній Золотого берега.

1876—тоже Windward Island.

1880—тоже Тасманіи.

1880—(въ концѣ года) и. д. Главнаго начальника гражданской части на мысѣ Доброй Надежды и Южной Африки.

1881—вернулся губернаторомъ Тасманіи.

Карьера самая головокружительная и разнообразная.

12 января съ утра царитъ хаосъ, „Африка“ неузнаваема—на верхней палубѣ все сняли, что можно, поставили тенты, убрали внутри флагами и зеленью. Жители города прислали массу зелени и цвѣтовъ для бала, матерію для покрышекъ дивановъ, сдѣланныхъ изъ коекъ, взяли на прокатъ, также какъ и нѣкоторую мебель. На машинномъ люкѣ былъ устроенъ старшимъ механикомъ А. А. Микковымъ среди роскошной зелени прекрасный фонтанъ.

На шкафутѣ (часть верхней палубы между гротъ и фокъ-мач тами) съ одной стороны пріютился открытый буфетъ, а на другой сторонѣ выстроились вѣшалки для платья. Въ жилой палубѣ накрыли столы для ужина, заказаннаго на берегу на 450 человѣкъ. Въ электрическомъ освѣщеніи недостатка не было, нашъ минный лейтенантъ А. Т. Тарасовъ блеснулъ во всю.

Скоро 8 часовъ... Распорядители волнуются, больше всѣхъ флагъ-офицеръ, онъ уже забылъ Таити съ ея прелестной голландкой, и теперь мысли заняты, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ какой-то англичаночкой, успѣвшей покорить его сердце.

Англичане аккуратны, въ назначенный часъ стали валомъ валить съ берега на шлюпкахъ, съ эскадры, офицеры едва успѣвали встрѣчать на трапахъ и провожать гостей по верхней палубѣ.

Вечеръ прошелъ очень оживленно, особенно понравился котильонъ съ турами и мазурка, впрочемъ, все хвалили какъ въ газетахъ, такъ и на другой день, который мы провели въ большомъ обществѣ у мадамъ Камеранъ, гдѣ собрались наши знакомые, чтобы проститься съ нами передъ уходомъ эскадры изъ Гобарта. Вечеромъ не утерпѣли забѣжать къ Watchorn отдохнуть среди чудныхъ ароматныхъ магнолій и проститься хотя со старенькими, но все-таки очень милыми барышнями.

Балъ обошелся въ очень крупную сумму, но расходъ легъ не особенно обременительно на офицеровъ, благодаря особой раскладкѣ: адмиралъ внесъ значительную часть, затѣмъ остатокъ распредѣлили на три части по числу офицеровъ на каждомъ суднѣ, гдѣ командиры приняли на себя половину, такимъ образомъ осталась сравнительно небольшая часть, которую разложили пропорціонально получаемому содержанію.

14 января ушли изъ порта несмотря на дурную погоду, адмиралъ не хотѣлъ измѣнять программу плаванія, но все-таки не удалось сохранить ее неприкосновенной, такъ какъ штормъ заставилъ зайти въ бухту Fires-bay, и только 18 января при достаточно сильномъ вѣтрѣ добрались до бухты Филиппъ въ гавань города Мельбурна, который отстоитъ отъ берега въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. На берегу же непосредственно лежитъ городъ Sandrindge, немного далѣе St. Kilda и Williams Town съ доками.

Мельбурнъ столица Австраліи и штата Викторія, расположенъ на живописной, слегка холмистой рѣки Ярра на разстояніи шести километровъ отъ ея впаденія въ заливъ Филиппъ. Крейсеръ сталъ на якорь недалеко отъ мола, по которому ходятъ поѣзда отъ тутъ же стоящей станціи, около мола швартовятся пароходы для выгрузки и нагрузки товаровъ. Поѣздъ, пройдя двѣ мили, останавливается на станціи въ улицѣ Флиндеръ. Самый городъ состоитъ изъ небольшого количества длинныхъ, пересѣкающихся между собою улицъ (Коллингсъ стритъ, Буркъ стритъ и др.). Постройки красивы, особенно помѣщенія банковъ, клубовъ, также правительственныхъ учрежденій. Оживленіе на улицахъ необычайное—масса экипажей, омнибусовъ и публики снуютъ по улицамъ и мосту черезъ Ярру. Нельзя также не упомянуть о прекрасномъ паркѣ, въ которомъ можно встрѣтить много сортовъ австралійской и европейской флоры.

На другой день мы перешли въ Williams Town, чтобы войти въ докъ для окраски подводной части. До 27 января намъ не было передышки отъ судовыхъ работъ, особенно возились съ выгрузкой и нагрузкой пороха—несмотря на усталость къ вечеру,

мы находили возможность иногда съѣздить вечеромъ въ театръ, ѣзды по желѣзной дорогѣ въ Мельбурнъ всего полчаса.

По окончаніи работъ крейсеръ вернулся въ Sanbrigde на старое мѣсто недалеко отъ молла.

Вскорѣ получили приглашеніе на обѣдъ отъ городской думы, въ прекрасномъ залѣ, былъ и обѣдъ прекрасный изъ слѣдующаго меню:

M E N U.

Oysters on shell.
Caviar on toast.

S o u p.

Ouka à la Czarina.—Julienne.

F i s h.

Boiled Hobarton Trumpeter à la Hollandaise.
Fried Fillet Whiting à la Tartar.

E n t r é e s.

Vol-au-vent financière.
Ducks and olives.
Lamb cotlets and peas.

R e m o v e s.

Roast Turkey aux champignon.
Boiled Turkey and oyster sauce.
Roast chicken.
Boilet chicken.
Roast Duck.
Fillet Beaf à la chasseur.
York Ham.
Ox Tongue.
Saddle Lamb.

P u n c h r o m a i n.

G a m e.

Quail (бекасы).
Wild Turkey.

P u d d i n g.

Alexandra à la crême.
Alexandra à la maréchal.

E n t r e m e t s.

Jelly kirsch. Jelly Maraschino. Jelly Plain.
Italian cream. Chocolate cream.
Charlotte Russe. Patisséries.
Ice Pudding à la Richélieu.

Fondues.

Ices. Dessert. Café.

W i n e s.

Champagne Moet et Chandon Gold top extra super.
Chablis. Chateau la Rose, Claret cup.
Schloss Iohannisberg, Rüdersgeimer.
Amontillado Sherry.
Old Port
Australian Wines.
Pale Brandy, Old scotch whisky, Forter's al, Burke staut.

Aeroted Waters.

На обратной сторонѣ меню былъ напечатанъ списокъ тостовъ, которые должны быть произнесены:

1. За здоровье Ея Величества Королевы.

2.—Ихъ Императорскихъ Величествъ Россійскаго Императора и Императрицы.

3.—Ихъ Королевскихъ Высочествъ Принца и Принцессы Валлійской и другихъ членовъ Королевскаго дома.

4.—Его Превосходительства Губернатора.

5.—Адмирала Асланбегова, командировъ и офицеровъ русской эскадры.

8.—Министровъ Ея Величества въ Викторіи.

7.—Ихъ чести судей.

8.—Консуловъ.

9.—Парламента.

10.—Прессы.

11.—Дамъ.

По окончаніи вышеуказаннаго меню, со стола все убрали, подали батареи винъ, фрукты, сласти и, когда розлили шампанское, начались сначала назначенные тосты, а затѣмъ рѣчи, при чемъ каждый ораторъ требовалъ, чтобы бокалы до начала его рѣчи были осушены и съ началомъ рѣчи вновь наполнены.

Нашъ адмиралъ, вообще владѣвшій даромъ слова, произнесъ прекрасную рѣчь, приведшую публику въ неистовый восторгъ. Адмиралъ говорилъ по-русски, а на англійскій языкъ переводилъ его флагъ-офицеръ лейтенантъ А, М. Абаза, свободно владѣвшій этимъ языкомъ. Присутствующіе были поражены оборотомъ рѣчи, адмиралъ сказалъ:

—„Господа я выхожу изъ залы—пауза (общее смущеніе), я буду говорить о гостепріимствѣ англійскихъ колоній, ранѣе нами посѣщенныхъ“ (всѣ вздохнули свободно).

Черезъ нѣсколько времени адмиралъ сказалъ: „теперь я возвращаюсь въ залу“ и началъ говорить о настоящемъ пріемѣ.

Дружеская бесѣда затянулась если не за полночь, то во всякомъ случаѣ на довольно продолжительное время, и мы не скучали.

Въ промежутокъ между 30 января и 8 февраля англичане устроили гонку гребныхъ судовъ, чтобы отомстить за Сиднейскую, при этомъ пустили гоночныя шлюпки съ особыми гребцами, не принимая нашего протеста, и всѣми неправдами добились нѣкотораго успѣха.

Въ свободное время мы посѣщали театры, знакомыхъ, танцовали у консула и сами принимали гостей. Барышни удивлялись, видя насъ бѣлыми—онѣ думали, что мы чернокожіе и ѣдимъ сальныя свѣчи. Чтобы немножко ихъ проучить, мы пригласили нѣсколько знакомыхъ семействъ къ намъ обѣдать, составивъ очень хорошее меню.

Старшій штурманъ Э. Г. Э—ъ сѣлъ между двумя барышнями и началъ говорить одной изъ нихъ передъ каждымъ блюдомъ:

—„Вы знаете, что будете ѣсть“?

—„Нѣтъ“.

—„Это супъ изъ сальныхъ свѣчей“.

Барышня дѣлаетъ видъ, что ѣстъ, а сама не проглотила ни одной ложки, та же исторія была и съ другими блюдами. Обѣдъ удался на славу, всѣ ѣли съ аппетитомъ, только одна барышня осталась голодной, именно та, которая спрашивала, правда ли, что мы ѣдимъ сальныя свѣчи.

Послѣ обѣда Э. Г. Э—ъ громко разсказалъ свою продѣлку при общемъ хохотѣ, а бѣдная барышня чуть подъ столъ не свалилась отъ стыда.

Однажды мы были приглашены на большой обѣдъ къ H. D. Esterre Täylor; обѣдъ шелъ чинно, до обѣда хозяинъ прочиталъ молитву, разговаривали тихо и немного, только за сладкимъ блюдомъ одинъ изъ насъ произнесъ какую-то фразу про яблочный пирогъ, и вдругъ весь столъ прыснулъ отъ хохота, вся чопорность пропала, и обѣдъ кончился очень весело, но только англичане такъ и не сказали, что обозначало слово, такъ ихъ развеселившее.

8 февраля мы получили торжественное приглашеніе на концертъ Общества „Metropolitan Lidertafel“, имѣющаго собственный оркестръ, хоръ и солистовъ. Адмиралъ и командиръ почему-то не поѣхали, лейтенанты также, пришлось мичману Р. быть представи-

телемъ. При входѣ нашемъ въ залу (по величинѣ точно манежъ) вся публика, наполнявшая залъ, встала, и раздались величественные звуки русскаго гимна. Насъ посадили въ особыя кресла, впереди перваго ряда, рядомъ съ президентомъ общества, очень почтеннымъ старичкомъ и членами комитета [1]).

Всѣ нумера исполнялись прекрасно, гвоздемъ же концерта былъ романсъ „Морозъ", исполненный госпожею Босма по-русски. Публика особенно апплодировала, когда г-жѣ Босма мы поднесли букетъ съ бѣлыми и голубыми лентами.

Послѣ концерта намъ предложили холодный ужинъ съ неизбѣжными рѣчами.

Въ Мельбурнѣ у насъ сбѣжалъ буфетчикъ, подговорившій матроса-вѣстового украсть у офицера порядочную сумму денегъ. Бѣглецы, переодѣвшись на берегу въ вольное платье, поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Сидней, разсчитывая тамъ сѣсть на пароходъ, идущій въ Европу; но незнаніе языка ввело ихъ въ ошибку, и они очутились въ поѣздѣ, идущемъ внутрь страны по строющейся дорогѣ. На конечной станціи полиція ихъ арестовала и вернула въ Мельбурнъ, увѣдомивъ насъ о задержаніи, при чемъ сообщала, что мы можемъ взять бѣглецовъ подъ своимъ конвоемъ, уплативъ за каждаго по 7 фунтовъ стерл., т. е. по 70 рублей. Дѣлать нечего, заплатили деньги и отдали бѣглецовъ подъ судъ, это былъ единственный случай за все плаваніе съ нашей прекрасно дисциплированной командой.

Несмотря на оказываемое намъ видимое вниманіе и удобную стоянку, мы были рады уйти 12 февраля изъ Мельбурна, хотя внутренно было жаль покинуть веселый городъ безъ стѣснительныхъ правилъ. Причина, ускорившая нашъ уходъ и заставившая этому радоваться—были ежедневныя газетныя статьи, въ которыхъ помѣщались непріятныя вещи и клевета.

Въ газетахъ открыто выражали боязнь, что эскадра пришла высмотрѣть и опредѣлить возможность завоеванія австралійскихъ колоній. Вотъ, напримѣръ, слѣдующая выдержка изъ газеты (составляющая точный переводъ) можетъ дать понятіе о предположеніяхъ англичанъ.

Выдержка изъ газеты „The Ade" Thursaday. March 23. 1882.

Русскіе планы на Мельбурнъ. Важныя разоблаченія.

„Мы желаемъ сдѣлать вступленіе къ слѣдующему за симъ обозрѣнію, предупредивъ, что оно подлинное и достовѣрное, и что мы

[1]) Комитетъ состоялъ: Покровитель—H. E. The marquis of Normandy, президентъ—The Hon. T. T. Gassy, Conductor.—M-r Julius Berz.

теперь публикуемъ его съ намѣреніемъ указать цѣль посѣщенія русской эскадры этихъ колоній, а также неизбѣжную опасность нападенія въ случаѣ войны между Россіей и Великобританіей, которое въ особенности угрожаетъ Мельбурну. Чтобы быть въ состояніи удовлетворить общественное любопытство на столько, на сколько въ нашей власти, мы даемъ подробности обстоятельствъ, которыя повели къ важнымъ разоблаченіямъ, сдѣланнымъ здѣсь въ томъ порядкѣ, какъ они случились. Въ прошлую пятницу господинъ, повидимому иностранецъ, по имени Генри Брайантъ далъ свѣдѣнія, излагаемыя ниже, и вступивъ съ нами въ секретное соглашеніе, выразилъ желаніе снабжать свѣдѣніями о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ адмирала Асланбегова въ этихъ видахъ. Въ отчетѣ, который онъ далъ въ другомъ мѣстѣ о его сношеніяхъ съ адмираломъ, онъ представилъ себя какъ лицо, бывшее въ конфиденціальныхъ отношеніяхъ съ нимъ, настолько, что Брайантъ былъ приглашенъ присутствовать при составленіи длинной, шифрованной депеши въ отвѣтъ на такую же русскаго морского министерства, въ которой сообщались адмиралу инструкціи на время стоянія эскадры въ этихъ водахъ и назначалось движеніе судовъ послѣ ухода изъ бухты Гудсона.

„Этотъ шифръ въ настоящее время у г. Брайантъ, и онъ предлагаетъ его правительству, въ случаѣ, если это донесеніе будетъ подъ сомнѣніемъ, сравнить съ оригиналомъ, лежащимъ въ телеграфномъ бюро, за передачу котораго адмиралъ заплатилъ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Въ этихъ двухъ депешахъ, а именно: изъ морского министерства адмиралу Асланбегову и въ отвѣтѣ адмирала министерству были изложены свѣдѣнія, на которыя мы обращаемъ вниманіе общества и правительства. Ихъ содержаніе вполнѣ обнаруживаетъ цѣль посѣщенія адмирала и, что равно интересно—оно показываетъ, что Россія не только готовится къ военнымъ дѣйствіямъ въ Тихомъ Океанѣ, но что она имѣетъ въ виду войну съ Англіей.

„Эскадрѣ приказано отправиться изъ Шанхая на Фиджи за углемъ, съ островов Фиджи въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды—въ это время война будетъ объявлена—изъ Нумеи или Канала броситься на австралійскія колоніи.

„Мельбурнъ выбранъ предпочтительно передъ Сиднеемъ, какъ болѣе доступный и менѣе защищенный, сумма контрибуціи назначена: съ Викторіи—5 милл. фунтовъ, съ Сиднея—5 милл. ф., съ Аделаиды—2 милл. ф., съ Брисбана—1 милл. 600 тыс. фунтовъ стерлинговъ.

„Г. Брайантъ, сообщившій намъ это, говоритъ, что когда сумма была

назначена, онъ сказалъ, что сумма слишкомъ велика, и по его мнѣнію внесена быть не можетъ. На это адмиралъ отвѣтилъ: „я лучше освѣдомленъ“.

„Г. Брайантъ, который сражался подъ начальствомъ Гарибальди и въ прусско-французской войнѣ, разсказалъ намъ, основываясь на собственномъ опытѣ, какъ обыкновенно побѣдители взимаютъ контрибуцію. Когда прусскій отрядъ захватилъ большое французское селеніе, командующій офицеръ потребовалъ выкупъ въ 300.000 франковъ. Мэръ протестовалъ, заявивъ о невозможности собрать такую сумму. Командиръ на это возразилъ, что ему извѣстно о полученіи большей части этой суммы вдовой (назвалъ ея фамилію) нѣсколько недѣль назадъ. Если вдова не пожелаетъ содѣйствовать мэру, то онъ получитъ съ помощью солдатъ, Г. Брайантъ прибавилъ, чтобы деньги немедленно были представлены, и онъ не сомнѣвается, что адмиралъ Асланбеговъ и командиры вычислили вѣроятное наличіе денегъ въ рукахъ хозяевъ домовъ Викторіи, прибавивъ къ нимъ деньги, хранящіяся въ банкахъ и на монетномъ дворѣ—все составило бы 5 милл. фунтовъ. Въ числѣ другихъ свѣдѣній, полученныхъ изъ депеши адмирала въ мор. мин., есть уплата 5.000 рублей нѣкоему Б. Г. Брайантъ, который сообщилъ секретно, кому эта сумма назначалась, и нѣтъ сомнѣнія, что такого рода услуги дѣлаются, когда ждутъ обратно того же.

„Причины, заставившія Г. Брайантъ дать намъ свѣдѣнія, которыя мы теперь обнародываемъ — составляютъ эго собственное дѣло. Онъ упоминаетъ о смертельной обидѣ, полученной имъ отъ адмирала за нѣсколько часовъ до ухода изъ порта. Брайантъ отклонилъ выполненіе даннаго ему порученія, считая его вреднымъ для колоній, что же касается уплаты отъ русскихъ властей за нѣсколько безпокойныхъ дней, то онъ считаетъ, что поступилъ правильно, т. к. онъ не русскій. Брайантъ не скрываетъ свою принадлежность къ нигилистамъ и, будучи по профессіи военнымъ инженеромъ, обладаетъ прекрасными знаніями въ минномъ дѣлѣ и говоритъ по-англійски, французски, нѣмецки, итальянски и голландски. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ нимъ убѣдитесь въ его знаніи политики Европы за послѣднія двадцать лѣтъ.

„Нельзя было выбрать болѣе способнаго агента для такого правительства, какъ Россія. Хотя нѣкоторое офицеры знали его лично, но спеціальность его оставалась тайной. Онъ былъ посланъ русскими властями къ адмиралу въ Сидней, откуда онъ прибылъ въ Мельбурнъ, и мы узнали во вторникъ утромъ отъ г. г-на Даміона, русскаго консула, о полученномъ имъ распоряженіи отъ адмирала обезпечить проѣздъ г. Брайантъ въ Александрію, когда онъ будетъ

телеграфировать объ этомъ. Конечно, справедливо сказано, что г-ну Даміону была совершенно неизвѣстна цѣль нашихъ разспросовъ, сущность которой было удовлетворить насъ самихъ по поводу тождественности г. Брайантъ и чтобы добыть побольшс свѣдѣній о немъ самомъ. Мы должны прибавить, что г. Брайантъ содѣйствовалъ нашимъ усиліямъ въ этомъ направленіи съ большою готовностью, скорѣе упрашивая дѣлать изслѣдованія, чѣмъ отказываясь отъ нихъ, чтобы доказать подлинность его личности.

„Два джентельмена были посланы для этой цѣли къ лейтенанту Фредериксу, который въ настоящее время находится въ Туракѣ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, извѣстенъ ли ему лично г. Брайантъ. Лейтанантъ Фредериксъ, который прекрасно говоритъ по-англійски, былъ видимо не расположенъ поддерживать разговоръ на эту тему и учтиво въ краткихъ словахъ сказалъ, что не знаетъ никого, кто носилъ бы это имя. Когда мы извѣстили г. Брайантъ объ его отвѣтѣ, этотъ господинъ выразилъ сожалѣніе, что его не пригласили сопровождать нашихъ представителей, и сейчасъ же предложилъ явиться лично къ лейтенанту Фредериксу, который, вѣроятно, не зналъ его имени, но легко бы узналъ его, какъ м-ръ Даміонъ и другіе, къ которымъ мы обращались. Удостовѣреніе личности казалось достаточно полнымъ, чтобы опять безпокоить лейтенанта Фредерикса, и предложеніе г. Брайанта не было приведено въ исполненіе.

„По провѣркѣ фактовъ мы сообщили свѣдѣнія сэру Брайанъ О'Логлэнъ въ присутствіи г. Брайанта тѣ, которыя считали необходимыми, и спросили, считаетъ ли себя правительство свободнымъ отвѣтить на вызовъ г. Брайантъ и просмотрѣть шифрованную телеграмму адмирала, лежащую въ настоящее время въ телеграфной конторѣ. Сэръ Б. О'Логлэнъ призналъ чрезвычайную важность сообщенія, но послѣ должныхъ обсужденій не призналъ себя уполномоченнымъ сдѣлать такой шагъ. Г. Брайантъ, подслушавъ разговоръ адмирала съ сэромъ Б. О'Логлэнъ на крейсерѣ „Африка“ по поводу насмѣшки въ газетѣ „The Age“, передалъ его намъ; изъ разговора видно, какое важное значеніе адмиралъ придавалъ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ. По его мнѣнію укрѣпленія Квинсклифа могутъ быть взяты 500 человѣками, высаженными въ тылу, пока суда флота вступятъ въ бой впереди, и тогда участь Мельбурна будетъ рѣшена. Мы не думаетъ, чтобы пропустили что-либо увеличивающее интересъ этого повѣствованія или доказывающее его вѣрность. Несомнѣнно, двѣ депеши составляютъ главную суть, и собственное донесеніе Брайанта надо считать съ ними въ связи. Онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за все сказанное и не считаетъ себѣ въ правѣ

что-нибудь скрывать отъ публики. Мы считаемъ г. Брайанта русскимъ агентомъ, такъ какъ адмиралъ сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ. Мы знаемъ, что адмиралъ послалъ депеши въ нашемъ городѣ и копіи попали въ руки сэру Джоржу Вердону, который передалъ ихъ губернатору. Слѣдовательно, документы не были недоступными.

„Важность раскрытія тайны газетою „The Age“ надо считать большой, такъ какъ обнаружили планы русскихъ на Австралію и желаніе воевать съ Англіей.

„Естественно адмиралъ—не единственный обладатель секрета русской политики, и англійское правительство предупреждено уже изъ другихъ источниковъ. Съ перваго взгляда, кажется безразсуднымъ, что Россія добивается войны съ Англіей, когда у нея уже есть Германія и Австрія, чтобы состязаться; вызовъ будетъ почти навѣрное на востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ мы узнали изъ телеграммъ нѣсколько дней тому назадъ, что англійское правительство потребовало объясненія движеній Россіи въ Мервѣ, и что съ каждымъ днемъ она подвигается ближе. Совершенно справедливо, что Россія могла бы возразить, что ея близость къ Афганистану, готовому устремиться на нее моментально, можетъ удержать Англію отъ вмѣшательства въ европейскія осложненія. Съ другой стороны она становится во главѣ положенія взять на свой страхъ оскорбить восточную политику г. Гладстона и присоединиться къ европейской коалиціи противъ нея. Къ этимъ дѣламъ мы теперь не касаемся, у насъ есть факты, что Россія готовится къ войнѣ, и что русская эскадра посѣтила австралійскія колоніи и находится на пути соединенія съ Амурской флотиліей. Этого одного совершенно достаточно, чтобы придать глубокій интересъ всему, что можетъ пролить свѣтъ на планы Россіи, и въ этомъ смыслѣ мы не сомнѣваемся, что депеши, ниже помѣщенныя со словъ г. Брайанта и изъ его донесенія, будутъ съ интересомъ прочитаны всею колоніей.

Первый документъ составляетъ точное содержаніе депеши русскаго министра:

„*Инструкція морского министра русскому адмиралу Асланбегову*“.

1. Установить осмотромъ уязвимые пункты для нападенія на побережье и въ гаваняхъ австралійскихъ колоній.

2. Какія силы могли бы быть выставлены въ случаѣ объявленія войны между Россіей и Англіей, — изъ чего эти силы состоятъ и какая ихъ дѣйствующая сила.

3. Какія части побережья Нов. Южнаго Валлиса и Тасманіи доступны, чтобы служить убѣжищемъ для крейсеровъ и для судовъ эскадры.

4. Установить точную сумму денежныхъ средствъ, которыми располагаютъ колоніи, чтобы взять контрибуцію эскадрой, которая захватитъ укрѣпленія „Heads“ (порта Филиппъ) и бухту, точно также, какъ порта Нов. Южнаго Валлиса, въ особенности колоніи „Викторія“ — гдѣ считается легче привести въ исполненіе этотъ планъ и которая менѣе защищена, чѣмъ Нов. Юж. Валлисъ, и болѣе доступна, чѣмъ Сидней.

5. Какимъ образомъ различныя колоніи могутъ помогать одна другой въ случаѣ внезапнаго нападенія на одну изъ нихъ—сколько времени потребно, чтобы получить помощь людьми и орудіями, какой способъ быстраго сообщенія и какое разстояніе одной отъ другой.

6. Какіе боевые припасы, оружіе и обозы существуютъ въ колоніяхъ, имѣющіе значеніе въ критическихъ обстоятельствахъ, имѣются ли арсеналы для изготовленія припасовъ и какія существуютъ мастерскія.

7. Могло ли быть, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей, довѣріе къ ирландскому населенію этихъ колоній, въ особенности въ предвидѣніи серьезныхъ возмущеній, поощряемыхъ въ то же самое время въ Ирландіи [1]).

8. Послѣ того, какъ крейсерство въ австралійскихъ колоніяхъ будетъ окончено, эскадра пойдетъ на „rendez-vous“ въ Сингапуръ; адмиралъ одинъ передвигается въ направленіи къ Сурабайа (Ява), другія суда въ то же время идутъ въ Батавію, прежде чѣмъ идти въ Сингапуръ. По полученіи инструкціи въ Сингапурѣ эскадра идетъ въ Шангхай (Китай) на соединеніе съ другой эскадрой, идущей съ Амура и другихъ частей Тихаго океана (нѣсколько броненосцевъ).

9. Контръ-адмиралъ Асланбеговъ будетъ произведенъ въ вице-адмиралы и получитъ въ командованіе весь флотъ, который достигнетъ всего 15 или 17 судовъ, восемь изъ нихъ пойдутъ изъ Шангхая на о—ва Фиджи за углемъ, эскадра изъ Фиджи передвинется въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды, въ это время война будетъ объявлена. Изъ Нумеи или Каналы эскадра пойдетъ захватить австралійскія колоніи, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ быть предупреждены о враждебныхъ дѣйствіяхъ.

10. Одно изъ судовъ, входящихъ въ составъ эскадры, отдѣлится (спеціально приспособленное для этой цѣли), чтобы захватить и разрѣзать подводный кабель, соединяющій Портъ-Дарвинъ и съ Бемджо-

---

[1]) Читатели „The Age“ помнятъ, что свѣдѣнія даны изъ вымышленной депеши, которую мы опубликовали двѣ недѣли тому назадъ. Депеша составляетъ возмутительную фантазію писавшаго ее.

ванги (Ява); это судно присоединяется къ другимъ судамъ по пути западнаго побережья Австраліи и появляется въ Кингъ-Джоржъ-Соундѣ, чтобы перехватить пароходы изъ Цейлона или Мыса Доброй Надежды.

11. Собрать контрибуціи по пяти милліоновъ фунтовъ съ Мельбурна и Сиднея, два милліона съ Аделаиды и одинъ милліонъ съ Квинслэнда. (Далѣе слѣдуютъ нѣсколько менѣе важныя распоряженія).

Слѣдующій документъ—шифрованная депеша адмирала Асланбегова, о которой говорилось выше.

„Копія *не буквальная* телеграммы, отправленной адмираломъ Асланбеговымъ, русскому морскому министру въ С.-Петербургъ 23 февраля 1882 г.“.

„Согласно инструкцій, изложенныхъ въ вашихъ депешахъ отъ 5 декабря и 8 января, имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что я выполнилъ задачу, возложенную на меня Его Величествомъ нашимъ Отцемъ. (Sa Majesté notre Père) и имѣю требуемыя свѣдѣнія.

Австралійскія колоніи не имѣютъ серьезной защиты, чтобы противупоставить ее эскадрѣ или дессантному отряду.

Викторія *vide* Мельбурнъ *a merci.*

Денежныя средства и запасы неисчислимы.

Пошлите въ виду этого приказъ Владивостокской эскадрѣ присоединиться къ отряду въ Шангхаѣ въ будущемъ апрѣлѣ.

Предупредите S. V. P. нашего отца, что новыя серьезныя махинаціи готовятся „Nihilum Koloko“ на праздники коронаціи.

Подробности найдете въ двухъ заказныхъ депешахъ, которыя я отправляю завтра почтой.

Послѣ завтра отправляюсь въ Гленельгъ. Буду ожидать дальнѣйшихъ приказаній, какъ условлено, въ Кингъ-Джоржъ-Соундѣ.

Прибылъ баронъ Маклай.

Оставилъ маіора Брайанта въ Мельбурнѣ, въ будущемъ апрѣлѣ онъ отправится въ Суэцъ, въ Александріи сядетъ на русскій пароходъ въ Одессу.

Разрѣшите уплатить немедленно пять тысячъ рублей Б. Ничего новаго на эскадрѣ. Настроеніе офицеровъ превосходно“.

Вашъ покорный подчиненный Асланбеговъ.

Примѣчаніе. Въ телеграммахъ, отправленныхъ почтой, адмиралъ жалуется на недостаточную вѣжливость губернатора, который отсутствовалъ во время его ухода, будучи предупрежденъ объ этомъ, и строго осуждаетъ это. Онъ также разсказываетъ объ обнародованіи поддѣльной депеши въ „The Age“.

Донесеніе Г. Брайанта.

Адмиралъ Асланбеговъ согласно части предъидущихъ предписаній написалъ Его Величеству и морскому министру двѣ объемистыя депеши. Онѣ были посланы 23 сего февраля и были зарегистрованы въ почтовой конторѣ. Я присутствовалъ при врученіи ихъ конторѣ и принималъ участіе въ составленіи ихъ.

Длинная шифрованная депеша также была послана въ тотъ же день черезъ г. Даміона, русскаго консула въ этотъ городѣ, который получилъ депешу изъ рукъ самого адмирала въ моемъ присутствіи. Та депеша была составлена адмираломъ, командиромъ „Африки", лейтенантомъ Абаза и мной. Ни одна живая душа кромѣ насъ не знаетъ ничего о ней.

Г. Даміонъ только отправилъ ее въ телеграфную контору.

Ключъ этого шифра мнѣ извѣстенъ, такъ что, въ случаѣ сомнѣнія у правительства, будетъ легко доказать публикѣ Викторіи подлинность моего донесенія.

Въ день отправки этой депеши я былъ скрытъ въ адмиральской каютѣ, когда сэръ Брайанъ О'Логлэнъ, первый министръ колоніи, пріѣхалъ на судно по поводу статьи въ „The Age" и, хотя сэръ О'Логлэнъ меня не видѣлъ, тѣмъ не менѣе я слышалъ разговоръ его съ адмираломъ.

Удостовѣреніе Г. Брайанта.

Я нижеподписавшійся симъ удостовѣряю, что выше помянутое донесеніе вѣрно во всѣхъ подробностяхъ, что я личность, которую тамъ указываютъ, что вышеприведенныя депеши почти дословныя копіи оригиналовъ, что я былъ въ довѣренныхъ отношеніяхъ съ адмираломъ Асланбеговымъ и помогалъ ему составлять почтовыя депеши, что я также обладалъ ключемъ къ шифрованной телеграммѣ, которую адмиралъ послалъ 23-го числа своему правительству, и что ключъ былъ переданъ мною изъ рукъ въ руки владѣльцу „The Age", и что я сдѣлалъ этотъ шагъ, который разоблачаетъ планы по важнымъ причинамъ, касающимся лично меня самого. Зная въ какое фальшивое положеніе я поставлю себя въ отношеніи публики Викторіи въ случаѣ, если свѣдѣнія были бы найдены лживыми.

Подписалъ Генрихъ Брайантъ".

Передъ уходомъ изъ Мельбурна мы получили, наконецъ, почту изъ Россіи, отправленную *девять* мѣсяцевъ тому назадъ.

Глава VIII.

14 февраля пришли въ городокъ Glenelg, расположенный вблизи берега и не вдалекѣ отъ главнаго города штата—Аделаиды.

Рейдъ открытый съ постояннымъ вѣтромъ и волненіемъ.

Самый городъ Аделаида раздѣляется Торресовомъ потокомъ и парками на двѣ части—сѣверную и южную; въ первой находятся виллы и дачи коммерческихъ людей, отдыхающихъ здѣсь среди полей и парковъ, пользуясь широкимъ просторомъ и свѣжимъ воздухомъ. Въ южной части сосредоточена коммерческая дѣятельность—здѣсь собственно находится настоящій городъ, который раздѣленъ главной улицей короля Вильяма на двѣ половины.

На этой улицѣ помѣщаются главнѣйшія служебныя зданія и нѣсколько отелей. Интересно, что здѣсь южная сторона улицы въ тѣни, а сѣверная солнечная—въ полдень солнце проходитъ по сѣверной половинѣ неба.

Жизнь въ Аделаидѣ, также какъ и въ Сиднеѣ, идетъ по строго установленнымъ правиламъ для воскресныхъ дней, и потому публика предпочитаетъ въ воскресенье разъѣзжаться по окрестностямъ.

Въ Аделаидѣ по примѣру другихъ штатовъ Австраліи имѣется парламентъ и свои министры, признающіе только верховную власть королевы. Во всѣхъ городахъ министры пріѣзжали къ намъ за полученіемъ почестей при встрѣчѣ и салюта при отъѣздѣ, а насъ, офицеровъ, начальство посылало отдавать визитъ.

Однажды, гуляя по улицамъ, мы остановились у мясной лавки, интересуясь выставленнымъ въ окнѣ—вдругъ видимъ знакомое лицо въ костюмѣ мясника внутри лавки. Хозяинъ лавки въ свою очередь, узнавъ насъ, просилъ зайти въ лавку, гдѣ и отрекомендовался министромъ какихъ-то дѣлъ.

— „Вы были у меня вчера съ визитомъ, и я вижу, что вы узнали меня и смотрите съ изумленіемъ на мой костюмъ. Здѣсь мы всѣ одинаковы: въ парламентѣ—министры, а въ городѣ лавочники“.

Придя въ Glenelg, адмиралъ также не желалъ съѣзжать на берегъ безъ надлежащей встрѣчи: за отсутствіемъ войскъ, пришлось чинамъ городскихъ управленій обоихъ городовъ пріѣхать въ фракахъ и цилиндрахъ на пристань; иначе нашъ Абрамъ Богдановичъ совсѣмъ бы не поѣхалъ.

17 февраля мы получили приглашеніе прибыть на экстренномъ поѣздѣ въ Аделанду, гдѣ насъ встрѣтили члены городского Совѣта для сопровожденія въ Думу. Хозяинъ города (E. T. Smith—the

mayor of Adelaide) угощалъ шампанскимъ съ приличными рѣчами, но мы больше слушали прекрасный органъ. Визитъ былъ кратковременный, и вскорѣ насъ пригласили сѣсть въ кареты съ сидѣньями на крышѣ, самое почетное мѣсто считается на козлахъ рядомъ съ хозяиномъ кареты, который самъ правитъ лошадьми. Нельзя сказать, чтобы на крышѣ было удобно сидѣть; на обратномъ пути многіе предпочли сидѣть комфортабельно внутри кареты.

Поѣздка на возвышенность, называемую Лофтирантъ, считается самой излюбленной, здѣсь высокія возвышенности тянутся подобно валу въ 3.000 ф. высоты, пролегая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. По горѣ проведено хорошее шоссе; поднимаясь по немъ все выше и выше, можно наблюдать мѣстную флору: по скатамъ горъ растетъ скудная трава, шероховатая и тусклая, болѣе отлогіе скаты покрыты мелкимъ колючимъ кустарникомъ и мѣстами эвкалиптусами; вообще растительность скудная, не дающая пейзажамъ обычной прелести. Съ перевала горъ открывается прекрасный видъ на городъ, на долины съ домиками, окруженными садами, и вдали синѣющее море.

Болѣе двухъ часовъ продолжался подъемъ на возвышенность, гдѣ въ награду ожидалъ насъ роскошный завтракъ.

Назадъ доѣхали быстро, прямо къ пристани, гдѣ сѣли на свои шлюпки.

18 февраля городъ Glenelg далъ „Complimentary Ball“ въ честь эскадры. Адмиралъ спросилъ, кто будетъ на балу; ему сказали, что губернаторъ и мѣстныя власти; тогда онъ согласился ѣхать. Вдругъ почти передъ самымъ баломъ пріѣзжаютъ сказать, что губернаторъ заболѣлъ.

— „Ну, и я боленъ,—сказалъ адмиралъ,—передайте, что и я не поѣду“.

Какъ ни старался англичанинъ объяснить, что балъ не можетъ состояться безъ адмирала, онъ остался непреклоннымъ. Посланный уѣхалъ; черезъ нѣсколько времени онъ вернулся съ извѣстіемъ о желаніи губернатора быть на балу.

— „Передайте, что и я здоровъ, на балъ пріѣду“.

Когда съ берега поставленные наши махальные дали знать о пріѣздѣ губернатора, адмиралъ отправилъ офицеровъ и вслѣдъ за ними поѣхалъ самъ.

Мы вмѣстѣ съ адмираломъ вошли въ большое зало, убранное русскими и англійскими флагами; при вступленіи въ зало музыка съиграла русскій гимнъ, затѣмъ адмиралъ представилъ офицеровъ губернатору, и они оба взошли на возвышеніе, на которомъ стояли два кресла въ видѣ троновъ, а къ офицерамъ подошли лица, на-

значенныя для услугъ во время бала, главнымъ образомъ они слѣдили, чтобы у всѣхъ были дамы на танцы. Послѣднее обстоятельство для любителей танцевъ важно, т. к. дамъ приглашаютъ на весь танецъ—у насъ во время легкихъ мѣняются дамами, а здѣсь ужъ если взялся вертѣть, то верти, пока музыка не кончитъ играть вальсъ. Мы перестроили по-своему: уговорили дамъ мѣнять кавалеровъ, на что онѣ, по своему непостоянству, легко согласились, и все пошло, какъ по маслу. Одинъ изъ насъ пригласилъ дамъ только на два танца, несмотря на доводы своего руководителя, увѣрявшаго, что потомъ ему не найти себѣ даму. Несговорчивый офицеръ остался при своемъ и вдругъ видитъ прехорошенькую барышню... Какъ тутъ быть? дѣлать нечего, обратился къ ассистенту.

— „Будьте добры попросить эту барышню со мной протанцовать слѣдующій танецъ“.

— „Конечно, я исполню ваше желаніе, но предупреждаю впередъ о печальныхъ результатахъ моей миссіи и...“

— „Это все равно, я прошу передать мою просьбу“, прервалъ мичманъ многорѣчиваго ассистента и прибавилъ: „если слѣдующій танецъ занятъ, то какой-либо другой“.

Дѣйствительно миссія оказалась неудачной, да и не могло быть иначе—вѣдь не будетъ же такая хорошенькая сидѣть безъ кавалеровъ, но мичманъ отступить не хотѣлъ и лично отправился въ атаку.

— „Могу я просить васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе протанцовать слѣдующій вальсъ или какой-либо другой танецъ“.

— „Я очень бы хотѣла танцовать съ русскимъ офицеромъ, но не могу отказать кавалерамъ, которые давно пригласили меня танцовать съ ними на этомъ балу“.

— „Мы съ вами встрѣтились первый и послѣдній разъ въ жизни, только единственный разъ въ цѣлой жизни я обратился къ вамъ съ просьбой, и вы никогда не услышите отъ меня другой, а также не увидите меня больше никогда. Мы останемся другъ другу неизвѣстными, не будемъ узнавать фамилій—пусть у меня на всю жизнь останется чудное воспоминаніе о времени, проведенномъ съ прелестной незнакомкой“.

...Крѣпость сдалась!

— „Но какъ же мнѣ поступить?“

— „Я увѣренъ, что хозяинъ (мичманъ обратился къ кавалеру милой барышни) исполнитъ просьбу гостя, обращающагося къ нему также въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и уступитъ танецъ, разъ уже есть согласіе дамы на эту комбинацію“.

Англійскій офицеръ поклонился и отошелъ въ сторону, навѣрно,

посылая въ душѣ мичмана во всѣ болѣе отдаленныя мѣста, а нашъ мичманъ рѣшилъ не спрашивать согласія остальныхъ кавалеровъ и продолжалъ танцовать съ своей незнакомкой, пока безжалостный адмиралъ не прервалъ пріятные разговоры, увезя всѣхъ офицеровъ съ собой на крейсеръ. Мы пробовали, уходя съ нимъ въ однѣ двери, удирать въ другія обратно, но адмиралъ отлично зналъ, кто изъ офицеровъ на балу, и не уѣхалъ, пока не собралъ всѣхъ до единаго, какъ добрая насѣдка своихъ цыплятъ.

Можетъ быть, кто-нибудь осудитъ дѣйствіе адмирала, но надо знать условія стоянки на якорѣ—рейдъ совершенно открытый, вѣтеръ началъ свѣжѣть, и адмиралъ могъ ожидать, что придется ночью сняться съ якоря.

Дѣйствительно на другой день, 19 февраля, мы ушли изъ послѣдняго настоящаго города, отличавшагося гостепріимствомъ, и завинтили вдоль австралійскаго берега, направляясь къ Индѣйскому океану.

По пути зашли 23 февраля въ бухту King George Sound къ городу Albany. Это маленькій городокъ съ 2.000 жителей расположенъ въ долинѣ, окруженной горами. На берегу намъ попадались остатки дикарей съ ужасно безобразными физіономіями, одѣтые въ звѣриныя шкуры.

Намъ разсказывали, что цивилизованные завоеватели Австраліи, въ случаѣ надобности расширитъ свои владѣнія, отправляются партіей со своими слугами въ ближайшія деревни отчуждать землю по установленному обычаю, который заключается въ слѣдующемъ:

Участники экспедиціи нападаютъ на деревни, сжигаютъ ихъ, а жителей отъ мала до велика перестрѣливаютъ безъ пропуска. Соединеніе пріятнаго съ полезнымъ—пикникъ и отчужденіе земли.

Во время стоянки въ Albany насъ пригласили на охоту верхами на кэнгуру; поѣхало пять человѣкъ, т. к. требовалось умѣнье крѣпко сидѣть на лошади и особый костюмъ, какъ, напримѣръ, шапочка съ наушниками и 2 козырьками, мѣшокъ съ провизіей и проч.

Отъ дома пригласившаго насъ доктора мы отправились съ проводниками не торопясь, чтобы дать хозяину возможность догнать; докторъ въ моментъ отъѣзда былъ куда-то экстренно приглашенъ.

Дорога шла между деревьями, извиваясь по склонамъ горъ и по равнинамъ; черезъ часъ мы остановились у хижины какого-то старика, подкрѣпились и, когда подъѣхалъ докторъ, двинулись дальше прямо въ лѣсъ, пустивъ впередъ борзыхъ. Ѣхали то лѣсомъ, то прогалиной, черезъ овраги, пни, пока собаки не напали на слѣдъ. Вотъ тутъ началась дикая скачка—туземныя лошади не отстаютъ

отъ собакъ и не разбираютъ дороги, имъ все ни по чемъ; хуже всего, когда послѣ отчаянныхъ прыжковъ черезъ препятствія лошади влетали въ густой лѣсъ: вѣтви начинали хлестать лицо безъ различія чина и званія, хотя немного предохраняли наушники и козырьки. Вся забота состояла, чтобы не упасть съ лошади; насъ объ этомъ предупредили и просили неумѣющихъ крѣпко сидѣть на лошади оставаться дома. Если упадешь съ лошади, то она не будетъ ждать, и останешься одинъ въ незнакомомъ лѣсу безъ дорогъ. Охотники въ короткій промежутокъ далеко умчатся и найти будетъ трудно, опасность еще увеличивалась изъ-за отсутствія какого-либо оружія съ собой кромѣ простой палки, которая служитъ оружіемъ противъ кэнгуру.

Мы носились до полудня, позавтракали съ аппетитомъ, отдохнули и опять безуспѣшно скакали до трехъ часовъ, пока усилившійся дождь не заставилъ ѣхать обратно. Устали порядочно, съ горя купили шкурки кэнгуру въ городѣ.

26 февраля ушли въ Индѣйскій океанъ, закончивъ три четверти нашей программы; осталось посѣтить въ Азіи рѣдко посѣщаемыя мѣста.

Глава IX.

Распростившись съ Австраліей, мы 6 марта прошли, чрезвычайно живописно стоящій, маякъ на мысѣ острова Ява и вечеромъ стали на якорь на рейдѣ города Батавія.

„Что городъ, то и норовъ“—вездѣ съѣзжали на берегъ, когда хотѣлось, а здѣсь пожалуйте утромъ, да и шлюпку не задерживайте у берега, не то можно получить жестокую лихорадку, холеру и проч.; къ тому же крокодилы осаждаютъ шлюпку у берега.

Пріѣхали компаніей въ отель, оттуда и прямо въ городъ; намъ говорятъ:

— „Неужели вы пойдете въ самую жару по улицамъ, вѣдь въ это время никто не выходитъ“.

А мы въ отвѣтъ:

— „Ну, и сидите дома, если боитесь солнечнаго удара, а мы люди привычные“.

До завтрака мы посѣтили Королевскій садъ, изобилующій массой разнообразныхъ растеній; какихъ только растеній нѣтъ, прямо не перечислить.

Обыкновенно въ каждомъ Ботаническомъ саду мы заходили въ оранжерею, а здѣсь вмѣсто нихъ холодильники для растеній умѣреннаго климата.

— „Вамъ, какъ сѣвернымъ жителямъ, навѣрно пріятна температура холодильника“, сказалъ проводникъ.

— „Нѣтъ, намъ все равно, мы прекрасно переносимъ жару“, а самимъ все-таки пріятно было отдохнуть отъ жары.

Остатокъ дня до обѣда вся наша компанія провела у себя на верандѣ, лежа въ соломенныхъ, длинныхъ креслахъ, одѣтая строго по модѣ: въ широчайшихъ брюкахъ, бѣлой длинной кофтѣ китайскаго образца (съ узелками нитокъ вмѣсто пуговицъ) и туфляхъ на босую ногу. Такой шикарный костюмъ пользуется правами съ утра до обѣда, когда уже требуется европейскій костюмъ, какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ дамъ. Безспорно, мужской костюмъ удобенъ, но дамскій, если можно выразиться, пикантнѣе и легче. Дамы носятъ тоненькія бѣлыя кофточки и кусокъ бѣлой матеріи вокругъ таліи, на босыхъ ногахъ красуются легкія туфельки. Дѣти и подростки довольствуются открытыми лифчиками, сшитыми съ кальсонами до колѣнъ. Первое время наша безпредѣльная скромность сильно страдала — намъ совѣстно было подробно разсматривать своихъ сосѣдокъ-голландочекъ, но привычка беретъ свое, и скоро ничего не укрылось отъ нашего морского глаза.

Передъ обѣдомъ мы катались по аристократической части города вдоль каналовъ Rijswyk и Molenvliet, и слушали музыку, игравшую на бульварѣ. Нельзя не упомянуть о мѣстномъ обычаѣ кататься безъ головного убора, это вызвало замѣчаніе одного изъ насъ.

— „Господа! въ какомъ городѣ жители больше всѣхъ относятся съ уваженіемъ къ музыкѣ?“

— „Довольно странный вопросъ“.

— „Удивляюсь, какъ вы не знаете, господа—конечно въ Батавіи, посмотрите всѣ слушаютъ музыку, снявши шляпы“.

Конечно, остряка подняли на смѣхъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ вицъ-мундирахъ въ городской клубъ по особому приглашенію, насъ встрѣтили очень любезно, старались оказать вниманіе и заботились, чтобы мы безпрерывно танцовали.

По возвращеніи въ отель, каждый изъ насъ произвелъ въ своемъ номерѣ полный осмотръ комнаты и особенно кровати, черномазый слуга все перетряхнулъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи маленькихъ, крайне ядовитыхъ змѣй, которыя охотно залѣзаютъ подъ подушки, укусъ этихъ милыхъ змѣекъ смертеленъ. Ночью произошелъ маленькій переполохъ: одинъ изъ насъ положилъ подъ подушку часы, во снѣ сунулъ руку туда и ощутивъ холодъ вскочилъ въ ужасѣ, взывая къ прислугѣ отеля.

Слуга оказался храбрѣе и съ улыбкой вытащилъ часы вмѣсто воображаемой змѣи.

На слѣдующій день, рѣшивъ уѣхать по желѣзной дорогѣ въ сосѣдній городъ, поднялись рано, но этимъ никого не удивили—уже весь отель былъ на ногахъ, чтобы использовать утреннюю прохладу.

Пріятно освѣжившись холоднымъ душемъ, мы пили кофе у себя на верандѣ (настоящій явскій кофе) и наблюдали картинки утренней жизни—женское населеніе отеля отъ мала до велика дефилировало мимо насъ въ ванную принимать душъ, идя закутанными въ простыни; при шествіи туда простыня ложилась складками, а при обратномъ — мокрая простыня плотно облегала носительницу. Тутъ только мы вспомнили, что доставили случай дамамъ наблюдать насъ, когда мы ходили мимо нихъ въ такихъ же костюмахъ; по этому поводу пошли разговоры и споры, кто внимательнѣе смотрѣлъ—мы или онѣ.

Въ 8 часовъ мы сѣли въ вагонъ и черезъ два часа прибыли въ Buitenzorg осмотрѣть знаменитый Ботаническій садъ (Landplantentuin te Buitenzorg), основанный 6 мая 1817 года нѣмецкимъ натуралистомъ профессоромъ Рейнвардтенъ.

Всемірная извѣстность сада пріобрѣтена замѣчательными коллекціями пальмъ и собраніемъ рѣдкихъ видовъ насѣкомыхъ — подражателей.

Вамъ показываютъ вѣтку дерева, чуть ее тронете, сейчасъ же являются ноги и вѣтка начинаетъ двигаться, также двигаются и разные листья.

Изъ Бюитензорга виденъ вулканъ Гедэ, а изъ городка Гарутъ (конечная станція желѣзной дороги), лежащаго въ 216 верстахъ отъ Бюитензорга, можно любоваться вулканомъ Попандаянъ (высотою 7.300 футъ).

Доставивъ случай всѣмъ офицерамъ побывать на берегу, адмиралъ приказалъ сниматься съ якоря для слѣдованія черезъ живописный Банковскій проливъ въ Сингапуръ. Дорогой пересѣкли экваторъ и окончательно простились съ южнымъ полушаріемъ.

Стоянка въ Сингапурѣ съ 14 по 31 марта не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ, она составила какъ бы передышку въ непрерывной смѣнѣ впечатлѣній въ теченіе пройденнаго нами пути.

4 апрѣля пришли въ новую интересную страну Сіамскаго короля. Заливъ, въ которомъ становятся на якорь, крайне мелководный, поэтому крейсеръ остановился чуть не посреди залива въ далекомъ разстояніи отъ берега, даже въ трубу нельзя разсмотрѣть никакого признака земли.

Отъ мѣста стоянки крейсера до столицы Сіама-Бангкока, включая путешествіе по рѣкѣ, считаютъ сорокъ миль, и, конечно, мы не могли воспользоваться своими шлюпками на такое разстояніе.

По недоразумѣнію пароходъ изъ Бангкока пришелъ за ними только на другой день, сейчасъ перебрались на него адмиралъ, командиръ и часть офицеровъ. Сначала мы шли на большомъ пароходѣ до устья рѣки Менамъ; пройдя песчаный баръ, стали подниматься вверхъ по рѣкѣ, любуясь разнообразной панорамой береговъ.

При входѣ въ рѣку расположенъ городъ Пакнамъ съ златоверхой пагодой на островѣ. Сплошная зелень пальмъ и другихъ деревьевъ маскируетъ свайныя постройки туземцевъ, выдѣляя на своемъ фонѣ плавучіе дома китайцевъ, расположенные длинными рядами вдоль береговъ. Наше путешествіе по мутной рѣкѣ съ пересадкой на другой пароходъ продолжилось съ 6 часовъ утра до часу дня.

Рѣзкой черты города нѣтъ — Бангкокъ представляетъ уширеніе или клубокъ нити строеній, идущихъ вверхъ по рѣкѣ. Самъ городъ довольно обширенъ, въ своемъ родѣ восточная Венеція съ своеобразными гондолами, по одинаковымъ способамъ гребли. Улицъ мало, все каналы съ висячими мостами, по каналамъ снуютъ шлюпки, точно торопятся куда-нибудь. Важныя лица разъѣзжаютъ въ длинныхъ гондолахъ съ рубками и большимъ количествомъ гребцовъ.

На серединѣ рѣки и у пристаней мы замѣтили пароходы, парусныя и военныя сіамскія суда (въ то время на сіамской службѣ было нѣсколько русскихъ механиковъ).

Мы остановились въ приготовленномъ помѣщеніи, переодѣлись и сейчасъ же на гондолахъ съ четырьмя гребцами отправились осматривать городъ. Наши гребцы съ трудомъ справлялись съ быстрымъ теченіемъ рѣки, и мы довольно долго плыли до сада, который оказался плохимъ ботаническимъ и зоологическимъ по своему содержанію, хотя устроенъ порядочно. Потомъ осматривали старый храмъ и монастырь; всѣ зданія пришли въ ветхость, но сохранили роскошь украшеній: наружныя стѣны представляли сплошной рисунокъ цвѣтовъ на изразцахъ, внутри помѣщеній много золота и мозаики. По дорогѣ встрѣтили нѣсколькихъ бонзъ, ихъ тогда считалось въ городѣ 35 тысячъ человѣкъ, они содержались на счетъ короля, способствуя за это укрѣпленію его власти. Полюбовавшись оригинальной архитектурой пагодъ, мы перебрались на другой берегъ осматривать зданіе выставки, которая должна быть открытой въ скоромъ времени. Изъ-за медленнаго способа передвиженія мы едва не опоздали къ обѣду.

На другой день рано утромъ поднялись на высокую башню посмотрѣть панораму Бангкока. На сколько глазъ можетъ обнять, ему представляется какъ бы сплошной паркъ съ каналами, среди зелени,

которой виднѣются домики, крыши пагодъ, домовъ; въ общемъ панорама очень живописна, зато кругомъ башни видъ совершенно противоположный. Надо сказать, что башня находится при кладбищѣ (если можно его такъ назвать) или вѣрнѣе на большомъ дворѣ, раздѣленномъ на нѣсколько частей. Въ одной части лежатъ безнадежные больные, во второй — стоятъ висѣлицы и плахи для отрубанія головъ, третья часть служитъ мѣстомъ сжиганія труповъ, если родственники были въ состояніи заплатить за это 35 центовъ (копѣекъ), въ противномъ случаѣ трупы бросаютъ на четвертый дворъ, самый ужасный изъ всѣхъ. Въ немъ постоянно живутъ орлы и кондоры, которые немедленно распредѣляютъ между собой свѣжіе трупы; посрединѣ двора сложена пирамида изъ череповъ, тутъ же валяются во множествѣ кости и части тѣла, не объѣденныя еще птицами. Задыхаясь отъ убійственнаго запаха, не отнимая платковъ отъ носа, мы все-таки обошли дворъ, тщательно минуя страшныхъ хозяевъ двора. Сидящіе кондоры выше человѣческаго роста, они чувствуютъ свою силу и не даютъ дороги проходящимъ.

Для перемѣны впечатлѣнія мы пошли смотрѣть храмы и дворцы; они занимаютъ большое мѣсто, обнесенное высокой стѣной со многими воротами. На одномъ дворѣ мы наткнулись на массу ящиковъ— это была мебель, выписанная изъ Парижа для новаго дворца; намъ говорили, что выписано на 500 тысячъ долларовъ; за цифру ручаться нельзя, можетъ быть прихвастнули, а можетъ быть и правда.

Мы удачно попали къ дворцу, такъ какъ видѣли, какъ его степенство священный бѣлый слонъ изволилъ выйти на прогулку, при его выходѣ былъ вызванъ почетный караулъ для отданія чести. Караулъ въ составѣ одной роты находится постоянно при помѣщеніи и вызывается при выходѣ слона и возвращеніи его домой.

Дальше мы пошли осматривать пагоды—какая вездѣ роскошь и красота, полы выстланы мраморомъ, стѣны отдѣланы мозаикой изъ золотыхъ пластинокъ и цвѣтныхъ кусочковъ, двери чернаго дерева съ перламутровой инкрустаціей, все оригинально и цѣнно. Особенно богатъ главный храмъ, въ немъ Будда сдѣланъ изъ чернаго дерева съ брильянтовыми глазами. Очарованіе храмомъ дополнялось звуками струнныхъ инструментовъ, сливавшихся въ стройные аккорды во время шедшаго тамъ богослуженія.

Послѣ завтрака мы отправились въ мундирахъ въ помѣщеніе адмирала и сѣли всѣ вмѣстѣ въ громадную, парадную гондолу подъ флагомъ адмирала, на буксирѣ парового катера, чтобы ѣхать во дворецъ короля.

Въ старомъ дворцѣ (новый Чокра Кри еще не готовъ) насъ

встрѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ и братъ короля, послѣ обмѣна привѣтствій, насъ ввели въ роскошно отдѣланный залъ съ массой вещей изъ разныхъ странъ свѣта. На стѣнахъ около карниза устроены медальоны для помѣщенія иностранныхъ орденовъ, полученныхъ королемъ—медальонъ, назначенный для Россіи, оказался пустой.

Самъ король (Phra—Bad—Somdetch—Phra—Paramindr—Maha—Tschulalonkorn—Phra—Pschula—Tschau—Klao—Tschau-Yu-Hua) невысокаго роста, весьма симпатичной наружности, встрѣтилъ насъ крайне любезно и каждому подавалъ руку. По окончаніи представленія, Его Величество изволилъ пригласить адмирала сѣсть, адмиралъ же въ свою очередь жестомъ руки пригласилъ сѣсть командира и офицеровъ. Жестъ адмирала вызвалъ переполохъ: стульевъ было всего два и, чтобы усадить всѣхъ, пришлось придворнымъ и свитѣ принесли стулья изъ другой залы. Въ общемъ вышло неловко, мы сидѣли, а всѣ остальные стояли, но король не выказалъ никакого неудовольствія и при прощаніи выразилъ сожалѣніе, что не можетъ дать намъ ордена, такъ какъ не имѣетъ русскаго ордена, взамѣнъ пожаловалъ по большой мѣдной медали, выбитой по случаю предстоявшей выставки. Кромѣ того Его Величество сказалъ:

— „Когда у насъ будутъ дипломатическія сношенія съ Россіей, я всегда готовъ поправить дѣло и пожаловать вамъ ордена“ [1]).

Передъ уходомъ изъ дворца, насъ просили записать фамиліи въ книгѣ знатныхъ посѣтителей.

Пріемъ кончился посѣщеніемъ священныхъ слоновъ—три почти бѣлые, одинъ свѣтло-рыжій, при чемъ одинъ изъ слоновъ стоялъ на возвышеніи изъ-за своихъ слишкомъ длинныхъ клыковъ.

---

[1]) Впослѣдствіи одинъ изъ офицеровъ использовалъ обѣщаніе короля, будучи уже командиромъ канонерской лодки въ Тихомъ Океанѣ. Капитанъ 2 ранга Р., прочитавъ въ газетѣ о назначеніи А. Е. Оларовскаго посланникомъ въ Сіамъ, написалъ ему, по старой дружбѣ, поздравительное письмо и въ видѣ шутки разсказалъ о своемъ представленіи королю и его обѣщаніи. Письмо было получено посланникомъ въ моментъ отправленія на балъ во дворецъ, Алек. Еп. взялъ письмо съ собой и когда Его Величество обходя гостей подошелъ къ посланнику, онъ сказалъ:

— „Ваше Величество, я получилъ сейчасъ письмо отъ моего хорошаго знакомаго капитана 2 ранга Р., который пишетъ, что Вы изволите состоять должникомъ ему“.

— „Это какъ же? я готовъ сейчасъ же уплатить долгъ“.

Посланникъ разсказалъ, какъ было дѣло. Король разсмѣялся и, подтвердивъ достовѣрность своего обѣщанія, приказалъ немедленно послать орденъ Сіамской короны 3 степени.

Вечеромъ мы уѣхали изъ Бангкока, сначала плыли на шлюпкахъ въ теченіе двухъ часовъ по рѣкѣ въ совершенной тьмѣ среди густой растительности; лежа на днѣ шлюпки, можно было любоваться черезъ вѣтви звѣзднымъ небомъ и блескомъ свѣтляковъ, разсыпанныхъ во множествѣ чуть не каждомъ листочкѣ дерева, ихъ зеленоватый дрожащій свѣтъ производитъ особое впечатлѣніе. Со шлюпки пересѣли на пароходикъ, кое-какъ примостились на немъ—кто сидя, кто лежа на палубѣ; холодъ и сырость не дали спать, такъ и промаялись до разсвѣта. На пароходикѣ по рѣкѣ Dong-naï дошли до большого парохода, который и доставилъ на крейсеръ.

До ухода съ рейда мы проводили крейсеръ „Азія", уходившій въ Россію, его адмиралъ потребовалъ въ Бангкокъ, чтобы проститься; наша эскадра все уменьшается въ числѣ, только мы держимся, но вѣдь нельзя намъ уходить, не выполнивъ программы.

15 апрѣля подошли къ мысу Св. Якова (Муи-Вунгъ-тау), лѣвой оконечности рѣки Ме-Конгъ, на которой расположенъ городъ Сайгонъ, столица Кохинхины. Теперь вся страна находится во власти французовъ, Кохинхину открылъ португалецъ Андрада, а первый миссіонеръ былъ Carvalho. Мысъ Св. Якова украшенъ маякомъ, стоящимъ среди зелени, рядомъ съ маякомъ просторный домъ съ вышкой, въ которой помѣщенъ фонарь съ рефлекторомъ. Возлѣ дома установлена сигнальная мачта и пушка.

Холмистый кряжъ, на вершинѣ котораго стоитъ маякъ, тянется вверхъ по устью рѣки до деревни, гдѣ изъ красивой рощи выглядываютъ европейскіе домики квартирующихъ здѣсь французскихъ артиллеристовъ; выше, по другую сторону деревни, возведена земляная батарея.

Около маяка останавливаютъ всѣ суда для опроса и принятія лоцмана въ виду затруднительности самостоятельнаго плаванія по извилистой рѣкѣ. Устье рѣки Ме-Конгъ состоитъ изъ лагунъ, между которыми разливается безчисленное множество рукавовъ и притоковъ, вся эта система занимаетъ обширное пространство.

Крейсеръ пошелъ по лѣвому руслу, очень широкому сначала, его правый берегъ низменный, покрытъ кустарниками и пальмами съ безчисленнымъ количествомъ обезьянъ. Вода мутно-желтая во всемъ теченіи рѣки.

Вездѣ встрѣчали рыбачьи лодки, на берегу виднѣлись деревушки—одна на мыскѣ подъ холмомъ, другая нѣсколько выше влѣво по низменности, она называется Конджэ, при ней находится бухточка съ укрѣпленіями. Послѣ этой деревни, берега становятся еще болѣе низменными, они покрыты кустарниками и низкорослыми деревьями. Далѣе крейсеръ взялъ курсъ на рѣчной маякъ, за кото-

рымъ впадаетъ въ рѣку ея притокъ Сонгъ-Віамъ-чу, здѣсь рѣка до 360 саженъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣка становилась излучистѣе, крейсеръ шелъ малымъ ходомъ съ большою осторожностью. Растительность на берегахъ становилась бѣднѣе, но зато на пастбищахъ прогуливались большія стада свѣтло-сѣрыхъ буйволовъ, еще далѣе пошли рисовыя поля. Наконецъ, показались верхушки корабельныхъ мачтъ и красныя кровли зданій—это Сайгонъ, открывающійся все болѣе и болѣе то съ правой, то съ лѣвой стороны сообразно изгибамъ рѣки.

На рейдѣ мы застали, кромѣ военныхъ судовъ, еще „Тильзитъ", судно старинной постройки, обращенное въ военную тюрьму. При входѣ на якорное мѣсто установленъ маякъ и семафоръ, съ котораго отдаются распоряженія стоящимъ судамъ [1]).

По окончаніи разныхъ формальностей, небольшая группа офицеровъ съѣхала на берегъ, не стѣсняясь временемъ, здѣсь какъ и во всѣхъ тропическихъ странахъ, жители избѣгаютъ выходить изъ дома между 10 и 3 часами дня изъ боязни получить солнечный ударъ.

Въ городѣ улицы широкія, дома утопаютъ въ зелени и расположены какъ дачи; главная улица „Catinat", параллельно ей „Національная" и бульваръ „Households". Сайгонъ построенъ на почвѣ изъ красной глины, очень красивы красныя дороги среди зелени, но для платья некрасиво, т. к. бѣлые кителя быстро покрываются красной пылью. Въ концѣ главной улицы стоитъ на площади католическій соборъ довольно большихъ размѣровъ и рядомъ съ нимъ прекрасное зданіе почты.

Проѣздомъ мы остановились посмотрѣть два памятника: адмиралу Риго-де-Женульи и воинамъ, павшимъ въ войнѣ съ Кохинхиной. Непосредственно отъ города идетъ паркъ и ботаническій садъ—гордость французовъ; онъ замѣчателенъ по богатству растительности, имѣетъ маленькій звѣринецъ и служитъ мѣстомъ прогулки. Въ паркѣ, часть котораго составляетъ ботаническій садъ, стоитъ обширный и великолѣпный дворецъ генералъ-губернатора, двухъэтажный съ широкими верандами кругомъ. Прекрасная каменная лѣстница и два полукруглыхъ въѣзда съ балюстрадами ведутъ къ террасѣ центральнаго павильона. Съ одной стороны дворца—широкій дворъ съ большой клумбой по срединѣ, обсаженной кустовид-

[1]) Авторъ этихъ записокъ никакъ не могъ предположить, чтобы этотъ семафоръ впослѣдствіи извѣстилъ французскую эскадру о награжденіи автора званіемъ флигель-адъютанта и орденомъ св. Георгія 4 степени.

ными пальмами и агавами. Противоположная сторона двора обращена въ большой садъ съ массой цвѣтовъ.

Въ Сайгонѣ жара круглый годъ, почему офицеры и команда смѣняются черезъ два года, транспорты доставляютъ офицерамъ все необходимое изъ Франціи по дешевой цѣнѣ.

Вечеромъ мы обѣдали на французскомъ суднѣ; въ прекрасное меню обѣда входили павлины и рисовыя птички, которыя подаются въ бумажныхъ корзиночкахъ.

На другой день ѣздили въ Cholon, городокъ, лежащій около Сайгона; дорога туда идетъ непрерывными аллеями. Городъ населенъ исключительно анамитами и управляется старшиной подъ титуломъ „фу".

Изъ Cholon мы торопились къ завтраку домой, чтобы принять французскихъ офицеровъ.

Вечеромъ отправились на балъ къ генералъ-губернатору. Чудный залъ, залитый свѣтомъ, пестрѣлъ разнообразіемъ, но, увы! дамъ оказалось только шесть, рискнувшихъ пріѣхать въ жару.

Всѣ иностранные офицеры были въ бѣломъ, и только несчастные русскіе офицеры изнывали въ суконныхъ сюртукахъ съ эполетами, сабляхъ, перчаткахъ и таскали съ грустнымъ видомъ свои шляпы.

Послѣ ужина мы сейчасъ же вернулись на крейсеръ.

18 апрѣля снялись съ якоря, чтобы повернуться крейсеру къ выходу; пришлось подняться по рѣкѣ далеко за городъ и развернуться на болѣе широкомъ мѣстѣ рѣки. При поворотѣ приходилось нѣсколько разъ почти упираться носомъ въ илистый берегъ; при этомъ спугивали крокодиловъ и другихъ звѣрей.

По выходѣ изъ мутнаго Ме-Конга, крейсеръ пошелъ по чистой, изумрудной водѣ океана, а вѣтерокъ доставлялъ нѣкоторую прохладу, но сырость не прекратилась.

Черезъ нѣсколько дней путешествія мы съ удовольствіемъ стали разсматривать острова, лежащіе около Гонгъ-Конга. Они не велики и безъ зелени, главный островъ Гонгъ-Конгъ представляетъ изъ себя массивный гранитный кряжъ, на сѣверной части котораго расположенъ городъ Викторія. Высокая гора въ 1.825 фут. носитъ также названіе Викторіи; она находится на западной сторонѣ острова, тогда какъ на восточной—гора Альбертъ; на южной устроены доки. Верхушки горъ покрыты очень скудной растительностью, только глазъ радуетъ зелень около дачъ.

Пройдя узкій проливъ между берегомъ Гонгконга и зеленымъ островомъ, на которомъ стоитъ маякъ, крейсеръ вошелъ на рейдъ и отдалъ якорь на указанномъ мѣстѣ. Пока совершались салюты и проч. формальности, мы принялись разсматривать городъ съ па-

лубы въ бинокли. Городъ расположенъ амфитеатромъ по склону горы Викторія до половины ея высоты; внизу сосредоточены дома консуловъ, банки и конторы.

Какъ только представилась возможность, мы поспѣшили на берегъ, съ удобной пристани прошли отличной дорогой къ четырехъугольной башнѣ съ часами, отъ нея поднялись выше, дошли до прекраснаго сада съ богатой растительностью—садъ оказался у дворца генералъ-губернатора. Выйдя изъ сада, мы наткнулись на станцію желѣзной дороги, конечно сейчасъ же усѣлись въ вагонъ, который поднялъ насъ на самый пикъ горы. Устройство дороги очень солидное, хотя на видъ простое—два вагона прикрѣплены къ концамъ стального кабеля; когда одинъ поднимается, то другой спускается; мѣстами вагонъ принимаетъ положеніе близкое къ вертикальному. На вершинѣ горы проложены прекрасныя дороги къ дачамъ жителей Гонгъ-Конга; нѣкоторые предпочитаютъ чистый горный воздухъ и устроились комфортабельно въ своихъ дачахъ. Мы оставались на верху до слѣдующаго спуска, чтобы погулять по городу; тамъ сначала пошли по главной улицѣ Queen's Road; на ней обѣ стороны заняты магазинами въ двухъ-этажныхъ домахъ, при чемъ верхній этажъ жилой.

Въ городѣ имѣется англиканская церковь — вся бѣлая въ готическомъ вкусѣ и кромѣ того католическій монастырь. Клубовъ два—англійскій и нѣмецкій (Tarantula).

— „Что же, господа, мы толкаемся зря по улицѣ, зайдемъ въ магазинъ полюбоваться поближе китайщиной".

— „А въ какой магазинъ"?

— „Да вотъ на дверяхъ написано Иванъ Ивановичъ, къ нему и пойдемъ".

Конечно эту надпись сдѣлали русскіе офицеры, и хозяинъ магазина сталъ поставщикомъ нашей эскадры. Въ магазинѣ можно долго пробыть, не отрывая глазъ отъ издѣлій изъ слоновой кости и серебра. Передъ заходомъ солнца англичане, по своему обыкновенію, высыпали на прогулку за городъ, длинная лента экипажей и носилокъ быстро двигалась по извилистой дорогѣ. Мы сѣли въ носилки, которыя состоятъ изъ соломеннаго кресла съ крышей или безъ оной, прикрѣпленнаго къ двумъ длиннымъ жердямъ, концы жердей китайцы-носильщики кладутъ себѣ на плечи. Китайцы быстро идутъ мелкими шагами, кресло слегка покачивается, располагая къ дремотѣ; такой способъ передвиженія удобенъ, но собственно говоря, жалко смотрѣть на бѣдныхъ носильщиковъ, обливающихся потомъ.

Въ Гонгъ-Конгѣ мы проводили домой еще одного товарища—

клиперъ „Стрѣлокъ“ поднялъ длинный вымпелъ и полнымъ ходомъ ушелъ съ рейда на свободу.

1 мая адмиралъ съ эскадрой („Африка“, фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“, клипера „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“) вышелъ въ море; продѣлавъ нѣсколько маневровъ, адмиралъ отпустилъ суда по своимъ назначеніямъ, а самъ на „Африкѣ“ пошелъ въ Фу-чау.

До города надо поднимаются вверхъ по рѣкѣ до мѣстечка Pagoda, гдѣ и становятся на якорь, отсюда на рѣчныхъ пароходахъ попадаютъ въ Фу-чау.

Въ день прихода „Африки“ за адмираломъ прислали пароходъ; наша компанія не пропустила случая примоститься, и всѣ вмѣстѣ отправились сначала осмотрѣть портъ, устроенный по французскому образцу. Въ немъ машины изъ Франціи—онъ построенъ и оборудованъ китайскими инженерами, получившими образованіе во Франціи.

Въ Фу-чау мы прибыли къ 8 часамъ вечера, телеграмма о времени пріѣзда въ городъ опоздала, и потому никто не пришелъ насъ встрѣтить: подождавъ немного, мы всѣ пошли въ отель; въ немъ оказалась только одна свободная комната—положеніе безвыходное, но мы скоро изъ него вышли, благодаря приглашенію русскихъ купцовъ ночевать у нихъ.

Въ городѣ существовали тогда три русскія фирмы чаеторговцевъ, представители и приказчики помѣщались въ комфортабельныхъ домахъ; эти любезные хозяева насъ хорошо накормили и спать уложили.

На другой день рано утромъ отправились въ Ху-танъ (китайскій монастырь) сначала на шлюпкѣ на другую сторону рѣки, затѣмъ въ паланкинахъ на гору въ 1.600 футъ по живописной дорогѣ черезъ сосновыя рощи и чайныя плантаціи.

Монастырь старый, грязный, монахи тоже—интереснаго ничего; говорятъ, что въ немъ много историческаго, но намъ не удалось разсмотрѣть.

По возвращеніи въ городъ осмотрѣли чайныя фабрики, отборъ чая, его сортировку, смѣшиваніе и приготовленіе кирпичнаго чая. Побывали въ клубѣ и обѣдали въ помѣщеніи другой фирмы по особому приглашенію вмѣстѣ съ адмираломъ.

Въ 11 часовъ вечера вернулись на крейсеръ (адмиралъ остался въ городѣ еще на одинъ день).

На слѣдующій день къ намъ пріѣхали съ визитомъ купцы, мы старались отплатить за оказанное гостепріимство. Послѣ завтрака часть офицеровъ поѣхали провожать гостей, послѣ обѣда они провожали нашихъ, а послѣ ужина на крейсерѣ наши не могли не проводить—послѣ второго ужина въ городѣ купцы опять повезли нашихъ; такое безконечное путешествіе не могло продолжаться долго.

Чтобы прекратить его, 6-го мая ушли изъ Фу-чау въ Чи-фу, откуда адмиралъ уѣхалъ въ Пекинъ, а мы задыхались отъ ученій.

22 мая неожиданно является адмиралъ, командиръ не получилъ телеграммы, и потому адмирала никто не встрѣтилъ.

— „Снимайтесь съ якоря", приказываетъ сердитый адмиралъ.

— „Ваше превосходительство, у насъ пары не разведены, разсчеты съ берегомъ не кончены, все офицерское бѣлье въ стиркѣ и часть офицеровъ уволена въ городъ".

— „Ничего не знаю, все кончить и немедленно сниматься съ якоря".

Вотъ пошла горячка! закипѣла работа на крейсерѣ, и полетѣли гонцы на берегъ, но, увы! прачекъ на розыскали и бо̀льшая часть нашего бѣлья пропала. Намъ не удалось отдавать въ стирку больше мѣсяца и потому отдали много; эта потеря понесла значительный уронъ нашему бюджету.

25 мая пришли въ Нагасаки, погрузивъ уголь, ушли въ Кобе сдѣлать маленькую передышку. Скоро мы должны разстаться съ милымъ адмираломъ; жаль его; онъ такъ много показалъ намъ интересныхъ странъ. Командиръ сдѣлалъ прощальный обѣдъ въ сосѣднемъ городѣ Осака, пригласивъ старшихъ лейтенантовъ и старшихъ спеціалистовъ. Обѣдъ въ отелѣ Джіуте́ былъ, конечно, японскій съ пѣніемъ и танцами гейшъ.

Отъ Кобе мы поѣхали по желѣзной дорогѣ, до первой станціи Суми-іоши. По пути мы видѣли непрерывный рядъ домовъ вдоль морского берега. По другую сторону дороги высится горный кряжъ, черезъ тоннель въ которомъ подошли ко второй станціи Ниси-но-міа. Далѣе пройдя два туннеля и станцію Канъ-саки, остановились въ Осака.

Городъ расположенъ въ устьяхъ рѣки Іода-гава, впадающей въ заливъ тремя рукавами, которые соединяются между собою массой каналовъ съ еще бо̀льшимъ количествомъ мостовъ; изъ нихъ одинъ Тенджинъ-баси въ 120 саженъ длиной. Въ одномъ мѣстѣ при пересѣченіи двухъ каналовъ построено четыре моста одинаковой конструкціи, они составляютъ квадратъ, это мѣсто называется Іецу-баси или четверомостіе.

Самъ городъ раздѣляется на три части: портовую, среднюю и верхнюю (храмовую).

Въ нижней части живутъ европейцы (въ кварталѣ Цукиджи), и находятся присутственныя мѣста въ домахъ европейскаго образца. Въ средней части интересна Театральная улица съ массой балагановъ.

Изъ храмовъ намъ указали на Коядзу-но-міа, построенный въ память микадо Нинтоку; съ площадки храма открывается видъ на

нижній городъ. Храмъ построенъ въ стилѣ древнѣйшей японской архитектуры.

Другой древнѣйшій храмъ это Сумійеши, построенный въ память императрицы Цингу-Кооги, завоевательницы Кореи и первой самодержавной государыни въ Японіи.

Третій храмъ Сакура-но-міа называется по имени чудной вишневой аллеи, ведущей къ нему (по-японски вишня—сакура).

Еще интересный храмъ Амида-ике буддійскій, куда на бѣломъ конѣ изъ Кореи была привезена статуя Амиды съ рубиновыми глазами и алмазомъ во лбу; преданіе говоритъ, что отсюда пошло распространеніе буддизма по Японіи.

Наконецъ, пятый храмъ Тенджимъ около длиннаго моста, построенъ въ честь Сугавара-но-Мичизане, покровителя школъ и учащихся.

Заканчивая списокъ достопримѣчательностей Осаки, надо упомянуть о замкѣ, игравшемъ большую роль въ исторіи Японіи, благодаря своему мѣстоположенію.

Замокъ Осиро занимаетъ самый возвышенный пунктъ, дающій ему возможность командовать надъ дорогой (Токандо), идущей съ юга на сѣверъ по всей Японіи. Стѣны замка занимаютъ окружность въ одну милю, построены очень прочно изъ громадныхъ глыбъ сѣраго гранита. Послѣ бомбардировки замокъ не возобновлялся, реставрированы только нѣкоторыя башни, въ замкѣ помѣщались при насъ солдаты.

Въ сѣверной части города помѣщается монетный дворъ, построенный англичанами за очень большую сумму.

До ухода изъ Кобе мы успѣли еще съѣздить въ Кіото; городъ лежитъ всего въ 52 верстахъ отъ Кобе. Первая станція Сіута, стоящая на обширной равнинѣ, покрытой селеніями. Вторая станція Ибараки въ долинѣ рѣки Іоды. Третья—Такацуки около горнаго кряжа. Далѣе Ямасаки, Мукомачи и Кіото.

Рядомъ съ желѣзнодорожнымъ путемъ тянется шоссе, чрезвычайно оживленное множествомъ повозокъ и домиками, вокругъ которыхъ разведены сады. Наконецъ, поѣздъ пробѣжалъ черезъ три рѣчки и вошелъ въ городъ къ станціи Шти-джо европейскаго образца. Со станціи мы отправились въ лучшую гостиницу Маруяма; ея владѣлецъ Джутеи, у котораго мы обѣдали въ Осака.

Кіото иногда называютъ Сай-кіо, т. е. „западная столица", въ отличіе отъ восточной „Тоо-кіо" (Токіо); Кіото былъ прежде резиденціей японскихъ императоровъ въ силу древняго обычая выбирать себѣ резиденцію по усмотрѣнію.

Самъ городъ расположенъ среди продолговатой долины, которая

въ южной части сливается съ долиной Іода-гавы, почти около города проходитъ горный кряжъ съ нѣсколькими горами.

Черезъ городъ проходятъ двѣ рѣки: Камо-гава и Кацуро-гава, обѣ рѣки сливаются въ городѣ и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Іода-гаву.

Кіото распланированъ на правильные участки, хорошо шоссированныя улицы освѣщаются фонарями. Особенно хороши предмѣстья на холмахъ Хигаси-ямы; здѣсь преобладаютъ сады, священныя рощи, много дачъ, монастырей, а выше въ гору за кварталомъ Гіонъ посѣщается гостиница Мару-яма.

Изъ отеля обыкновенно везутъ въ Рэезанъ, гдѣ среди хвойнаго парка расположено кладбище, принадлежащее буддійскому храму Кійомидзу. Архитектура храма отличается отъ другихъ храмовъ очень высокимъ фундаментомъ; на вершину его ведетъ широкая лѣстница, самъ фундаментъ опирается одной стороной на горный кряжъ. Съ другой стороны храма устроена площадка, съ нея открывается чудный видъ на весь городъ.

Мы порядочно устали ѣздить и восторгаться, захотѣли ѣхать въ отель, но въ концѣ концовъ уступили и согласились закончить программу осмотромъ статуи Дайбудса. Порядочной величины площадь обнесена каменной стѣной, внутри ограды на каменномъ фундаментѣ помѣщенъ колоколъ формою древней ассирійской тіары, онъ вѣситъ, какъ говорятъ, 20.000 пудовъ и по времени изготовленія старше московскаго царя-колокола. Статуя Будды находится въ храмѣ, она сдѣлана изъ бронзы.

Противъ храма не вдалекѣ насыпанъ курганъ, на немъ поставленъ каменный столбъ съ приплюснутымъ шаромъ на верху. Подъ этимъ курганомъ лежатъ уши корейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны. Какъ не увѣковѣчить такой человѣколюбивый и благородный поступокъ!.. Курганъ называется Мими-дзука, отъ него не далеко до храма 33.333 святыхъ.

Храмъ представляетъ изъ себя длинный сарай, раздѣленный по длинѣ перегородкой, въ одномъ отдѣленіи стоятъ боги, другое предоставляется молящимся. Между статуями имѣются нѣкоторыя съ нѣсколькими головами; эти статуи держатъ на рукахъ и на колѣняхъ тоже по нѣсколько штукъ малыхъ боговъ, которые въ свою очередь обладаютъ нѣсколькими головами; этимъ объясняютъ счетъ 33.333 боговъ или вѣрнѣе головъ. Храмъ считается большою святынею. Нельзя не упомянуть объ интересной статуѣ Амиды, обладательницы сорока шести рукъ, при чемъ каждая рука держитъ какой-нибудь предметъ, обозначающій свойство божества. Напр. черепъ—это значитъ Амида держитъ въ рукѣ жизнь и смерть людей, лотосъ—божественное происхожденіе и пр.

Не безъинтересно знать также изображенія святыхъ по разрядамъ:

1. Кваноны—изображаются на вѣнчикѣ лотоса.

2. Бозаты—тамъ же стоящими, они имѣютъ головную повязку изъ лентъ съ двумя падающими концами. Ихъ назначеніе ходатайствовать за людей и помогать имъ въ добрыхъ дѣлахъ.

3. Архаиы—святые окончившіе въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ весь кругъ испытаній.

4. Гонхены—духи, продолжающіе возрождаться въ человѣческомъ образѣ.

5. Восемнадцать драконовъ—главнѣйшихъ первозванныхъ учениковъ Сакья-муни.

6. Сеннины—проповѣдники благого закона.

7. Міаджины—мученики, пострадавшіе за исповѣданіе буддизма.

Линія боговъ начинается статуей бога огня „Фудоо“ съ мечемъ въ одной рукѣ и арканомъ въ другой, онъ окруженъ пламеннымъ ореоломъ.

Этотъ храмъ, кромѣ его прямого назначенія, служитъ собраніемъ японской скульптуры и ваянія, представляющихъ большой интересъ.

Около среднихъ дверей храма поставленъ сосудъ со святой водой, которую пьютъ изъ ковшика и обмываютъ глаза и лобъ.

На слѣдующій день мы поѣхали за пять миль отъ Кіото въ мѣстечко Фусими, расположенное среди великолѣпной рощи, въ ней стоятъ два храма Инари-но-Яжиро и Тоо-Фукуджи. Изъ Фусими прокатили назадъ въ улицу Рокуджо, миновавъ храмъ Хигаси-Хонганджи, остановились у воротъ монастыря Нисси-Хонганджи. Въ глубинѣ двора нашли два храма, соединенные наружной галлереей, передъ храмомъ стоитъ очень старое дерево съ подпорками, а позади раскинулся обширный садъ, наполненный рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Погулявъ въ саду, мы отправились въ цитадель Ниджо-но-сиро, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста. Онъ солидной постройки и похожъ на замокъ въ Нагойѣ.

У подошвы горы Араси-ямы протекаетъ въ красивой мѣстности рѣка Кацура-гава, на склонахъ горы находится храмъ въ честь Мацуно—бога винокуренья, не вдалекѣ построенъ заводъ, изготовляющій любимый японскій напитокъ саке.

Послѣ цитадели мы посѣтили бывшую дачу одного изъ сіогуновъ, она называется Кинъ-Какуджи (золотая палата). Дача представляетъ изъ себя трехъ-этажный павильонъ съ бронзовой птицей на макушкѣ крыши, стоящій среди чуднаго парка. Особенная красота заключается въ отраженіи павильона въ зеркальной поверх-

ности озера, на берегу котораго онъ стоитъ, окруженный деревьями самой причудливой формы.

Между холмами Хигаси-ямы находится другой павильонъ, называемый Гино-Какуджи (серебряная палата), онъ также украшенъ бронзовой птицей и стоитъ на берегу озера.

Наша поѣздка закончилась посѣщеніемъ дворца Микадо „Кинригосе“, построеннаго внутри третьяго двора. Въ первомъ дворѣ обширнаго мѣста, обнесеннаго оградой, живутъ низшіе придворные чины, во второмъ—высшіе чины; въ каждомъ дворѣ по нѣсколько воротъ.

Третій или почетный дворъ окруженъ крытой галлереей, окрашенной въ бѣлую краску, съ красной каймой. Въ глубинѣ двора возвышается продолговатое зданіе—это бывшій тронный залъ.

Вездѣ совершенная простота постройки изъ дорогихъ деревьевъ, оставленныхъ въ естественномъ видѣ. Пріемная зала во дворцѣ сдѣлана въ три уступа, на двухъ стояли придворные чины во время аудіенціи, а на верхнемъ стоялъ тронъ, завѣшанный зеленой шторой; когда Микадо садился на тронъ, то штора поднималась до половины груди, чтобы простые смертные не могли видѣть Микадо, а онъ могъ бы видѣть ихъ черезъ ткань. Изъ залы прошли въ библіотеку и кабинетъ Микадо, далѣе черезъ помѣщеніе Микадессы вышли въ чудный садъ съ массой цвѣтовъ, фруктовыми деревьями и озеромъ съ неизбѣжными мостиками. Красиво и комфортабельно устроено зданіе для ванны и другое для отдыха послѣ ванны.

Недостатокъ времени заставилъ насъ вернуться восвояси, и мы и не попали на озеро Бива, куда очень хотѣлось съѣздить.

9 іюня крейсеръ ушелъ въ Іокогаму, тамъ пошли обычные визиты, говѣли съ командою и катались по окрестностямъ. Одна изъ большихъ поѣздокъ состоялась въ мѣстечко „Katose“, гдѣ мы завтракали и, оставивъ лошадей, продолжали путь въ дженерикшахъ. Первая часть дороги шла мимо европейскихъ дачъ и затѣмъ среди рисовыхъ полей. Видъ окрестныхъ полей и лѣсистыхъ холмовъ носитъ отпечатокъ культуры: рощи обращены въ парки, всѣ поля воздѣланы и разбиты на четвероугольники разной величины, лежащіе уступами для стока воды или вѣрнѣе для распредѣленія воды по полямъ.

Вторая половина пути заняла часъ времени ѣзды по узкимъ тропинкамъ и ущельямъ до храма Дайбудса, уже нами посѣщеннаго ранѣе съ другой стороны, только на этотъ разъ мы переправились въ большой шлюпкѣ (фунѣ) на островъ Иношима, замѣчательный своими пещерами, образовавшимися отъ удара волнъ. Въ самой большой пещерѣ устроенъ храмъ, тутъ берутъ свѣчи, чтобы идти

внутрь горы по темному, сырому корридору, конецъ котораго задѣланъ, и мы не могли добиться, чѣмъ онъ кончается. Откровенно говоря, смотрѣть было нечего, только поѣздка сама по себѣ доставляетъ удовольствіе.

Вернувшись въ Katase, мы опять сѣли въ свои экипажи, торопясь пріѣхать въ Іокогаму къ обѣду, но... прибытіе совершилось съ опозданіемъ. За границей всѣ экипажи снабжаются тормозами, а мы обыкновенно, по россійской привычкѣ скакать и въ гору, и подъ гору, отвертывали тормоза и катались безъ стѣсненія. На этотъ разъ пришлось поплатиться, въ одномъ изъ экипажей правилъ лейтенантъ Т. Лошади понесли подъ гору, онъ не сдержалъ, и коляска очутилась въ канавѣ, а лошади въ кустахъ. Сѣдоки отдѣлались благополучно, но экипажъ сломали. Къ счастью нашихъ сѣдоковъ проѣзжавшіе мимо португальскіе офицеры взяли съ собой и помогли устроить доставку экипажа съ лошадьми на буксирѣ въ Іокогаму. Сначала мы обезпокоились, но потомъ ужасно смѣялись и приставали къ лейтенанту А. Т. Т. въ виду уплаты большой суммы за поломку экипажа. Каково же наше удивленіе— вдругъ фирма, отпускавшая лошадей, отказалась отъ предложенной уплаты, говоря, что это случается въ лучшихъ фамиліяхъ.

22 іюня у американцевъ праздникъ, они устроили матросскую гонку безъ офицеровъ. Африканскія шлюпки взяли три приза, англичане ни одного, а французы отказались. Вечеромъ мы были на берегу въ городскомъ саду, гдѣ слушали концертъ двухъ японскихъ оркестровъ—играли очень старательно.

На другой день адмиралъ съ командирами и офицерами былъ принятъ императоромъ въ прощальной аудіенціи. Церемонія была та же, какъ и въ прошлый разъ, только мы завтракали въ миссіи, и сытые поѣхали во дворецъ выпить по чашечкѣ холоднаго чая безъ сахара.

7 іюля собралась компанія ѣхать „внутрь страны“, такъ у насъ назывались поѣздки по окрестностямъ. Рѣшились ѣхать черезъ Іокоско, изъ-за этого встали въ 4 часа утра, и на пароходикѣ поплелись въ Іокоско. На крейсерѣ не удалось напиться чая, а на пароходикѣ буфета нѣтъ, что дѣлать? Стали судить, рядить, вдругъ одинъ изъ офицеровъ говоритъ:

„Господа, нашему горю можно немного помочь, я взялъ бутылку коньяка, будемъ пить по глоточку, можетъ быть голодъ немного утихнетъ“.

Моментально бутылку открыли, но опять затрудненіе—не изъ чего пить, нашли какую-то крышку въ родѣ самоварной, оказалась превосходнымъ бокаломъ. Выпивъ по крышечкѣ, рѣшили угостить

единственнаго кромѣ насъ, европейскаго пассажира англичанина, онъ не отказался, вѣроятно, будучи поставленъ въ такое же положеніе, какъ и мы.

Чтобы сократить томительное путешествіе, рѣшили прибѣгать къ крышечкѣ на траверсѣ каждаго мыса или при проходѣ островка, средство оказалось дѣйствительное—стали разговорчивѣе, и англичанинъ повеселѣлъ. Къ приходу въ Іокоско крышку положили на мѣсто, а бутылку пустили плавать по заливу.

На берегу съ удовольствіемъ поѣли риса съ разными приправами и безъ отдыха пошли пѣшкомъ.

По пути случайно наткнулись на памятникъ Adams'у, первому европейцу, посѣтившему Японію (какъ намъ потомъ сказали), далѣе любуясь видами прошли нѣсколько селеній: Ха-яма, Хале-дайбудса и др., названія которыхъ не остались въ памяти.

На джинрикшахъ доѣхали къ 5 часамъ въ Камакуру—это была самая древняя столица, здѣсь жили сильные міра сего, спорившіе о власти съ императорами, въ настоящее время городъ въ упадкѣ.

Къ достопримѣчательностямъ Камакуры принадлежитъ храмъ въ Хатчи-манга, построенный вельможей Іоритомой на мѣстѣ убіенія его сына.

Громадное мѣсто, занимаемое храмомъ, обнесено каменной стѣной и рвомъ, небольшой мостикъ ведетъ во дворъ или нижнюю платформу, на которой три алтаря. Первый въ честь Инари—бога риса, очень чтимаго во всей Японіи.

Второй алтарь въ память духа Іоритомы и третій въ честь камней, которымъ приписывается чудодѣйственная сила. Два жертвенника съ нецензурными изваяніями привлекаютъ не мало паломниковъ, бездѣтныхъ женщинъ и слабыхъ; какъ мы замѣтили, къ мужскому жертвеннику ставятъ больше свѣчей.

Между первыми двумя алтарями возвышается широкая лѣстница на верхнюю платформу, гдѣ стоитъ главный храмъ, онъ окруженъ корридоромъ съ небольшими комнатами, въ которыхъ хранятся вещи Іоритомы и его сына уже въ теченіе 400 лѣтъ.

На разстояніи полумили отъ Хатчи-манга по дорогѣ въ Фуси-сазо находится храмъ Кенходяни, далѣе женскій монастырь Матцунгока. По этой же дорогѣ—храмъ Кунонъ-са, богини милосердія.

Мы не осматривали этихъ храмовъ, довольствуясь наружнымъ видомъ при проѣздѣ, зато съ удовольствіемъ обѣдали по-японски. Передъ обѣдомъ взяли ванны и переодѣлись въ киримоны, въ нихъ и возлежали за обѣдомъ на циновкахъ.

19 іюля дали прощальный обѣдъ адмиралу А. Б. Асланбегову передъ отъѣздомъ его въ Россію, меню было напечатано и на-

клеено на вѣеръ изъ листа лотоса, во время обѣда игралъ японскій оркестръ гвардейскаго полка. Мы всѣ горячо благодарили за наше чудное путешествіе по Тихому океану, и каждый старался сказать что-нибудь пріятное адмиралу, наши симпатіи его глубоко тронули, Абрамъ Богдановичъ въ свою очередь сказалъ намъ много лестнаго.

22 іюля торжественно праздновали царскій день, устроили гонку и иллюминацію. На другой день проводили адмирала на пароходъ, уходившій въ Америку; онъ и провожавшіе его трогательно простились со слезами на глазахъ.

Мы ужасно волновались въ ожиданіи прибытія новаго начальника эскадры, боясь, что онъ подниметъ флагъ у насъ. Контръ-адмиралъ Николай Васильевичъ Копытовъ, пріѣхавъ въ Іокогаму, поднялъ флагъ на фрегатѣ „Герцогъ Эдинбургскій". Новый адмиралъ давно уже заслужилъ репутацію очень строгаго и требовательнаго начальника; съ первыхъ шаговъ его пріѣзда все затрепетало и притихло.

Глава X.

3 августа ушли эскадрой по неизвѣстному назначенію, адмиралъ никому не сказалъ, а спросить побоялись, только дорогой само-собою выяснилось, такъ какъ 6-го числа прибыли въ Хакодате, здѣсь эскадра раздѣлилась: адмиралъ ушелъ въ Чифу, а насъ послали на сѣверъ.

15 августа прибыли въ нашъ милый Петропавловскъ смѣнить клиперъ „Вѣстникъ", стоявшій тамъ лѣтомъ. Уже со времени прихода въ Хакодате, начались тяжелые дни въ отношеніи погоды—мы отвыкли отъ холода, плавая въ тропическихъ странахъ, почему туманъ и дальнѣйшіе морозы сильно давали о себѣ знать.

24 августа въ годовщину Петропавловскаго боя состоялось торжественное открытіе памятника убитымъ воинамъ при защитѣ города въ 1854 году.

Памятникъ поставленъ на средства, собранныя подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, мѣстоположеніе его на косѣ даетъ возможность входящимъ на рейдъ судамъ любоваться издали его золоченой верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту подъ командой лейтенанта В. Ф. Р., къ этому времени прибыло духовенство; когда шествіе установилось по данному церемоніалу, двинулись впередъ на братскую могилу служить панихиду въ присутствіи оставшагося въ живыхъ участника боя солдата Карандашева.

Къ сожалѣнію, начало празднества было омрачено непріятнымъ случаемъ: на рейдѣ одновременно съ нами стояла англійская яхта „Энчантресъ“, владѣлица которой вмѣстѣ съ другими пассажирами яхты была на панихидѣ и возложила три вѣнка: на русскую, англійскую и французскую могилы. По окончаніи общей панихиды, обратились къ священнику отслужить отдѣльную панихиду на англійской могилѣ, каково же было неудовольствіе, когда священникъ отказался служить и даже повернулся спиной.

Съ кладбища процессія двинулась въ соборъ, гдѣ служили обѣдню, и затѣмъ всѣ прошли на косу къ памятнику. При снятіи завѣса оба суда салютовали, послѣ чего команда прошла церемоніальнымъ маршемъ.

26 августа ушелъ „Вѣстникъ“; мы повезли нашихъ знакомыхъ барышенъ на шлюпкахъ провожать клиперъ, стараясь держаться какъ можно ближе, чтобы барышни могли поймать платки, которые имъ бросали съ кормы клипера, мѣтка поднятаго изъ воды тщательно разсматривалась, и платокъ переходилъ въ собственность одной изъ барышенъ. У нихъ не было споровъ, такъ какъ офицеры были строго распредѣлены между ними по симпатіямъ.

Съ уходомъ „Вѣстника“ жизнь пошла правильная, главное вниманіе было обращено на занятія по всѣмъ частямъ и особенно на прохожденіе курса стрѣльбы изъ ружей и пушекъ, для производства послѣдней обыкновенно уходили въ Тарьинскую бухту [1]).

По вечерамъ большинство съѣзжало въ гостепріимный домъ Люгебиль, гдѣ старшіе чины играли въ карты, а молодежь танцевала съ тремя барышнями.

По праздникамъ гуляли по горамъ, охотились, кто могъ, во время прогулокъ случалось видѣть очень близко медвѣдей, они мало обращаютъ вниманія на людей, увлекаясь рыбной ловлей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ крейсеръ ушелъ въ обходъ по сѣвернымъ берегамъ Камчатки и островамъ.

Этотъ разъ плаваніе крайне тяжелое вслѣдствіе частыхъ тумановъ, свѣжихъ вѣтровъ и громадной волны. Въ Нижне-Камчатскѣ мы усмотрѣли шхуну, пришлось подойти къ берегу и спустить паровой катеръ на ужасной зыби, что было съ катеромъ, если крейсеръ чуть не черпалъ бортами, стоя на якорѣ! Катеръ подъ командой лейтенанта Р. шелъ съ большимъ трудомъ, перебираясь съ волны на волну, у входа во внутренній рейдъ пришлось выждать подходящей волны, чтобы полнымъ ходомъ перескочить баръ, маневръ удался, а то въ этомъ мѣстѣ было уже много случаѣвъ гибели шлюпокъ.

---

[1]) Въ Тарьинской бухтѣ погребенъ англійскій адмиралъ Прайсъ.

Селеніе Усть-Камчатскъ расположено по рѣкѣ Камчаткѣ, жители занимаются рыбной ловлей и охотой; шкуръ, конечно, мы не достали—все своевременно скупается и увозится.

16 сентября мы пришли къ острову Беринга въ бухту Топорковъ и вскорѣ съѣхали на берегъ къ агенту котиковой компаніи, онъ повезъ насъ осматривать лёжбища котиковъ. Это путешествіе совершили въ маленькихъ саняхъ (нартахъ), запряженныхъ собаками, ѣзда крайне непріятна — грязь изъ-подъ ногъ собакъ летитъ въ лицо, постоянно надо соблюдать равновѣсіе, чтобы не упасть, и въ довершеніе ужасный запахъ отъ собакъ вызываетъ тошноту.

До сѣвернаго лёжбища считается 20 верстъ, мы ѣхали только по болотамъ, а гдѣ было можно шли пѣшкомъ. Самое лёжбище представляетъ громадную отмель съ рифомъ, все пространство покрыто тысячами котиковъ, оставленныхъ для будущаго года. Намъ показали мѣсто избіенія варварскимъ образомъ котиковъ, ихъ отгоняютъ отъ берега на траву и по выбору бьютъ палками по головѣ. Шкуры снимаютъ, солятъ и на пароходѣ отправляютъ въ С.-Франциско; къ приходу груза котиковъ приготовляется спеціальный поѣздъ, немедленно доставляющій грузъ въ Нью-Іоркъ, откуда также безъ замедленія везутъ шкуры въ Лондонъ, только тамъ умѣютъ выдѣлывать шкуры котиковъ и не открываютъ секрета.

Намъ пригнали нѣсколько штукъ котиковъ посмотрѣть поближе на эти добродушныя и неуклюжія созданія, на самое лёжбище воспрещается ходить въ сапогахъ, курить и громко разговаривать.

20 сентября мы посѣтили островъ Мѣдный, т. е. собственно только подошли къ обычному мѣсту стоянки и прошли дальше вслѣдствіе сильнѣйшаго шторма, не стоило становиться на якорь: все равно намъ бы не удержаться на мѣстѣ.

Обошли кругомъ Мѣдный, пошли къ Берингу, тамъ ходили вдоль береговъ и, потерявъ надежду на улучшеніе погоды, ушли ко всеобщему удовольствію назадъ въ Петропавловскъ.

Опять все пошло по-старому, только 4 октября картина береговъ измѣнилась, снѣгъ покрылъ густой пеленой все рѣшительно, и мы съ восторгомъ, какъ малыя дѣти, бѣгали съ санями и катались съ горъ.

Вскорѣ стало извѣстно о близкомъ уходѣ нашемъ въ Японію, мѣстный исправникъ Серебрянниковъ, не желая ударить лицомъ въ грязь, рѣшилъ устроить танцевальный вечеръ и прощальный ужинъ. Безъ нашего содѣйствія не обошлось—и посуда, и серебро и проч. было перевезено съ крейсера на квартиру, а главное прибыло много кавалеровъ.

Передъ танцами командиръ обратился къ лейтенанту Р.:

— „Конечно, В. Ф., вы будете танцовать, дирижировать и вообще всѣмъ распоряжаться“.

— „Къ сожалѣнію, Е. И., я этого не могу выполнить, мнѣ предстоитъ вахта съ 12 до 4 часовъ ночи“.

— „Ну, это бѣда не велика, мы ее сейчасъ поправимъ“.

Затѣмъ командиръ, приказавъ поставить мичмана на вахту, сказалъ исправнику:

— „Вы предоставьте все В. Ф., лучше его хозяина не найдете, онъ вамъ все устроитъ“.

Танцовали до изнеможенія, особенно нравился мѣстный танецъ восьмерка, который мѣстныя дамы лихо отколачивали. Но всему есть конецъ и танцовать кончили, и стоянкѣ конецъ.

Передъ уходомъ трогательно прощались съ милымъ семействомъ Люгебиль и другими, простились съ любимыми мѣстами, со скамеечками, сдѣланными своими руками въ разныхъ мѣстахъ по горамъ, ничего и никого не забыли.

5 октября по выходѣ въ море попали въ жестокій штормъ съ морозомъ и снѣгомъ. Съ большимъ трудомъ доставили на островъ Берингъ доктора Калиновскаго, его коровъ, собакъ и лошадей, желавшаго зимовать на Берингѣ.

Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на изумленіе и испугъ жителей, увидѣвшихъ первый разъ матросовъ, сидящихъ верхомъ на лошадяхъ, они приняли всадниковъ за боговъ и падали ницъ при проѣздѣ лошадей.

9 октября ушли на Мѣдный, обошли кругомъ—все благополучно.

11 числа началось крейсерство по Берингову морю, а вмѣстѣ съ нимъ наши мученія. Трудно описать наши испытанія: сильный, холодный NW со снѣгомъ при морозѣ 18° — 20° не переставалъ дуть все время со степенью шторма; бѣдный крейсеръ бросало какъ щепку, онъ черпалъ бортами и покрывался льдомъ отъ замерзавшихъ бызгъ, сыпавшихся въ большомъ количествѣ.

Вахтенный начальникъ, привязанный на мостикъ, быстро обращался въ индѣйку, заготовляемую въ прокъ на зиму, его пальто, ежеминутно обдаваемое водой, на морозѣ обращалось въ ледяной футляръ. Послѣ вахты вѣстовые съ трудомъ освобождали офицера отъ панцыря, который торжественно вдвоемъ несли сушить въ кочегарку. Къ довершенію провизія вся вышла, вина нѣтъ и на плитѣ ничего не держится, питались, Богъ знаетъ чѣмъ и какъ.

Наконецъ 18 октября радости не было предѣловъ при видѣ береговъ Хакодате, хотя и покрытыхъ снѣгомъ. Если согрѣться было негдѣ, зато отдохнули отъ качки и достали провизію.

Приведя себя въ порядокъ, мы отправились во Владивостокъ,

опять жестокій штормъ отнялъ лишнія сутки и только 23 октября отдали якорь въ тихомъ Золотомъ рогѣ. При входѣ на рейдъ нашъ командиръ лихо обрѣзалъ [1]) корму фрегата „Герцогъ Эдинбургскій“ и съ мостика рапортовалъ адмиралу, который сейчасъ же пріѣхалъ къ намъ, найдя образцовый порядокъ, горячо всѣхъ благодарилъ за него и за трудное плаваніе.

Во Владивостокѣ посѣтили старыхъ знакомыхъ, въ институтѣ, на „горкахъ“, на „кучкахъ“ и въ слободкѣ. Вотъ стоять на рейдѣ было не важно, ужъ очень морозъ донималъ, особенно ночью на вахтѣ, никакое платье не спасало.

6 ноября мы ожили въ теплѣ и зелени уютнаго рейда Нагасаки; здѣсь вошли въ докъ для окраски подводной части и всего крейсера, истерзаннаго плаваніями.

Мы по обыкновенію горячо принялись за приведеніе своихъ частей въ порядокъ, тѣмъ не менѣе нашли время съѣздить въ мѣстечко Моги, лежащее къ востоку отъ Нагасаки въ Синодскомъ заливѣ. Дорога лежитъ черезъ предмѣстье Гунгацы мимо холмовъ и вершины горы Хоква-санъ, по склонамъ которой раскинуты селенія, окруженныя зеленью и массой цвѣтовъ. За предмѣстьемъ путь очень каменистый и крутой, приходится идти пѣшкомъ больше часа до перевала горы, за нимъ тянется роща старыхъ камелій, покрытыхъ пышными цвѣтами. Виды съ перевала одинъ лучше другого на лежащую внизу долину и склоны сосѣднихъ горъ, украшенныхъ кустами зеленыхъ бамбуковъ.

На половинѣ дороги обязательная остановка въ чайномъ домѣ для отдыха возницъ, да и самимъ пріятно выпить чайку съ вкуснымъ тортомъ. Далѣе катились по красивому ущелью, здѣсь растительность поражаетъ своею роскошью, красотою и обиліемъ цвѣтовъ.

Мѣстечко Моги само по себѣ не представляетъ ничего особеннаго, но красива природа кругомъ, также прекрасенъ видъ на заливъ съ его берегами, уходящими въ дымку тумана.

Пока намъ готовили обѣдъ, мы бродили по берегу и рощамъ, но недолго, всѣ заторопились въ гостиницу, разсчитывая вкусно поѣсть: дѣйствительно сырая рыба тай съ разными приправами была великолѣпна.

Назадъ вернулись уже въ темнотѣ.

Недолго стояли въ Нагасаки, адмиралъ вдругъ безъ всякаго предупрежденія приказалъ сниматься съ якоря, едва успѣли забрать бѣлье съ берега и кончить разсчеты съ берегомъ.

---

[1]) Прошелъ вплотную къ кормѣ.

Изъ Нагасаки вышли всей эскадрой („Герц. Эдинб.“, „Африка“, „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“), направляясь въ Гонгъ-Конгъ, куда прибыли 30 ноября.

Дорогой у насъ вышло небольшое происшествіе, порядочно нѣкоторыхъ взволновавшее: эскадра шла въ двѣ колонны, лѣвую составляли клипера подъ парусами, а правую „Эдинбургскій“ и „Африка“ подъ парами и парусами. На мостикѣ „Африки“ вахтенный начальникъ внимательно слѣдилъ за идущимъ впереди адмиральскимъ кораблемъ, который былъ плохо виденъ изъ-за стоящаго большого паруса (фока) и потому не усмотрѣлъ ракету, пущенную по приказанію адмирала; ракета по условію должна указать пробитіе тревоги на судахъ и открытіе огня изъ орудій.

Лейтенантъ замѣтилъ только огоньки на клиперахъ и рѣшилъ у насъ не бить тревоги, но командиру все-таки послалъ доложить.

Выходитъ командиръ „самъ какъ Божія гроза“; лейтенантъ подробно доложилъ.

— „Отчего вы не пробили тревогу, когда увидали огни?“

— „Разъ мы прозѣвали ракету, намъ ужъ нельзя стрѣлять послѣдними, лучше пусть бранятъ за недостаточность вниманія, но не говорятъ, что „Африка“ опоздала, вѣдь это несовмѣстимо съ ея достоинствомъ“.

— „Съ этой точкой зрѣнія я согласенъ, но предупреждаю—если адмиралъ будетъ недоволенъ, то вамъ будетъ очень худо“.

Когда эскадра пришла въ Гонгъ-Конгъ и стала на якорь, командиры поѣхали съ рапортами, мы ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія нашего командира. Наконецъ, командиръ прибылъ, зоветъ лейтенанта, тотъ идетъ ни живъ, ни мертвъ.

— „Адмиралъ приказалъ передать вамъ его благодарность за быстрое выполненіе приказа“.

...? на лицѣ у лейтенанта.

— „Ваше счастье, что все обошлось благополучно, но я все-таки васъ не благодарю“. Вскорѣ дѣло разъяснилось: адмиралъ, выйдя ночью на мостикъ, приказалъ пустить ракету; отвлекшись наблюденіемъ за выходомъ команды на фрегатѣ, не замѣтилъ времени начала стрѣльбы на другихъ судахъ. Увидя огни на клиперахъ и не видя на „Африкѣ“, спросилъ у вахтеннаго начальника Ф. Ф. Стемманъ.

— „Отчего „Африка“ не стрѣляетъ“?

Благородный товарищъ сообразилъ, что на „Африкѣ“ прозѣвали и желая спасти вахтеннаго начальника отъ гнѣва адмирала, доложилъ:

— „Ваше превосходительство, „Африка“ уже кончила стрѣльбу, она, по обыкновенію, первая выполнила сигналъ“.

Оттого адмиралъ и благодарилъ командира, который промолчалъ въ свою очередь, спасая обоихъ офицеровъ.

На рейдѣ собралось много судовъ:

Англійская эскадра: вице-адмирала Уэльсъ корабли—„Encounter", Champion, шлюпы—„Lily", „Albatross", лодки—„Fly", „Kestrel", яхта—„Vigilant".

Командиръ Куммикъ блокшивъ—„Victor Emanuel", разворуженный корабль—„Wivern", лодки—„Esk", „Midge", „Tweed".

Французская эскадра: контръ-адмирала Мейеръ броненосецъ—„Victorieuse", корветъ—„Kersaint", лодка—„Lutin".

9 китайскихъ лодокъ.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Гонгъ-Конгъ, офицеры эскадры были приглашены вице-консуломъ Михаельсономъ на обѣдъ. Прекрасное помѣщеніе, обильная закуска и самый обѣдъ, начавшійся оригинальнымъ образомъ, привели въ самое хорошее настроеніе духа. Когда послѣ супа всѣмъ налили по стакану шампанскаго, консулъ всталъ и сказалъ:

— „Господа, прошу васъ войти въ мой домъ".

Это обозначало приглашеніе бывать у него запросто. Другой разъ пришлось пообѣдать у богатаго китайца по возвращеніи съ нимъ изъ китайскаго театра. Вотъ меню:

1. Чай безъ сахара.
2. Жареный миндаль съ солью.
3. Сушеныя сѣмена дыни.
4. Яйца въ крутую, лежавшія въ извести двѣ недѣли, отчего они почернѣли и разсыпались въ порошокъ.
5. Жареная печенка и почки на касторовомъ маслѣ съ соей и горчичнымъ соусомъ.
6. Имбирь ломтиками.
7. Разная вареная зелень.
8. Жареная свинина.
9. Супъ изъ плавниковъ акулы.
10. Ласточкины гнѣзда.
11. Вареные грибы.
12. Апельсины и груши.

Антрактъ—двѣ трубки опіума.

13. Супъ изъ утокъ съ грибами.
14. Трепанги (морскіе черви) съ вареной курицей.
15. Рисъ.

16. Жареныя утки—распластанныя и, кажется, прессованныя.
17. Морская капуста.
18. Что-то похожее на крысъ.

И т. д. до фруктовъ.

Антрактъ—двѣ трубки опіума.

Новая перемѣна блюдъ еще болѣе сомнительнаго характера.

Изъ приличія ѣли всего понемногу, впрочемъ, много не съѣшь какого-нибудь скользкаго толстаго червя или крысы, а китайцы удивлялись нашему аппетиту и воздержанности. Нѣсколько обѣдовъ выдержали, но опіумъ началъ ошеломлять, и потому мы сейчасъ же ушли на воздухъ.

Въ теченіе праздниковъ на судахъ эскадры устроили елки для команды и офицеровъ. У насъ кромѣ того былъ спектакль, —„ямщики“ Загоскина и сцена Горбунова „На праздникѣ“ были бойко разыграны любителями-матросами. Въ довершеніе живыя картины „Возвращеніе изъ кругосвѣтнаго плаванія“ окончательно привели присутствующихъ въ восторгъ.

Послѣ спектакля для чужихъ командъ подали разное угощеніе, а командиры и офицеры ужинали въ каютъ-кампаніи, убранной живыми цвѣтами. Также оригинально китайцы убрали самоваръ, онъ весь былъ покрытъ цвѣтами, но форма и всѣ очертанія были сохранены. Въ самоваръ налили составъ изъ винъ, а вмѣсто угольевъ положили ледъ.

Новый годъ встрѣтили скромно по своимъ судамъ.

Глава XI.

1 января 1883 года. — Четвертый годъ нашего плаванія, а о возвращеніи ни слуху, ни духу, въ добавокъ еще высланъ новый кредитивъ на годъ.

3 января неожиданно пріѣхалъ адмиралъ произвести артиллерійское ученье, оставшись вполнѣ довольнымъ отчетливостью исполненія, адмиралъ благодарилъ всѣхъ и отдѣльно лейтенанта Р. „за доставленное удовольствіе“.

На другой день въ City Hall состоялся спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ чего-то въ Маниллѣ, должно быть требованіе было велико, такъ какъ спектакль попалъ подъ покровительство цѣлаго комитета.

His Exel. The administrator.
H. E. Admiral Willes.
H. E. General Sergent.
H. E. Admiral Kopitoff.
H. E. Admiral Meyer.

Давали comediette „My oncle's will consert", передъ спектаклемъ сыграли увертюру „Le souverain"—Herman.

Все было парадно и благоустроенно.

14 января мы пріуныли—у насъ подняли флагъ адмирала; безъ того уже подтянутые, мы сами еще болѣе затянулись, зная строгость и требовательность Николая Васильевича. На другой день ушли въ море эскадрой, вскорѣ по сигналу фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій" и клиперъ „Пластунъ" отдѣлились по направленію къ Маниллѣ, а клиперъ „Вѣстникъ" въ Сайгонъ. По пути адмиралъ не безпокоилъ насъ ученьемъ, говоря, что онъ живетъ на дачѣ, такъ хорошо ему было на „Африкѣ".

Стоянка въ Сингапурѣ ознаменовалась тоскливымъ баломъ у губернатора, несмотря на прекрасное помѣщеніе и относительную любезность хозяевъ.

Затѣмъ состоялась гонка малайскихъ и китайскихъ шлюпокъ, конечно, опять подъ покровительствомъ комитета:

H. E. the Governor Sir Frederiek, A. Weld, H. E. Rear, Admiral Kopitoff, и 14 англичанъ.

На этой гонкѣ было больше смѣху, чѣмъ дѣйствительной гонки—китайцы и малайцы толкались, падали въ воду при оглушительномъ крикѣ и дракѣ.

На-дняхъ стало извѣстно о скоромъ приходѣ корвета „Скобелевъ", на который долженъ перейти адмиралъ, почему 30 января мы сдѣлали прощальный завтракъ адмиралу, котораго всѣ полюбили и уважали.

Адмиралъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему старшаго офицера сказалъ:

— „Несмотря на мой характеръ скорѣе видѣть дурное, чѣмъ хорошее и желаніе придраться къ чему-нибудь, я не могъ этого сдѣлать у васъ вслѣдствіе безусловно прекраснаго состоянія корабля во всѣхъ отношеніяхъ".

Такой отзывъ строгаго адмирала мы приняли, какъ награду за наши труды и усердіе.

1 февраля адмиралъ перешелъ на корветъ „Скобелевъ" и немедля ушелъ на немъ по островамъ Зондскаго Архипелага.

Малаецъ привезъ телеграмму, видимо изъ Россіи, всѣ встрепенулись и замерли въ ожиданіи новостей—вдругъ командиръ объявляетъ

о полученномъ приказаніи идти въ Россію. Вотъ кавардакъ начался, стали прыгать отъ радости, кричать „ура“, пить шампанское, просто не знали, чѣмъ выразить свой восторгъ; когда же первый пылъ прошелъ—какъ будто стало жалко разставаться съ милой „Африкой“. Торжественно подняли длинный вымпелъ [1]) и 6-го февраля ушли въ Индѣйскій океанъ.

Вотъ когда начальство отличилось, ему казалось, что мы мало учились въ теченіе трехъ лѣтъ и ничего не знаемъ, а потому на переходѣ до Цейлона ученья начинались по тропическому расписанію съ 5 часовъ утра до 8, затѣмъ по умѣренному климату съ 10 до 11, съ $2—4^1/_2$ и съ $4^3/_4$ до $6^1/_2$, кромѣ того, дѣлались часто ночныя тревоги и маневры съ парусами – скучать было некогда; если прибавить сюда тропическій зной и маловѣтріе, то прямо веселье.

14 февраля пришли въ Коломбо на островъ Цейлонъ, конечно, сейчасъ же помчались на берегъ отдышаться отъ ученій и городъ посмотрѣть. Быстро покатились прекрасныя коляски по тѣнистымъ аллеямъ, усыпаннымъ краснымъ пескомъ, глаза разбѣгались отъ разнообразія и роскоши зелени, особенно за городомъ, гдѣ разбросаны сингалезскія деревни. Около моря идетъ широкая дорога, сюда публика пріѣзжаетъ любоваться закатомъ солнца въ океанѣ и прибоемъ волнъ. Мѣстами мы останавливались посмотрѣть на пеструю толпу мѣстнаго населенія, кого тутъ нѣтъ—индусы, малайцы, тамиллы, сингалезы, жрецы въ желтыхъ мантіяхъ и еще какое-то племя очень стройное и хорошо сложенное. Сингалезы отличаются прической; ихъ гладко зачесанные назадъ волоса собираются на затылкѣ въ одинъ пучекъ, сверху надѣваютъ высокій круглый гребень, часто въ золотой оправѣ, гребни носятъ только мужчины, вѣроятно для отличія отъ женщинъ, такъ какъ костюмы мужской и женскій почти одинаковы, состоя изъ короткой куртки или кофты и куска бумажной матеріи вокругъ стана.

Недалеко отъ города мы посѣтили главный храмъ, большой дворъ обнесенъ стѣною, въ немъ стоятъ два зданія—въ первомъ огромной высоты желтый Будда (плохой работы) въ состояніи покоя (нирвана), во второмъ Дагоба въ вертящейся башнѣ, украшенной блестками и гербами. Изъ храма насъ повезли въ Cinamum Garden (садъ ко-

---

[1]) Вымпелъ — узкій флагъ въ видѣ ленты, поднимаемый на военныхъ корабляхъ, при возвращеніи домой по существующему обычаю, поднимаютъ вымпелъ, длина котораго равна длинѣ корабля плюсъ 100 футъ за каждый годъ плаванія; на концѣ вымпела пришиваютъ стеклянные шары, чтобы они плавали на водѣ, когда нѣтъ вѣтра.

ричневыхъ деревьевъ), это собственно громадный паркъ съ дачами англичанъ. Въ серединѣ парка стоитъ обширный музеумъ, во время нашего посѣщенія въ немъ было очень мало вещей. Покончивъ осмотръ города и окрестностей, мы въ одинъ изъ слѣдующихъ дней предприняли поѣздку въ Кэнди—древнюю столицу сингалезскихъ королей. Сообщеніе удобное по желѣзной дорогѣ и росписаніе согласовано съ временемъ обѣда.

Первая половина идетъ среди густой тропической зелени, закрывающей видъ на окрестности; около полотна дороги тянется шоссейная дорога.

Вторая половина — гораздо живописнѣе, поѣздъ поднимается на высоту болѣе 1.000 футъ, и ничто не мѣшаетъ глазу любоваться чудными видами на лежащія внизу долины, съ каймой по горизонту, изъ разной формы горъ. Горы не обнажены, какъ въ Австраліи, а покрыты до самой вершины густой яркой зеленью, съ кивающими отъ вѣтра коронами пальмъ и желтѣющими террасами рисовыхъ полей. Кромѣ того, по склонамъ холмовъ раскинуты чайныя и кофейныя плантаціи.

Въ Кэнди поѣздъ приходитъ въ $11^1/_2$ часовъ утра къ завтраку и другой вечеромъ къ обѣду, мы пріѣхали на первомъ. Переодѣлись въ отелѣ и вымылись отъ пыли, досаждавшей въ дорогѣ, позавтракали съ аппетитомъ и сейчасъ же покатили въ колоскахъ въ ботаническій садъ, дорога въ четыре мили тянется непрерывно между предмѣстьями, въ которыхъ каждый домъ окруженъ садомъ съ доходными кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями, бананами и др. пальмами. Ботаническій садъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой Мэхавелли, занимаетъ большое пространство. Первое, что обращаетъ вниманіе—это великолѣпная, разнообразная семья пальмъ, собранная въ одно мѣсто—уходящія въ высь кокосовыя, пальмировыя, арековыя пальмы растутъ рядомъ съ финиковыми, капустными и друг. По аллеѣ вдоль рѣки попадаются чудныя группы бамбуковъ въ видѣ большихъ сноповъ.

Въ пальмировой пальмѣ все идетъ въ дѣло: листья для письма, плодъ въ пищу и на масло, изъ сока получаютъ вино и сахаръ, стволъ для построекъ. Сторожъ, показывавшій садъ, обращалъ наше вниманіе на болѣе интересные сорта деревьевъ: хинныя, коричневыя (дающія корицу), пробковыя, саговыя, перечныя и мускатныя. Интересны ползучія растенія, они какъ бы сѣтями обвиваютъ великановъ лѣса, образуя настоящій колпакъ. Мы видѣли пальму, цвѣтущую разъ въ сто лѣтъ и затѣмъ погибающую.

Изъ сада попали въ тюрьму, не въ наказаніе, а для осмотра, это что-то въ родѣ крѣпости, и сейчасъ же уѣхали дальше.

Зато ничего нѣтъ живописнѣе вида Кэнди съ береговъ небольшого озера, вырытаго послѣднимъ королемъ, оно окружено холмами съ вершинъ которыхъ открываются еще болѣе великолѣпные виды на утопающій въ зелени городъ. На озерѣ находится миніатюрный островокъ съ небольшимъ зданіемъ, служившимъ для помѣщенія гарема короля. Дорога, носящая названіе аллеи лэди Гордонъ, огибаетъ одинъ изъ холмовъ около озера съ восточной обрывистой стороны, съ холма открывается видъ на долину съ текущей между ея скалами рѣкой Мэхавилли. Недалеко отъ озера стоитъ домъ англійской королевы, сингалезскій храмъ, магометанскій и замѣчательный буддійскій храмъ Вихора.

Этотъ храмъ не отличается ничѣмъ по наружности, онъ состоитъ изъ двухъ частей, въ которыхъ потолокъ и стѣны расписаны въ египетскомъ вкусѣ, имѣется много картинъ, изображающихъ мученія грѣшниковъ въ аду. Въ серединѣ массивная дверь была заперта, но золотой ключъ нарушилъ правило, и намъ обѣщали вечеромъ показать знаменитый зубъ Будды. Чтобы не терять времени, мы поѣхали посмотрѣть на священныхъ слоновъ за пять миль отъ героца по чудесной дорогѣ. На одномъ мосту взяли рупію (большая серебр. монета) за проѣздъ, при насъ слоны выходили изъ воды послѣ купанья, они значительно короче другихъ породъ. Въ 5 часовъ вечера вернулись въ отель, а въ 6½ поѣхали навѣстить зубъ Будды. Пришлось ждать, пока подъ звуки тамъ-тама и флейты пришелъ главный жрецъ, онъ далъ благословеніе тремъ другимъ открыть дверь. Пройдя ее, поднялись во второй этажъ. Тутъ большая комната безъ оконъ съ тяжелой, выложенной рѣзной костью дверью, черезъ эту дверь попали въ склепъ. Прямо стоялъ серебряный столъ, на него кладутъ цвѣты, приносимые въ жертву, за нимъ стоитъ желѣзная клѣтка, запертая громаднымъ висячимъ замкомъ, внутри клѣтки поставленъ конусообразный колпакъ (карандуа), покрытый золотыми цѣпями съ драгоцѣнными камнями. Внутри колпака въ нѣсколькихъ золотыхъ ящикахъ (одинъ въ другомъ) хранится зубъ Будды, на поклоненіе которому стекаются массы народа со всѣхъ сторонъ.

Первый зубъ сожженъ, но черезъ нѣсколько времени объявился новый, такъ какъ черезъ него богатѣютъ жрецы. Мы спрашивали, изъ чего сдѣланъ зубъ, жрецъ серьезно отвѣтилъ:

— „О, это настоящей слоновой кости“.

Зажженныя лампы съ кокосовымъ масломъ бросали слабый, мерцающій свѣтъ на окружавшихъ насъ идоловъ, и черныя фигуры живыхъ людей казались въ полумракѣ тоже статуями изъ бронзы.

На обратномъ пути осмотрѣли собраніе древнихъ письменностей сингалезовъ, но это на любителя.

Послѣ обѣда гуляли въ саду въ совершенной темнотѣ теплой, тропической ночи, вдыхая ароматъ цвѣтовъ; несмотря на прелесть ночи, изъ-за усталости поспѣшили улечься спать.

На слѣдующій день утромъ вернулись въ Коломбо. 20-го февраля ушли изъ Коломбо вдоль берега Индостана на сѣверъ; увидѣвъ маякъ и фортъ Alaklada, стали на якорь почти въ открытомъ морѣ дождаться утра. Прибывшій лоцманъ повелъ нашъ паровой катеръ съ офицерами въ Гоа.

Старый и новый Гоа расположенъ по одному берегу рѣки, довольно широкой и мелководной.

Въ новомъ городѣ (ближе къ устью) живутъ торговцы, администрація, и помѣщается госпиталь, а также нѣсколько монастырей.

Старый городъ состоитъ изъ монастырей и церквей, здѣсь хранятся мощи святого Франциска—перваго проповѣдника христіанства въ Индіи и Японіи, мощи его хранятся въ богатой ракѣ.

По улицамъ попадались статуи святыхъ съ крестомъ въ рукахъ, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ. Монахи встрѣчаютъ очень любезно, одѣты чисто, въ длинныя черныя рясы съ маленькой пелериной, шляпа въ родѣ короны съ остріемъ съ боку.

Рѣка живописна, но морское побережье не изобилуетъ растительностью.

Губернаторъ и военное сословіе живутъ въ крѣпости вдали отъ города, пищу получаютъ изъ Бомбея на ежедневно приходящемъ пароходѣ, но въ свѣжій Sw муссонъ довольствуются консервами.

Печальное состояніе Гоа объясняется тѣмъ, что въ немъ хозяева португальцы.

Когда обѣ смѣны офицеровъ побывали на берегу, крейсеръ снялся съ якоря и 26 февраля сталъ на якорь въ Бомбеѣ, очень красивомъ съ моря.

Вся стоянка въ Бомбеѣ ознаменовалась цѣлымъ рядомъ приглашеній:

1 марта были танцы и lown tenni's у офицеровъ King's Own regiment (Собственный короля полкъ), этотъ полкъ считается очень храбрымъ и мало доступенъ. Онъ былъ шефскимъ полкомъ англійскаго короля, по смерти котораго сохранилъ свое старое названіе. Хозяева оказались чрезвычайно любезными, и мы весело провели время.

2 марта этотъ же полкъ далъ обѣдъ, масса чуднаго серебра украшала столъ, покрытый живыми цвѣтами, и обѣдъ былъ не менѣе хорошъ, сами хозяева очаровали своимъ гостепріимствомъ и вниманіемъ.

3 марта съ утра осматривали городъ, какое вездѣ благоустройство, чистота, сколько красивыхъ зданій, особенно общественныхъ. Англичане умѣютъ хорошо устроить, а главное умѣютъ другихъ пріохотить, парсы жертвуютъ деньги и получаютъ титулъ баронета ко взаимному удовольствію.

Бомбей хорошо защищенъ съ моря достаточныхъ количествомъ укрѣпленій, рейдъ освѣщается маяками и, конечно, Ботаническій садъ съ музеумомъ въ большомъ порядкѣ. Только непріятное впечатлѣніе оставляетъ парсское кладбище, гдѣ трупы оставляются на съѣденіе птицамъ, и индусское, на которомъ сжигаютъ трупы; мы долго толковали объ этомъ, пока одинъ изъ насъ не рѣшилъ вопроса:

— „А вы, господа, не ѣздите на кладбище, такъ и не будетъ дурного впечатлѣнія". Кругомъ города много заводовъ—хлопчатобумажные принадлежатъ парсамъ, а желѣзные—англичанамъ.

Вечеромъ обѣдали на транспортѣ „Джумна", это громадный пароходъ, приспособленный для перевозки войскъ, офицеровъ и ихъ семействъ. Каютъ-кампанія занимаетъ треть длины судна, по бокамъ каюты, столомъ завѣдуетъ буфетчикъ отъ казны со своей прислугой.

Послѣ обѣда устроили танцы, пѣніе и музыку, при чемъ одинъ изъ насъ игралъ въ четыре руки съ женой англійскаго офицера. Изъ-за этого обѣда пришлось отказаться отъ приглашенія на обѣдъ къ лейтенанту Swiney, онъ сынъ пастора, жилъ въ Кронштадтѣ и не забылъ русскій языкъ, служитъ въ одномъ изъ полковъ, стоящихъ внутри Индіи.

4 марта у насъ пріемъ съ 4 до 7 часовъ вечера. Съѣхалось много гостей, успѣли потанцовать и проводили гостей фейерверкомъ.

5 марта обѣдали по приглашенію полковника St. Hill и офицеровъ The Prencess of Wales Own Pregiment.

6 марта посѣтили церковную службу Salvation army (армія спасенія), это очень распространенное общество проповѣдниковъ христіанства; они молятся на эстрадѣ и поютъ молитву подъ музыку.

7 марта балъ въ яхтъ-клубѣ къ великому соблазну губернатора, онъ настаивалъ на отмѣнѣ бала вслѣдствіе страстной недѣли, но его не послушали, и онъ вышелъ изъ членовъ клуба.

8 марта, наконецъ, ушли изъ гостепріимнаго Бомбея, командиръ хотѣлъ зайти въ Маскатъ, но времени мало, пришлось отказаться.

17 марта зашли въ Аденъ за углемъ, 25-го ушли изъ Суэца, а 31-го изъ Портъ-Саида, въ которомъ получили подтвержденіе быть 15 мая въ Кронштадтѣ.

Здѣсь же получили приказаніе начальника отряда Средиземнаго

моря идти на островъ Тенедосъ за болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ для доставки его въ Грецію.

Во исполненіе приказа, прибыли 3 апрѣля на Тенедосъ, съ берега привезли телеграмму идти въ Смирну, сейчасъ же снялись съ якоря, и 4 апрѣля въ Смирнѣ у насъ поднялъ флагъ начальникъ эскадры контръ-адмиралъ Чебышевъ.

Въ ожиданіи телеграммы князя надо сообщить небольшой эпизодъ, разсказанный лейтенантъ Р.—„Въ 1876 году, плавая на фрегатѣ „Петропавловскъ“ подъ флагомъ контръ-адмирала Ивана Ивановича Бутакова передъ турецкой войной, мы прибыли съ отрядомъ въ Смирну для защиты грековъ и на страхъ врагамъ. Турки объявили, что отвѣчаютъ за жизнь офицеровъ, только если они будутъ съѣзжать днемъ въ формѣ безъ оружія, но мы не обращали на это вниманія и ѣздили во всякое время. Намъ, гардемаринамъ, особенно нравилось скакать на дикихъ коняхъ по горамъ темными вечерами—это доставляло массу сильныхъ ощущеній.

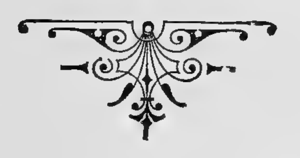
Когда мы съѣзжали днемъ, то насъ приглашали греки къ себѣ, старались угощать, но занимать не могли изъ-за непониманія языка (единицы, полученныя въ гимназіи за греческій языкъ, не привели ни къ чему). Случайно попали въ семью, говорящую по-французски, тутъ мы и оставались, главная приманка была красавица-дочь, прямо рѣдкой красоты. Мой сотоварищъ Александръ П—кій увлекся красотой гречанки, и мы начали ходить къ нимъ каждый вечеръ. На мою долю досталось другая сестра „миленькая“, но зато очень веселая, по правдѣ сказать, для меня было безразлично—я съѣзжалъ постоянно съ А. П. на берегъ и теперь не хотѣлъ его бросать. Наша красавица не на шутку полюбила П—каго, который былъ высокаго роста, красивый и румяный, и отказала своему жениху, надѣясь на А. П—каго. Простоявъ два мѣсяца въ Смирнѣ, мы ушли, А. П. увезъ съ собой карточку гречанки и воспоминаніе о нашихъ веселыхъ вечерахъ, но „съ глазъ съ долой и съ сердца прочь“ примѣнилось вполнѣ, пришли въ Италію, а тамъ черныхъ глазъ свой запасъ, и образъ красавицы постепенно растаялъ, хотя я напоминалъ А. П. о необходимости хоть изрѣдка писать. Бѣдная гречанка оказалась серьезнѣе, она упорно отказывалась отъ замужества, не теряя надежды снова увидѣть дорогого друга, но время шло, а его нѣтъ, и бѣдняжечка, не дождавшись зачахла, какъ чудный цвѣтокъ безъ ухода и умерла отъ чахотки съ карточкой А. П. въ рукахъ, ея послѣднее слово было „Александръ“.

И вотъ, придя черезъ 7 лѣтъ въ Смирну, я немедленно принялся разыскивать эту семью; довольно трудно искать не зная ни фамилію, ни профессію отца и забывъ прежнюю квартиру, но съ помощью

поставщика удалось найти. Конечно, сейчасъ поѣхалъ къ нимъ. Каково же было мое удивленіе сначала и огорченіе потомъ, когда я услышалъ разсказъ о бѣдствіяхъ семьи: прежде богатые люди, совсѣмъ обѣднѣли, родители умерли, старшая сестра (красавица) и братъ тоже; осталась одна, съ которой я постоянно бесѣдовалъ 7 лѣтъ тому назадъ. Она-то мнѣ и разсказала о послѣднихъ часахъ своей сестры, дала пакетъ съ какою-то вещью отъ покойной сестры для передачи А. П., а мнѣ на память золотой карандашъ съ камнемъ; этотъ карандашъ считался у нихъ фамильнымъ и тщательно сохранялся. На меня ужасно подѣйствовала вся эта исторія и разсказъ осиротѣвшей барышни. Вернувшись на крейсеръ, пришлось стоять вахту съ 12 часовъ ночи до 4 часовъ утра, и я, стоя у выходного трапа, написалъ карандашемъ при лунномъ свѣтѣ въ теплую, тихую ночь, письмо своей матушкѣ и, не перечитывая послалъ его на другой день. Впослѣдствіи матушка говорила, что это было лучшее изъ писемъ, къ сожалѣнію, оно потомъ пропало".

В. Рудневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ архива Императорской первой Казанской гимназіи.

Полученъ апреля 23 числа 1767 г.

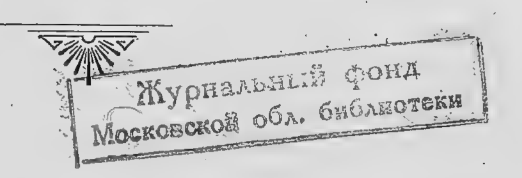
Высокоблагородный и почтенный Господинъ Надворный Совѣтникъ и Казанскихъ гимназій Главный Командиръ.

Въ инструкціи данной отъ Господина Генерала Порутчика Дѣйствительнаго Камергера Куратора и Кавалера Ивана Ивановича Шувалова бывшему Директору Аргамакову между протчимъ въ 22 пунктѣ предписано, въ дворянской 2 разночинской гимназіи смотреть чтобъ каждой пристойно одѣтъ былъ и недозволять ходить въ классъ въ нагольныхъ шубахъ, въ серыхъ коѳтанахъ, въ лаптяхъ и тому подобныхъ пóдлыхъ одѣяніяхъ, вслѣдствіе чего чтобъ и въ Казанскихъ гимназіяхъ, по содержанію оного повелѣнія было наблюдаемо, изволите кому надлежитъ подтвердить дабы въ таковыхъ непристойныхъ одѣяніяхъ въ классахъ отнюдь никто не былъ, а особливо во время имѣющаго быть Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ нынѣшнемъ 1767 году въ Казанѣ присудствія крайнюю употребить въ томъ осторожность и чтобъ ученики а особливо казеннаго содержанія пристойное имѣли платье.

Михайла Херасковъ.

Апреля 3 дня
1767 г.
№ 213.

Сооб. В. Д. Корсакова.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

орую Толстой называлъ своей „чудесной бабушкой“, не прерывалась ихъ „неукладистая ужбища“, какъ выражался Л. Н., и хотя во многомъ они не сходились—графиня была рная, искренно вѣрующая дочь православной церкви,—но, какъ люди одинаковаго левнаго склада и одинаково высокихъ духовныхъ интересовъ, любили другъ друга и рили другъ друга нравственной поддержкой, которой не мѣшали ихъ „безконечные“ ры и размолвки. Образъ „бабушки“ неизмѣнно сопутствовалъ Толстому на всѣхъ яхъ его внутренней жизни, и она была одною изъ самыхъ дорогихъ его привязанно-й. Чѣмъ былъ каждый изъ нихъ для другого, это видно изъ ихъ взаимныхъ признаній. огда у меня въ душѣ безпорядокъ“,—писалъ ей Толстой,—„я при васъ и заочно сты-ь васъ“. „Мнѣ“—говорила графиня—„всегда хочется стать лучше, когда я вижу васъ“. е въ 1858 г. она умѣла оцѣнить ту борьбу, которая, незамѣтно для большинства окру-ющихъ, совершалась въ душѣ Толстого: „сѣмена взошли. Богъ посѣялъ ихъ на такую годарную почву, что они не могутъ заглохнуть. Все, что заграждаетъ путь къ истин-правдѣ, будетъ когда-нибудь устранено... Это строющійся корабль, еще не спущенный воду“... И она мечтала увидѣть, какъ онъ „величаво поплыветъ“; судьба дала ей до-ь до полнаго свершенія этой пророческой надежды. Постоянная антагонистка толстов-го религіознаго ученія, графиня благодѣтельно вліяла на Толстого, осажденнаго, облѣп-наго узкими, злобными сектантами, паразитами его духовной жизни и его мірской вы; одинъ изъ этихъ умниковъ, разсказываетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н., влялъ, напримѣръ, что „не любитъ искупленія“. Когда читаешь ея разсказъ объ этихъ яхъ, съ особенной ясностью понимаешь, отъ кого бѣжалъ Толстой въ свои предсмертные . Но неизмѣнно однимъ изъ лучшихъ благъ жизни, ниспосланныхъ ему свыше, было еніе съ А. А. Толстой. Плодомъ его осталась многолѣтняя переписка. Съ „бабушкой“ стой дѣлился многими завѣтными мыслями и чувствами; въ этой перепискѣ подлинный стой, во весь ростъ, потому что А. А. Толстая была ему, что называется, по плечу. ержаніе переписки столь же богато, какъ творчество Толстого. Изучать Толстого безъ хъ писемъ невозможно. Но этимъ еще не исчерпывается значеніе книги: дорисовывая стого, о которомъ такъ много до сихъ поръ сказано и еще будетъ сказано, она увѣко-иваетъ привлекательный умственный и нравственный обликъ даровитой русской щины. Ея щедрая душа сказалась, вѣроятно, не только въ письмахъ къ Толстому, и удо было бы собрать, пока есть возможность, другія ея письма и личныя воспоми-ія о ней. Вѣчная благодарность ея памяти за красоту ея души и за то добро, которое рила она Толстому, такъ часто одинокому въ своемъ величіи.

Н. Л.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 по 15 сентября 1911 г.

Карѣевъ, Н. Учебная книга новой исторіи. Спб. 1911. Изд. 12-е. Тип. М. М. Ста-евича (Вас. О., 5 л., д. 28). 8° (17×25). VIII+350 стр.+VIII раскраш. картъ. Ц. 1 р. 45 к. ъ 1 ф. 10 л. 7.000 экз.

Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія ть I. Исторія древней русской литературы. Книга вторая. Спб. 1911. Тип. М. М. Ста-евича (Вас. Остр., 5 линія, домъ 28). 8° (16×25). XXII+937 стр. Цѣна 3 рубля. ъ 3 ф. 29 л. 5.050 экз.

Красиянскій, М. Б. Историческій очеркъ г.г. Ростова и Нахичевана н. Д. по нымъ городского музея въ г. Ростовѣ н. Д. (Оттискъ изъ справочной книжки „Ростовъ ичев. н.Д“). Ростовъ н.Д. 1911. Изд. автора. Тип. М. И. Гузманъ. 16° (14×19). 36 стр. р. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Львовичъ, М. Ритуальныя убійства (къ дѣлу Ющинскаго). Спб. 1911. Тип. Л. Я. збурга (Мытнинск., 11). 8° (15×22). 95 стр. Складъ: Спб. (Итальянская, 27) „Разумъ“. 5 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Лѣтописное сказаніе объ избавленіи града Устюжны отъ безбожныхъ ляховъ и нѣм-ь въ 1609 году. Спб. 1911. Тип. „Колоколъ“ (Невскій, 127). 8° (14×21). 12 стр. Вѣсъ 1.000 экз.

Макарій, архим. Описаніе Чудотворной Иконы Святителя Николая Мирликій-о Чудотворца, находящейся въ Новгородскомъ Дворчицскомъ Соборѣ. Извлечено изъ ѣстій Имп. Археологическаго Общества. Вып. 6-й. Спб. 1859 года. Новгородъ 1911. Тип. ернская. 8° (16×22). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Максимовъ, И. Г. Систематическое чтеніе по словесности (Опытъ библіографи-каго указателя для юношества). Тифлисъ. 1911. Тип. Окружного Штаба. 8° (14×21). 500+IV стр. Складъ: Центр. кн. маг. Ц. 90 к. Вѣсъ 21 л. 2.400 экз.

Маляревскій, А., прот. Святитель Іоасафъ, епископъ Бѣлгородскій. Чтеніе съ товыми картинами для школъ и народа (Съ ежечасною молитвою святителя Іоасафа ленко, переложенною на ноты). Спб. 1911. Изд. Кружка почитателей святителя, 3-е. Тип. дникъ“ (Невскій пр., 88). 8° (17×25). 92+4 стр. Съ портр. и 39 рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 9 л. 00 экз.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

